

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
КОМИССИЯ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

INTERNATIONAL COMMITTEE OF SLAVISTS
COMMISSION ON LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY
NATIONAL COMMITTEE OF SLAVISTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ШКОЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

SCIENTIFIC DIRECTIONS AND SCHOOLS IN MODERN SLAVIC LEXICOGRAPHY

Санкт-Петербург
2025

УДК 811.16

ББК 81

Н 34

Утверждено Ученым советом
Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук
и Ученым советом Института лингвистических исследований
Российской Академии наук

Ответственный редактор
М. И. Чернышева

Редакторы
М. И. Чернышева, М. Н. Приёмышева

Рецензенты
доктор филологических наук Т. А. Демешкина
(Национальный исследовательский Томский государственный университет)
доктор филологических наук профессор Н. В. Патроева
(Петрозаводский государственный университет)

Научные направления и школы в современной славянской лексикографии.
Коллективная монография / Отв. ред. М. И. Чернышева. — Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2025. — 236 с.

Международная коллективная монография, подготовленная к XVII Международному съезду славистов, представляет итоги многолетних научных исследований и разработок в области славянской лексикографии, которые привели к формированию научных школ и исследовательских направлений, продолжающих свое развитие в современном виде.

Scientific directions and Schools in Modern Slavic Lexicography. Collective work / Ed. by Margarita I. Chernysheva. — Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2025. — 236 p.

The international collective monograph prepared for the XVII-th International Congress of Slavists presents the results of many years of scientific research and development in Slavic lexicography, which led to the formation of scientific schools and research areas that continue in modern development.

ISBN 978-5-6051894-9-7

DOI: 10.30842/9785605189497

© Коллектив авторов, 2025
© Институт лингвистических исследований
Российской академии наук, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. И. Чернышева</i> Предисловие.....	5
<i>В. Ю. Апресян</i> (Хановер, США) Активный словарь русского языка.....	11
<i>А. А. Баркович</i> (Минск, Беларусь), <i>Л. А. Козловская</i> (Минск, Беларусь) Опыт славистических исследований по лексикографии на филологическом факультете Белорусского государственного университета.....	28
<i>Ж. Ж. Варбот</i> (Москва, Россия) Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд.....	38
<i>Р. Драгићевић</i> (Београд, Србија) Српска школа семантичко-деривационе лексикографије.....	49
<i>Н. Ивановић</i> (Београд, Србија) Научна мисао Константина Бранковића (1814–1865) и њена улога у развоју српске описне лексикографије као модерне научне дисциплине.....	64
<i>С. И. Иорданиди</i> (Москва, Россия) Теоретические основы русского словообразования в работах В. В. Лопатина и И. С. Улуханова.....	77
<i>Л. П. Крысин</i> (Москва, Россия) Русская разговорная речь в лексикографическом представлении.....	98
<i>С. А. Мызников</i> (Москва, Санкт-Петербург, Россия) Русская диалектная лексикография в Санкт-Петербурге (XIX–XXI вв.)...	116
<i>Н. К. Онипенко</i> (Москва, Россия) Вклад Г. А. Золотовой в развитие русской грамматической лексикографии.....	148
<i>A. Perdih</i> (Ljubljana, Slovenija) Leksikografska obravnavo sodobne slovenščine na Inštitutu za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU.....	160
<i>М. Н. Приёмшова</i> (Санкт-Петербург, Россия) Петербургская школа академической толковой лексикографии: этапы формирования методологии.....	171
<i>С. Ристић</i> (Београд, Србија), <i>И. Лазић-Коњик</i> (Београд, Србија) Макроструктура Речника вредности српског језика.....	199
<i>И. О. Ткачева</i> (Санкт-Петербург, Россия) «Словарь русского языка XXI века» под ред. Г. Н. Складневской: от академической традиции к новому типу лексикографирования.....	213
Сведения об авторах.....	233

CONTENTS

<i>M. I. Chernysheva</i> Preface.....	5
<i>V. Y. Apresyan</i> (Hanover, USA) Active Dictionary of the Russian Language.....	11
<i>A. A. Barkovich</i> (Minsk, Belarus), <i>L. A. Kozlovskay</i> (Minsk, Belarus) Experience of Slavic Lexicographical Research on the Faculty of Philology at the Belarusian State University.....	28
<i>Zh. Varbot</i> (Moscow, Russia) Etymological Dictionary of Slavic Languages. Protoslavlic Lexical Stock.....	38
<i>R. Dragičević</i> (Belgrade, Serbia) Serbian School of Semantic-derivational lexicography.....	49
<i>N. Ivanović</i> (Belgrade, Serbia) Konstantin Branković's (1814–1865) Scientific Thought and Its Role in the Development of Serbian Descriptive Lexicography as a Modern Scientific Discipline.....	64
<i>S. I. Iordanidi</i> (Moscow, Russia) Theoretical Basis of Russian Word-Formation in the V. V. Lopatin's and I. S. Ulukhanov's Works.....	77
<i>L. P. Krysin</i> (Moscow, Russia) Russian Colloquial Speech in Lexicographic Representation.....	98
<i>S. A. Myznikov</i> (Moscow, St. Petersburg, Russia) Russian Dialect Lexicography in St. Petersburg (19th – 21st centuries).....	116
<i>N. K. Onipenko</i> (Moscow, Russia) G. A. Zolotova's Contribution to the Development of the Russian Grammar Lexicography.....	148
<i>A. Perdih</i> (Ljubljana, Slovenia) Lexicographical Treatment of Contemporary Slovenian at the Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language ZRC SAZU.....	160
<i>M. N. Priemysheva</i> (St. Petersburg, Russia) The St. Petersburg Tradition of Academic Explanatory Lexicography: Stages of Methodology Formation.....	171
<i>S. Ristić</i> (Belgrade, Serbia), <i>I. Lazić Konjik</i> (Belgrade, Serbia) Macrostructure of the Axiological Dictionary of the Serbian Language.....	199
<i>I. O. Tkacheva</i> (Saint-Petersburg, Russia) The Dictionary of the 21th Century Russian Language Ed. by G. N. Sklyarevskaya: From Academic Tradition to a New Lexicographic Paradigm.....	213
Information about the authors.....	233

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новый коллективный труд Комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов (МКС) **«Научные направления и школы в современной славянской лексикографии»**¹ подготовлен к XVII Международному съезду славистов. Это вторая работа Комиссии, созданная к этому съезду. Предыдущая коллективная монография «Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии» была издана в 2022 году².

Таким образом, за первую четверть XXI века Комиссия по лексикологии и лексикографии подготовила четыре крупных работы: «Славянская лексикография» (2013)³, «Лексикология и лексикография славянских языков» (2017)⁴, «Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии» (2022)⁵ и представляемый труд — «Научные направления и школы в современной славянской лексикографии».

В общей сложности в создании этих четырех книг приняли участие 87 исследователей (членов Комиссии и коллег, приглашенных для разработки соответствующей темы)⁶.

В каждом из указанных трудов был представлен свой аспект описания славянской лексикологии и лексикографии, однако постоянно сохранялась преемственность и связь разработок Комиссии между собой. Это определено не только тем, что в них в целом сохраняется состав участников, но и тем, что новый ракурс рассмотрения латентно присутствует, намечен или даже представлен в предшествующих трудах, так что каждая следующая книга является продолжением одного или нескольких предыдущих.

В первой книге Комиссии 2013 г. на фоне описания истории развития и современного состояния славянских национальных лексикографий ставились и решались вопросы теоретической направленности; были представлены итоги, перспективы и новые достижения в этой научной области. Одним из показателей этого труда было включение значительного объема научной литературы, что определило его отчасти энциклопедическую составляющую.

¹ Новая тема, первоначально сформулированная как «Славянские школы лексикологии и лексикографии», была принята 25 октября 2023 г. на заседании Комиссии по лексикологии и лексикографии (в рамках III Всероссийского совещания славистов, посвященного 300-летию Российской академии наук).

² Дата проведения съезда вместо ожидаемого 2023 г. была перенесена на 2025 г.

³ Славянская лексикография / Отв. ред. М. И. Чернышева. Москва: Азбуковник, 2013 (далее: Славянская лексикография). Этой коллективной монографии предшествовала подготовка научных материалов «Теория и история славянской лексикографии», изданных для обсуждения малым тиражом к XIV Международному съезду славистов в Македонии в 2008 г.

⁴ Лексикология и лексикография славянских языков / Отв. ред. М. И. Чернышева. Москва: ЛЕКСРУС, 2017 (далее: Лексикология и лексикография).

⁵ Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии / Отв. ред. М. И. Чернышева. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2022 (далее: Современное развитие...).

⁶ В подготовке приложений к трудам 2013 и 2017 гг., включающих переводы на русский язык, участвовали 12 переводчиков.

Во втором труде 2017 г. были показаны разработки — в области сравнительной лексикографии славянских языков (первая тема) и — в сфере исторической лексикологии (вторая тема). В предыдущем труде указанная первая тема уже была представлена в работе Ж. Финк-Арсовски, написавшей о хорватско-славянском словаре сравнительных фразеологизмов⁷, и в очерке Р. Драгичевич и М. Стефанович о славянской ассоциативной лексикографии⁸. Что касается второй темы, она теоретически осмыслена А. А. Поликарповым в книге 2013 года (исследование «Модель жизненного цикла знака: к теоретическим основаниям исторической лексикологии и дериватологии»)⁹.

Третий труд Комиссии 2022 г. был посвящен двум темам: теоретическому осмыслению неалфавитной лексикографии и описанию разработок в области тематической, идеографической, семантической, аксиологической и др. лексикографий как способам изучения и описания лексики славянских языков (первая тема), а также уникальным и новым лексикографическим проектам (вторая тема). Уже в первом труде Комиссии 2013 г. чешские коллеги З. Гладка и О. Мартинцова отметили в современной чешской лексикографии ориентацию на создание специальных словарей¹⁰. Сходным образом во втором труде 2017 г. находится исследование А. Зайды, содержащее скрупулезное тематическое описание польской лексики в диахронии¹¹. Кроме того, в очерке словацкой исследовательницы И. Валентовой отмечена новая тенденция в лексикографии, когда после завершения алфавитного словаря исследователи переходят к тематической группировке лексики¹².

Новая, четвертая, книга Комиссии **«Научные направления и школы в современной славянской лексикографии»** демонстрирует итоги многолетних научных исследований и разработок в славянской лексикографии, которые привели к формированию научных школ и исследовательских направлений, продолжающих свое развитие в современном виде. Не представляется возможным полностью осветить указанную тему, поскольку она требует более масштабного воплощения, тем не менее была сделана попытка показать несколько важных направлений и школ в славянской лексикографии. Довольно много информации на эту тему содержится также в первой книге Комиссии **«Славянская лексикография»** (2013).

По наблюдению специалистов, многообразные новые направления научных исследований за короткое время становятся самостоятельными научными дисциплинами. Они могут быть порождены фундаментальной лексикографией¹³, — наоборот, «любая лингвистическая идея может быть оформлена и представлена лексикографически» — отсюда «феноменальное научное явление... — разнообразие словарей,

⁷ Славянская лексикография. С. 373–389.

⁸ Там же. С. 390–404.

⁹ Там же. С. 679–702.

¹⁰ Славянская лексикография. С. 366.

¹¹ Лексикология и лексикография... С. 277–332.

¹² В данном случае — иноязычной лексики (Там же. С. 375).

¹³ Ср.: Складаревская Г. Н. Современная русская лексикография: достижения и лакуны // Славянская лексикография. С. 587.

отражающих все аспекты существования, развития и функционирования языка»¹⁴.

Сложившееся направление может привести не только к созданию дисциплины, но и научной школы, — если оно показало свою значимость и плодотворность во времени, а также если существовали (какое-то время) или существуют до сих пор ее продолжатели.

Свое наполнение понятия школы в нашем труде сформулировал Н. Иванович, в русском переводе это звучит следующим образом: «Школу лексикологии и лексикографии можно рассматривать как теоретическое направление — систему идей и методов, присущую одному сообществу лексикографов, т. е. языковых экспертов, которые следуют тем же лингвистическим принципам. Такое сообщество связано с различными формами традиции: с концептуальной, через единую модель языка, рассматриваемого в словаре; затем — с методологической формой — через лингвистические процедуры обработки слов в словарной практике; с культурной — с точки зрения культурного уровня языкового сообщества, представленного в словаре, и с институциональной, в форме поддержки академическими институтами реализации лексикографических проектов... В этом смысле понятие школы можно понимать как специфическое научно-интеллектуальное движение с устоявшейся традицией, четким методологическим подходом к языку и институциональной поддержкой, результаты которого отражаются в создании определенных типов словарного описания»¹⁵.

Как и в предыдущих трудах, указанная в титуле тематика уже раскрывалась (хотя и с другой целью) в третьей книге Комиссии 2022 г., где находятся: очерки руководителя Уральской семантической школы Л. Г. Бабенко¹⁶ и Е. А. Юриной¹⁷, представителя Томской лексикографической школы¹⁸; исследование А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, разработчиков современного направления фразеологической и идеографической лексикографии; очерк А. С. Белоусовой, ученицы Н. Ю. Шведовой, под руководством которой развивалось направление семантической и идеографической лексикографии русского языка¹⁹; работа ведущего болгарского лексиколога и лексикографа В. Радевой, под руководством которой создается «Идеографический диалектный словарь болгарского языка»²⁰ и др.

Совершенно очевидно, что обозначенная в заголовке книги тематика предполагает личностный аспект²¹, независимо от того, был ли основоположником на-

¹⁴ Там же. С. 588.

¹⁵ Он продолжает: «В истории сербской лексикографии такое движение связано с понятием Белградской лексикографической школы, то есть для теоретических и прикладных условий создания словаря сербско-хорватского литературного и народного языка SANU и словарей, созданных по его образу». Подробнее — см. ниже в статье Н. Иванова «Научна мисао Константина Бранковића (1814–1865) и њена улога у развоју српске описне лексикографије као модерне научне дисциплине».

¹⁶ Современное развитие... С. 15–37.

¹⁷ Там же. С. 195–218.

¹⁸ Подробнее см. сайт лаборатории Томской лексикографической школы <https://losl.tsu.ru/?q=node/6>

¹⁹ Там же. С. 50–60.

²⁰ Там же. С. 149–162.

²¹ В качестве одного из примеров можно напомнить роль Леонтия Васильевича Копецкого,

правления (школы) один человек или их было больше, а также в случае, если научное направление (школа) формировалась в течение долгого времени и ее облик определила плеяда ученых.

Этому аспекту посвящено подробное исследование М.Н. Приёмышевой «Петербургская школа академической толковой лексикографии»²², создателями которой были видные ученые своего времени. Автор показывает, как происходило формирование этой академической школы, во многом обусловившей дальнейшее развитие толковой лексикографии в нашей стране.

Фундаментальное описание формирования и развития русской диалектной лексикографии XIX–XXI вв. находится в исследовании С.А. Мызникова. Эта работа демонстрирует ведущую роль ученых Санкт-Петербурга в развитии отечественной диалектной лексикографии; при этом представленная в статье информация и ее интерпретация выходят далеко за обозначенные автором пределы.

Научное направление, созданное Ю.Д. Апресяном, представлено в работе его дочери В.Ю. Апресян, продолжающей подготовку и издание «Активного словаря русского языка», созданного на теоретических основаниях, разработанных ее отцом, Ю.Д. Апресяном. Исследование В.Ю. Апресян представляет интерес еще и потому, что в первой книге Комиссии «Славянская лексикография» находится два очерка самого Юрия Дерениковича: «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка»²³ и «Теоретические основы активной лексикографии»²⁴. Таким образом, работа В.Ю. Апресян демонстрирует образец сохранения преемственности и развития идей основоположника научного направления.

Преемственность связывает еще двух лексикографов. В первой книге Комиссии «Славянская лексикография» находится фундаментальная работа Г.Н. Складневской «Современная русская лексикография: достижения и лакуны»²⁵. Поиску новых подходов при создании словарей современного русского языка, а также предложенному Г.Н. Складневской обращению от традиционного алфавитного к содержательному принципу описанию лексики, полному отказу от бумажного издания и переходу к изданию электронному посвящен очерк И.О. Ткачевой, ученицы Г.Н. Складневской, продолжающей ее деятельность.

Еще один образец научной преемственности представлен в очерке Н.К. Онипенко, продолжательницы и ученицы Г.А. Золотовой, где показана реализация идеи интегрального подхода в лексикографии, определено значение ее «Синтаксического словаря» и описан неосуществленный проект «Функционального словаря русских глаголов».

который «разработал методологию создания двуязычных словарей славянских языков и выдвинул основные принципы лексикографической работы» (подробнее: *Крейчиржова И.* Чешско-русские и русско-чешские словари: история и современность // *Лексикология и лексикография*. С. 86).

²² Ср. также: Научные школы Института лингвистических исследований РАН. Коллективная монография, посвященная 300-летию Российской академии наук / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Санкт-Петербург, 2024.

²³ Славянская лексикография. С. 445–470.

²⁴ Там же. С. 471–481.

²⁵ Там же. С. 579–615.

Личностный аспект рассмотрения присутствует также в очерке С.И. Иорданиди, посвященном анализу теоретических основ описания русского словообразования в трудах В.В. Лопатина и И.С. Улуканова. Автор показывает, как теоретические постулаты, представленные в научных исследованиях этих ученых, реализовались лексикографически — в фундаментальном «Словаре словообразовательных аффиксов русского языка» 2016 г.

Л.П. Крысин в своей статье показал теоретические основания и лексикографические возможности лексикона нового типа, осуществленные в пятитомном «Толковом словаре русской разговорной речи» (2014–2022), углубив и расширив таким образом концепцию представителей Московской социолингвистической школы.

Исторический ракурс исследования находится в двух очерках сербского ученого Н. Ивановича, где он продолжает рассмотрение истории сербской лексикографии, связывая ее становление и развитие с философскими идеями своего времени и с личным вкладом выдающихся ученых. Первый очерк был посвящен сербскому лексикографу Владану Арсеньевичу и его уникальному тематическому словарю²⁶, а нынешний — Константину Бранковичу, работы которого способствовали формированию современной дескриптивной лексикографии.

Ж.Ж. Варбот, — под руководством которой продолжается подготовка и издание «Этимологического словаря славянских языков» (ЭССЯ), основанного, теоретически осмысленного и методологически обеспеченного О.Н. Трубачевым, — вместе с историей формирования коллектива Словаря, показала преемственность в этимологических разработках сотрудников Словаря и своих учеников, а также представила яркие примеры праславянских (предполагаемых) диалектизмов из рукописи подготовленного к печати 43-го выпуска ЭССЯ.

Статья Р. Драгичевич описывает теоретические основы сербской школы семантико-деривационной лексикографии, основоположником которой была проф. Даринка Гортан Премк. Анализируемый в работе «Сербский семантико-деривационный словарь», в соответствии с концепцией проф. Д. Гортан Премк, понимается как инструмент лексикологических исследований. Основная, исходная, идея ее школы состоит в том, что словообразование — это лексикологическая дисциплина, а не только морфологическая. Приведенные в статье указания на исследования самой Р. Драгичевич и на работы других представителей этой школы являются ярким показателем ее сохранения и развития.

Преемственности традиций в белорусской лексикографии (на примере деятельности сотрудников кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета как одного из ведущих славистических центров) посвящена статья А.А. Барковича и Л.А. Козловской, в которой авторы отдают дань уважения Адаму Евгеньевичу Супруну, создавшему вместе с Н.С. Можейко многотомный «Частотный словарь белорусского языка». Авторы очерка отмечают, что осуществляемая в Белорусском университете научная работа «при ярко выраженной этнонациональной специфике — активно интегрирована в процесс междунациональных славистических исследований».

²⁶ Современное развитие... С. 120–132.

Сербские специалисты С. Ристич и И. Лазик-Коник продолжают развитие аксиологического направления в лексикографии. Это их вторая статья²⁷, посвященная созданию «Словаря ценностей сербского языка» («Речник вредности срpskog jezika»), в которой авторы демонстрируют идеографически организованную макроструктуру словарных статей и приводят общелингвистические, концептологические и концептографические результаты своей работы, проведенной с учетом постулатов Люблинской когнитивно-этнолингвистической школы и российских разработок в области славянской ассоциативной лексикографии и др.

Теперь мы подходим к историческому рубежу, который знаменует собой переход от традиционных лексикографических форм к новым способам обработки и представления словарного материала. Информация об этом явлении находится во всех книгах Комиссии²⁸.

Так, в труде 2017 г. в очерке И. Крейчиржовой сообщается о создании Русско-чешской электронной словарной базы данных²⁹. В следующей книге Комиссии хорватские исследователи В. Ковачевич и К. Льюс сообщили об электронных словарях, подготовленных в Институте хорватского языка и лингвистики³⁰. В этом же труде находится описание трех новых чешских интернет-проектов, включающих электронный словарь, лексическую базу и «Сетевой словотолк»³¹. Здесь же словенский исследователь А. Пердих описал педагогический портал *Franček*. В своей новой работе выходящего труда Комиссии он показал развитие лексикографии в Институте словенского языка им. Франа Рамовша Словенской академии наук в целом и представил результаты современных лексикографических разработок в виде онлайн-порталов словарей, баз данных, корпусов (например: *Gigafida* — справочный корпус словенского языка), портала *Fran* и специального педагогического портала *Franček*.

Все вместе взятое подводит нас к новой цели, которая видится в результате подготовки четырех книг — на основе информации, находящейся во всех разработках Комиссии, следовало бы перейти к созданию электронного портала по славянской лексикологии и лексикографии.

М. И. Чернышева (Россия),
председатель Комиссии по лексикологии
и лексикографии при МКС

²⁷ Первую статью этих авторов — см.: Современное развитие... С. 355–368.

²⁸ Например, о работе с электронной базой данных «Активного словаря русского языка» — см. ниже в статье В. Ю. Апресян.

²⁹ Лексикология и лексикография. С. 89–92.

³⁰ Современное развитие... С. 285–287.

³¹ Нейедлы П., Шимек Ш., Вайдлова М. Интернет-проекты Института чешского языка АН ЧР, посвященные исторической лексикографии // Там же. С. 308–324.

АКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. Ю. АПРЕСЯН

Дартмутский колледж

(Хановер, США)

<https://orcid.org/0000-0003-1348-2224>

valentina.apresjan@gmail.com

В статье представляются принципы Активного словаря русского языка (АС). Цель Активного словаря — сообщение такого объема сведений о каждом слове, который необходим не только для его понимания, но и для его правильного использования в собственной речи говорящих. В силу этого АС имеет более ограниченный словник, нежели словари, ориентированные на пассивное понимание языка, однако содержит полную информацию о всех лингвистически существенных свойствах слова, а именно, о его грамматических формах, о всех его значениях и употреблениях, о его лексикализованной просодии, о его управлении и синтаксических конструкциях, о его лексико-семантической сочетаемости, о прагматических условиях его употребления, о его «лексическом мире» (синонимах, аналогах, антонимах, дериватах и других семантически связанных с ним словах). Кроме того, каждое значение слова иллюстрируется его употреблениями из литературы и публицистики. Активный словарь русского языка опирается на достижения современной теоретической лингвистики и ставит своей целью систематическое описание лексики с опорой на так называемые лексикографические типы — группы слов, которые обладают общими семантическими и грамматическими свойствами и в силу этого требуют единообразной лексикографической трактовки. В статье обсуждается двадцатилетний опыт работы над АС, а также возможность и примеры использования электронной базы Активного словаря русского языка в качестве самостоятельного инструмента лингвистического исследования.

Ключевые слова: активный словарь, лексикографический тип, инструмент лингвистического исследования, значение, управление, конструкции, просодия.

ACTIVE DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

V. Y. APRESYAN

Dartmouth College

(Hanover, USA)

The article presents the principles of the Active Dictionary of the Russian Language (AD). The goal of the Active Dictionary is to provide such an amount of information about each word that is necessary not only for its understanding but also for its correct use by the speakers. As a result, the AD has a more limited word list compared to dictionaries aimed at passive language comprehension. However, it contains complete information about all linguistically significant properties of a word, namely: its grammatical forms, all its meanings and usages, its lexicalized prosody, its syntactic properties, its collocations, its pragmatics, and its “lexical world” (synonyms, analogs, antonyms, derivatives, and other semantically related words). Additionally, each meaning of a word is illustrated with examples of its usage from literary or media texts.

The Active Dictionary of the Russian Language is based on the achievements of modern theoretical linguistics and aims at a systematic description of the lexicon, relying on so-called lexicographic types — groups of words that share common semantic and grammatical properties and

therefore require a uniform lexicographic description. The article also discusses the use of the electronic database of the Active Dictionary of the Russian Language as an independent tool for linguistic research, along with examples of its application.

Keywords: active dictionary, lexicographic type, linguistic research tool, meaning, government, constructions, prosody.

1. Принципы активных словарей

В своем предисловии к «Перспективу Активного словаря русского языка» (Апресян и др. 2010: 17–18), руководитель, вдохновитель, автор и многолетний редактор Активного словаря Ю. Д. Апресян пишет: «пассивные словари предназначены для того, чтобы обеспечить понимание текстов на данном языке», «активные словари предназначены для того, чтобы обеспечить нужды говорения, или, более широко, нужды производства текстов». Для того чтобы обеспечить нужды говорения, в Активный словарь включается как можно более полная информация о слове — обо всех его формах и значениях, обо всех лексикализованных особенностях — морфологии, синтаксисе, семантике, просодии, сочетаемости, «лексическом мире» (семантически близких словах), о фраземах, в которые он входит. Иными словами, дается всесторонний *лексикографический портрет* слова (Апресян 2006, 2009а). При этом включение лингвистического материала в словарную статью происходит в соответствии с теоретическими установками *системной лексикографии*. Идеальный словарь существует в неразрывной связи с грамматикой, и в рамках *интегрального описания языка* в словарь попадает та информация, которая не регулируется общими грамматическими и семантическими *правилами* (Апресян 1995, 2006). При этом, в силу системности организации лексики и семантической мотивированности многих языковых свойств слов, слова со схожей семантикой часто обладают и другими общими свойствами — например, морфологическими, синтаксическими, просодическими, складываясь в *лексикографические типы* (ЛТ), которые требуют единообразного описания в словаре (Апресян 2006, 2009а).

Приведем в качестве примера лексикографический тип ‘выделяться благодаря своему цвету’, в которой входят слова типа *белеть, чернеть, голубеть, розоветь, темнеть, светлеть* и пр. (V. Apresjan 2011, В. Апресян 2023). Все слова этого ЛТ в Активном словаре имеют единообразное толкование в данном значении: ‘На некотором отдалении в месте А2 сквозь какое-то препятствие или на каком-то фоне виден белый / черный / голубой / розовый / темный / светлый А1’. Данное толкование объясняет, почему слова данного ЛТ не употребляются в контекстах типа *‘Прямо перед ним белели три березы*, где предполагается отсутствие расстояния между наблюдателем и объектом. Взгляд наблюдателя (Апресян 1986) предполагает некоторую особую оптику и фокусировку: все слова, в значение которых входит указание на наблюдателя, — *маячиться, виднеться, вырисовываться, возникать, белеть, показаться, красоваться* и пр. включают указание на нечто большее, чем простое восприятие объекта какого-л. цвета или с какими-либо контурами. Наблюдатель вводит идеи расстояния, заметности, эстетической оценки — что также объясняет стилистическую окрашенность всех слов данного ЛТ: все они

имеют в данном значении стилистическую помету *наррат.* (нарративное) и практически не встречаются вне художественных текстов.

Наличие валентности A2 в толковании объясняет невозможность употребления слов данного ЛТ без указания на место: Нельзя сказать **Белели березы, *Краснели маки*: валентность места A2 требует обязательной синтаксической реализации. Наличие в значении семантических компонентов 'сквозь какое-то препятствие' или 'на каком-то фоне' объясняют характер восприятия, описываемого словами данного ЛТ: объекты воспринимаются благодаря своему контрасту с фоном или препятствием: *белеть можно в темноте, чернеть — сквозь туман* и т. д.

Идея заметности объясняет и общие для данного ЛТ синтаксические особенности: слова данного ряда употребляются в конструкции с творительным падежом, указывающим на ту часть, благодаря которой объект выделяется на некотором фоне: *Всю осень шли посадки, доделывался, украшался и топился новый, прекрасный дом, еще пахнувший досками, стружкой, глиной и дымом, еще сырой, необычно гулкий, пустой, необжитой, но уже смотревший в багряные дали большими своими окнами, уже заманчиво белеющий издалика, краснеющий крутой черепичной крышей, уже сиявший светом далеко за полночь* [Юрий Казаков. Наброски рассказов (1960–1970)].

Еще одна синтаксическая особенность данного ЛТ — инверсия подлежащего и сказуемого: *В траве желтели лютики*, но не *?Лютики желтели в траве* или *?В траве лютики желтели*; вторая и третья фраза возможны только в контексте контраста и противопоставления. Эта особенность также мотивирована семантически. Дело в том, что глаголы данного ЛТ экзистенциальны: в отличие от прилагательных-цветообозначений или глаголов со значением изменения цвета (*Яблоки потихоньку краснели*), они указывают не на цвет, а на наличие объекта определенного цвета в каком-то месте. В этом смысле они не отличаются от других экзистенциальных глаголов — например, *водиться* (*Тут водятся олени*) или *стоять* (*У стола стояло три стула*) — все они указывают на наличие объекта и все они требуют обратного порядка слов. Наконец, еще одна особенность глаголов этого ЛТ, связанная с экзистенциальной семантикой, синтаксисом и коммуникативной структурой предложения — невозможность нести на себе фразовое ударение: так, можно сказать *Яблоки уже КРАСНЕЛИ* (с акцентным выделением), но не *?На деревьях КРАСНЕЛИ яблоки* (вне ситуации контраста, фразовое ударение падает на обозначение объекта — в данном случае *яблоки*).

Таким образом, каждый лексикографический тип получает — в идеале — единообразное описание в Активном словаре, отражающее все релевантные и значимую семантически мотивированные языковые свойства входящих в него слов.

В «Проспекте Активного словаря» Ю. Д. Апресян подробно рассматривает историю активных словарей, формулирует принципы их составления с установкой на интегральное описание языка и системную лексикографию, обосновывает уникальное место Активного словаря русского языка в отечественном словарном деле, а также предлагает подробнейшую, более чем 100-страничную Инструкцию по составлению АС. В «Проспекте» также приводятся образцы словарных статей

и рассматриваются различные лексикографические типы и их трактовка в АС: речевые глаголы и травмы (М. Я. Гловинская), пространственная и временная лексика, а также лексика со значением причины (О. Ю. Богуславская), мереологическая лексика (И. В. Галактионова), многозначные антонимичные прилагательные (Е. Э. Бабаева), лексика со значением нападения и защиты, а также высокой и низкой температуры (Т. В. Крылова), лексика полей 'личность' и 'жалость' (И. Б. Левонтина), лексика со значением 'звук голоса', 'отсутствие звука', 'наличие–отсутствие света', 'постройки' (А. В. Птенцова), слова со значением частей населенных пунктов и атмосферных осадков (Е. В. Урысон), лексика со значением организаций, уступительности, соответствия действительности, малого количества и степени (В. Ю. Апресян), лексика полей 'позор', 'мебель' и 'певческие голоса' (А. В. Санников). Кроме того, ранее, в коллективной монографии 2006 года, посвященной интегральному описанию языка и системной лексикографии, были рассмотрены некоторые другие ЛТ — слова, относящиеся к этикету и этике, слова со значением целеполагания и др. — отсылаем читателя к этой работе.

Помимо «Проспекта» и уже упоминавшихся работ, Активному словарю посвящены также некоторые другие работы Ю. Д. Апресяна — например, Апресян (2008, 2009б). Многие из отраженных там идей и принципов были предварительно сформулированы Ю. Д. Апресяном уже в работе 1995 года, посвященной интегральному описанию языка и системной лексикографии (Апресян 1995). Поэтому в данной статье мы лишь кратко опишем структуру словарной статьи Активного словаря и приведем образец описания одной лексемы многозначного глагола *идти*, и более подробно сосредоточимся на подведении некоторых предварительных итогов работы над АС.

За более чем двадцать лет работы над Активным словарем русского языка словарным коллективом Сектора теоретической семантики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН было написано 3867 словарных статей, которые были опубликованы в виде пяти выпусков Активного словаря — выпуски А–Б и В–Г (2014), выпуск Д–З (2017), выпуск И–Й (2023), выпуск К (2024). Практически готов к печати выпуск Л, написана большая часть словарных статей на букву М. Накопленный материал позволил сделать многочисленные теоретические наблюдения, в высокой степени унифицировать и систематизировать подачу лексикографических типов, а также оценить, какие исследовательские возможности предоставляет Активный словарь, особенно в виде электронной базы данных, снабженной различными видами поиска.

2. Словарная статья Активного словаря русского языка

Структура словарной статьи Активного словаря включает в себя многочисленные «зоны»: «шапка» с морфологическими формами и пометами, значение с примерами, комментарии к значению (где, среди прочего, рассматриваются употребления, еще не приобретшие статус отдельных значений), управление, комментарии к управлению, конструкции, сочетаемость, иллюстрации, служебные зоны — синонимы, аналоги, антонимы, конверсивы, дериваты; если слово многозначное и имеет

пять или более значений — в начале статьи дается синопсис, или краткий обзор всех значений. В значении для предикатных слов, т. е. слов, которые имеют семантические валентности (актанты, аргументы) дается так называемый сентенциальный вход — фраза, иллюстрирующая синтаксическое выражение семантических валентностей, которые обозначаются буквами с номерами — А1, А2 и т. п., в зависимости от числа валентностей. Не всякая словарная статья имеет все зоны — обязательными являются только «шапка», примеры, значение и иллюстрации. Некоторые статьи являются отсылочными — как правило, это формы СОВ или НЕСОВ глагола, которые отсылают к той статье, которая является основной. Приведем в качестве примера описания вход и синопсис глагола *идти* (у которого выделяется 37 значений, организованных в 14 блоков), а также описание его первого значения; словарная статья была написана Ю. Д. Апресяном и опубликована в выпуске И–Й (2023). Лексема (т. е. слово в одном из его значений) **идти 1.1** имеет пять семантических валентностей, каждая из которых может быть выражена синтаксически. Статья **идти 1.1** содержит практически все возможные зоны и может служить хорошей иллюстрацией теоретических и практических принципов Активного словаря русского языка.

ИДТИ́, ГЛАГ; *иду́, идёт*, ПРОШ *шёл, шла*, ПРИЧ ДЕЙСТВ НАСТ *иду́щий*, ПРИЧ ДЕЙСТВ ПРОШ *ше́дший*, ДЕЕПР *идя́* и *уходящ. идучи* [обычно в **1.1**]; НЕСОВ; СОВ нет, кроме **1.1, 2.1, 2.2, 2.3, 2.4, 6, 7.1, 7.2, 8.2, 9.3, 11.2** [СОВ *пойти*], **10.1, 10.2, 14** [СОВ *прийти*].

идти 1.1 ‘перемещаться шагом’: *идти к реке; Люди все шли и шли.*

идти 1.2 ‘бежать’: *Сначала бегуны шли плотной группой; Кобыла шла плавной рысью.*

идти 1.3 ‘перемещаться на чем-л.’: *идти на воздушном шаре <на веслах, под парусом>.*

идти 1.4, перен. ‘развиваться в определенном направлении’: *Страна идет к катастрофе.*

идти 1.5, перен. ‘занимать определенное место в последовательности’: *«Спартак» идет третьим.*

идти 2.1 ‘поступать, наниматься’: *идти в институт; идти в армию.*

идти 2.2 ‘совершать поступок’: *идти на хитрость <на преступление>; Он на это не пойдет.*

идти 2.3, перен. наррат. ‘совершать враждебные действия’: *Брат шел против брата.*

идти 2.4 ‘делать ход в игре’: *Чемпион мира пошел королевской пешкой.*

идти 3.1 ‘перемещаться’ [о транспортном средстве]: *Самолеты шли на небольшой высоте; Поезд идет по расписанию.*

идти 3.2, (наррат.) ‘перемещаться или распространяться в пространстве’: *Несколько дней по реке шел лед; Тучи идут по небу.*

идти 3.3 ‘быть доставляемым’: *Из Средней Азии на север идет хлопок.*

идти 3.4 ‘накапливаться’: *Тебе проценты идут; Деньги идут на сберкнижку.*

идти 4.1 ‘вытекать’: *Вода идет <не идет>; Из ранки шла кровь.*

идти 4.2 ‘распространяться в окружающем пространстве’: *Из трубы шел дым; От печки идет тепло; Из подвала шел неприятный запах; С площади шел многоголосый гул.*

идти 4.3 ‘иметь причиной’: *Это идет у него от недостатка культуры.*

идти 5, разг. ‘проникать’: *Гвоздь не идет в стену.*

идти 6, разг. ‘разрастаться в одной из своих частей’: *Картофель пошел в ботву; Петрушка идет в корень.*

идти 7.1 ‘предназначаться’: *Эти вещи идут на продажу <в чистку>.*

идти 7.2 ‘требоваться для чего-л., расходоваться на что-л.’: *На платье идет в среднем три метра материи.*

идти 7.3, разг. ‘продаваться, пользоваться спросом’: *идти по рублю штука; Хорошо идут книги серии «Жизнь замечательных людей».*

идти 8.1 ‘гармонировать, соответствовать’: *Кокетство ей не идет; Тонкий голос совсем не шел к его массивной фигуре.*

идти 8.2 ‘быть к лицу’: *Ей идет новая кофточка.*

идти 9.1 ‘пролегать в пространстве определенным образом’: *Все тропки идут к морю; Шоссе идет по пологому склону горы.*

идти 9.2 ‘быть видным на поверхности’: *Через все его лицо шел глубокий шрам.*

идти 9.3, наррат. ‘покрываться’: *идти пятнами.*

идти 9.4 ‘двигаться по поверхности’: *По воде шли круги.*

идти 10.1 ‘наступать, надвигаться’: *Идет зима.*

идти 10.2 ‘начинаться’: *Сон все не шел.*

идти 11.1 ‘течь, протекать’ [о времени и отрезках времени]: *Годы идут.*

идти 11.2 ‘начаться некоторое время назад’: *Шел <идет> третий год войны.*

идти 12 ‘функционировать’ [о часах]: *Будильник идет неточно.*

идти 13.1 ‘происходить’: *Идут экзамены; Переговоры идут вторую неделю.*

идти 13.2 ‘демонстрироваться’: *Что идет в Малом театре?; В Ударнике идет «Покаяние».*

идти 13.3 ‘продвигаться’: *Как идут дела?*

идти 13.4 ‘иметь место, падать’ [об осадках]: *Идет дождь <град, снег>.*

идти 14 ‘доставаться’ [о картах, получаемых в процессе игры]: *Карта идет <не идет>.*

идти 1.1, СОВ *пойти* [только в форме 1-Л МН БУД в значении приглашения к совместному действию и в форме ПОВЕЛ *пойди, пойдите* и разг. *поди, подите, пойдемте: Пойдем в кино; Пойди <поди> сюда, я кое-что тебе покажу*]; ПОВЕЛ ОТРИЦ *не ходи, не ходите: Не ходи <не ходите> сегодня в консерваторию, ничего интересного.*

ПРИМЕРЫ. *Пора идти в институт <на работу>; Идем обедать; Трудно было идти по песку; Мимо шло деревенское стадо; За ним шла свита.*

ЗНАЧЕНИЕ. *А1 идет из А3 в А2 за А4 по А5* ‘Существо А1 перемещается по поверхности А5 из места А3 по направлению к месту А2, обычно с целью А4, попеременно ставя на А5 одну ногу впереди другой таким образом, что в любой момент перемещения у А1 сохраняется контакт с поверхностью’.

КОММЕНТАРИИ.

1. Глагол *идти* применим к человеку, птицам и четвероногим животным, за исключением пресмыкающихся, чьих коротких ног наблюдатель не видит: *крокодил или ящерица не идет, а ползет или бежит.*

2. Расширенные употребления применительно к перемещению с использованием специальных приспособлений или к не совсем обычному способу перемещения: *идти на лыжах* <на ходулях, на костылях>, *идти на задних лапах* <на пятках, на носках, на цыпочках, на четвереньках>.

3. Расширенные употребления применительно к намерению посетить социальное мероприятие, учреждение сферы обслуживания, культурное учреждение и т. п. пешком или на транспорте: *Ты идешь на собрание?*; *Вечером мы идем в ресторан*; *Биби идет на «Евгения Онегина» в Большой театр* (Л. Вертинская). При этом форма 1-Л МН НАСТ может иметь значение побуждения или приглашения к совместному действию: *Идем в кино*.

4. Суженные употребления в конструкции *идти на кого-л.* в значении 'идти навстречу кому-л. с агрессивными намерениями': *Быки стадом шли на волков* (Ю. Домбровский); *В каменном веке самец, вооруженный челюстью кита, шел на самца, вооруженного рогами барана* (А. Мариенгоф); *Золотые богини и боги шли на гигантов в своих шуршащих одеждах, в легком звоне мечей, стрел и лат* (В. Аксенов); тж образн. *Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!* (А. С. Пушкин).

5. Суженные употребления в конструкции *идти на А2* в значении 'идти на охоту на животное А2': *идти на кабана* <на медведя, на тигра>; *Пришел неделю назад Путяха и сболтнул, что идет на лося* (В. Бурлак); — *Нет мне охоты идти на комара с рогаатиной*, — *ответил Пугачев раздраженно* (В. Шишков).

6. Суженные разговорные употребления в форме ПОВЕЛ в сочетании с формой ПОВЕЛ другого глагола в значении пожелания или совета, чтобы адресат пошел и занялся каким-нибудь полезным делом: *Пойди почитай*; *Иди лучше займись чем-нибудь*.

7. Образные употребления применительно к творческому или жизненному пути человека, обычно в сочетании со словами *дорога* или *путь*: *идти за символистами*; *идти своей дорогой* <своим путем> *в искусстве*; *В конце первой мировой войны он [Кальтлудф] попал на фронт, пошел дорогой, которую судьба прокладывала для него* (В. Гроссман).

8. Образные употребления применительно к возможному пути достижения конкретной цели: *Я человек прямолинейный, а в некоторых ситуациях лучше идти обходным путем* (Э. Савкина).

9. Образные употребления в значении 'иметь в качестве исходной точки' применительно к размышлениям и процессу принятия решений: *идти от логики*; *В своих мизансценах он шел от музыки* (И. Архипова).

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 • ИМ.

А2 • КУДА: *идти к реке* <в лес, на площадь, за околицу, под навес>; *идти вперед* <назад, направо, налево>; *идти до ближайшего перекрестка*.

А3 • ОТКУДА: *идти со стадиона* <из деревни>; *идти от Волхонки* (к Арбату).

А4 • по ДАТ МН: *(Приезжал в город и первым делом) шел по знакомым* <по магазинам> [цель действия — посещение А4].

• в ВИН: *идти в атаку*.

- на ВИН: *идти на лекцию <на доклад>* [цель действия — выполнение того, что нормально ожидается в ситуации A4].
- разг. по ВИН: *идти по́ воду <по грибы>*.
- за ТВОР: *идти за билетами <за сигаретами>* [цель действия — приобретение или доставка A4].
- ИНФ: *идти обедать <гулять>* [цель действия — A4].

A5 • по ДАТ: *идти по тротуару*.

- ТВОР: *идти полев <лесом, длинной дорогой>; идти задами*.

КОНСТРУКЦИИ. Употребляется в функции глагольной связки в конструкциях с прилагательными или причастиями в формах ИМ или ТВОР и в конструкциях с наречиями или предложно-именными группами, указывающими на состояние A1 во время перемещения: *Он боялся идти туда один; Идти в этот притон безоружным <без оружия> нельзя; В свои шестьдесят, на двух протезах, только с палочкой, он забирал меня из детского сада и поднимался до нашей коммунальной квартиры на четвертом этаже: ребенок не должен идти один* (Д. Рубина).

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Быстро <медленно, размеренно> идти, еле идти, идти со скоростью 5 километров в час, идти тихим <быстрым> шагом* [скорость перемещения]; *идти из последних сил* [затраты энергии]; *идти в гору <под гору>, идти вдоль забора <вдоль трамвайной линии, вдоль берега>* [маршрут]; *идти пешком* [способ перемещения]; *идти под руку <за руку, взявшись за руки>, идти в обнимку <обнявшись>, идти рядом* [способы парного и совместного перемещения]; *идти с друзьями <с подругой> на концерт; идти за отцом <друг за другом, гуськом, след в след, следом за кем-л.>* [порядок следования во время перемещения]; *идти гурьбой <гуртом, беспорядочной толпой>, идти строем <колоннами>, идти в ногу* [формы перемещения массы людей]; *идти босиком <в кроссовках>, идти без шапки <в легком пальто>, идти в одних трусах и майке, Шел голый <раздетый>* [род одежды субъекта и степень его одетости]; *идти километр <пять верст>, идти за десять километров* [преодолеваемое расстояние]; *идти два часа <целый день> (без отдыха)* [длительность перемещения]; *идти переваливаясь <пошатываясь>, идти прихрамывая <припадая на левую ногу>* [характерные черты походки или ходьбы]; *идти на занятия <на семинар>, идти на обед <на ужин>, идти на охоту <на свидание, на танцы, на дискотеку>, идти за хлебом <за молоком, за почтой>, идти за врачом <за сантехником, за милиционером, за охраной>, идти за сыном в детский сад* [цель перемещения]; *идти по полю <по саду, по горной тропе, по платформе, по коридору>, идти берегом реки <морю>, идти оврагом <ходом сообщения>, идти самой длинной <самой короткой> дорогой* [пространство перемещения]; *идти с рюкзаком <с заплечным мешком, с чемоданом в руке, с подносом на голове>* [ноша во время перемещения]; *Человек <ребенок, собака, кошка, лошадь, корова, овца, курица, гусь, страус, крыса> идет; Караван идет; Иди (себе) с Богом!*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Помните, в кино — идут солдаты..., какой-то косогор, разбитая врызг дорога, погода плохая, солдаты идут с вещмешками и винтовками* (Е. Гришкова). *Я [...] уходила на кухню, начинала заниматься своими делами, потом спохватывалась, шла к нему* (Е. Павлова). *Я, как обычно, в 6.30 иду сына будить, а он*

уже не спит, настроение — хуже некуда (Наши дети: Подростки (форум), 2004). *Весь день шел от опоры к опоре вдоль моря, заглядываясь на хищных птиц, облюбовавших телеграфный насест* (А. Иличевский). *Таня и Марвич медленно шли под сводами главного корпуса* (В. Аксенов). *Этот караван идет в Дербент, нагружен он тканями* (А. Тарасов).

СИН: *шагать*, *необходн. ступать*, *книжн. шествовать*, *разг.-сниж. топать*, *сленг. хлять*, *разг.-сниж. айда* [только как эквивалент формы 1-Л МН ПОВЕЛ *идем, идемте: Айда в кино!* (А. Вознесенский)]; АНА: *следовать*, *направляться*; *бежать*; *семенить*; *валить*; *разг. переть*, *разг.-сниж. переться*; *брести*, *плестись*, *тащиться*, *ковылять*, *тянуться*; *маршировать*, *печатать шаг*; *ходить*; ДЕР: *пешеход*; *поход*; *пеший*; *пешком*.

3. Лексикографические типы в Активном словаре русского языка

Работа над Активным словарем русского языка предполагает, помимо практической деятельности по написанию словарных статей, также постоянную теоретическую работу. В рамках короткой статьи невозможно перечислить все семантические исследования Сектора теоретической семантики, связанные с написанием АС, однако упомянем несколько основных направлений.

За более чем двадцать лет работы над словарем была проведена огромная работа по описанию устройства отдельных лексикографических типов и — шире — по представлению лексики в виде системы. В ходе этой работы стало понятно, что лексикографический тип — понятие одновременное более широкое и более узкое, нежели семантическое поле или семантический класс. Безусловно, многие семантические поля или классы представляют собой одновременно и лексикографические типы — например, речевые глаголы, глаголы самостоятельного или каузированного перемещения, цветообозначения, названия родственных отношений, посуда, одежда, обозначения народов, названия частей, отрезков времени, параметрические прилагательные и т. п. — количество лексических ЛТ огромно. При этом в одном семантическом поле могут быть представлены разные ЛТ. Например, в поле эмоций выделяются в качестве отдельных ЛТ эмотивные каузативы типа *злить* и эмотивные декаузативы типа *злиться*; эмотивные глаголы типа *ужасаться* и эмотивные предикативы типа *страшно*. Более того, отдельные небольшие ЛТ формируются разными типами эмоций — обозначения положительных социальных эмоций типа *гордиться*, *кичиться* устроены семантически и синтаксически иначе, нежели обозначения отрицательных социальных эмоций типа *стыдиться*, *совеститься*, *стыдно*, *совестно*; эмоции, имеющие объект и причину типа *злиться*, *сердиться* устроены иначе, нежели эмоции, имеющие адресата и причину типа *благодарный*.

Многие лексикографические типы формируются словообразовательной моделью: например, прилагательные на *без-* образуют ЛТ с несколькими более дробными делениями: ЛТ со значением отсутствия части тела (*беззубый*, *безрукий*, *безногий* и пр.), ЛТ со значением отсутствия отрицательного качества (*безупречный*, *бесстрашный*), ЛТ со значением отсутствия положительного качества (*бесстыжий*, *безнравственный*) и некоторые другие. Любая словообразовательная модель

порождает один или более ЛТ, каждый из которых требует единообразного и системного подхода.

Поскольку количество ЛТ потенциально не ограничено, они могут пересекаться, и более общий ЛТ может включать с себя более частные. Задача описать все ЛТ в отдельно взятом языке представляется для одного словарного коллектива невозможной, по крайней мере, пока не будет закончено написание словаря. Помимо масштабности задачи, дело еще и в том, что заранее создать шаблоны для описания всех лексикографических типов невозможно — т.к. невозможно предсказать устройство ЛТ, пока не описана достаточно представительная часть входящих в него языковых единиц.

Однако такая работа непрерывно ведется, и авторами словаря были подготовлены шаблоны описаний многих ЛТ, а также выпущен ряд научных работ, в основу которых легла работа над систематическим представлением тех или иных лексикографических типов в Активном словаре русского языка. Помимо тех ЛТ, что подробно представлены в «Перспективе Активного словаря русского языка», были составлены шаблоны описания для цветообозначений (типа *белый, зеленый, красный, ...*), глаголов со значением наблюдателя (типа *белеть, краснеть, ...*), глаголов движения (*идти, лететь, ...*), глаголов, обозначающих звуки (*грохотать, греметь, ...*), глаголов со значением начала и конца (*возникнуть, появиться, ...; исчезнуть, пропасть, ...*), прилагательных со значением физических параметров (*глубокий, далекий, ...*), прилагательных со значением материалов (*железный, золотой, медный, ...*), терминов родства (*бабушка, дедушка, мама, ...*), эмотивных глаголов, существительных и прилагательных, прилагательных со значением качеств человека (*глупый, догадливый*), бытовой лексики — существительных со значением еды, напитков, одежды; существительных со значением строений (*дом, лачуга, ...*); существительных со значением званий (*лейтенант, майор*); существительных со значением народов (*грузины, корейцы, ...*), числительных (*два, девять, ...*) и порядковых прилагательных (*второй, девятый, ...*); дискурсивных частиц и многих, многих других. Многие ЛТ были в том или ином виде описаны в теоретических публикациях членов словарного коллектива — ср., например, Б.Л. Иомдин (2009) о бытовой лексике, О.Ю. Богуславская, Б.Л. Иомдин (2017) о числительных и порядковых прилагательных; И.Б. Левонтина (2022) о частицах, Е.В. Урысон (2011) о союзах, В.Ю. Апресян & Б.Л. Иомдин (2022) о вопросительно-относительных местоимениях — опять-таки, перечислить все публикации невозможно.

Целью теоретических публикаций относительно тех или иных ЛТ является не только наблюдение над их устройством и создание единого шаблона описания, но и поиск семантической мотивации языковых свойств ЛТ. Например, в работе посвященной ЛТ вопросительно-относительных местоимений типа *кто, когда, какой, ...* (В. Апресян & Б. Иомдин 2022), делается попытка системно описать и объяснить многочисленные сочетаемостные и конструкционные свойства, характерные для русских *к*-слов, например, их сочетаемость с частицами *именно* и *хоть*, образование синтаксических фразем вида *редко кто, мало что, много где*

и др. Показывается, что подобная сочетаемость и возникновение синтаксических фразем мотивированы семантикой множественности и выбора, которая совместима с семантикой всех местоимений данного ЛТ, кроме *зачем* и *почему*, для которых эти сочетаемостные и конструкционные свойства нехарактерны.

4. Электронная база Активного словаря как инструмент лингвистического исследования

Теоретическая работа над лексикографическими типами стала эффективной во многом благодаря двум обстоятельствам: 1) был накоплен массовый языковой материал; 2) была создана электронная база Активного словаря, позволяющая вести поиск по разным словарным зонам — толкованию, управлению, сочетаемости и пр. Возможность сопоставления массового языкового материала дает возможность заметить то, что может быть незаметным при индивидуальном рассмотрении языковых единиц. Приведем два примера неочевидных лексикографических типов, состав и многие свойства которых удалось прояснить в результате работы с электронной базой Активного словаря русского языка (над созданием которой в разные годы работали А. В. Санников и И. П. Рыгаев). Это лексикографический тип отрицательно поляризованных единиц (В. Апресян 2017) и лексикографический тип симметричных предикатов (В. Апресян 2024).

К отрицательно поляризованным единицам (*negative polarity items*, NPI) в русском языке обычно относят фраземы типа *ни на йоту*, *пальцем не пошевелинуть*, местоимения на *-либо* (*Не согласна с какими-либо обвинениями в его адрес*) или глаголы типа *выносить* (*Не выношу громкую музыку*), которые принадлежат к семантическим классам и к разным частям речи, однако объединяются своим тяготением к употреблению в так называемых неверидикативных контекстах или контекстах снятой утвердительности (Падучева 2015) — в первую очередь с отрицанием, а также в вопросах, в условных предложениях, с модальными словами.

Отрицательно поляризованные единицы никак не выделяются в Активном словаре формально, за исключением зоны конструкций, где следующим образом описывается их предпочтительная синтаксическая сочетаемость: «Обычно употребляется в отрицательных, вопросительных или условных предложениях или в контексте модальных слов». Поиск по этой зоне позволяет установить состав этого ЛТ. Оказывается, во-первых, что к NPI можно отнести гораздо большее количество языковых единиц, чем было известно ранее. Во-вторых, отрицательная поляризация оказывается не бинарным, а шкалярным свойством: она свойственна разным языковым единицам в разной степени: какие-то NPI употребляются только с отрицанием, другие допускают гораздо более широкий круг неверидикативных контекстов, а для некоторых неверидикативные контексты составляют основной, наиболее частотный, круг употреблений. В-третьих, удалось установить, с чем связана степень отрицательной поляризованности — т. е. степень тяготения к неверидикативным контекстам: чем более весома модальная рамка, т. е. те элементы толкования, которые передают отношение говорящего к ситуации (Апресян 1974), тем более поляризована языковая единица. Наиболее часто встречающиеся в сло-

варе отрицательно поляризованные единицы — это глаголы в одном из своих переносных значений. К ЛТ отрицательно поляризованных единиц относятся, в частности, такие семантические классы, как ‘затрудненное понимание’ (*Он ни во что не втыкает, Я что-то не въезжаю*); ‘затрудненное проникновение’ (*Лопата не берет мерзлую землю, Гвоздь не идет в стену, Сапоги не лезут на ногу*), ‘тяжелое переживание’ (*Она не вынесет этого, Он не выдержал испытаний; Не перевариваю таких людей*) и некоторые другие.

Лексикографический тип симметричных предикатов (В. Апресян 2024) задается общими синтаксическими свойствами, а именно, возможностью синтетического выражения двух валентностей: *Вася и Маша целовались; Петя и Коля — друзья; конкуренция между Китаем и Индией*. Эта синтаксическая особенность коррелирует с семантической — наличием двух равноправных семантических валентностей. В работах по симметричным предикатам (Иомдин 1979, Крысин 1990, Богуславский & Иомдин 2012), включая Инструкцию к Активному словарю, опубликованную в «Перспективе Активного словаря русского языка» (Апресян 2010), к их числу обычно относят представителей следующих семантических классов: «равные» термины родства (*брат, сестра, супруг*), «равные» взаимоотношения (*сосед, друг, приятель, враг*), реципрокальные действия (*целоваться, драться*), коммуникация (*говорить, переглядываться*). В Активном словаре возможность синтетического выражения валентностей отмечается в зоне управления.

Поиск по этой зоне с запросом «A1+A2» и «A2+A3», что соответствует синтетическому выражению двух валентностей, позволяет расширить этот список неожиданным образом. Оказывается, что к числу симметричных относятся также обозначения сооружений; ср. *барьер между тротуаром и проезжей частью, забор между участками, изгородь между полем и садом*. Симметричными могут быть обозначения сооружений, цель которых (а) разделить пространство (*барьер, забор, изгородь, перегородка, стена* и пр.) или (б) соединить два пространства (*канал, лестница, переход* и пр.). В тех случаях, когда оба пространства мыслятся как равноправные, обозначение сооружения обладает свойством семантической и синтаксической симметричности. Однако не все сооружения таковы: например, *загородка* мыслится скорее как средство *не выпустить* (ср. *загородка для скота*), а *ограда* — скорее как средство *не впустить* (ср. *ограда Летнего сада*). Такие сооружения свойством симметричности не обладают: странно сказать *“загородка между скотным двором и улицей* или *“ограда между Летним садом и Марсовым полем*. Таким образом, и в данном случае электронная база АС позволяет обнаружить неочевидных представителей, казалось бы, хорошо изученных семантических классов.

Другая важная теоретическая работа, которая велась словарным коллективом все годы его существования и для которой также был необходим и массовый языковой материал, и электронная форма его представления, — это работа над анализом полисемии, отраженная, в первую очередь, в совместной публикации сотрудников Сектора теоретической семантики ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова и Центра языка и мозга НИУ ВШЭ (В. Апресян и др. 2019). На большом язы-

ковом материале были выделены различные механизмы семантической деривации. Помимо хорошо известных метафоры и метонимии, были описаны многие другие семантические сдвиги, приводящие к развитию значений: добавление семантических компонентов (сужение и конкретизация значения, характерные для слов с абстрактной семантикой, — например, *равнобедренный треугольник* → *играть на треугольнике*); утрата компонентов (расширение значения, характерное для слов с конкретной семантикой, — например, *человек идет* → *время идет*); модализация (добавление отрицательной оценки, характерное для слов со значением усилия, — например, *с трудом запихать в чемодан все вещи* → *Ну куда ты запихал мои ключи?*), гиперболизация (ослабление значения, характерное для слов с указанием на высокую степень, — например, *Наш сантехник гений*), смягчение (эвфемизация — например, *неоднозначный* в значении ‘плохой’), утрата агентивности (характерна для глаголов со значением физических действий — например, *Ребенок разбил* → *Ветер разбил*), десемантизация (переход в разряд грамматических показателей или лексических функций — характерен для глаголов со значением физических действий — например, *давать деньги взаймы* → *Давай пойдем в кино, развязать шнурок* — *развязать войну*), перенос по имплицатуре, т. е. по неявному и необязательному смыслу (часто приводит к образованию значения высокой степени или количества — например, *добрый человек* → *добрый кусок мяса, дикий зверь* — *дикая усталость*), внешняя мотивация (например, *левый* и *правый* в политическом смысле связаны с традиционным расположением мест фракций в английском парламенте), конверсия (например, *выменять свое новое платье на туфли* → *выменять платье на свои новые туфли*) и некоторые другие.

Помимо установления многочисленных регулярных типов семантических переносов, а также семантических классов слов, для которых они характерны, удалось также найти экспериментальное подтверждение для некоторых заранее сформулированных принципов упорядочения полисемии в словаре. Так, одним из важных принципов упорядочения полисемии является семантический: первым подается буквальное значение, от которого можно произвести остальные либо радиальным, либо цепочечным способом (Апресян 1974). При этом, как показывает исследование частотности значений, проведенное Б. Л. Иомдиным, А. А. Лопухиной и их соавторами (Б. Иомдин и др. 2014, В. Апресян и др. 2019) и отраженное в статистике, представленной на сайте <https://sensefreq.ruslang.ru/>, первое словарное значение далеко не всегда является самым частотным.

Так, для прилагательных и для глаголов буквальное значение только в половине случаев является наиболее употребительным в современном языке; ср. например, глагол *глушить* (описанный в Активном словаре М. Я. Гловинской), прямое значение которого ‘лишать слуха’ (*Рев мотора глушит летчиков*) составляет менее 10 процентов от всех употреблений этого глагола, в то время как переносные значения, например ‘ударять’ (*глушить обухом по голове*) или ‘выключать’ (*глушить мотор*) формируют основной костяк его употреблений. Однако эксперименты показывают, что семантический порядок лучше запоминается носителями

языка, нежели частотный, что дает дополнительные — практические — основания для его использования в словаре.

Другой пример теоретической установки, которая была подтверждена экспериментом, — это подача метонимических и метафорических значений. В Активном словаре значения, образованные метонимическим сдвигом, подаются в одном блоке с буквальным значением в вершине словарной статьи. Рассмотрим, например, статью *горячий*, описанную Т. В. Крыловой. В первом блоке подается прямое значение (*горячая вода*), а также производные от него метонимические (например, *горячее копчение*), а значения, образуемые метафорическим сдвигом, подаются в отдельных блоках ниже (например, *горячий человек*, *горячая пора*). Такая подача, с разной степенью дистанцирования от буквального значения, соответствует теоретическому пониманию метонимии как сдвига внутри одного семантического поля, а метафоры как сдвига между семантическими полями (Barcelona 2000). Эксперименты показывают, что это различие ощущается носителями: участники эксперимента, которых просили распределить по разным значениям фразы, в которых слово использовалось в буквальном, метонимическом и метафорическом значениях, обычно помещали буквальное значение вместе с метонимическим, а метафорическое «клали» отдельно (Lopukhina et al. 2018). Таким образом, теоретические принципы подачи полисемии в Активном словаре были подтверждены экспериментально.

5. Заключение

В заключение хочется сказать, что Активный словарь русского языка представляет собой уникальный лексикографический проект, основанный на разработанных Ю. Д. Апресяном принципах интегрального описания языка и системной лексикографии, состоящий с опорой на корпусные данные и, до некоторой степени, на языковые опросы и эксперименты. В отличие от пассивных словарей, АС не только фиксирует значения слов, но и предоставляет их полное описание, необходимое для активного владения языком.

За более чем двадцать лет работы были составлены тысячи словарных статей, что позволило обобщить накопленный лексикографический опыт, выработать принципы единого описания лексикографических типов и выявить многочисленные закономерности в лексической системе русского языка. Благодаря представлению в виде электронной базы данных с различными видами поиска словарь не только расширяет горизонты академических исследований, но и открывает новые возможности для автоматизированного анализа языка и дальнейшего развития семантики и других областей лингвистики. Работа над словарем продолжается и совершенствуется — словарь динамичен и постоянно развивается — и как лексикографический проект, и как инструмент для анализа языка.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1974: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. Москва, 1974.

Апресян 1986: Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. Москва, 1986, 5–33.

Апресян 1995: Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва, 1995.

Апресян 2006: Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Санников А. В., Урысон Е. В. Языковая картина мира и системная лексикография. Москва, 2006.

Апресян 2008: Апресян Ю. Д. Теоретические основы активного словаря русского языка // Вестник Российской Академии наук. 2008. Т. 78. № 5, 389–403.

Апресян 2009а: Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. Москва, 2009.

Апресян 2009б: Апресян Ю. Д. О проекте активного словаря русского языка // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 3 (56), 118–130.

Апресян 2010: Апресян Ю. Д. Часть вторая. Инструкция по составлению словарных статей Активного словаря (АС) русского языка // Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. Москва, 2010, 56–152.

В. Апресян 2017: Апресян В. Ю. Отрицательная и положительная поляризация: семантические источники // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая — 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23). Т. 2. Москва, 2017, 2–16.

В. Апресян и др. 2019: Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Драгой О. В., Иомдин Б. Л., Лауринавичюте А. К., Левонтина И. Б., Лопухин К. А., Лопухина А. А., Урысон Е. В. О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности // Русская речь. 2019. № 1, 8–17.

В. Апресян, Б. Иомдин 2022: Апресян В. Ю., Иомдин Б. Л. Русские вопросительные местоимения как лексикографический тип // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 4, 1078–1113.

В. Апресян 2023: Апресян В. Ю. Лексикографический тип ‘быть видным наблюдателем’ в жизни и в словаре // Грани естественного языка и кинесики: Сборник статей к 75-летию Григория Ефимовича Крейдлина. 2023, 23–42.

В. Апресян 2024: Апресян В. Ю. Good fence make good neighbors, или симметричные существительные в Активном словаре русского языка // Лексикография цифровой эпохи. Сборник материалов II Международного симпозиума. Томск, 2024, 62–65.

Богуславская, Б. Иомдин 2017: Богуславская О. Ю., Иомдин Б. Л. Развитие полисемии у русских числительных и порядковых прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 16 (23): Т. 1. Москва, 2017, 96–105.

Богуславский, Иомдин 2012: Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. О некоторых необычных типах заполнения семантических валентностей предикатов // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. Москва, 2012, 87–102.

Иомдин 1979: Иомдин Л. Л. Симметричные предикаты в русском языке // Семантика естественных и искусственных языков в специализированных системах. Ленинград, 1979, 71–73.

Б. Иомдин 2009: Иомдин Б. Л. Терминология быта. Поиски нормы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной

конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009, 127–135.

Б. Иомдин и др. 2014: Иомдин Б. Л., Лопухина А. А., Носырев Г. В. К созданию частотного словаря значений слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2014. № 13, 204–229.

Крысин 1990: Крысин Л. П. Социальные компоненты в прагматике языкового знака: квазисимметричные предикаты // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1993, 195–199.

Левонтина 2022: Левонтина И. Б. Частицы речи. Москва: «Азбуковник», 2022.

Падучева 2015: Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // *Russian Linguistics*. 2015. Т. 39. Вып. 2, 129–162.

Проспект 2010: Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2010, 56–152.

Урысон 2011: Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. Москва: Языки славянских культур, 2011.

V. Apresjan 2011: Apresjan V. Active dictionary of the Russian language: theory and practice. *Meaning-Text Theory*, 2011, 13–24.

Barcelona 2000: Barcelona A. (ed.). *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.

Lopukhina et al. 2018: Lopukhina A., Laurinavichyute A., Lopukhin K. and Dragoy O. The mental representation of polysemy across word classes // *Frontiers in Psychology*. 2018. 9. Article 192. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00192>

Словари

Проспект Активного словаря русского языка: Проспект активного словаря русского языка / Составители: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2010.

Выпуск А–Б: Активный словарь русского языка. Т. 1 / Составители: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. Москва: Языки славянской культуры, 2014.

Выпуск В–Г: Активный словарь современного русского языка. Т. 2 / Составители: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. Москва: Языки славянской культуры, 2014.

Выпуск Д–З: Активный словарь русского языка. Т. 3 / Составители: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Редакторы тома: В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин / Под общим руководством акад. РАН Ю. Д. Апресяна. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017.

Выпуск И–Й: Активный словарь русского языка Т. 4. Ч. 1 / Составители: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Я. М. Бухаров, И. В. Галактионова, [М. Я. Гловинская], Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Редакторы тома: В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин / Под общим руководством акад. РАН Ю. Д. Апресяна. Москва: МЦНМО, 2023.

Выпуск К: Активный словарь русского языка. Т. 4. Ч. 2. / Составители: В. Ю. Апресян, [Ю. Д. Апресян], Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Я. М. Бухаров, И. В. Галактионова, [М. Я. Гловинская], Б. Л. Иомдин, К. П. Костомарова, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. А. Смирнова, Е. В. Урысон. Редакторы тома: В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин / Под общим руководством акад. РАН Ю. Д. Апресяна. Москва: МЦНМО, 2024.

ОПЫТ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЛЕКСИКОГРАФИИ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

А. А. БАРКОВИЧ

Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)
<https://orcid.org/0000-0001-8469-8431>
barkovichaa@gmail.com

Л. А. КОЗЛОВСКАЯ

Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)
<https://orcid.org/0009-0003-5544-2738>
tpzkozl@gmail.com

В статье дана характеристика достижениям белорусской лексикографии в целом — в контексте социокультурных традиций и тенденций развития лингвистики. Очерчены значимые достижения белорусских лексикографов и контекст сотрудничества с учеными других стран, что, несомненно, будет продуктивным для гармонизации взаимодействия исследователей славянских языков, в том числе, русского языка. В частности, описывается опыт славистических лексикографических исследований на филологическом факультете Белорусского государственного университета (БГУ) — на примере работы кафедры теоретического и славянского языкознания с момента ее основания (1966 г.) до настоящего времени. Приводится краткий обзор совокупности фразеологических, частотных, ассоциативных и других словарных изданий, которые явились результатом научной деятельности сотрудников кафедры и которые активно используются в исследовательской работе и в образовательном процессе.

Ключевые слова: лексикография, славистика, белорусский язык, научная школа, фразеологический словарь, частотный словарь, ассоциативный словарь, словарь лингвистических терминов.

EXPERIENCE OF SLAVIC LEXICOGRAPHICAL RESEARCH ON THE FACULTY OF PHILOLOGY AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

A. A. BARKOVICH

Belarusian State University
(Minsk, Belarus)

L. A. KOZLOVSKAYA

Belarusian State University
(Minsk, Belarus)

The article provides the description of achievements of Belarusian Lexicography in general — in the context of socio-cultural traditions and trends in the development of Linguistics. It outlines significant achievements of Belarusian lexicographers and the context of their cooperation with scientists from other countries, which will undoubtedly be productive for harmonizing the

interaction of researchers of Slavic languages, including the Russian language. In particular, it describes the experience of Slavic lexicographic research on the Faculty of Philological at the Belarusian State University (BSU) — on the example of the work of the Department of Theoretical and Slavic Linguistics from its foundation (1966) to the present day. It provides a brief overview of the phraseological, frequency, associative and other dictionary publications that resulted from the scientific work of the department's staff and are actively used in research and educational process.

Keywords: lexicography, slavistics, the Belarusian language, scientific school, phraseological dictionary, frequency dictionary, associative dictionary, dictionary of linguistic terms.

Введение

Сегодня лексикография стала технически оснащенной и многообразной — онлайн-ресурсы и тотальная компьютеризация преобразили эту старейшую лингвистическую практику. Техническая оснащенность словарной работы в современных условиях принципиально улучшилась, но проще она не стала. Мы пришли к тому, что любой человек может издать «словарь», выложить его в Интернете и назвать себя «лексикографом», — при этом никто в издательстве не поинтересуется его квалификацией и профессиональной подготовкой. Иногда это может приводить к публичным курьезам, например, не так давно лексикографически обосновывалось «разрешение» на использование слова *кофе* в среднем роде. Однако, при всех условностях, постоянное совершенствование словарной работы совершенно необходимо. Это объективная данность, действительно: «в последнее время лингвисты, недовольные интуитивным решением проблемы формирования лексического состава словарей, все чаще обращаются к Национальному корпусу русского языка и данным интернета, а также к лингвистическому эксперименту как более надежным источникам» (Голев 2015: 185).

Так или иначе, словарей сегодня стало много, и в этом нет ничего плохого — пользователь, по мере приобретения собственного опыта, уже не реагирует на все, что «называется» словарем, а ориентируется на грамотные и профессиональные издания. И, закономерно, что при всех условностях современного бытия востребованность лексикографического труда остается неизменно высокой, а высококвалифицированная словарная работа по-прежнему ценится. «Ценится», по традиции, — в переносном смысле слова. Конечно, в том, что сегодня многочисленные социальные сети, мессенджеры и браузеры выстраивают свой бизнес на достижениях лексикографии практически бесплатно, нет вины лексикографов — таковы реалии.

Вместе с тем, в условиях неограниченного спроса на самые разные базы данных для формализации и компьютерного моделирования естественных языков уже виден горизонт использования «бесплатных» словарных наработок предыдущих столетий. Без системного развития научно обоснованной лексикографии вряд ли возможны дальнейшие успехи информатизации и компьютеризации социума. Баз для такого рода деятельности, на самом деле, совсем мало — это немногочисленные отделы Академии наук или лингвистические кафедры университетов. Так, неслучайно в рамках учебного плана нового поколения по «Цифровой филоло-

гии» в БГУ найдено достойное место и для «Компьютерной лексикографии». При этом сущность словарной работы остается прежней — кропотливое исследование речевой практики и закрепление в специализированных лексикографических ресурсах систематизированных совокупностей языковых единиц. В данной связи прекрасным примером ответственного и многолетнего служения лексикографии является работа коллектива кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета (Баркович, Козловская, Бобко 2024). Нет сомнений, что сохранение традиций лингвистического труда будет востребовано в обозримом будущем, поэтому мы говорим о работе ведущих белорусских ученых в контексте научной школы «Славистика и теория языка».

1. Научная школа «Славистика и теория языка» как фундамент и результат лексикографической практики

Начало активного развития славистического направления научных исследований в Беларуси приходится на послевоенный период, что связано с укреплением в то время разностороннего сотрудничества СССР с образовавшими тогда социалистический лагерь славянскими государствами. Базовым научным центром стал созданный в Москве Институт славяноведения АН СССР, появились профильные кафедры в Московском, Ленинградском и Киевском государственных университетах.

В 1961 г. был основан сектор общего и славянского языкознания при Институте языкознания имени Якуба Коласа АН БССР. Получила развитие славистика и в учебно-педагогических учреждениях республики.

В 1966 г. заведовать открывающейся в БГУ кафедрой общего и славянского языкознания был приглашен Адам Евгеньевич Супрун, в феврале этого же года защитивший докторскую диссертацию в Ленинградском государственном университете. Заслуженный деятель науки БССР доктор филологических и педагогических наук профессор А. Е. Супрун бессменно руководил кафедрой до конца своей жизни — до августа 1999 г. На протяжении почти 60 лет кафедра, называемая теперь кафедрой теоретического и славянского языкознания БГУ, являлась и до сих пор остается одним из основных славистических центров на постсоветском пространстве.

В традициях кафедры с момента ее основания и в настоящее время значительное место занимает научная деятельность, которая — при ярко выраженной этнонациональной специфике — активно интегрирована в процесс международных славистических исследований. Сложившийся научный коллектив кафедры подготовил целый ряд общетеоретических работ не только в области лингвистики (славистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, прикладной лингвистики, лингвистической прагматики, риторики и стилистики, переводоведения), но также в сфере педагогики, журналистики, семиотики, были написаны учебники и учебные пособия, разработаны и внедрены в учебный процесс новые курсы, спецкурсы, научные спецсеминары, составлены типовые учебные программы по теоретическим курсам и славянским языкам и др. В общей сложности за период активной деятельности научного коллектива кафедры было издано более 120 мо-

нографий, учебников, учебных пособий, опубликовано почти две тысячи статей, сделаны многочисленные доклады на крупных-международных научных форумах (в том числе на Международных съездах славистов). В трудах членов кафедры славянские языки получили системно-контрастное описание.

В последние годы существенно расширился методологический и теоретический аппарат, применяемый к исследованию славянских языков в силу того, что к изучению всех языков теперь применяются разнообразные теоретико-методологические платформы: прагматическая, корпусно-лингвистическая, дискурсная и др. Разноаспектное исследование славянских языков в сопоставлении с другими языками позволило выявить важные закономерности их существования, что имеет значение как для гуманитарного знания в целом, так и для развития славистики и, в частности, для преподавания славянских и неславянских языков.

Результаты проведенных научных исследований до сих пор востребованы, они реализуются в преподавании славянских языков в высшей школе, при совершенствовании программ по изучению родных и иностранных языков в учреждениях среднего образования, они используются также в прикладных областях автоматизированного перевода, в обучающих языковых программах, в параллельных и одноязычных корпусах текстов и др., а также в развитии сопоставительных и теоретических лингвистических исследований; в моделировании языка, при изучении и совершенствовании публичного дискурса (политического, публицистического, дискуссионного), языка mass media, метаязыка учебной литературы и др. Сотрудники кафедры вели активное научное сотрудничество со славистами Карлова университета в Праге, Брненского университета, Варшавского университета, Люблинского университета, а также с лингвистами Австрии, Болгарии, Германии, России, Сербии, Словакии, Италии и других стран (Козловская 2021).

На кафедре теоретического и славянского языкознания филологического факультета БГУ с 1993 г. изучаются пять славянских языков (западнославянские: польский, чешский и словацкий, южнославянские: болгарский и сербский). До недавнего времени в БГУ студенты изучали также и украинский язык. Преподавание наиболее востребованных в межкультурной коммуникации славянских языков в БГУ уникально для системы высшего образования Республики Беларусь. В процессе преподавания славянских языков накоплен солидный учебно-методический опыт и подготовлены кадры высшей квалификации, — специальность «Славянские языки» пользуется заслуженной популярностью среди абитуриентов.

2. Опыт лексикографической работы кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ

Словарная работа достаточно быстро оказалась в фокусе научной практики нынешней кафедры теоретического и славянского языкознания, поскольку без этого невозможно системное освоение славистики.

Первым значительным опытом лексикографической работы кафедры явилась многолетняя работа по созданию «Частотного словаря белорусского языка» («Частотнага слоўніка беларускай мовы»), которая велась в свое время под науч-

ным руководством и при непосредственном участии заведующего кафедрой профессора А. Е. Супруна (Можейко, Супрун 1976, 1979, 1982, 1989, 1992).

В этом словаре, состоящем из пяти книг, приводятся данные о частотности употребления лексики современного белорусского языка, соответственно — в художественной прозе (Можейко, Супрун 1976; 22 тыс. слов), в публицистике (Можейко, Супрун 1979; 18 тыс. слов), в устном народном творчестве (Можейко, Супрун 1982; 21 тыс. слов), в разговорной речи (Можейко, Супрун 1989; 20,3 тыс. слов), в поэзии (1992; 24 тыс. слов). Каждая часть словаря объединена общей лексикографической методикой и отражает функциональную специфику лексики указанных сфер употребления белорусского языка.

При подборе источников материала для составления «Частотного словаря» лексики художественной прозы (Можейко, Супрун 1976) его авторы исходили из того, что частотность слова в определенном тексте зависит и от конкретной темы, и от особенностей языка автора, и от других субъективных факторов. В связи с этим словарь составлен на базе отдельных фрагментов (выборок) объемом одна тысяча слов из классических произведений разных авторов — Я. Коласа, И. Мележа, И. Шамякина, В. Быкова, В. Короткевича и др.

Для составления выпуска «Частотного словаря», посвященного лексике публицистического стиля (Можейко, Супрун 1979), авторы отобрали 310 фрагментов текстов из белорусскоязычных газет и журналов — по одной тысяче словоупотреблений в каждом. Выполненная работа носила инновационный для того времени корпусный характер.

«Частотный словарь», отражающий лексику белорусского фольклора (Можейко, Супрун 1982) охватывает широкий круг источников белорусского народного творчества. Он составлен на основе анализа текстов общим объемом 300 тыс. словоупотреблений. В жанрово-стилистическом отношении материал исследования включает народные песни (урожайные, лирические, обрядовые, шуточные и др.), сказки, пословицы, загадки. Авторы словаря не ограничивались статистической констатацией результатов анализа лексического материала, но уделяли также внимание сопоставлению частотных характеристик лексики разных функциональных сфер. В комментариях к изданию словаря отмечается, что лексика устного народного творчества не только является богатой количественно, но и по основным частотным характеристикам приближается к лексике художественной прозы.

Авторы выпуска «Частотного словаря», посвященного лексике разговорной речи (Можейко, Супрун 1989), по их собственному признанию, не имели возможности полностью опираться на авторитетный сбор устных текстов, в связи с чем фактический материал частично извлекался из драматических произведений и художественной прозы с указанием на имитационный характер фрагментов спонтанной устной речи.

При подборе фактического материала для составления «Частотного словаря» лексики белорусской поэзии (300 тыс. словоупотреблений) (Можейко, Супрун 1992) были использованы критерии, аналогичные примененным авторами при составлении «Частотного словаря» лексики художественной прозы. По 10 тыс.

словоупотреблений составили выборки из произведений классиков белорусской поэзии Я. Купалы, Я. Коласа, П. Бровки, П. Глебки, А. Кулешова, Р. Барадулина и др. Кроме того, в общей выборке представлен широкий круг авторов разных поколений, что позволило отразить обобщенный срез языка белорусской поэзии более чем за пятидесятилетний период.

Проблемы функциональной специфики белорусского языка в условиях билингвизма постоянно находятся в сфере исследовательских интересов кафедры, что отражено в том числе и в лексикографических источниках (Цітова 1982; Плотнікаў, Трайкоўская 2004).

Значимым событием в истории славистической лексикографии кафедры явилось издание «Польско-русского фразеологического словаря» (Гюлумянц 2004). Этот двуязычный фразеологический словарь» включает свыше 11 тыс. фразеологизмов. Материал словаря отражает фразеологический состав польского языка второй половины XIX–XX вв. Значения устойчивых сочетаний и их употребление проиллюстрированы многочисленными цитатами из художественной, научно-популярной литературы и периодических изданий. Фразеологизмы снабжены соответствующими пометами (стилистическими, в том числе, экспрессивными, грамматическими и др.).

Словарные статьи расположены в алфавитной последовательности и состоят из нескольких частей, которые следуют друг за другом в определенном порядке: 1) фразеологизм польского языка (фразеологические выражения, фразеологические обороты, фразы); 2) система помет (частота употребления *чаще, реже*, принадлежность к стилистической сфере *книжн., прост., жарг.*, экспрессивно-эмоциональная окраска *шутл., ирон., пренебр.* и др.); 3) фразеологические эквиваленты русского языка; 4) иллюстративный материал; 4) перевод цитат.

Например:

G-289 *ktos ma skolotana glove* голова полна забот, голова кругом идет у кого-л.

A jak czlowiek ma glove skolotana, to nieraznajwazniejsze ujdzie jego uwadze (Gordon, Fdresat nieznani). А когда у человека голова полна забот, от его внимания иногда ускользают и очень важные вещи (Гюлумянц 2004: 421).

Польский язык является достаточно востребованным в качестве славистической специальности среди абитуриентов филологического факультета БГУ, что объясняется территориальной близостью Беларуси и Польши, экономическими, социальными и культурными пересечениями в исторической ретроспективе. Результатом активного образовательного и исследовательского сотрудничества между двумя странами явилось комплексное польско-белорусское двухтомное издание «Браславщина. Память и современность», посвященное исследованию сферы функционирования многоязычия в Браславском районе Республики Беларусь — многоэтничной северо-западной части Беларуси, контактной пограничной зоне, до Второй мировой войны входившей в состав Польши в качестве одного из поветов Виленского воеводства (Смулкова, Будько, Гущева, Казанцева 2011). Полевые материалы для этой работы собирались и пополнялись в 1997–2007 гг. в 112 населенных

пунктах, они записаны на 250-ти 90-минутных аудиокассетах (компакт-диск с записями к бумажному изданию прилагается). Первый том издания (660 с.) состоит из трех частей. Первая часть «История региона» включает отображение культурно-исторической специфики Браславщины, ее национально-культурного развития в XX веке, а также описание миграционных процессов 1944–1946 гг. Вторая часть «Социолингвистическая характеристика» посвящена социолингвистической ситуации и процессу языковой конвергенции на Браславщине на основании полевых исследований 1997–2007 гг., а также генезису, лингвогеографическим отличиям, социально-возрастной дистрибуции белорусского говора региона, идиолектам польского языка, литовскому языку на Браславщине, старообрядческим говорам, сферам использования русского языка и его влиянию на белорусские говоры и польский язык в Браславском районе, месту языка в системе ценностей исследуемого пограничья. Третья часть труда содержит «Нарративные свидетельства местных жителей». Второй том издания посвящен представлению лексики двуязычных жителей региона — «Браславский словарь» (765 с.), состоящий из трех частей: 1. «Тематический реестр словаря»; 2. «Алфавитный указатель к тематическому реестру»; 3. «Алфавитный словарь диалектных и окказиональных слов».

Результатом внимания к актуальным проблемам межъязыковой омонимии (в исследовательском, образовательном и прикладном аспектах) явилось издание нескольких словарей «ложных друзей переводчика»: «Болгарско-русский дифференциальный словарь с белорусскими соответствиями» (Зинкевич 2003); «Ложные друзья переводчика» (Ивашина, Руденко, Яновец 2006); «Русско-турецкий и турецко-русский словарь “ложных друзей переводчика”» (Калюта 2005).

В «Болгарско-русском дифференциальном словаре с белорусскими соответствиями» А. В. Зинкевича представлены болгарско-русские межъязыковые омонимы, а также (при наличии, что отмечено знаком *) их белорусские соответствия. Например:

*булка** ж. 1) молодая, новобрачная (в знач. суц.); 2) молодая жена; 3) молодая женщина; 4) невестка, сноха (Зинкевич 2003: 20).

Кроме того, приводится перечень болгарско-белорусских лексических параллелей, не имеющих соответствий в русском языке. Например:

юнак м. 1) герой, молодец, храбрец; 2) стройный и сильный юноша, богатырь; 3) диал. молодожен (болг.) — *юнак* м. малады чалавек, хлопец (бел.) (Зинкевич 2003: 49).

В авторском предисловии указано, что при составлении словаря не учитывались различия в коннотации болгарских и русских лексем, а также разница в их стилистической принадлежности. Словарь имеет алфавитный принцип расположения материала.

Как было отмечено выше, специфика основного образовательного направления деятельности кафедры теоретического и славянского языкознания предполагает активное международное сотрудничество с научными и образовательными организациями зарубежных стран, в число которых входят не только европейские

государства, но и азиатские, развивающие с БГУ опыт обмена студентами и педагогическими кадрами. В формате такого сотрудничества предполагается издание учебных материалов, в том числе лексикографических. К таким изданиям следует отнести изданный в Стамбуле «Словарь лингвистических терминов» А. М. Калюты (Калюта 2004). Словарь содержит 527 статей-терминов. Словарные статьи расположены в алфавитном порядке, термины имеют русские, турецкие и английские эквиваленты.

В издательстве БГУ изданы словари, предназначенные для иностранных студентов, обучающихся в вузах Республики Беларусь, в частности, «Словарь ассоциативных норм турецкого языка», включающий 160 тыс. ассоциаций (Калюта 2014). Словарь построен по алфавитному принципу следования статей. Слово-стимул переводится на английский и русский языки, после чего приводятся реакции в алфавитном порядке убывания частотности.

К 95-летию Белорусского государственного университета был издан «Русско-белорусско-китайский, белорусско-русско-китайский, китайско-русско-белорусский словарь-минимум лингвистической терминологии» (Потапова, Фоменкова, Фоменков, Ли Вэньган 2016).

Следует отметить также издания, в которых словари являются составной частью учебных пособий. Это относится, например, к работе «Семантико-синтаксическое сопоставление славянских глаголов», составленной на материале белорусского, польского, русского и чешского языков, которая включает описание 150 глаголов (Руденко, Ивашина, Яумен 2004), а также к учебно-методическому пособию «Беларускія выразы згоды і нязгоды» (Латушко 2020) и др.

Феномену языковой игры посвящен «Этимологический словарь» (Норман 2022), содержащий более 3000 русских слов, которым придается заведомо неверное, шутовское толкование (например, *коронарный* ‘монархический’, *неолит* ‘современная литература’ и др.). Подобный опыт лексикографических изданий отражает творческие возможности языковой личности при использовании коммуникативного потенциала языка и в целом служит научной популяризации лингвистических знаний.

Заключение

Таким образом, опыт лексикографических исследований кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета БГУ в определенной степени может рассматриваться в контексте общих усилий специалистов постсоветской лингвистики как позитивный и продуктивный. К достижениям следует отнести издание целого ряда лексикографических ресурсов, в значительной степени повлиявших на обеспеченность современных лингводидактических направлений филологического факультета, Белорусского государственного университета и белорусской науки в целом. Словарная работа отдельной кафедры не растворилась в общем континууме научной работы — созданный задел успешно развивается коллегами, подтверждением чему является окончание работы над таким значимым изданием, как «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» (ГСБМ).

Необходимо отметить, что усилия белорусских лексикографов органично вписываются в канву общего поступательного развития славистики, и в частности, коррелируют с усилиями российских коллег (Щербин 2013). Дальнейшие планы кафедры по сопровождению учебного процесса в БГУ репрезентативными словарными ресурсами сегодня вполне реалистичны. Они, не в последнюю очередь ориентированы и на сотрудничество с Национальной Академией наук Республики Беларусь, и на кооперацию с другими университетами Беларуси. Высока заинтересованность ученых Беларуси и в плодотворном сотрудничестве с коллегами из России, стран СНГ и ближнего зарубежья. Российский вектор сотрудничества представляется наиболее перспективным по целому ряду образовательных и исследовательских направлений. По объективным причинам профессиональные задачи профессорско-преподавательского состава кафедры сегодня вполне конкретны и максимально практико-ориентированы, однако нет сомнений, что издание широкого круга словарных ресурсов остается одним из приоритетов научной деятельности кафедры и функционирующей на ее базе научной школы.

ЛИТЕРАТУРА

Баркович, Козловская, Бобко 2024: Баркович А. А., Козловская Л. А., Бобко Т. В. Научная работа кафедры теоретического и славянского языкознания // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2024. № 3, 87–91.

Голев 2015: Голев Н. Д. Лексическая реализация как функциональная характеристика словообразовательной системы русского языка и количественные параметры ее описания // «Осьмь десятъ». Сб. науч. статей к 80-летию И. С. Улуканова. Москва, 2015, 183–193.

ГСБМ: Гістарычны слоўнік беларускай мовы: у 37 вып. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культ., мовы і літ., Ін-т мовазнаўства / Пад рэд. А. М. Булыкі. Мінск, 1982–2017.

Гюлумянц 2004: Гюлумянц К. М. Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. Минск, 2004.

Зинкевич 2003: Зинкевич А. В. Болгарско-русский дифференциальный словарь с белорусскими соответствиями. Минск, 2003.

Ивашина, Руденко, Яновец 2006: Ивашина Н. В., Руденко Е. Н., Яновец Л. Ложные друзья переводчика. Прага, 2006.

Калюта 2004: Калюта А. М. Словарь лингвистических терминов. Стамбул, 2004.

Калюта 2005: Калюта А. М. Русско-турецкий и турецко-русский словарь «ложных друзей переводчика». Стамбул, 2005.

Калюта 2014: Калюта А. М. Словарь ассоциативных норм турецкого языка: 160 000 ассоциаций. Минск, 2014.

Козловская 2021: Козловская Л. А. Славянские языки как объект научного исследования: структура и функционирование // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2021. № 2, 20–27.

Латушка 2020: Латушка Г. П. Беларускія выразы згоды і нязгоды. Мінск. 2020.

Можейко, Супрун 1976: Можейко Н. С., Супрун А. Е. Частотный словарь белорусского языка. Художественная проза. Минск, 1976.

Можейко, Супрун 1979: Можейко Н. С., Супрун А. Е. Частотный словарь белорусского языка. Публицистика. Минск, 1979.

Можейко, Супрун 1982: Можейко Н. С., Супрун А. Е. Частотный словарь белорусского языка. Устное народное творчество. Минск, 1982.

Можейко, Супрун 1989: Можейко Н. С., Супрун А. Е. Частотный словарь белорусского языка. Разговорная речь. Минск, 1989.

Можейко, Супрун 1992: Можейко Н. С., Супрун А. Е. Частотный словарь белорусского языка. Поэзия. Минск, 1992.

Норман 2022: Норман Б. Ю. Этимологический словарь. Москва, 2022.

Плотнікаў, Трайкоўская 2004: Плотнікаў Б. А., Трайкоўская В. П. Слоўнік цяжкасцяў беларускай мовы. Мінск, 2004.

Потапова, Фоменкова, Фоменков, Ли Вэньган 2016: Потапова О. В., Фоменкова М. А. и др. Русско-белорусско-китайский, белорусско-русско-китайский, китайско-русско-белорусский словарь-минимум лингвистической терминологии. Минск, 2016.

Руденко, Ивашина, Яумен 2004: Руденко Е. Н., Ивашина Н. В., Яумен Н. В. Семантико-синтаксическое сопоставление славянских глаголов. Минск, 2004.

Смулкова, Будько, Гущева, Казанцева 2011: Смулкова Э., Будько И. В. Гущева О. И., Казанцева Е. А. Браславщина. Память и современность: В 2-х т. Варшава, 2011.

Цітова 1982: Цітова А. І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы / Нав. ред. А. Я. Супрун. Мінск, 1982.

Щербин 2013: Щербин В. К. Белорусская лексикографическая традиция: История и современность // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М. И. Чернышева. Москва, 2013, 21–61.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ. ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД

Ж. Ж. ВАРБОТ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-9783-4292>

zhannavarbot@yandex.ru

Статья содержит краткий очерк истории проекта «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (ЭССЯ) и работающего над ним коллектива. Излагаются принципы и методы работы, проблемы и намеченные пути их решения. Представлены принципиально существенные новые разработки из последнего 43-го вып. ЭССЯ: новые этимологические решения, семантические и структурные наблюдения, типы гапаксов и эксклюзивных лексических соответствий славянских языков как показатели диалектного состояния праславянского языка.

Ключевые слова: праславянский лексический фонд, этимология, праславянские диалектизмы, словообразование, семантика.

ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF SLAVIC LANGUAGES. PROTOSLAVIC LEXICAL STOCK

Zh. VARBOT

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

The article provides a concise overview of the history of the project Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Proto-Slavic Lexical Stock (ESSJa) and the team working on it. It outlines the principles and methods of research, discusses emerging challenges, and suggests possible solutions. The paper also presents fundamentally significant new developments from the latest, 43rd volume of ESSJa, including novel etymological interpretations, semantic and structural observations, as well as classifications of hapax legomena and exclusive lexical correspondences in Slavic languages, which serve as indicators of the dialectal state of Proto-Slavic.

Keywords: Protoslavlic lexical stock, etymology, Proto-Slavic dialectisms, derivation, semantics.

Фундаментальной задачей славянской исторической лексикологии и лексикографии является реконструкция лексического состава праславянского языка. Принципы и методы реконструкции разрабатывались в течение полутора веков в исследованиях по этимологии отдельных слов, этимологических гнезд, тематических групп в тесной связи с исследованиями по исторической фонетике, морфологии, морфологии и словообразованию, а также с историей славянского этноса. Этапными трудами в истории реконструкции праславянского лексического фонда являются этимологические словари славянских языков Ф. Миклошича (Miklosich 1886) и Э. Бернекера (Berneker 1908–1913); опыт реконструкции праславянских корней/основ/слов в этих трудах, совмещенной с этимологизацией заимствований, вошедших в славянские языки на протяжении их истории, а также и отдельных

поздних образований славянских языков, и критический анализ этого опыта — все это способствовало разработке в середине XX в. четырех проектов праславянских словарей: Л. Садник и Р. Айтцетмюллера в ФРГ, В. Махека в Чехии, Т. Лер-Сплавинского в Польше и О. Н. Трубачева в Москве.

По немецкому проекту издано шесть выпусков (1963–1973), затем, после смерти авторов, работа над словарем прекратилась.

В Чехии по проекту «*Etymologický slovník slovanských jazyků*» изданы два тома «*Slova gramatická a zejména*» Фр. Копечного (Кореčný 1973; 1980). Этот труд уникален по тематике, тщательности разработки и этимологической значимости, но работа по другим лексическим группам не была продолжена.

По польской программе «Праславянский словарь» — «*Słownik prasłowiański*» под редакцией Ф. Славского в 1974–2001 гг. (SP) было издано восемь томов (**a* — **gyža*), а после перерыва в 2023–2024 гг. под редакцией М. Якубович вышли 9–11 гг. (по **kyvati*).

По московскому проекту «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под редакцией О. Н. Трубачева опубликовано 42 выпуска (**a* — **perzъ*, 1974–2021) и подготовлен к печати 43 вып. (**petьlica* — **plъvati*). Таким образом, ведется работа по двум проектам реконструкции праславянского лексического состава.

Опыт этимологических исследований славянской лексики с выходом на реконструкцию праславянского лексического состава стал базой для выработки ряда теоретических и методических принципов реконструкции, которые разделяются и авторами двух продолжающихся словарей SP и ЭССЯ: реконструкция на базе лексики всех славянских языков во всех формах их существования (современные литературные и разговорные языки, история языков, диалекты, жаргоны), реконструкция слов как составляющих праславянского лексического состава, многоступенчатость глагольного и именного словообразования праславянского языка как отражение высокоразвитой материальной и духовной культуры древних славян, значительный параллелизм в развитии словообразования в истории славянских языков, древнейшее диалектное членение праславянского языка с неоднократной исторической перестройкой отношений разделения/сближения отдельных диалектов, реальность эксклюзивных лексических схождений отдельных славянских языков, реальность праславянских диалектизмов в отдельных славянских языках и их диалектах (Трубачев 1957: 58 и след.; Sławski 1974: 5–11).

Проект «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (ЭССЯ) разрабатывался О. Н. Трубачевым в 1957–1962 гг. в бытность его аспирантом, а затем младшим научным сотрудником и кандидатом филологических наук Сектора славянского языкознания Института славяноведения и балканистики АН СССР. Научный руководитель О. Н. Трубачева и заведующий Сектором С. Б. Бернштейн направил О. Н. Трубачева в годичную командировку в Польшу для ознакомления с начатой в Кракове с 1954 г. работой над близким проектом Т. Лера-Сплавинского «Праславянский словарь» («*Słownik prasłowiański*»). По возвращении О. Н. Трубачева из Польши С. Б. Бернштейн предложил ему

продолжить доработку его проекта, отложив на время выделение группы славянской этимологии. Организовать такую группу в Институте русского языка сразу же предложил Трубачеву директор Института В.В. Виноградов, с правом набрать сотрудников по собственному усмотрению. При этом даже не было оговорено количество сотрудников. В 1961–1966 гг. коллектив Сектора этимологии (в дальнейшем Сектор этимологии и ономастики, Отдел этимологии и ономастики) был сформирован в составе руководителя О.Н. Трубачева и пяти научных сотрудников — Л.А. Гиндин, Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркина, В.А. Меркулова, И.П. Петлева — и одного научно-технического — Т.В. Горячева. К тому времени Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркина, В.А. Меркулова и И.П. Петлева уже имели опыт этимологических исследований в составе коллектива, работавшего над «Этимологическим словарем русского языка» на филологическом факультете МГУ.

В 1964 г. О.Н. Трубачев защитил докторскую диссертацию «Ремесленная терминология в славянских языках», которая была опубликована в 1965 г., а в 1967 г. появилась его монография «Названия рек Правобережной Украины». Вышедшая в свет в 1991 г. работа О.Н. Трубачева «Этногенез и культура древних славян» стала обобщением лингвистических (особенно этимологических) и исторических славистических исследований и была мощным стимулом к углублению представлений о праславянском лексическом составе и его реконструкции.

В 1963–1976 гг. другие научные сотрудники Сектора защитили кандидатские диссертации, и две из них были опубликованы: В.А. Меркулова «Очерки по русской народной номенклатуре растений» (1967) и Ж.Ж. Варбот «Древнерусское именное словообразование» (1969). Затем в 1981 г. Ж.Ж. Варбот, а в 1984 г. Л.В. Куркина защитили докторские диссертации, позднее опубликованные (Варбот 1985; Куркина 1992).

С 1964 г. Отдел начал подготовку и публикацию периодического сборника «Этимология», объединяющего этимологические исследования сотрудников Отдела и других отечественных и зарубежных ученых. Под этим названием издано 32 тома. В настоящее время издание продолжается как одна из серий Трудов Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, опубликовано 3 тома (последний в 2021 г.).

К сожалению, многочисленные конкретные, весьма ценные этимологические разработки, методические соображения и теоретические выводы, содержащиеся в публикациях В.А. Меркуловой и И.П. Петлевой, не были обобщены в докторские диссертации вследствие недостатка времени, которое могло бы быть предоставлено для их написания. Также Т.В. Горячева, автор оригинальных статей по этимологии русской диалектной лексики, аргументированных интереснейшими сведениями о народной материальной и духовной культуре, не смогла (более по состоянию здоровья) оформить свои работы в кандидатскую диссертацию.

Названный выше начальный состав Сектора этимологии создал основные картотеки лексических материалов и научной литературы для ЭССЯ.

За период, прошедший со времени создания Сектора этимологии до начала XXI в., состав коллектива, работавшего над ЭССЯ, изменился в основном незначи-

тельно. Из тех, кто пришел позже, дольше всего над ЭССЯ работали Г. А. Одинцов, А. А. Калашников и А. К. Шапошников. Краткосрочным было сотрудничество Т. В. Шалаевой, В. Н. Субботиной, М. В. Туриловой, а также иностранных стажиров: серба В. Михайловича и болгарки О. Младеновой. Последний, 43 вып. ЭССЯ, подготовил авторский коллектив в составе пятерых сотрудников, это: Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина, О. М. Сергеева, И. А. Горбушина и М. Н. Белова. В настоящее время состав коллектива ЭССЯ составляют: Ж. Ж. Варбот (руководитель), научные сотрудники О. М. Сергеева, И. А. Горбушина и научно-технический сотрудник Т. В. Горячева.

В Проспекте ЭССЯ, написанном по настоянию В. В. Виноградова (который полагал, что необходимо подробное предисловие к первому выпуску), О. Н. Трубачев изложил предмет, задачи и методы работы над ЭССЯ (Проспект). Задачи проекта — это: реконструкция праславянского лексического фонда, справочник по этимологии лексики всех славянских языков, справочник по праславянскому словообразованию (Там же: 13). Метод работы: выписка потенциальных продолжений праславянских образований и производных от них из лексических материалов каждого славянского языка во всех формах их существования, затем — слияние материалов получаемых 15 картотек по праславянским реконструкциям, оформление итогового списка как словника словаря (Там же: 33–34). Важными методическими принципами являются допуск параллелизма, независимого развития производных образований (Там же: 27) и отказ от критерия «неясности, непрозрачности» как основания, необходимого для включения слова в словник ЭССЯ (Там же: 27).

Авторскую работу в первых 13 выпусках ЭССЯ осуществил сам О. Н. Трубачев. Другие члены коллектива делали выборку материала с предварительной реконструкцией на праславянском уровне (15 картотек) и слияние материалов в единую картотеку словника ЭССЯ, а также составляли картотеку экскерпций из этимологической литературы. С 14-го выпуска ЭССЯ авторская работа в ЭССЯ была доверена также другим членам коллектива (Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина, В. А. Меркулова, И. П. Петлева), позднее авторами становились новые сотрудники ЭССЯ.

В Проспекте ЭССЯ указаны объем, ожидаемые темпы, размеры и сроки издания: 10 выпусков по 20 а. л. с интервалом в среднем в один год, с подготовкой первого выпуска к 1965 г. (Проспект: 36). Реальность такова: первый выпуск опубликован в 1974 г. Всего опубликовано 42 выпуска, каждый в среднем по 20 а. л., сейчас подготовлен к печати 43-ий вып. (50 а. л., последняя статья **plyvati*), что примерно охватывает несколько менее $\frac{3}{4}$ ожидаемого словника. Это несовпадение, в сущности, нельзя не считать ожидаемым и даже запланированным, хотя и ненамеренно: оно предопределено задачами проекта и методами его разработки. Сформулированные задачи и методы разработки при колоссальном (и постоянно увеличивающемся) объеме лексикографических (не говоря уже о лексикологических) источников априори противоречили предполагаемым высоким темпам разработки проекта, поскольку предполагали силами ограниченного коллектива осуществление, — параллельно с реконструкцией праславянского фонда, — также и этимологизации исконной лексики 15-ти славянских языков, то есть (за ис-

ключением поздних заимствований) создание конгломерата из 15-ти словарей типа словаря М. Фасмера.

Эти противоречия и проблемы накануне 30-летия публикации первого выпуска ЭССЯ (при подготовке к публикации 29 вып.) определенно осознал автор проекта О. Н. Трубачев: словник с А–О-начальными, по мнению О. Н. Трубачева, — «едва ли половина будущего комплектного ЭССЯ» (Трубачев 2003: 19). В результате словник с О-начальным занял 13 выпусков Словаря: с 27-го по 40-ой. Очевидно, О. Н. Трубачев принял неизбежность увеличения объема и замедления темпов, но не соглашался с возможностью сокращения словника за счет этимологически прозрачных единичных образований отдельных славянских языков и производных далее второй ступени, а в потенциальном увеличении числа сотрудников О. Н. Трубачев видел угрозу неуправляемости. Поэтому преподавательская работа Ж. Ж. Варбот на филологическом факультете МГУ с 1996 г. по 2014 г. (лекционный курс «Введение в славянскую филологию», семинар «Русская этимология») и в аспирантуре ИРЯ, результатом которой были 40 дипломников и 9 кандидатов филологических наук, к сожалению, не принесла существенного кадрового пополнения в ЭССЯ. Приняты в ЭССЯ были двое — А. А. Калашников и Т. В. Шалаева, однако они не задержались надолго. Т. В. Шалаева, будучи сотрудником коллектива «Общеславянского лингвистического атласа» в Институте славяноведения РАН, продолжает работать по этимологической тематике. Поскольку подготовленные в семинаре Ж. Ж. Варбот дипломные работы и диссертации вливались в общее диасхроническое направление лингвистических исследований в русистике конца XX — начала XXI вв., следует отметить наиболее глубокие и перспективные работы — диссертации, содержание которых отражено в авторефератах: С. А. Мельникова Мотивационная и генетическая характеристика лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь» в русском языке (2012); Ю. М. Муратов Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля ‘присвоение чужого’ в русском языке (2015); М. В. Турилова Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «безумие» в русском языке (2010); Г. И. Урбанович Генетическая характеристика лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача» в русском языке (2007); А. В. Хелемендик. Генетическая характеристика лексико-семантического поля «ругать(ся)» в русском языке (2007); Т. В. Шалаева Сопоставительный структурный и семантический анализ этимологических гнезд со значением «движение жидкости» в русском языке (2010). См. также анализ результатов исследования лексико-семантических полей русского языка в статье (Варбот 2023).

О. Н. Трубачев ушел из жизни в 2002 г. при подготовке 32 вып. ЭССЯ. Сменивший его (по рекомендации О. Н. Трубачева) А. Ф. Журавлев как ответственный редактор ЭССЯ и руководитель Отдела этимологии и ономастики следовал принципам О. Н. Трубачева (хотя ограничился участием в авторской работе только в 34-ом вып.).

Методы сокращения словника обсуждались в коллективе, но неофициально, и никаких конкретных попыток не предпринималось. При этом не было и явной

критики ни со стороны рецензентов, ни даже специалистов-этимологов. Поэтому полной неожиданностью стала публикация в 2014 г. в ж. «Вопросы языкознания» статьи В. Б. Крысько Маргиналии к «Этимологическому словарю славянских языков» (вып. 34–38) (Крысько 2014). Игнорируя программное значение двойного названия проекта «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», которое указывает на решение в одном труде двух задач, автор статьи упрекал исполнителей проекта в отходе от реконструкции праславянского фонда к описанию словообразования славянских языков и указывал на финансовую и временную проблематичность полного осуществления проекта по завершению ЭССЯ. Совершенно очевидно, что В. Б. Крысько увидел и указал лишь на недоработки при решении поставленных задач и реализации методики, которые действительно нуждались в корректировке. А. Ф. Журавлев не принял предложение сотрудников ЭССЯ обсудить с В. Б. Крысько его критику или вынести это обсуждение на Ученый совет Института. Весной 2014 г. А. Ф. Журавлев в силу перегруженности из-за участия в других проектах отказался от руководства Отделом этимологии и ономастики (на стадии подготовки 40-го вып. ЭССЯ), рекомендовав дирекции ИРЯ передать руководство Ж. Ж. Варбот.

Несколько ранее существенно изменился состав авторского коллектива ЭССЯ. С весны 2014 г. его составляли: Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина, А. К. Шапошников, О. М. Сергеева, М. Н. Белова, Т. В. Горячева, в 2016 г. присоединилась И. А. Горбушина.

Теперешний коллектив ЭССЯ разделяет мнение авторов проектов ЭССЯ и SP о приоритетной значимости реконструкции праславянского лексического состава для славянского языкознания и славистики как науки о славянах в целом. Эта оценка была однозначно выражена также участниками Круглого стола Этимологической комиссии при Международном комитете славистов 1 ноября 2024 г., посвященного 50-летию со времени публикации (1974 г.) первых выпусков/томов ЭССЯ и SP. Проекты должны быть полностью реализованы при всех методических, кадровых и финансовых трудностях.

Методической проблемой является, как уже сказано, непомерный объем словника ЭССЯ. Сокращение его возможно, поскольку, в отличие от многих лексикографических проектов, словник ЭССЯ не составлен априори для всего охвата алфавита и не составляется заранее (до сбора материала) для каждого выпуска (см. выше), хотя сокращение связано с отступлением от некоторых принципов О. Н. Трубачева. Опыт работы над ЭССЯ убедил в многоступенчатой словообразовательной разветвленности потенциальных лексических рефлексов праславянских слов в славянских языках. Трудность дифференциации продолжений одного древнего образования и параллельных образований отметил в свое время О. Н. Трубачев (Перспектив: 27). Учитывая увеличение вероятности параллелизма при усложнении производных структур, считаем возможным ограничение словника ЭССЯ производными 2-ой ступени (подробнее: Варбот 2024). Другой резерв для сокращения словника — единичные этимологически «прозрачные» образования отдельных славянских языков с продуктивными славянскими словообразовательными моделями, не имеющие несомненных структурных характеристик праславянского или

индоевропейского периодов и соответствий в индоевропейских языках. Этими ориентирами руководствовались авторы в 42-ом и 43-ем вып. ЭССЯ, хотя строгость их применения, несомненно, иногда нарушалась.

В связи с обсуждением проблем словника ЭССЯ следует, очевидно, остановиться на структуре словарной статьи в ЭССЯ. Заглавным словом статьи является реконструированное праславянское слово под астериском-звездочкой. За ним представлен лексический материал отдельных славянских языков в установленном Проектом порядке: старославянский, болгарский, македонский, сербско-хорватский, словенский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий, полабский, польский, кашубско-словинский, русский, украинский, белорусский. Порядок расположения материала каждого языка: старый, литературный, диалектный, жаргонный. Допускается дополнение материала, строго соответствующего реконструированной форме, некоторыми производными, подтверждающими производящую основу или свидетельствующими о большей языковой реализации этой основы. Лексический материал приводится с указанием источников. Этимологическое толкование не имеет predetermined границ и порядка изложения. Как правило, излагаются различные известные толкования (с указанием источников), их критика и обоснование предпочитаемой автором статьи версии. Спецификой словарной статьи ЭССЯ является отсутствие при реконструированном заглавном слове реконструкции значения. Принимая такую форму, автор проекта исходил из реальности исходной многозначности производного праславянского слова и имплицитной выводимости семантических характеристик из устанавливаемых этимологическим анализом мотивационных отношений производных и производящих слов/основ.

Оценивая значение 30-летней разработки Словаря накануне выхода в свет 29-го вып. ЭССЯ, О. Н. Трубочев определил работу над словарем типа ЭССЯ как «первый опыт праязыковой лексикографии вообще» (Трубочев 2003: 46), а уже полученные результаты как «принципиальный прорыв в древнюю грамматику, словообразование и семантику в самом широком смысле (то есть и лексическую, и культурную)» (Там же: 21). Как факты такого прорыва отмечены следы древних префиксов, причастий, вариантность словообразовательных суффиксов, новые мотивационные модели (Там же: 20–22).

Теперь, по прошествии еще 20-ти лет, публикации еще 13-ти выпусков ЭССЯ и подготовке к печати 43-го вып., можно претендовать на некоторое расширение этого прорыва путем реконструкций словника и разработки новых этимологических решений на базе все расширяющегося фонда славянской лексикографии, особенно — широкого вовлечения в исследование славянской диалектной лексики.

Ниже излагаются некоторые разработки из 43-го вып. ЭССЯ.

В словник введены реконструкции двух непроеизводных слов.:

1. **pěsъ*: н.-луж. *pěs*, польск. *piach*, с производными русск. диал. *пешина* ‘песок’, болг. диал. шумен. *песовник* ‘песчаник’ и *песуляк* страндж. ‘вид почвы’, пирот. ‘оползень на горе’, русск. диал. *песьяной* ‘песчаный’, *песной* ‘песчаный’, *песовый* ‘песочного цвета’, *песовина* ‘песчаное место на реке, мель’; слово индо-

европейского происхождения, ср. др.-инд. *pāṁsú* ‘пыль, песок’, авест. *pąsnuš* ‘то же’ (см. **pěsъkъ*).

2. **plěszь*: сербохорв. *plijes* м.р. ‘плесень’, словен. *plêš* м.р. ‘плесень’, кашуб. *ples*, -е м.р. ‘плесень’ и имена с -i- основами: польск. диал. *plesz* ‘плесень’, *pleś* ж.р. ‘плесень’, помор. *ples*, -е ж.р. ‘плесень’, русск. диал. *плесь* ‘плесень’ (ряз., орл.), блр. диал. зап.-гом. *плесь* ‘налет на квашеной капусте’.

Новые этимологические толкования:

pěra*: чеш. *pěra*, словц. *pera* ‘мучное кондитерское блюдо, род кнедлика, пирожок’, производное от **pěratī* ‘давить, катать’ (pъratī*).

**pětati*: русск. диал. *нѣтатъ*, -аю ‘бить, колотить, мучить, давить, душить; ‘знать, понимать, соображать’, блр. *пѣтаць* ‘бить, колотить’; укр. диал. *пѣтувать*, -ую ‘мучиться, страдать от тяжелой работы’, болг. диал. *нѣтним* ‘воспитывать, обучать, исправлять’, *‘гнать’. Родств. с **pъxati* / **pěšiti* на базе и.-е. корня **pei-/ *poi-* ‘раздроблять, раздавливать’.

**pětriti* / **pětrati*: русск. диал. *нѣтрить* ‘понимать, соображать’, ‘объяснять’, ‘ощущать, чувствовать (о руках)’, разгов. и жарг. *нѣтрить* ‘понимать, соображать; разбираться в каком-л. вопросе’, блр. диал. *нѣтрыць*, *нѣтриць* ‘понимать, соображать’, укр. *нѣтрами*, -аю разг. ‘понимать’, диал. *нѣтрами*, -раю ‘понимать’.

Производное от **pětati* ‘давить, бить’ (см.) с экспрессивным -r-, ср. русск. диал. *нѣтатъ* ‘понимать, соображать’.

**plovьma* / **plujьma* / **plyьma*: русск. диал. *плóйма* ж.р. ‘множество, большое количество кого-л., чего-л., о детях; скопление червей’, блр. *плóйма* ж.р. (разг., диал.) ‘большое количество, уйма; (о людях) скопище, орава’, укр. диал. *плійма* ж.р. ‘толпа, стая’, *пліјма* ‘уйма, тьма (о живых существах)’, ср. ст.-чеш. *plovto* нареч. ‘потоком’, ст.-русс. *плóймыи* прилаг. ‘относящийся к плаванию’.

Существительное, производное с суфф. -ьма от вариантных корней **plov-* / **ply-* / **ply-* глаголов **plovati*, **ploviti*, **pluti*, **plyti*.

Ср. **plovьba*: сербохорв. *plóvba*, -у ж.р. ‘плавание’, словен. *plóvba* ‘плавание’; сюда же сербохорв. диал. *plójbа*, -е и *pjôjbа* ж.р. ‘место, где капает и набирается вода’ и *plovka* ‘детская игра в плоские округлые камешки’.

Производное с суфф. -ьba от гл. **ploviti*.

**pitva*: чеш. *pitva* (*pytva*) ж.р. ‘медицинское разрезание мёртвого тела для тщательной экспертизы’, словц. *pitva* ж.р. то же, в.-луж. *pitwa* ‘анатомия’; сюда же чеш. *pitvati* ‘совершать такое разрезание’, диал. ‘готовить’, (перен.) ‘подробно разбирать, анализировать’, ‘готовить рыбу, птицу, дичь; потрошить’, ст.-словц. *pitvat*’ (*pistvat*’, *pistovat*’) ‘потрошить’ (Histor. sloven. III: 807), словц. *pitvat*’, -е, -і, (разг.) *pitví* ‘анатомировать; разрезать, вскрывать; (перен., разг.) тщательно что-л. анализировать; потрошить (убитых животных, дичь)’, в.-луж. *pitwaś* и н.-луж. *pitwaś* (*se*) ‘копать(ся), рыть(ся)’, польск. *pitwaś*, *pytwaś* ‘резать, кромсать тупым ножом, потрошить’.

Слово индоевропейского происхождения: **pītṛā* ‘еда, пища’ (к и.-е. **pejə-* ‘насыщать (ся), тучнеть’) при родстве с др.-инд. *pitva-* (*apa-pitva-* ‘время трапезы’), авест. *piqwā* ‘пища’.

***pětje:** русск. диал. *под пятьем*: в загадке *Двадцать четыре брата стоят под пятьем, головками в кучу, а спинками врозь* = *иши* (Зап. Сиб.) (СРНГ 33: 236). Поскольку *иши* — ‘островерхая куча, ворох, насыпь, постройка; островерхий шалаш, балаган из составленных сахарной головой и покрытых соломой жердей; жерди шатром, под сушку гороха; род самого простого овина’ — ***pětje** может быть истолковано как сущ., производное с суфф. *-ěje* от страд. прич. прош. вр. глг. *pěti*, *рьпѣ* (см.) с предположительным значением ‘(островерхий) навес над местом для просушки с/х культур’. Ср. также ***pětro** (см.), с к-рым взаимно поддерживают версию производности от *pěti*.

pl’uščь IV:** болг. *плющ* ‘плющ’, макед. *плиш* м.р. ‘плющ’, сербохорв. *pljušt* м.р. ‘плющ’, словен. *plušč* то же, полаб. *pl’aust’ă* (pl’ušča**) м.р. род. ед. ‘плющ’, русск. *плющ*, *-ă* ‘ползучее растение, цепляющееся своими выходящими из стеблей добавочными корнями за опору’.

С учетом особенности формы произрастания растения, — вьющегося и цепляющегося за опору, — вероятна мотивация названия по кривизне и примыканию, прилеганию к опоре; возводится к глг. ***pl’uščiti** / ***pl’uščati** с семантической составляющей давления, сдавливания: см. выше глаголы со значениями ‘смежать, смыкать, оседать, сплющивать’, особенно блр. диал. *пліюшчыцца* ‘коробиться, гнуться’.

***plęty(jь):** польск. диал. *plęty* ‘многий, обильный, урожайный’, словин. *platy* прилаг. ‘многий, богатый, обильный’ (Lorentz. Pomor. I: 633). Бессуф. производное от ***plętati**: польск. *plętac* ‘плести, путать, наматывать, смешивать’.

Из ярких структурных характеристик словника 43-го вып. ЭССЯ следует отметить множество глаголов и производных от них имен с начальным *pl-*, для которых наиболее вероятно звукоподражательное происхождение, при значительном разбросе значений соответствующих славянских глаголов и имен от обозначений самых разнообразных движений с соответствующими шумами до названий орудий, животных и растений. При этом нередко развитие значений побуждает к рассмотрению возможности образования на базе глагольного гнезда ***plyti** / ***pluti** / ***plavati**, что отражено уже в существующих этимологических словарях и частных исследованиях. Ср. совмещение звуковой семантики и семантики движения воды в ***piščati**.

Иногда при анализе значений лексических соответствий и производных обнаруживаются результаты осмысления носителями языка таких «вторичных» качеств объектов, которые имплицитно соответствуют реконструируемым первичным мотивациям и подтверждают их. Так, глагол ***plužiti**, производный от ***plugъ**, в западнославянских языках значит ‘приносить пользу, доход’ = ‘везти’, а ***plugati** в чешском и словацком и ***pluganiti** в восточнославянских — ‘медленно двигаться, тащиться’, что соответствует обозначению ***plugъ** как производного от ***pluti**: ‘орудие, которое легче, чем соха, движется по земле (= приносит пользу, выгодно), хотя и медленнее, чем всадник или гужевой транспорт’.

В области словообразования примечательна значительная роль существительных с суффиксами второй ступени (*-ьсь*, *-ьп-*, *-ьникъ* / *-ьница*), продолжения кото-

рых в славянских языках могут толковаться также как параллельные образования, но представляют интерес как свидетельства производящих основ.

Важной характеристикой реконструированного праславянского словника ЭССЯ является обнаружение праславянских диалектизмов и специфических межъязыковых лексических схождений славянских языков. В докладе к 30-летию выхода первого выпуска ЭССЯ О. Н. Трубачев привел список из полутора десятка слов этой категории в составе словника ЭССЯ на *А / О*-начальные, предсказав значительную величину этого списка во всем словаре и его значение для суждения о диалектом состоянии и географии праславянского языка (Трубачев 2003: 18–19). Большая выборка из 41 вып. ЭССЯ (с 1-го по 41-ый) принадлежит Л. В. Куркиной (Куркина 2021). В 43-ем вып. ЭССЯ число таких слов также значительно. Это, прежде всего, приведенные выше **pěra* (чеш., словц.), **pětati* (русс., укр., блр., болг.), **pětriti* (русс., укр., блр.), **pitva* (чеш., словц., луж.), **plovьta* (русс., укр., блр.), **plovьba* (сербохорв., словен.), **pětyje* (русс.), **plętyjь* (польск., словин.).

Далее приводится перечень типов предполагаемых диалектизмов, по материалам 43-го вып. ЭССЯ (с выборочными списками):

лексические соответствия групп южно- и восточнославянских языков: **pěgyjь*, **pětylь*, **pil'ugъ*;

лексические соответствия групп западно- и восточнославянских языков: **pędlo*, **pijakъ*, **pisakъ*, **pl'ugъ*;

лексические соответствия групп южно- и западнославянских языков: **pětynikъ*, **plytěkъjь*;

эксклюзивные соответствия языков различных групп: **pěxur'ь* (ц.-слав., чеш., укр.), **pěster'ь* (словен., русск.), **pěstuxa* (словен., русск., блр.), **pěsъčerъ* (словен., русск.), **pękati* (словен., русск., блр.), **pętati* (сербохорв., словен., чеш.), **plavъjь* (болг., др.-русс., укр.), **plъvěti* (макед., зап.-слав.), **pěstota* (чеш., укр., блр.), **pitivo* (чеш., русск.), **pluda* (польск., русск.), **pěvunъ* (польск., русск., блр.), **pluziti* / **pluzditi* (в.-луж., словц., русск.);

гапаксы отдельных групп славянских языков: **pěxati* 'тяжело дышать', **pěvačъ*, **plašica* (юж.-слав.), **pětexъ* (сербохорв., словен.), **pěknъjь*, **pędimožъ*, **pilъjь*, **pl'uskyrъ* (зап.-слав.), **plęsti*, **plętati* (польск., словин.), **plydъ* (чеш., польск.), **plugati* (чеш., словц.), **pěvъnъ*, **pěžiti*, **pisęgъ / a*, **pluganiti*, **plygati* (вост.-слав.), **pětunъ*, **plęstati* (русс., блр.);

гапаксы отдельных славянских языков: **pirěninъ* (др.-болг.), **pirъ* 'гниль' (словен.), **pl'uti* (луж.), **pijatva* (словин.), **pěxъlo*, **pętar'ь*, *pičъkati*, **plykati*, **plyzati* / **plyzgati* (русс.).

Небольшой коллектив ЭССЯ имеет значительный «задел» в виде картотек лексических материалов на *Ро*-начальное и продолжает работу над проектом ЭССЯ.

ЛИТЕРАТУРА

- Варбот 1969:** Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. Москва, 1969.
- Варбот 1985:** Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. Москва, 1985.
- Варбот 2023:** Варбот Ж. Ж. Память славян в словах. Москва, 2023, 60–66.
- Варбот 2024:** Варбот Ж. Ж. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд: проект, разработка, состояние, проблемы, решения // Славяноведение. 2024. № 3, 67–78.
- Крысько 2014:** Крысько В. Б. Маргиналии к «Этимологическому словарю славянских языков» (вып. 34–38) // Вопросы языкознания. 2014. № 1, 110–119.
- Куркина 1992:** Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.
- Куркина 2021:** Куркина Л. В. Праславянские лексические диалектизмы восточнославянского словаря (по материалам ЭССЯ, вып. 1–41) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 4, 128–153.
- Меркулова 1967:** Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Москва, 1967.
- Проспект:** Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. [Составлен О. Н. Трубачевым]. Москва, 1963.
- СРНГ 33:** Словарь русских народных говоров. Вып. 33. Санкт-Петербург, 1999.
- Трубачев 1957:** Трубачев О. Н. Принципы построения этимологических словарей славянских языков // Вопросы языкознания. 1957. № 5, 58–72.
- Трубачев 2003:** Трубачев О. Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003). Доклад пленарного заседания. XIII Международный съезд славистов в Любляне (Словения), 2003 г. Москва, 2003.
- Berneker 1908–1913:** Berneker E. Slawisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908–1913.
- Histor. sloven.:** Historický slovník slovenského jazyka / Ved. red. M. Majtán. T. I–III. Bratislava, 1991–1994.
- Kopečný 1973; 1980:** Kopečný Fr. Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zejména. I–II. Praha, 1973; 1980.
- Lorentz. Pomor.:** Lorentz Fr. Pomoranisches Wörterbuch. Bd. I–II. Berlin, 1958; 1968.
- Miklosich 1886:** Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der Slawischen Sprachen. Wien, 1886.
- Ślowski 1974:** Ślowski F. Wstęp // Słownik prasłowiański. T. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974.
- SP:** Słownik prasłowiański / Red. Fr. Ślowski. T. 1–8. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–2001; T. 9–11. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 2023–2024.

СРПСКА ШКОЛА СЕМАНТИЧКО-ДЕРИВАЦИОНЕ ЛЕКСИКОГРАФИЈЕ

Рајна ДРАГИЋЕВИЋ

Универзитет у Београду

(Београд, Србија)

<https://orcid.org/0000-0001-7833-1027>

rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

У овом раду представљене су теоријске основе српске семантичко-деривационе лексикографије, чији је оснивач била проф. Даринка Гортан Премк, велики српски лексикограф и лексиколог. У првом делу рада указује се на чињеницу да различити деривациони речници настају са различитом мотивацијом и циљевима аутора. Српски *Семантичко-деривациони речник* (СДР) настао је, пре свега, као инструмент за лексиколошка истраживања. У другом делу рада износе се теоријска становишта Д. Гортан Премк о улози деривационих процеса за истраживање значења лексема. У трећем делу рада указује се на радове припадника ове школе, а на крају рада представља се семантичко-деривационо гнездо придева *млад* као илустрација *Семантичко-деривационог речника* српског језика.

Кључне речи: деривациони речници, семантичко-деривациони речник, српска лексикографија, српски језик.

СЕРБСКАЯ ШКОЛА СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Райна ДРАГИЧЕВИЧ

Белградский университет

(Белград, Сербия)

В статье представлены теоретические основы сербской семантико-деривационной лексикографии, основоположником которой была проф. Даринка Гортан Премк, уважаемый сербский лексикограф и лексиколог. В первой части статьи указывается на то, что разные словообразовательные словари создаются с разной мотивацией и целями авторов. «Сербский семантико-деривационный словарь» (СДР) создавался прежде всего как инструмент лексикологических исследований. Во второй части статьи представлены теоретические взгляды проф. Д. Гортан Премк о роли словообразовательных процессов в исследовании значения лексем. В третьей части указаны работы представителей этой школы, а в конце статьи представлено семантико-деривационное гнездо прилагательного *молодой* как иллюстрация «Семантико-деривационного словаря сербского языка».

Ключевые слова: словообразовательные словари, семантико-деривационный словарь, сербская лексикография, сербский язык.

SERBIAN SCHOOL OF SEMANTIC-DERIVATIONAL LEXICOGRAPHY

Rajna DRAGIĆEVIĆ

University of Belgrade
(Belgrade, Serbia)

The article presents the theoretical foundations of Serbian semantic-derivational lexicography, the founder of which was prof. Darinka Gortan Premk, a great Serbian lexicographer and lexicologist. The first part of the article points out that different word-formation dictionaries are created with different motivations and goals of the authors. The “Serbian Semantic-Derivational Dictionary” (СДР) was created primarily as a tool for lexicological research. The second part of the article presents the theoretical views of prof. D. Gortan Premk on the role of word-formation processes in the study of the meaning of lexemes. The third part lists the works of representatives of this school, and at the end of the article, the semantic-derivational nest of the adjective *young* is presented as an illustration of the “Serbian Semantic-Derivational Dictionary of the Serbian language”.

Keywords: word-formation dictionaries, semantic-derivational dictionary, Serbian lexicography, Serbian language.

1. Деривациони речници словенских језика и мотивација за њихово настајање.

Речници деривационих гнезда израђени су за многе словенске језике и сваки од тих речника има неки примарни циљ. Тако, на пример, А. Н. Тихонов у предговору свог двотомног деривационог речника (*Словообразовательный словарь русского языка*) истиче да се у његовом речнику представља творбена структура деривата — показано је од којих мотивних речи и помоћу којих творбених средстава су они настали, а затим додаје:

«Здесь одновременно учитываются все словообразовательные связи однокоренных слов; с одной стороны, устанавливается, на базе какого однокоренного слова оно создано; с другой стороны, выявляется, какие родственные слова образованы от него, т.е. раскрывается не только словообразовательная структура каждого однокоренного слова, но и выявляется словообразовательный потенциал, роль и место в словопорождающем механизме современного русского языка» (Тихонов I, 1990: 3)¹.

Закључујемо да је основна мотивација аутора овог речника била да сачини речник којим ће се испитивати творбена структура и творбени потенцијал руске лексице.

Пре овог великог двотомног деривационог речника, чије је прво издање објављено 1985. године, А. Н. Тихонов сачинио је 1978. године и школски дерива-

¹ Међу творбеним речницима руског језика има и других веома корисних и цитираних речника, исп. нпр. *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка* В.В. Лопатина и И.С. Улуханова, али ми се у овом раду бавимо речницима деривационих гнезда и зато предност дајемо речнику А. Н. Тихонова.

циони речник (*Школьный словообразовательный словарь русского языка*). У предговору трећег издања овог речника (1996), аутор се обраћа ученицима, будућим корисницима свог речника, и обавештава их да у његовом двотомном речнику има 145.000 речи, од којих само 19.000 спадају у просте, неизведене речи. Све остале су настале неким типом творбе. Аутор констатује:

«Это реальные слова. В языке их немало. Грамотный человек обязан их понимать. Чтобы правильно понять их смысл и употреблять в своей речи, надо уметь разбираться, из каких частей они состоят» (Тихонов 1996: 3).

Основни мотив за израду овог речника био је образовни, педагошки. Циљ аутора је био да подигне ниво језичке културе ученика, да им помогне да овладају што већим бројем речи матерњег језика, а пут ка том циљу води преко речника који ће ученицима помоћи да разумеју творбену структуру речи, што ће довести до бољег овладавања значењем и употребом деривата.

Јевгенија Карпиловска (2002) саставила је деривациони речник украјинског језика полазећи од идеје да корисницима представи деривациона гнезда лексема са хомографским кореном, нпр. *арт*¹ и *арт*²; *бав*¹ и *бав*² (*Корневий гніздовий словник української мови*). Овако осмишљен речник је веома користан јер се хомонимија понекад открива на основу различитих деривационих гнезда лексема. Циљ овог речника био је да се идентификују хомонимични корени у украјинском језику, који могу довести до забуне у комуникацији. Хомонимични корени дају и деривациона гнезда чији су неки чланови хомоними, а овај речник помаже у томе да се и такве лексеме идентификују.

У предговору бугарског деривационог речника (*Словообразователен речник на съвременния български книжовен език*), Ј. Пенчев, К. Илиева и Г. Михайлова (1999: 5) констатују да њихов речник има циљ да представи један од творбених начина, а то је афиксација. Будући да је слагање другачије и да захтева различит опис, аутори су се у свом речнику усредосредили само на суфиксацију и префиксацију с циљем да утврде суштину афиксације у бугарском језику.

2. Семантичко-деривациони речник српског језика.

Иако сви ови речници сигурно имају и друге циљеве, изложили смо оне које су аутори нарочито нагласили и који су их мотивисали током рада. Другачији од свих ових речника је *Семантичко-деривациони речник српског језика* (СДР), који је осмислила лексиколог и лексикограф Даринка Гортан Премк. Одређујући концепцију овог речника, она је навела једанаест циљева овог речника, и скоро сви су они усмерени на употребу деривационог речника у семантичким (лексиколошким) истраживањима, а не само у деривационим (Гортан Премк 2002). Због тога је то једини речник који у свом наслову има и придев *семантички* и назива се семантичко-деривациони речник. Навешћемо циљеве овог речника, цитирајући само најважније сегменте из рада Гортан Премк (Гортан Премк 2002: 104–105)².

² Пошто је проф. Гортан Премк изложила циљеве овог речника пре него што је почела његова израда, она о овом речнику пише у облику потенцијала, па ћемо и ми тако цитирати.

Прво. Показало би се које су то лексеме које су способне за формирање деривационих гнезда, односно које су лексеме способне за семантичко варирање, а које нису [...] Друго. Позало би се које основне лексеме нису способне за формирање деривационих гнезда [...] Треће. Испитао би се и утврдио деривациони потенцијал појединих категорија речи [...] Четврто. Показало би се који су елементи из семантичког садржаја више продуктивни, а који мање [...] Пето. Видело би се да ли тип и правац деривације зависе од категорије речи у иницијалном положају [...] Шесто. Дошли бисмо до података на основу којих бисмо разликовали граматичку од семантичке деривације [...] Седмо. Дошли бисмо до пописа основних лексема и лексичко-семантичких група речи [...] које чине основу лексичког система. Осмо. Дошли бисмо до пописа лексема које учествују у формирању композита; то би нам омогућило да сазнамо које су категорије речи више способне за формирање сложеница, а које мање. Девето. Могли бисмо да рангирамо улогу метафоре, метонимије и синегдохе у лексичком систему [...] Десето. Дobili бисмо увид у ширину платисемије (мислимо на платисемију као широкозначност — велика зграда, велики трг, велико јело) [...] Једанаесто. Овако испитан лексички систем омогућио би теоријски засновано лексичко нормирање.

Идеја проф. Гортан Премк била је да се изради деривациони речник који ће представљати инструмент за проучавање организације лексичког система — метафоричких, метонимијских и других полисемијских процеса, семантичког потенцијала лексема, парадигматских лексичких веза и других питања које спадају у лексикологију. Она је дубоко веровала да је испитивање деривације лексема подједнако важно за истраживање семантике лексема као и анализа полисемије. Настанак сваког деривата има свој разлог и открива нешто о семантици мотивне речи, о једној њеној семантичкој могућности која се оплодила дериватом. Лексички систем није могуће разумети док се не опише место сваке лексеме у њему, а то је могуће само ако се опише семантички потенцијал лексема — разлози за настанак полисемије и деривације сваке лексеме, као и семантички однос мотивне и мотивисане речи, семантичког извора и семантичког резултата.

Проф. Гортан Премк је због тога сматрала да деривати који се представљају у *Семантичко-деривационом речнику* морају бити дефинисани и да је у том речнику подједнако важно представити деривационе процесе и значења деривата. Под деривационим описом подразумева се указивање на мотивну реч деривата, означавање творбене границе унутар деривата, осврт на везу између етимолошког и деривационог порекла лексема, што је понекад важно. Под семантичким описом подразумева се представљање у речнику полисемантичке структуре сваког деривата. У томе је било важно ослањати се на најкомпетентније једнојезичке речнике, а пошто је била врстан лексикограф, проф. Гортан Премк је радила редакцију сваког речничког чланка у *Семантичко-деривационом речнику*. При томе је водила рачуна о томе да се дефиниције скрате због лакше прегледности, али да се не избришу они делови дефиниција и она значења деривата који имају значај за даљу

научну анализу³. Да би се остварили ови циљеви речника, било је важно детаљно представити семантичко-derivациона гнезда лексема, а затим и сва значења свих деривата. Због тога је СДР различит од свих осталих derivационих речника у словенском свету који су нам познати. Један је од најобимнијих по броју деривата који су представљени у derivационим гнездима, а свакако има и најдетаљније изложену полисемантичку структуру деривата.

Д. Гортан Премк је као теоријску основу овог речника изложила следеће теоријске постулате које је речник требало да провери:

1. Основу лексичког система чине просте, основне речи.
2. Полисемија је основни механизам у организацији лексичког система. Полисемија може бити статичка (латисемија = широкозначност) и динамичка, творачка (метафора, метонимија).
3. Варирање у derivацији аналогно је или добрим делом аналогно, варирању у полисемији (*град спава* = *грађани спавају*).
4. Различита су значења повезана у једну лексему кохезијом сема (било да је она проста или дериват било ког типа).
5. Изведене речи према семантичкој структури двојаче су — једне су двореференцијалне, а друге су једнореференцијалне — у друге спадају, на пример речи субјективне оцене (*звончић*, *звонина*) и оне моционе (*звонарка*), прве су све друге изведене речи.

(Гортан Премк 2002: 105–106)⁴

Ових пет тачака теоријских основа *Семантичко-derivационог речника* представљају, у ствари, полазишта проф. Гортан Премк о организацији лексичког система. Она није, као, на пример, А. Тихонов (I, 1990: 18–52), кренула од основних појмова српске творбе речи (исп. *Основные понятия русского словообразования*), већ од основних појмова у лексикологији. За СДР је посебно значајна тачка 3, у којој се наглашава да је варирање у derivацији аналогно варирању у полисемији.

Пошто Матица српска није могла да уступи на коришћење ауторима СДР електронску верзију свог једнотомног речника савременог српског језика, одлучено је да се изаберу тематске групе лексема које ће бити представљене у том речнику. У складу с идејом да речник треба да послужи за семантичка истраживања, проф. Гортан Премк одлучила је да изабере тематску групу лексема које се односе на човека имајући у виду да те лексеме имају најбогатију полисемију и derivацију у свим језицима, па и у српском.

Тако је настао двотомни речник у чијем су првом тому (објављеном 2003. године) обрађена derivациона гнезда лексема које означавају делове тела, а у другом тому (објављеном 2006. године) обрађена су derivациона гнезда лексема које означавају унутрашње органе и ткива, психофизиолошка стања и радње, психофизичке

³ У предговору овог речника стоји да он, ипак, није рађен с идејом да га корисници користе као описни речник српског језика: „Он није рађен да би се из њега учило значење речи већ о значењу речи” (СДР 2003: 7).

⁴ Овај цитат се износи уз скраћивања и минимална прилагођавања изворног текста.

особине, сродство. Редакторке првог тома биле су Даринка Гортан Премк, Вера Васић и Љиљана Недељков, а редакторке другог тома биле Даринка Гортан Премк, Вера Васић и Рајна Драгићевић⁵. У оба тома речника обрађено је 211 деривационих гнезда, у којима има 9385 деривата.

Идеја да се речник деривационих гнезда израђује по тематским групама простих, неизведених лексема такође је нова и необична у науци о творби речи и славистици. Кренуло се од детаљног приказа деривационих гнезда лексема које су на најразличитије начине у вези са човеком и тај речник је сигурно најобимнији у односу на све оне који тек треба да буду израђени. Класификација гнезда према тематским групама такође произлази из семантичког приступа деривационим речницима.

Из СДР заиста се много сазнало о лексемама које су у вези са човеком. Како аутори констатују у Предговору:

Деривациони критеријум потврдио је претпоставку о зависности између броја и типа деривата у једноме гнезду и семантичког потенцијала основне лексеме, а посредно и то да семантички потенцијал основне лексеме и број деривата одражавају хијерархијски статус датог појма. Полисемантична лексема *глава*, којом се именује део тела у којем је смештен мозак, има преко 300 деривата, *рука* као једно од основних, најпримитивнијих и стога најважнијих средстава и омогућивача радње близу 300, а *бок* ни 40. Потврдило се, дакле, да бројност и структура деривационог гнезда једне лексеме зависе, с једне стране, од њеног семског састава у основној реализацији и, с друге стране, од улоге коју за човека има појам именован датом лексемом (СДР 2003: 9).

Именице које означавају делове тела и које имају највише значења, имају и највише деривата. Аналошки процеси упадљиви су и у истозначности неких значења лексема за делове тела с одговарајућим дериватима, на пример, „глава човека, глава мачора — главоња човек, главоња мачор; глава породице — главар; глава клина — главчина” (СДР 2003: 9).

Има и бројних запажања у вези са семантиком мотивне речи и степеном деривације. Ево неких од тих запажања:

Првостепени деривати настали метафоричким трансформацијама, по правилу, нису способни за даљу, чак ни граматичку, деривацију. Другостепени и даљи деривати такође настају радијалном деривацијом од лексеме која им је у творбеној основи и образују заједно са њом подгнездо (*главар* — *главарка*, *главаров*, *главарски*, *главарство*), у оквиру којег се неки деривати могу даље ланчано развијати (*главар* — *главарка* — *главаркин*). Деривати добијени ланчаном деривацијом у творбеној основи имају цео, или готово цео, семантички садржај иницијалне лексеме, тако да су они више резултат граматичке него семантичке деривације (*главар* — *главарка*); ланчаном деривацијом настају и деминутиви од деминутива (*главица* — *главичица*) (СДР 2003: 9–10).

⁵ Аутори деривационих гнезда су, поред редакторки, били и тадашњи студенти постдипломских студија Универзитета у Новом Саду — М. Ајдановић, М. Алановић, Ј. Војновић, М. Гочанин, Ј. Дражић, Б. Дракулић, И. Лазић Коњик, Б. Крсмановић, Д. Михајлов, М. Мршић, М. Петровић, Д. Радовановић, М. Секулић, И. Црњак, Г. Штасни, Г. Штрбац.

Иза сваког деривационог гнезда налазе се табеле са статистичким подацима, а на крају другог тома објављена је табела која се односи на целокупан деривациони систем лексема које су у вези са човеком. Статистички подаци су такође веома корисни и пружају могућност за доношење важних закључака.

Тако се, на пример, показало да је, изгледа, основна улога творбе речи да се њоме граде именице, које су доминантне у лексичком систему. Од 75 мотивних именица у СДР настало је **2838 именица**, 1530 придева, 393 прилога и 863 глагола. Од 15 мотивних придева добијено је **565 именица**, 306 придева, 120 прилога и 248 глагола. Од 31 мотивног глагола гради се **1232 именице**, 489 придева, 185 прилога, 624 глагола, 1 предлог и 1 узвик.

Очекивали смо да највећи број деривата од лексема које означавају делове тела означава нове предмете и појаве, а испоставило се да је највише експресивних деривата који спадају у деминутиве и аугментативе (Драгићевић 2008). Још у време израде СДР, а током каснијих година још изразитије, показује се да у српском језику (али и у другим језицима) основна улога творбе речи није номинацијска, већ експресивна.

Лексеме у вези са човеком чија деривациона гнезда су обрађена у СДР могу се класификовати у више тематских група. Једну од њих представљају придеви који означавају људске особине (Драгићевић 2001а, 2002). Испоставило се да сви чланови једне тематске групе теже ка томе да развију деривациона гнезда која се састоје из истих деривата, тако да гнезда придева са значењем људских особина, уз извесна одступања, чине систем који садржи исте деривате. Тако, на пример, придев *глуп* у свом гнезду садржи именицу која означава особину (*глупост*, *глупоћа*), именицу која означава мушког носиоца особине (*глупак*, *глупан*), именицу која означава женског носиоца особине (*глупача*), глагол који означава добијање или интензификацију особине (*глупети*, *глуповати*); дублетни придев (*глупав*); придев субјективне оцене (*глупкав*); прилог (*глупо*). И сви остали придеви из ове тематске групе имају слична деривациона гнезда. Тако СДР отвара могућност за изучавање системности лексичког система.

3. Српска школа семантичко-derivационе лексикографије.

Израда СДР представљала је почетак једне лексикографске, али и дериватолошке и лексиколошке школе у развоју српске лингвистике, коју је засновала проф. др Даринка Гортан Премк, српски лексикограф, али и универзитетски професор Лексикологије. Основна, полазна идеја те школе јесте да је творба речи лексиколошка дисциплина, а не само морфолошка, како се до тада сматрало. Изучавати семантику неке лексеме или лексичко-семантичке групе значи анализирати и њихову деривацију, а не само полисемију. Полисемија и деривација дају аналогне резултате у језику, у виду нових значења и нових лексема.

Семантичко-derivациону школу проф. Гортан Премк засновала је и пре него што је настао СДР, инсистирајући од својих студената који су код ње радили докторате да обавезно истражују и деривацију, а не само семантику лексема које су обрађивали у својим докторатима. Тако је настао и докторат аутора овог рада

Придеви са значењем људских особина — творбена и семантичка анализа (2001a), у којем је извршена прва ситематична семантичко-деривациона анализа неке тематске групе лексема у српској лингвистици. После је и у другим докторатима чији је ментор била проф. Гортан Премк или њени ученици и следебеници примењен сличан тип анализе (исп. Вујовић 2010; Лазић Коњик 2010; Илић 2011; Ђинђић 2014; Новокмет 2016; Миленковић 2017; Санковић 2023 итд.).

Током израде СДР и непосредно након тога, аутори деривационих гнезда објављивали су радове у вези са искуством на изради речника (исп. Васић и Најгебауер 2002; Војновић 2002; Драгићевић 2001, 2002, 2008, 2010, 2012; Дражић 2002; Дракулић 2001 итд.).

Идеја о тематској заснованости СДР наставила је да живи у српској лингвистици. Тако је, на пример, М. Ђинђић објавила СДР турцизама у српском језику. Управо се израђује СДР ономатопеја у српском језику (Штасни и Штрбац).

Због свега наведеног може се с правом рећи да српски лингвисти негују семантичко-деривациону теоријску школу, која је резултирала богатом библиографијом радова, али и школу семантичко-деривационе лексикографије, која као резултат даје семантичко-деривационе речнике различитог обима.

4. Прилог: Обрада придева *млад* у СДР⁶

Као илустрацију за СДР преузећемо из овог речника обраду семантичко-деривационог гнезда придева *млад*.

Легенда

0 — основна лексема

1(2, 3 ...) — степени дериват

_{1(2, 3 ...)} редни број деривата датог степена

< — од

ТО_{1(2, 3 ...)} — творбена основа 1(2, 3 ...)

ПР — префиксилна твореница

^{mp}ПР — префиксирана префиксална твореница

ПРС — префиксално-суфиксална твореница

прПРС — префиксирана префиксално-суфиксална твореница

С — сложеница

^{mp}С — префиксирана сложеница

У, С — морфофонолошка промена

Ø — нулта творбена морфема

← — од / према

→ — види

СДГ: **млад**⁷

ТО₁: *млад*- ТО₂: *млађ*-

⁶ Семантичко-деривационо гнездо придева *млад* преузели смо из СДР 2006, 390–402. Аутор гнезда је Р. Драгићевић.

⁷ Према Скоку (II, 1972: 438–439), придев *млад* има балтословенско, свесловенско и прасловенско порекло. Скок наводи мноштво деривата овог придева: *младити се*, *младовати*,

0 млад, млада, младо **1.а.** који је у првом добу живота (о људима и животињама); који је још пун снаге, способности, који још није у последњем добу нормалног века; који се односи на прво доба живота. **б.** који није достигао пун развитак, који није сасвим израстао (о биљкама); који није сазрео (о поврћу, плодовима, усеви́ма). **в.** који је недавно справљен, произведен, који нема још довољно јачине, који није прошао кроз процес врења, ферментације и сл. **2.а.** који је недавно настао, образовао се. **б.** песн. тек настали, рани. **3.** својствен младости, младалачки, младеначки. **4.** (комп.) нижи по рангу; подређени, потчињени. **5.** (у именичкој служби) м мн. **а.** вереници, заручници, младенци. **б.** младунци, младунчад. **в.** (комп.) чељад, послуга.

$1_1 < 0$ млад-а ж **1.** девојка, невеста на дан свога венчања; недавно удата жена. **2.** девојка којом се неко мисли оженити, будућа жена, супруга.

$1_2 < 0$ млад-алачки⁸, -а, -о који је својствен младости, младима.

$2_1 < 1_2$ младалачки прил. на младалачки начин, као у младе особе.

$2_2 < 1_4$ млада-ње с гл. им. од младати.

$1_3 < 0$ млад-ар, -ара м млада, нова грана.

$1_4 < 0$ млад-ати, -ам несврш. замлађивати (о рани), зарастати новим ткивом.

$1_5 < 0$ млад-ац, млада м младић.

$1_6 < 0$ млад-ачки⁹, -а, -о младалачки.

$2_3 < 1_6$ младачки прил. в. младалачки.

$1_7 < 0$ млад-еж м = мадеж.

$1_8 < 0$ млад-еж ж зб. младо поколење, млади људи, младићи и девојке, омладина.

$1_9 < 0$ млад-ен, -а, -о необ. млад, млађан.

$1_{10} < 0$ млад-енац¹⁰, -енца м **1.а.** младић. **б.** момак, нежења. **в.** арх. дете. **2.а.** младожења. **б.** мн. младожења и млада, млади брачни пар. **3.** мн. **а.** цркв. **а.** дан невине деце, четврти дан по Божићу. **б.** дан 40 мученика (22. март), кад (по обичају у Србији) рођаци и пријатељи посећују и дарују нове младенце.

$2_4 < 1_{10}$ младенац-ан¹¹, -чна, -чно младалачки.

$2_5 < 1_{10}$ младенац-ки¹², -а, -о који се односи на младенце; младалачки.

$3_1 < 2_5$ младеначки прил. као младић, младалачки

млађивати, младахан, млађан, млађахан, млађашан, млађахат, младовит, млађ, млађак, младац, младачки, млацица, младица, младиче, младичан, младичаст, младичав, младичин, младичје, младика, младиков, младиковац, младиковина, младина, младеж, омладина, омладити се, млађарија, омлад, омладак, одмладак, омладити, подмладак, подмладити, младинче, младуница, младушица, млadenaц, млadenaчки, млadenaштво, млађешина, млaдар. Наводе се и сложенице: младолик, младокосан, младожења.

⁸ Са синхронизаког становишта придев младалачки директно доводимо у везу са придевом млад. Ово потврђује и Клајн (2003: 253).

⁹ Суфикс -ачки потврђује С. Бабић (1986: 371), на пример, загребачки.

¹⁰ Суфикс -ен(а)ц потврђује, на пример, Клајн (2003: 59) и наводи примере: млadenaц, првенац.

¹¹ Можда је настанак придева млadenaчан требало директно везати за придев млад, као што смо објаснили придев младачки, јер и млadenaчан и младачки значе младалачки. Међутим, ни Бабић ни Клајн не потврђују суфикс -еначан.

¹² Придев и прилог млadenaчки настали су од мотивне именице млadenaц додавањем творбеног форманта -ски. Прилог је настао од придева поприложњавањем.

$2_6 < 1_{10}$ **младенаш-тво**¹³ с **1.** *младићко доба, младост.* **2.** *младачка свежина.* **3.** *заст. чедност, невиност.*

$2_7 < 1_{10}$ **младенч-ев, -а, -о** који припада *младенцу.*

$1_{11} < 0$ **млад-ик, -ика** м *млада иума.*

$1_{12} < 0$ **млад-ика** **1.** ж в. *младица(3).* **2.** м *фиг. млад човек.*

$2_8 < 1_{11}$ **младик-овина**¹⁴ ж *младо дрвеће.*

$2_9 < 1_{15}$ **млади-лиште** с *басен, рибњак у коме се одгаја риба млађ.*

$2_{10} < 1_1$ **млад-ин, -а, -о** који припада *млади.*

$1_{13} < 0$ **млад-ина** ж **1.** *младеж, млађи свет.* **2.** *момчина, делија.* **3.** *живина, перад; пилићи.*

4. *млад месец; мена Месеца.*

$2_{11} < 1_{13}$ **младин-ски, -а, -о** који се односи на *младину; младачки.*

$3_2 < 2_{13}$ **младиња-ње** с гл. им. од *младињати се.*

$2_{12} < 1_{15}$ **млад-ињати се**¹⁵, -ам се *несврш. ир. в. младунити се.*

$1_{14} < 0$ **млад-ити (се),** *младим се несврш. подмлађивати (се).*

$1_{15} < 0$ **млад-ић, -ића** м **1.а.** *млад човек који још није стигао до потпуне зрелости живота.* **б.** *неожењен човек, момак.* **в.** *драган; вереник, заручник.* **2.** *покр. слуга, момак на броду.* **3.** *покр. младунче, птић.*

$2_{13} < 1_{15}$ **младић-ак, -ћка** м *дем. и хип. од младић.*

$2_{14} < 1_{15}$ **младић-ев, -а, -о** који припада *младићу.*

$2_{15} < 1_{15}$ **младић-қи, -а, -о** који се односи на *младиће; младачки.*

$3_3 < 2_{15}$ **младић-қи** прил. као *младић.*

$2_{16} < 1_{15}$ **младић-ство** с *младићко доба.*

$2_{17} < 1_1$ **млад-ица** ж *дем. и хип. од млада.*

$1_{16} < 0$ **млад-ица**¹⁶ ж **1.а.** *младо женско створење.* **б.** *млада домаћа животиња (женка).*

2. *зоол. Врста речне рибе, сличне пастрмки Salmo hucho.* **3.а.** *млада воћка; младо дрво уопште.* **б.** = *младир.*

$1_{17} < 0$ **млад-ичав, -а, -о** *младолик, млад.*

$2_{18} < 1_{15}$ **младиц-ак, -чка** м *дем. од младић.*

$3_4 < 2_{18}$ **младиц-ин, -а, -о** који припада *младици.*

$2_{19} < 1_{16}$ **младиц-ин, -а, -о** који припада *младици.*

$2_{20} < 1_{15}$ **младиц-ић** м *дем. од младић.*

¹³ Именица *младенаштво* настала је од именице *младенац* додавањем творбеног форманта *-ство*.

¹⁴ Бабић потврђује именички суфикс *-овина*, али не и *-иковина*, што значи да је *младиковина* постала од именице *младик*, а не директно од придева *млад*.

¹⁵ Глагол *младињати (се)* изведен је суфиксом *-ињати* који потврђује С. Бабић (1986: 454): *главињати, громињати, мравињати, пламињати.*

¹⁶ У овом случају запажамо како је исти творбени модел *млад+ица* различито мотивисан (од именице *млада* и од придева *млад*), што се одражава и на семантику деривата. *Младица* као другостепени дериват — хипокористик именице *млада*, има много очекиваније значење, јер је и творбени потенцијал мотивне речи скромнији и системскији. *Младица* као првостепени дериват има разуђена значења која карактерише принцип понављања истог творбеног модела. Вероватно је понављање истог творбеног модела резервисано само за првостепене деривате, дакле за оне изведенице које потичу од простих речи богатих значењима, што увећава и њихов творбени потенцијал.

- ²₂₁ < ¹₁₆ **млади-чица** ж дем. од *младица*.
²₂₂ < ¹₁₄ **младич-њак**¹⁷ м в. *младилиште*.
¹₁₈ < ⁰ **младо**¹ с *млада особа, младунче*.
¹₁₉ < ⁰ **младо**²¹⁸ прил. као *млада особа, младалачки*.
³₅ < ²₂₃ **младова-ње** с гл. им. од *младовати*.
²₂₃ < ¹₁₄ **млад-овати**, *младујем несврш. 1. проводи младост, младе дане. 2. бити млада, невеста.*
¹₂₀ < ⁰ **млад-ојка** ж *младица (1а)*.
¹₂₁ < ⁰ **млад-оња** м **1.** име волу. **2.** млад човек.
¹₂₂ < ⁰ **млад-ост** ж **1.а.** особина онога што је *младо*. **б.** особина онога што је *ново, свежје, непреврело. 2.* *младо доба, младе године, млади дани. 3.* *млади људи, младеж, омладина. 4.* *фиг. свежина, бујност, младалачка снага.*
²₂₄ < ¹₂₂ **младост-ан**, -сна, -сно *својствен младости, младалачки*.
¹₂₃ < ⁰ **млад-унац**, -нца м **1.** *млада недорасла животиња откад се роди или излеже док одрасте и почне самосталан живот, младунче. 2.* *младић.*
²₂₅ < ¹₁₄ **млад-унити се**¹⁹, *младуним се несврш. правити се млад.*
¹₂₄ < ⁰ **млад-уница** ж в. *младица*.
²₂₆ < ¹₂₅ **младунч-ад** ж зб. им. од *младунче*.
¹₂₅ < ⁰ **млад-унче**²⁰, -ета с *младунац (1)*.
²₂₇ < ¹₂₃ **младунч-ић** м дем. од *младунац*.
¹₂₆ < ⁰ **млад-ушан**, -шна, -шно дем. и хип. од *млад; младолик*.
¹₂₇ < ⁰ **млађ-Ћ**²¹ м **1.** *млађак. 2.* зб. *младо потомство, подмладак (рибљи). 3.* *млад виноград.*
¹₂₈ < ⁰ **млађ-а**²² ж бот. покр. *врста траве Fumaria bulbosa*.
¹₂₉ < ⁰ **млађ-ак** м *млад Месец, прва четврт.*
¹₃₀ < ⁰ **млађ-ан**²³, -а, -о хип. од *млад*.

¹⁷ Именица *младичњак* изведена је суфиксом -њак. Бабић (1986: 94–95) поврћује овај суфикс, али не и ову именицу. Пошто означава место на којем се подмлађује риба, порекло смо јој везали за глагол *младити* (исто као и именици *младилиште*), иако сугласник ч наговештава да је именица, можда, постала од именице *младица*.

¹⁸ Именица *младо* је настала супстантивизацијом, а прилог *младо* поприложеном средњег рода придева *млад*.

¹⁹ Именице *младунац* и *младуница* везали смо за придев *млад*, а *младунити се*, као и *младињати се* везали смо за глагол *младити се*, јер глаголи *младунити се* и *младињати се* имају компоненту деминутивности у односу на *младити се*.

²⁰ Суфикс -унче Бабић је у првом издању *Творбе ријечи* (1986: 122; у другом издању тај суфикс је избачен) признавао у речи *младунче*, «ако се значење опише као «млада животиња»»: другим речима, ако не сматрамо да је *младунче* само деминутив од мушке именице *младунац* (која има и друго значење, «младић»). Клајн (2003: 205) цитира ово при анализи суфикса -унче.

²¹ Према Стевановићу (1964: 484–485), именица *млађ* изведена је суфиксом -ј. Према Клајну (2003: 212), ова именица је изведена нултим суфиксом.

²² Именица *млађа* постала је од творбене основе придева *млад* и суфикса -ја (Клајн 2003: 20).

²³ За придев *млађан* Клајн (2003: 272) каже да је настао додавањем суфикса -ан на јотовану придевску основу. И деривати који следе у гнезду имају јотовану творбену основу, па се она завршава меким сугласником ђ.

- 1₃₁<0 **млађ-арџ**, -рџа м *младић*.
 1₃₂<0 **млађ-арија** ж зб. *младеж, млађи свет*.
 2₂₈<1₃₂ **млађариј-ски**, -а, -о *који се односи на млађарију, који припада млађарији*.
 2₂₉<1₃₁ **млађ-арче**, -ета с дем. од *млађарац*.
 1₃₃<0 **млађ-ахан**, -хна, -хно *млаћан*.
 2₃₀<1₃₃ **млађахн-ост** ж особина онога ко је *млађахан* и онога што је *млађахно*.
 1₃₄<0 **млађ-ен**, -а, -о *млаћан*.
 2₃₁<1₃₄ **млаћен-ац**, -енџа м *младенац, младунац, младић*.
 2₃₂<1₃₄ **млаћен-ка** ж *младица, девојка*.
 2₃₃<1₁₄ **млађе-ње** с гл. им. од *младити (се)*.
 1₃₅<0 **млађ-ешина 1.** м *млађи, нижи; слуга, момак. 2.* ж зб. *младеж, омладина*.

ПР2₁<ПР1₁ **замлад** м мед. *кожица на рани која почиње да зарасти*ује, *стварање новог ткива у рани, гранулација*.

ПР1₁<1₁₄ **замлад-ити (се)**, замладим (се) сврш. *подмладити (се), обновити (се); залечити се зарастати*.

ПР2₂<ПР1₁ **замлад-ник** м мед. *упаљено место око болесног зубног корена, гранулом*.

ПР3₁<ПР2₃ **замлађива-ње** с гл. им. од *замлађивати (се)*и.

ПР2₃<ПР1₁ **замлађ-ивати (се)**, -ађујем (се) *несврш. и уч. према замладити (се)*.

ПР1₂<0 **не-млад**, -а, -о *који није млад; који није изразито млад*.

ПР2₄<ПР1₄ **омлад-О** м *млада гранчица, изданак, младица*.

ПР2₅<ПР1₄ **омлад-ак**, -атка м **1.** *омладина, подмладак. 2.* *изданак, потомак. 3.* *омлад; зб. младе гранчице, изданци*.

ПР2₆<ПР1₄ **омлад-ина** ж *млади нараштај, подмладак, младеж*.

ПР3₂<ПР2₆ **омладин-ац**, -инџа м *младић*.

ПР3₃<ПР2₆ **омладин-ка** ж *млада девојка*.

ПР3₄<ПР2₆ **омладин-ски**, -а, -о *који се односи на омладинце и омладинке, на омладину*.

ПР4₁<ПР3₄ **омладински** прил. *на омладински начин, као у омладине*.

ПР3₅<ПР2₆ **омладин-ство** с необ. *оно што је карактеристично за омладину, ведрина, живост*.

ПР1₄<1₁₄ **о-младити (се)**, омладим (се) сврш. *подмладити (се)*.

ПР2₇<ПР1₃ **омлађ-и**, -а, -е *прилично млад, још млад*.

ПР3₆<ПР2₈ **омлађива-ње** с гл. им. од *омлађивати (се)*.

ПР2₈<ПР1₄ **омлађ-ивати (се)**, -ађујем (се) *несврш. и уч. према омладити (се)*.

ПР2₉<ПР1₅ **подмлад-О** м песн. в. *подмладак*.

ПР2₁₀<ПР1₅ **подмлад-ак**, -атка м **а.** *младо покољење, младеж. б.* *младе животиње*.

ПР2₁₁<ПР1₅ **подмлади-лац**, -иоџа *онај који подмлађује*.

ПР1₅<1₁₅ **под-младити (се)**, подмладим (се) сврш. *учинити (се) младим или млађим*.

ПР2₁₂<ПР1₅ **подмлађ-ен**, -а, -о *који је постао млађи*.

ПР3₇<ПР2₁₂ **подмлађен-ост** ж *стање у којем се налази онај који је подмлађен*.

ПР2₁₃<ПР1₅ **подмлађе-ње** с *подмлаћеност*.

ПР3₈<ПР2₁₄ **подмлађива-ње** с гл. им. од *подмлађивати*.

ПР2₁₄<ПР1₅ **подмлађ-ивати**, -ађујем *несврш. и уч. према подмладити*.

- ПР1₆<0 **по-млад**, -а, -о *подоста, прилично млад*.
 ПР2₁₅<ПР1₇ **помлад-ак**, -атка м **1.** *подмладак. 2.* *кожица која се начини на рани кад рана зарасте*.
 ПР1₇<1₁₅ **по-младити (се)**, помладим (се) *сврш. подмладити (се)*.
 ПР2₁₆<ПР1₇ **помлађ-ен**, -а, -о *подмлађен*.
 ПР3₉<ПР2₁₆ **помлађен-ост** ж *својство или стање онога који је помлађен*.
 ПР2₁₇<ПР1₆ **помлађ-и**, -а, -е *доста млађи*.
 ПР3₁₀<ПР2₁₈ **помлађива-ње** с гл. *им. од помлађивати (се)*.
 ПР2₁₈<ПР1₇ **помлађ-ивати (се)**, -ађујем (се) *несврш. и уч. према помладити (се)*.
 ПР1₈<0 **пре-млад**, -а, -о *одвећ, сасвим млад*.
 С1₁<0 **стар-млад**, -ада, -адо *који има сједињене особине старих и младих*.
 С2₁<С1₁ **стармлад-ост** ж *особина, стање онога који је стармлад*.
 С1₂<0 **млад-о-вјек-Ћ**, -а, -о (ијек.) *који проживљава први део свог века, млад*.
 С1₃<0 **млад-о-же-ња** м **а.** *мушкарац у време своје женидбе, мушкарац који ступа у брак, женик*.
 С2₂<С1₃ **младожењ-ин**, -а, -о *који припада младожењи*.
 С2₃<С1₃ **младожењ-ски**, -а, -о *в. младожењин*.
 С1₄<0 **млад-о-косан**, -сна, -сно *који се лако коси (о трави)*.
 С1₅<0 **млад-о-летан**, -тна, -тно *малолетан, малодобан*.
 С1₆<0 **млад-о-лик-Ћ**, -а, -о *који изгледа млађи него што је, који је по изгледу млад*.
 С2₄<С1₆ **младолико** прил. *са младоликим изгледом*.
 С2₅<С1₆ **младолик-ост** ж *младолик изглед*.
 С1₇<0 **млад-о-мисник** м *онај који служи млади, прву мису, млад свештеник (католички)*.
 С1₈<0 **млад-о-момачки**, -а, -о *индив. који припада младом момку, младићки*.
 С1₉<0 **млад-о-мужеван**, -вна, -вно *индив. који се односи на младог човека, на први део мужевног доба*.
 С1₁₀<0 **млад-о-путан**, -тна, -тно *индив. који је младе пути, младолик*.
 С2₆<С1₁₁ **младотур-ски**, -а, -о *који се односи на младотурке*.
 С1₁₁<0 **млад-о-турци**, -урака м *мн. ист. Политичка организација турске либералне буржоазије у 19. и 20. веку*.
 С1₁₂<0 **млад-о-чеси** м *мн. ист. политичка странка у Чешкој у 19. веку*.
 С2₇<С1₁₂ **младочеш-ки**, -а, -о *који се односи на младочехе*.

ЛИТЕРАТУРА

Бабић 1986: Babić S. Tvorba riječi u hrvatskome književnome jeziku, prvo izdanje. Zagreb: HAZU, 1986.

Васић и Нејгебауер 2002: Васић В., Гордана Нејгебауер Г. Семантичко-derivациона гнезда у компаративним истраживањима // Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе. Нови Сад: Матица српска; Београд: Институт за српски језик САНУ, 2002, 125–133.

Војновић 2002: Војновић Ј. Категорија граматичког броја у семантичко-derivационом гнесту лексеме *око* // Књижевност и језик. 2002. № 49, бр. 3–4, 257–261.

Вујовић 2010: Вујовић Д. Семантичка и деривациона анализа глагола кретања у српском језику, докторат одбрањен на Филозофском факултету у Новом Саду, ментор: проф. др Вера Васић.

Гортан-Премк 2002: Гортан-Премк Д. Семантичко-деривациони речник српског језика // Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе. Нови Сад: Матица српска Београд: Институт за српски језик САНУ, 2002, 103–111.

Драгићевић 2001а: Драгићевић Р. Придеви са значењем људских особина у савременом српском језику. Творбена и семантичка анализа. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2001.

Драгићевић 2001б: Драгићевић Р. Прилог Семантичко-деривационом речнику српског језика. Деривационо гнездо придева *добар* // Наш језик. 2001. XXXIV/1–2, 145–151

Драгићевић 2002: Драгићевић Р. Придеви са значењем људских особина као део Деривационо-семантичког речника српског језика // Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе. Нови Сад; Београд, 2002, 111–117.

Драгићевић 2008: Драгићевић Р. Деривациона гнезда именица које означавају делове тела из угла лексичког богаћења // Научни састанак слависта у Вукове дане. 2008, 37/1, 371–389.

Драгићевић 2010: Драгичевич Р. Словообразовательные инновации с точки зрения исследования деривационных гнезд сербского языка // *Новые явления в славянском словообразовании, система и функционирование* (доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов) / Под ред. Е. В. Петрухиной. Москва: изд-во Московского университета, 2010, 148–163.

Драгићевић 2012: Драгићевић Р. Семантичко-деривациони речник српског језика у лексиколошким истраживањима // Украјинська і слов'янська лексикографія. Леонідові Сидоровичу Паламарчукові. Київ, 2012, 105–114.

Дражић 2002: Дражић Ј. Семантичко-деривациона гнезда лексема брат и сестра // Књижевност и језик. 2002. № 49, бр. 3–4, 247–255.

Дракулић 2001: Дракулић Б. Семантичко-деривациона гнијезда у настави српског језика и књижевности // Школски час. 2001. № 20, бр. 1, 73–81.

Ђинђић 2014: Ђинђић М. Турцизми у савременом српском књижевном језику (семантичко-деривациона анализа) // Докторат одбрањен 22. јануара 2014. године, на Филолошком факултету у Београду, ментор: проф. др Рајна Драгићевић.

Илић 2011: Илић М. Систем боја у савременом српском језику (лексичко семантички и творбени аспект) // Докторат одбрањен 7. септембра 2011. године, на Филолошком факултету у Београду; ментор: проф. др Рајна Драгићевић.

Карпиловска 2002: Карпиловська Э. А. Корневий гніздовий словник української мови. Гнізда слів з вершинами — омографічними коренями. Київ, 2002.

Клајн 2003: Клајн И. Творба речи у савременом српском језику. Други део: суфиксација и конверзија. Београд: завод за уџбенике и наставна средства, Институт за српски језик САНУ; Нови Сад: Матица српска, 2003.

Лазић Коњик 2010: Лазић Коњик И. Егзистенцијални глаголи у српском језику // Докторат одбрањен 8. маја 2010. године на Филозофском факултету у Новом Саду, ментор: проф. др Вера Васић.

Лопатин, Улукханов 2016: Лопатин В. В., Улукханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. Москва, 2016.

Миленковић 2017: Миленковић А. Семантичка и творбена анализа глагола којима се означавају осећања у савременом српском језику // Докторат одбрањен 10. октобра 2017. године на Филолошком факултету Универзитета у Београду, ментор: проф. др Рајна Драгићевић.

Новокмет 2016: Новокмет С. Семантичка анализа лексема које означавају животиње у савременом српском језику // Докторат одбрањен 19. јула 2016. године на Филолошком факултету Универзитета у Београду, ментор: проф. др Рајна Драгићевић.

Пенчев 1999: Пенчев Й. (ред.) Словообразователен речник на съвременния български книжовен език. София, 1999.

Санковић 2023: Санковић Н. Глаголи емитовања перцептивних стимулуса у српском језику // Докторат одбрањен 22. септембра 2023. године на Филолошком факултету Универзитета у Београду, ментор: проф. др Рајна Драгићевић.

СДР 1: Гортан Премк Д., Васић В., Недељков Љ. (ред.) Семантичко деривациони речник, свеска 1: Човек — делови тела. Нови Сад: Филозофски факултет, 2003.

СДР 2: Гортан Премк Д., Васић В., Драгићевић Р. (ред.) Семантичко деривациони речник, свеска 2: Човек — унутрашњи органи и ткива, психофизиолошка стања и радње, психофизичке особине, сродство. Нови Сад: Филозофски факултет, 2006.

Скок 1971–1974: Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–IV. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.

Тихонов 1990: Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I–II. Москва, 1990 (прво издање — 1985. године).

Тихонов 1996: Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. 3-е изд. Москва, 1996 (прво издање — 1978).

НАУЧНА МИСАО КОНСТАНТИНА БРАНКОВИЋА (1814–1865) И ЊЕНА УЛОГА У РАЗВОЈУ СРПСКЕ ОПИСНЕ ЛЕКСИКОГРАФИЈЕ КАО МОДЕРНЕ НАУЧНЕ ДИСЦИПЛИНЕ

Ненад ИВАНОВИЋ

Институт за српски језик САНУ

(Београд, Србија)

<https://orcid.org/0000-0003-0401-2204>

nenad.ivanovic@isj.sanu.ac.rs

У историји Београдске лексикографске школе истакнуто место припада Константину Бранковићу (1814–1865), професору филозофије, реторике и синтаксе на Великој школи у Београду. У филозофији К. Бранковић је следбеник Кантовог настављача Вилхелма Траудота Круга. Идеје В. Круга, обогачене и допуњене властитим термилошким решењима, К. Бранковић је половином XIX века пренео на српски језик, створивши тиме основу за развитак српске формалне, појмовне логике, а преко њених учења и за развитак савремене дескриптивне лексикографије као скупа примењенонаучних метода описивања речи заснованих на логичким принципима. Начела категоризовања и дефинисања појмова путем логички релевантних сличности и разлика, које је К. Бранковић увео у српску филозофију средине XIX века, постаће важан део поступка дефинисања речи српског језика у тезурусном речнику. Својом научном и институционалном улогом у развоју српске лексикографије овог периода, К. Бранковић се сврстава међу доајене ове дисциплине. Овај рад је посвећен научним идејама К. Бранковића и њиховом утицају на развој српске модерне лексикографије у XIX веку.

Кључне речи: српска описна лексикографија, формална логика, појам, лексикографски метајезик, Константин Бранковић.

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ КОНСТАНТИНА БРАНКОВИЧА (1814–1865) И ЕЁ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СЕРБСКОЙ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ КАК СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Ненад ИВАНОВИЧ

Институт сербского языка САНУ

(Белград, Сербия)

В истории Белградской лексикографической школы видное место занимает Константин Бранкович (1814–1865), профессор философии, риторики и синтаксиса в Великой школе в Белграде. В философии К. Бранкович следовал учению Вильгельма Траудота Круга, продолжателя Канта. Обогадив и дополнив идеи В. Круга собственными терминологическими решениями, К. Бранкович в середине XIX века перенёс их на сербский язык, тем самым заложив основы для развития сербской формальной понятийной логики, на базе которой стала формироваться современная дескриптивная лексикография как совокупность прикладных научных методов описания слов, основанных на логических принципах. Принципы категоризации и определения понятий через логически значимые сходства и различия, введённые К. Бранковичем в сербскую философию середины XIX века, стали важной частью

процесса дефиниции слов сербского языка в тезаурусном словаре. Настоящая работа посвящена научным идеям К. Бранковича и их влиянию на развитие сербской лексикографии XIX века.

Ключевые слова: сербская описательная лексикография, формальная логика, понятие, лексикографический метаязык, Константин Бранкович.

KONSTANTIN BRANKOVIĆ'S (1814–1865) SCIENTIFIC THOUGHT AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF SERBIAN DESCRIPTIVE LEXICOGRAPHY AS A MODERN SCIENTIFIC DISCIPLINE

Nenad IVANOVIĆ

Institute for the Serbian Language of SASA
(Belgrade, Serbia)

In the history of the Belgrade School of Lexicography, a prominent place belongs to Konstantin Branković (1814–1865), professor of philosophy, rhetoric and syntax at the Great School in Belgrade. In philosophy, Branković was a follower of Wilhelm Traugott Krug, a continuator of Kant's thought. The W. T. Krug's ideas, enriched and supplemented with his own terminological solutions, were transferred by Branković to the Serbian language in the mid-19th century. By doing so, he laid the foundation for the development of Serbian formal, conceptual logic, and through its principles, also contributed to the advancement of modern descriptive lexicography as a set of applied scientific methods for word description based on logical principles. The principles of categorization and definition of concepts through logically relevant similarities and differences, introduced by Branković into Serbian philosophy in the mid-19th century, became an essential part of the process of defining words in the Serbian descriptive dictionary. This paper is dedicated to the scientific ideas of Konstantin Branković and their impact on the development of modern Serbian lexicography in the 19th century.

Keywords: Serbian descriptive lexicography, formal logic, concept, lexicographic metalanguage, Konstantin Branković.

Увод

1.1. Тема овогодишњег развојног истраживања Комисије за лексикологију и лексикографију Међународног комитета слависта пружа прилику да се размотри појам *школе лексикологије и лексикографије* као скупа теоријских поставки и методолошких приступа језику који, код једног словенског народа, одређују дистинктивне карактеристике погледа на језик и његову речничку обраду. У овом смислу, *школа лексикологије и лексикографије* може се сагледати као теоријски правац — систем идеја и метода својствен једној заједници лексикографа, тј. језичких стручњака који следе исте лингвистичке принципе. Таква заједница повезана је различитим облицима традиције: *концепцијским*, кроз јединствен модел језика који се обрађује у речнику; затим *методолошким*, кроз лингвистичке поступке обраде речи у речничкој пракси; *културолошким*, у смислу културног нивоа језичке заједнице који се представља у речнику; и *институционалним*, у виду подршке

академских институција реализацији лексикографских пројеката (Ивановић 2013: 181–184). У овом смислу, појам *школе* може се схватити као специфичан научно-интелектуални покрет са утемељеном традицијом, јасним методолошким приступом језику и институционалном подршком, чији се резултати огледају у стварању одређених типова речника. У историји српске лексикографије, такав покрет везује се за појам *Београдске лексикографске школе*, тј. за теоријске и примењене поставке израде *Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ* и речника насталих по угледу на њега (Ристић 2007: 134–147; Ристић 2024).

1.2. Од изложених видова континуитета, пажњу лингвисте највише привлачи онај методолошки. Схваћен као одређен поглед на лексички систем једног језика, и као скуп поступака у обради речи у речнику који проистичу из њега, методолошки континуитет је одговоран за специфичан лик речника, конкретно за начин на који се у оквиру једне лексикографске школе издвајају лема и информације у лема, формулишу дефиниције, обликују значења и утврђује њихов распоред, дају информације о лексичкограматичкој спојивости речи, квалификују речи и значења и др. (о сличностима и разликама између методологија у обради речи у дескриптивним лексикографијама словенских језика в. у: Ристић, Ивановић 2018: 19–24). То даље значи да се у оквиру методолошког континуитета показује развој лексикографских поступака, као и њихових теоријских модела. Ови поступци за крајњи резултат имају речнички чланак као скуп свих релевантних и уређених информација о речи.

2.1. У историјском развоју Београдске лексикографске школе нарочито место припада личностима које су учествовале у развоју њене методологије, доприносили јој сопственим теоријским решењима. Истакнуто место у овом низу припада Константину Бранковићу (1814–1865), професору филозофије, синтаксе и реторике на Великој школи у Београду. Као оснивач српске формалне логике¹, К. Бранковић је половином XIX века у ову дисциплину увео нови систем мишљења и посматрања света, који је српску логику одвојио од метафизичких питања о суштини појмова, наслеђених из средњег века, и увео је у модернију епоху теорије сазнања као њихове научне анализе (према: Жуњић 2013: 165, 166). Овај препород српске формалне логике био је мотивисан идејама немачке, пре свега Кантове филозофије, коју је систематизовао и даље развијао његов тумач и настављач Вилхелм Траудот Круг. Ослањајући се на Кантове идеје у домену Кругове филозофије, К. Бранковић је извршио утицај на српску дескриптивну лексикографију на тај начин што је поставио темељ идеји речника као скупа логички рашчлањених појмова. То је учинио путем теорије о метајезику као својеврсном алату дефинисања речи природног језика логичким средствима.

2.2. К. Бранковић је теорију о метајезику уводио учењима о логички разумном мишљењу, о природи појма и начелима дефинисања. Та учења он је изложио у две

¹ При разматрању утицаја К. Бранковића на успостављање научне основе српске дескриптивне лексикографије имали смо у виду чињеницу да је у XIX веку „логици ... припадала полазна основа из које су се изводили сви остали предмети, од теорије сазнања до естетике“ (Жуњић 2013: 67).

књиге: *Мислословљу или логици за младеж* (1849) (у даљем тексту: *Мало мислословље*), и *Мислословљу или логици за првогодишње слушатеље мудрословља у Лицеуму Књажества српског* (1851) (у даљем тексту: *Велико мислословље*). Ове књиге означавају еволуцију Бранковићевих схватања у логици: прва књига симболизује његово окретање од позитивистичке онтологије ка кантовској и круговској логици, док друга у пуној мери садржи идеје Кантове и Кругове формалне логике у интерпретацији српског аутора (Жуњић 2013: 75, 91–92; Аћимовић 2015: 91–92). За нас је овај мисаони помак битан, јер је у поменутих оквирима К. Бранковић заправо осветлио обе стране метајезика: и ону онтолошку (преко учења о дефиницији као делу опште теорије сазнања о свету), као и ону формално-логичку (преко учења о дефиницији као делу суштине појма по себи). На тај начин К. Бранковић је половином XIX века зацртао опште оквире у којима ће се у будућности развијати идеја о логичком карактеру описног речника, као и о начелима самог речничког дефинисања. Та идеја нарочито долази до изражаја крајем истог века, када се у Академији наука заснива Лексикографски одсек и када се конституишу начела лексикографског дефинисања.

2.3. Бранковићево ангажовање на пољу описне лексикографије било је и непосредно. Наиме, овај филозоф је од оснивања Друштва српске словесности 1847. године ангажован на идеји описног речника српског језика. Из доступних архивских података сазнајемо да је Бранковић био ангажован око првог *Јавног позива за купљење речи по народу*, којег је Друштво српске словесности 1855. године упутило припадницима српске интелигенције, и у чији су одговор у Друштво пристигле прве збирке народних речи.² Уз ово, он је и аутор речника сопствене филозофске терминологије који у српску лексикографију уводи нова и по много чему особена методолошка решења, а који због недостатка простора неће бити приказан у овом раду (Бранковић 1848).

2.4. Имајући све ово у виду, у раду ћемо представити онај део Бранковићевог учења који своју директну примену налази у поступцима лексикографског дефинисања. Представљамо га кроз развој његове научне мисли у два уџбеника логике: *Малом мислословљу* (1849) и *Великом мислословљу* (1851). У закључку рада рећи ћемо нешто више о значају Бранковићеве научне мисли за савремену описну лексикографију у целини.

² У обраћању Друштву српске словесности из 1855. године Милован Јанковић, потписник предлога да ово Друштво покрене акцију скупљања речи по народу, наводи да је до поменуте иницијативе дошао после разговора са К. Бранковићем. Уважавајући његову мисао — наводи М. Јанковић — К. Бранковић је „изјавио своје врло практично мишљење о начину, којим би се та цел [израда речника као ризнице речи српског народа] најзгодније постићи могла“ (Јанковић 1855: 1). Мотивисан овим разговором, М. Јанковић је предложио Друштву да препоручи учитељима, свештеницима и чиновницима да у народу бележе речи и значења којих нема у Вуковом *Рјечнику*, као и да за такве збирке одреди новчану награду. Чланак под насловом „Јавни позивъ одъ стране Друштва Србске Словесности“, датиран на 7. април 1855, штампан је у Српским новинама од 14. маја исте године (стр. 233–234), и њиме је и званично започет рад на изради Речника САНУ.

Мало мислословље (1849): од проблема сазнања појмова ка питању њихове логичке суштине

3.1. Увод Бранковићеве књиге *Мало мислословље* из 1849. године посвећен је предмету логике. Према овом аутору, логика је наука која нас учи сазнању истине. До тог сазнања долази се по законима логички правилног мишљења. У свом путу ка сазнању, душа се користи способностима које се могу „васпитати“ логиком, а то су моћ *примећивања*, моћ *расуђивања* и моћ *разумевања*. Прва од њих, моћ *примећивања*, представља везу између појмова по себи и онога што ми знамо о тим појмовима. Та веза се остварује посредством *представа* као знања о суштини појмова (Бранковић 1849: 3).

3.2. У зависности од природе наших представа, појмови нам могу бити *јасни* (или *разговетни*), или *тамни* (односно *неразговетни*). „Јасноћа“ појмова стоји у вези са тиме колико познајемо ствар у њеној логичкој суштини. *Јасне* појмове можемо исказати речима, тј. дефинисати их тако да их *други препознају* на основу наше дефиниције. Тако је нпр. дефиниција *шуме* као „комада земље на коме расту дивља дрвета“ јасна, јер је први део спознатљив помоћу другог. За разлику од њих, *тамни* појмови спознатљиви су само непосредним опажањем (нпр. укус соли, или специфичност мириса руже у односу на неки други мирис) (Исто: 4). Из овог дела Бранковићевог уџбеника логике видљиво је да он међу *јасне* или *разговетне* појмове сврстава само оне који имају *универзални карактер*, док међу *тамне* појмове убраја оне *партикуларног карактера*. За универзалне појмове карактеристично је то што као потврду садрже бројне јединке, док за партикуларне то није случај.

3.3. Саопштавање (јасних) појмова речима једног језика К. Бранковић назива *дефинисањем*. Према овом аутору, дефинисање се заснива на правилима која производе из логички јасног изражавања. При дефинисању се јављају два одвојена проблема, којима се аутор обраћа у наставку књиге: 1) издвајање *заједничке суштине* појмова, и 2) *проблем разумевања* дефиниције појмова.

3.3.1. До *заједничке суштине* појмова стиже се њиховим *сравњивањем*. Сравњивање је процес издвајања оног што је заједничко појмовима једне врсте. Тако се нпр. *варошка кућа*, *сеоска кућа* и *кнежевски двор* слажу по томе што имају опште одлике *куће*. За појмове који се слажу у заједничком својству К. Бранковић каже да имају заједнички *вид*. Са друге стране, постоје и појмови који припадају различитим видовима, али ипак имају заједничке фундаменталне одлике (тако се нпр. за појам *итале* не може рећи да је близак појму *куће* изузев по томе што поседује зидове и кров). За такве појмове каже се да припадају заједничком *роду*. За начела лексикографског дефинисања важно је то што К. Бранковић тврди да се *сравњивање* појмова врши на основу рода, а не вида, чиме заправо саопштава да је људски ум, а не само опажање стварности, пресудан чинилац у том процесу. Ум једини има способност *одлучавања* (класификовања) појмова у засебне родове по њиховим главним одликама. Уз ово, ум делује и као способност раздвајања појмова који су сврстани у оквиру једног рода, што је нарочито важно за процес логичког (а у последици и лексикографског) *расуђивања* (Бранковић 1849: 8–9).

3.3.2. Проблем *обостраног разумевања* дефиниције засебно је изложен у одељку Бранковићеве књиге под насловом „Словна и стварна изјасњења“. На овом месту аутор се враћа на проблем *језика* као кључног момента код дефинисања појмова. Иако основ опредељења појмова и њиховог изјашњавања лежи у језику, сâм језик је по својој природи несавршен. Стога је потребно велико „оштроумље“ да би се појмови језички описали тако да тај опис одговара њиховој логичкој суштини. Из овог разлога К. Бранковић инсистира на *правилима словног изјасњења* (или *правилима дефинисања речима*). Та правила гласе: 1) у дефиницији не треба да се налази ништа што се не би постојано налазило при ствари (што није њена стална одлика): тако се нпр. *голуб* не може дефинисати као „шарена птица“ (јер има и оних једнобојних); 2) дефиниција не треба да се састоји из израза истог или сличног значења, нпр. „благодарност је признателност“, већ објашњење сложене појма треба да упућује на онај елементарнији, и 3) у дефиницији не треба да се налази *круг*, тј. дефинисани појам (дефиниенс) не треба да се понавља кроз дефиниендум: тако нпр. *оценитеља* не треба дефинисати као „човека који оцењује“ (Исто: 10–12). Овим К. Бранковић успоставља концепт *метајезика* као средства којим излучујемо универзалне особине предмета и сваки од њих одређујемо у оквиру логичких граница.

3.4. Коначно, сврси правилне дефиниције појмова К. Бранковић се враћа у делу књиге под називом „Многе погрешке произлазе из језика“ (Исто: 30–32). Као највећи проблем у дефинисању аутор издваја опис који произилази из субјективне реалности: тако нпр. сиромашан и богат човек неће на исти начин употребити придев *богат*, јер немају исту перцепцију богатства. Суштина правилног дефинисања стога лежи у широком слагању око значења речи које се у дефиницији користе (Исто: 32).

Велико мислословље (1851): од проблема суштине појмова ка начелима њиховог категоризовања

4.1. У делу под насловом *Велико мислословље* (1851) К. Бранковић је заокружио свој систем мишљења, као и сопствену логичку терминологију. Поред тога што ће означити конституисање академијске филозофије у духу Кантовог трансцендентализма, ова књига ће више од деценије остати уџбеник из којег ће се нове генерације великошколаца учити логичком резонувању. Она ће, према томе, утицати и на оне лексикографе (у то време студенте Велике школе) који ће у другој половини XIX века у Академији наука успоставити Лексикографски одсек и започети процес израде великог описног речника српског језика.

4.2. Питању појмовног одређења и дефинисања К. Бранковић се окреће у одељцима књиге под насловима „О основним законима мишљења“, „О појмовима“ и „О расудама“ (Бранковић 1851: 4–88). Према историчару српске филозофије С. Жуњићу, ове теме К. Бранковић је почео да промишља још половином четврте деценије XIX века, док је писао *Мало мислословље*, а са намером да их заокружи у јединствени систем (Жуњић 2014: 99). Стога изгледа логично да је К. Бранковић извршио непосредан утицај на другог кантовца, Ј.С. Поповића, који је полови-

ном XIX века у једном лексикографском огледу у првој свесци *Гласника Друштва српске словесности* увео научно рашчлањавање и анализу синонима у српску лексикографију³ (Поповић 1847: 25; Иванович 2016).

4.3. Учење К. Бранковића које доводимо у везу са лексикографским дефинисањем може се разврстати у три тематске целине. То су: 1) садржај појма, 2) врста и род појма, и 3) однос између појма као логичког и речи као језичког ентитета (Бранковић 1851: 4–56; 220–236). У наставку рада рећи ћемо нешто о овим целинама.

4.3.1. Уводећи расправу о појмовном садржају, К. Бранковић се враћа на његову *мислену* природу, односно на тезу да појмови у логичком смислу представљају универзалије. Ум сагледава предмете, издваја особине које су заједничке, и те особине, логичким процесом, скопчаву у „једност свести“ (тако је нпр. *дрво* скуп заједничких *особина брезе, хроста*, јеле и др.; а од појмова *Србин, Хрват, Рус, Бугарин* и др. можемо развити појам *Словен*, и др.). До универзалија се долази одбацивањем споредних, акциденалних обележја појмова (Бранковић 1851: 5–6, 24).

4.3.2. Да би разлучио појмове према њиховом садржају, К. Бранковић полази од две њихове кључне карактеристике: *садржаја* и *обима* појма. Садржај појма може се дефинисати као скуп свих представа које сачињавају свест о њему (нпр. *човек* је оно што је *животно* и *умно*). Са друге стране, обим или круг појма представља скуп свих представа заједничке суштине које појам садржи под собом (тако је нпр. *човек* и *Петар*, и *Павле*, и *Јован* итд.). Из изложеног је јасно да садржај и обим појма стоје у обрнутој сразмери: што му је садржај простији и елементарнији (нпр. *човек* наспрам *учен човек*), то ће он одговарати већем броју јединки, и обрнуто. Однос обима и садржаја појма представља његову најважнију семантичку одлику и основ његовог правилног категоризовања и дефинисања (Исто: 27–30).

4.3.3. Оваква поставка знања о појмовима представља увод за расправу о њиховим *видовима* и *родовима*. *Вид* и *род* су два механизма уопштавања којима се одређује место појма унутар појмовног система. Одговор на питање „шта је вид појма“ пројектује се његовим подређеним универзалијама, као што су нпр. појму *живо* подређени *птица* и *човек*. Са друге стране, одговор на питање „шта је род појма“ пројектује се његовим надређеним универзалијама, као што је нпр. појму *човек* надређен појам *умно* (Исто: 47–48). У оваквој, базично порфиријевској хијерархији појмова, могуће је кретање навише, ка општијим појмовима (*per abstractionem*) и наниже, ка појмовима нижег реда (*per descensum*). Правила која важе при овом кретању су: 1) да не постоји апсолутно „највиши“ род ни апсолутно „најнижи“ вид појма, тј. да се сваки појам може бесконачно уопштавати и упрошћавати, 2) да не постоје јасно разлучиве разлике између појмовних родова, тј. да се између два рода увек налази онај трећи, који је сваком од њих сроднији него што су они између себе, и који тиме представља њихову међуфазу, и 3) да и најразлич-

³ Прва реченица *Огледа смислослордног речника* Ј.С. Поповића гласи: „Речи су знаци, којима наша поњатија изражавамо“. Овај, несумњиво филозофски карактер наведене формулације, спроведен доследно кроз цео оглед, на најбољи начин сведочи о формално-логичкој оријентацији његовог аутора.

тјији појмови морају бити у неком погледу слични; односно да су и они најсличнији у неком погледу различити. Узета заједно, ова начела К. Бранковић назива *начелима непрекинутости родова* или *начелима мислословне непрекинутости* (Исто: 52–57). Према њиховом називу јасно је да овај филозоф појмовни свет посматра као непрекунути низ, односно, како сам каже, „по овим начелима претпостављам, да се појмови, а потоме и родови и видови непрекинути један с другим скопчавају или свезују, и будући се њиме разум наш у испитивању овога савеза руководи“ (Исто: 57, истакао — *Н. И.*). Тиме К. Бранковић заокружује своју мисао о појмовном универзуму који је предмет проучавања (и) дескриптивне лексикографије.

4.4. Лексикографској проблематици као принципима дефинисања речи нарочито се обраћа целина Бранковићеве књиге посвећена односу између појма и језика којим се тај појам описује. Целина носи наслов „О основним условима методичног поступања с мислима“ (Бранковић 1851: 226–263), и по смислу представља проширен и усавршен одељак Бранковићеве књиге из 1849. под насловом „Млоге погрешке произилазе из језика“, у којем се овај аутор први пут дотиче односа мишљења и језика (уп. т. 3.4.). На овом месту К. Бранковић наводи низ методичких правила која имају за циљ да предупредe неспоразуме између оних који дефинишу појмове и оних који препознају исте појмове на основу тих дефиниција. Дели их на: 1) правила самог дефинисања, и 2) „правила раздељења“ одн. избора компоненти дефиниција.

4.4.1. *Правила дефинисања појмова* формулисана су у виду логичких препорука којима се обезбеђују сигурност, прецизност и адекватност дефиниције. Дефиниција појма мора бити довољно широка да обухвати све његове битне особине, али не сме бити шири и разуженија него што је неопходно. Да би се избегла нејасноћа, неопходно је избећи кружна објашњења, како у отвореном тако и у скривеном облику. Дефиниција треба да буде у складу с уобичајеном употребом језика („сходно обичају језика“), чиме се спречавају могући неспоразуми. Уколико се појам користи у неком другом, специјализованом значењу, потребно је да се посебно нагласи шта се под њим подразумева. Са друге стране, речи са елементарним значењем, попут „представљати“, „увиђати“ и др., сматрају се „првобитно образним“ и њихово значење се не доводи у питање (Исто: 226–231).

4.4.2. У складу са изложеним правилима треба вршити и *избор* самих *компоненти дефиниција* (или „чланова раздељења“). Ове компоненте, по К. Бранковићу, треба да „целини (појма) савршено одговарају“: тако нпр. дефиницији *закона* као *заповести* или *забране* недостаје компонента *допуштења* (Исто: 236). Даље, компоненте у дефиницији треба да буду тако дате да се између себе „сливају“, односно, свака предоцба којом се описује неки појам мора бити синонимна са другим предоцбама у оквиру исте дефиниције. К. Бранковић наводи и нарочито важно правило: да појмове треба дефинисати само предоцбама које су за њих релевантне, тј. да дефиницију појма не треба ширити без разлога: тако нпр. навођење да *људи* могу бити *пешаци* или *коњаници* ничему не служи — док је, са друге стране, иста подела код *војника* релевантна за дефиницију овог појма. При дефинисању појмова, дакле, треба бирати само „плодне“ (или семантички релевантне) чланове (Исто: 236–239).

Допринос Константина Бранковића српској лексикографској методологији и развоју Београдске лексикографске школе

5. Из свега што смо претходно изложили видљиво је да је К. Бранковић у своја два уџбеника, *Малом мислословљу* (1849) и *Великом мислословљу* (1851), изградио филозофски заснован приступ језику, који је у значајној мери утицао на развој српске лексикографске методологије. Његов допринос овој области огледа се у систематском разматрању логичких основа појмова, процеса њиховог дефинисања и језичке репрезентације, при чему је дате теме повезао са теоријама сазнања, логике и семантичке анализе. Најважније резултате рада К. Бранковића на овим пољима излажемо у следећим одељцима.

5.1. *Логичка структура појмова*. Полазна тачка Бранковићеве теорије о појмовима и основ њихове категоризације је разликовање *јасних (разговорних)* и *тамних (неразговорних)* појмова. Док је *јасне* појмове могуће дефинисати на основу универзалних одлика које поседују, они *тамни* остају на нивоу непосредног опажања и стога нису подложни логичкој анализи. Оваква подела је од велике важности за лексикографију, јер поставља границе онога што је могуће дефинисати у речнику и онога што остаје изван домена лексикографске дефиниције.

5.2. *Методолошки оквир дефинисања појмова*. Све што смо изложили у т. 3.3. и 4.4. овог рада упућује на закључак да К. Бранковић дефинисање види као процес који мора бити заснован на *логички исправним и методолошки прецизним правилима*. Ова правила укључују: 1) издвајање *заједничке суштине појмова* кроз процес *сравњивања*, што омогућава излучивање општих карактеристика које појам чине универзалним; 2) препознавање *односа између вида и рода појма*, чиме се обезбеђује јасна хијерархија у лексичкој организацији; 3) потребу за *експлицитним и разумљивим дефиницијама*, које не смеју садржати кружна објашњења или субјективне интерпретације.

Приступ К. Бранковића дефинисању је у складу са традицијом аристотеловске логике, при чему је посебно важно то што инсистира на класификацији појмова према роду. Ово значи да лексикографско дефинисање треба да се ослања на фундаменталне особине које одређени појам дели са другим појмовима у истој класи, а не само на његове сопствене семантичке одлике. На овај начин, К. Бранковић уводи принципе који су касније постали основ за систематску лексикографску анализу⁴.

5.3. *Језик као инструмент мишљења*. Део Бранковићевог учења о односу језика и мишљења највише одступа од учења његових узора, Готшеда, Волфа и Круга, који у својим уџбеницима не инсистирају на језичкој рецепцији својих логичких теорија. Ово одступање је видљиво те мере да је српском филозофу у литератури чак

⁴ У савременој лексикологији, терминима *вид* и *род* комплементарни су термини *денотат* и *десигнат* (или *сигнификат*). Виђен кроз однос језика и стварности, денотат чини представу појма. Са друге стране, виђен кроз однос језика и мишљења, сигнификат не означава сам појам, већ појмовну представу. Стога он има мање обележја него денотат, тј. његова обележја су критеријска (Згуста 1991: 33; Драгићевић 2007: 58–59). Пратећи ову линију аргументације, могли бисмо рећи да К. Бранковић инсистира на дефинисању и повезивању појмова у речнику према њиховим сигнификатима, односно према базичним критеријским обележјима, што је поступак усвојен у савременој лексикографској пракси.

замерано што се одриче порфиријевског, генеричког устројства појмова у корист језичке слике овог устројства, оличене у синонимији, хомонимији и другим лексичким односима (исп.: Жуњић 2013: 78). Са друге стране, гледано из лексикографске перспективе, поменуто „одступање“ српског филозофа од његових узора на овом месту се преображава у засебну, аутономну и заокружену методолошку целину.

У делу о језику и мишљењу, веома савремено звучи Бранковићево упозорење да се значење речи не сме посматрати као одраз контекста њихове употребе. Ово је посебно важно у лексикографској пракси, јер истиче потребу за прецизним формулисањем дефиниција, које морају бити довољно аналитичне да би избегле интерпретативне проблеме. Сликровити пример који аутор наводи у *Малом мислословљу*: да се појам *богатства* различито интерпретира у зависности од тога да ли га користи *сиромашан* или *богат* човек — указује на проблем тумачења значења речи у зависности од контекста њене употребе, што опстаје као један од сталних проблема и у савременој лексикографији. Друга странпутица којом лексикографи могу кренути је да речи дефинишу са више или мање предодби (семантичких елемената) него што је то неопходно, или помоћу предодби које нису релевантне за њихово значење. Обе логичке грешке су увод у нефункционалну дефиницију — нефункционалну најпре по томе што се не може даље повезивати са дефиницијама речи сродне појмовне структуре⁵.

4.4. *Хијерархија појмова као знање о свету*. Коначно, у *Великом мислословљу* К. Бранковић је продубио мисао о хијерархији појмова, познату још порфиријевској логици, начелом *мислословне непрекинутости* које представља производ новијих логичких теорија. Идеје које К. Бранковић износи у овом делу своје књиге: да се сваки појам може бесконачно уопштавати (*per abstractionem*) или специјализовати (*per descensum*), да не постоје фиксирани категорије, већ да се појмови могу међусобно стапати, и да се значења појмова не могу посматрати изоловано, већ само у односу на друге чланове појмовног система — надилазе бинарну поставку Порфиријевог стабла и упућују на стваран начин на који људски ум концептуализује свет кроз уопштавање и категоризацију. Начело мислословне непрекинутости упућује на континуирани поредак појмова где нема „празнина“ између категорија, будући да је сваки појам повезан са суседним појмовима путем „међукаатегорија“ које имају флуидну природу. На овај начин, учење К. Бранковића је од логичких модела категоризације знања прешло ка когнитивним моделима, који одражавају онтолошку хијерархију бића у појмовном свету. Учење српског филозофа је овим оставило веома снажне импликације у лексикографској теорији XIX века, а њен доц-

⁵ Изложене „замке“ логички недоследног дефинисања речи помињу се у *Упутствима за израду Речника САНУ*, интерном спису који је настао половином XX века, а који колектив овог речника усавршава до данашњих дана. У спису су дате основне смернице за дефинисање речи лексикографима који израђују Речник САНУ. Међу њима се налазе и упозорења да „обрађивач не сме никад да сметне с ума ... да (је) тачна дефиниција која не садржи ни мање ни више елемената него што је то потребно“, затим, да „обрађивач треба добро да пази да ли његова дефиниција можда не омогућава неко двосмислено тумачење, тј. да се не односи и на нешто друго“, као и да „нарочиту незгоду представља дефинисање са уношењем у дефиницију оних момената који се нађу уз одговарајућу реч у примеру, али који уопште не спадају у семантичку суштину те речи“ (Упутства, Чл. 76 (*О дефинисању*)).

нији развој (крајем истог stoleћа и почетком наредног, двадесетог) показао је оправданост Бранковићевих теоријских поставки у савременој лексикографској пракси.

ЛИТЕРАТУРА

Аћимовић 2015: Аћимовић Мирко. Огледи о српској филозофији — Константин Бранковић, Михаило Христифор Ристић и Светомир Ристић. Нови Сад: Академска књига, 2015.

Бранковић 1848: Бранковић Константин. „Научне речи“ (речник филозофске терминологије) // Основно мудрословље. Београд: Књажеско-српска књигопечатња, 1848, 201–213.

Бранковић 1849: Бранковић Константин. Мислословље или Логика за младеж. Београд: Друштво српске словесности, 1849.

Бранковић 1851: Бранковић Константин. Мислословље или Логика за првогодишње слушатеље Мудрословља у Лицеуму Књажества српског. Београд: Књигопечатња Књажества српског, 1851.

Драгићевић 2007: Драгићевић Рајна. Лексикологија српског језика. Београд: Завод за уџбенике, 2007.

Жуњић 2013: Жуњић Слободан. Прирок и суштаство — историја појмовне логике код Срба, трећи део — Српске логике у позној модерни. Београд: Службени гласник, 2013.

Жуњић 2014: Жуњић Слободан. Историја српске филозофије. Београд: Завод за уџбенике, 2014.

Згуста 1991: Згуста Ладислав. Приручник лексикографије. Сарајево: Завод за уџбенике, 1991.

Ивановић 2013: Ивановић Ненад. Речник САНУ и његова улога у лексичкој стандардизацији српског језика. Необјављена докторска дисертација одбрањена на Филолошком факултету Универзитета у Београду, 2013.

Ивановић 2016: Ивановић Ненад. Ка почецима научног метода у српској дескриптивној лексикографији (анализа „Покушенија смислосродног речника“ Ј. С. Поповића из 1847. године) // *Slovanská lexikografie ročátkem 21. Století*. Праг: Чешка академија наука, 2016, 449–458.

Јанковић 1855: Јанковић Милован. „Писмо Друштву србске словесности са молбом да се изради и по народу разашаље позив за купљење речи за речник“, 24. фебруар 1855. Београд: Архив САНУ.

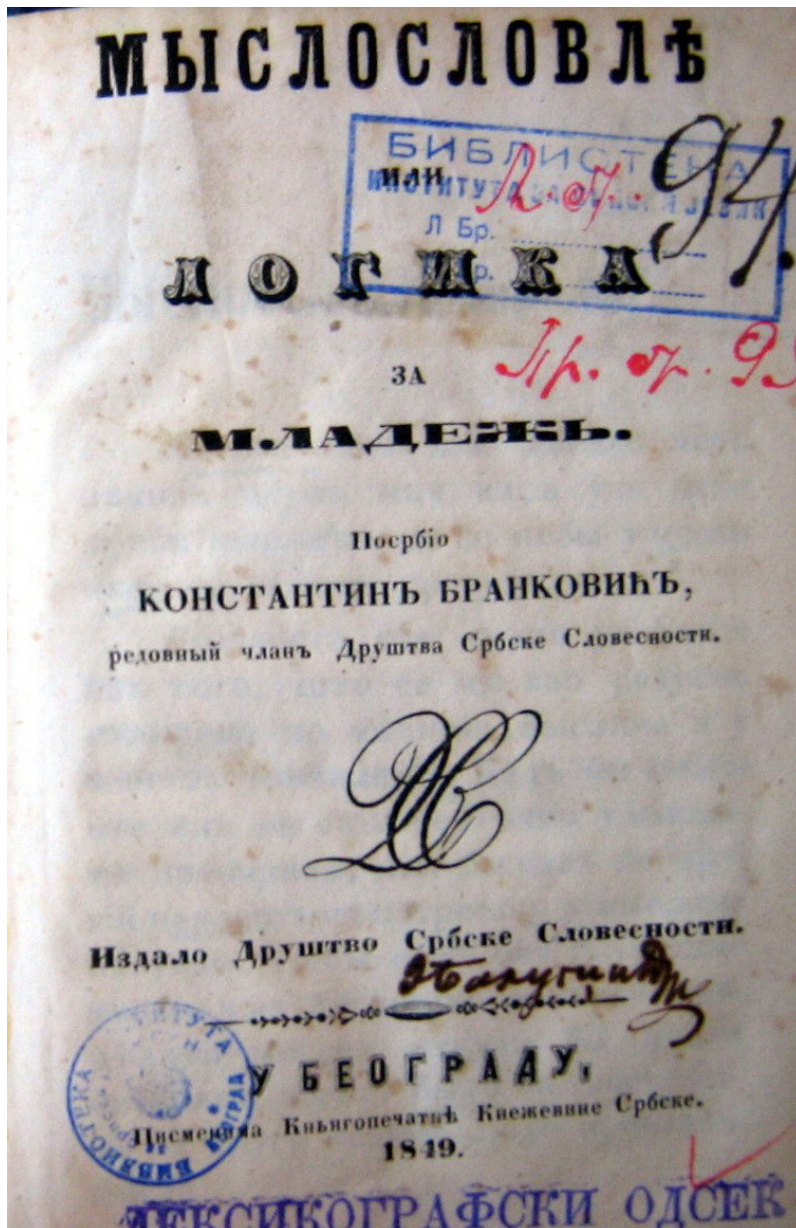
Поповић 1847: Поповић Ј. С. Покушеније смислосродног (синонимног) речника // Гласник Друштва српске словесности. Свеска 1. Београд: Друштво српске словесности, 1847, 25–29.

Ристић 2007: Ристић Стана. Прва лексикографска школа у Институту за српски језик САНУ // Шездесет година Института за српски језик САНУ: зборник радова. Београд: ИСЈ САНУ, 2007, 131–149.

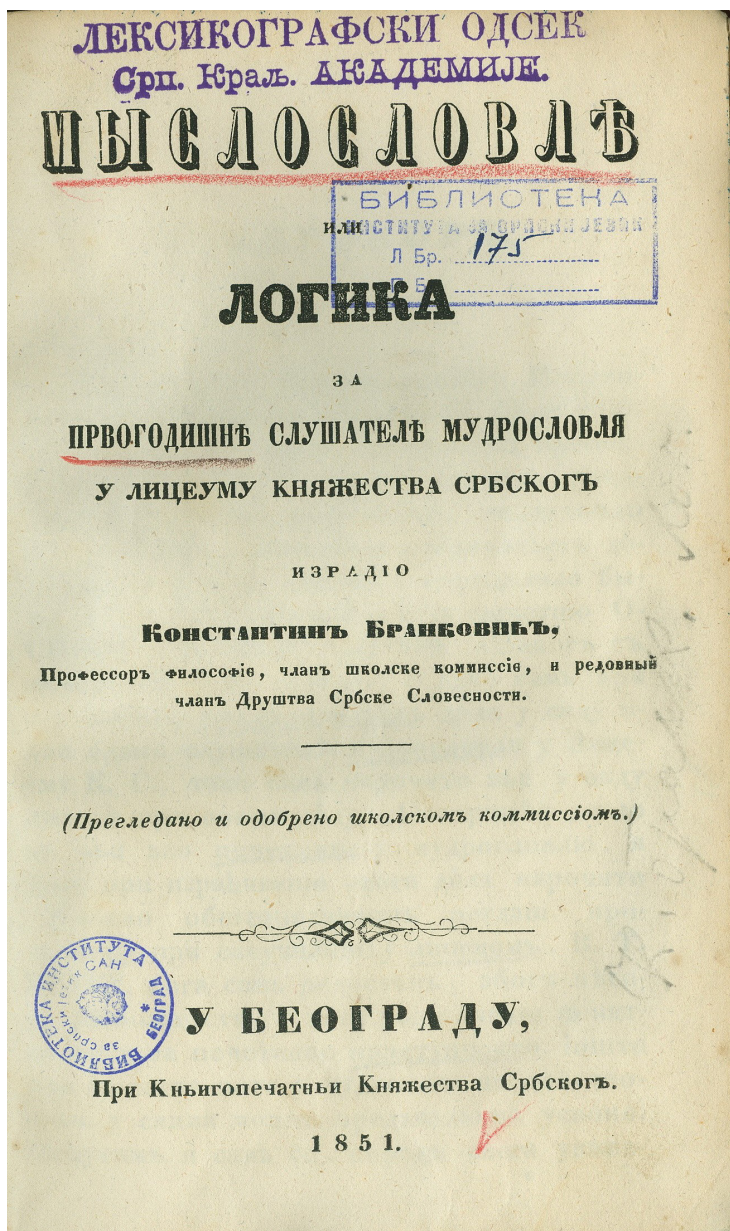
Ристић–Ивановић 2018: Ристић Стана, Ивановић Ненад. Савремена словенска тезаурусна лексикографија — поређење основних лексикографских поступака // Доклады и выступления на заседании Комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов. Москва: «Лексрус», 2018, 18–33.

Ристић 2024: Стана Ристић. Речник САНУ и Београдска лексикографска школа // Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2024, 65–89.

Упутства за израду Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ. Београд: Институт за српски језик (s. a.).

Прилог 1: К. Бранковић. Мислословље или Логика за младеж, 1849.

Прилог 2: К. Бранковић. Мислословље или Логика за првогодишње слушатеље Мудрословља у Лицеуму Књажества српског. 1851.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РАБОТАХ В.В. ЛОПАТИНА И И.С. УЛУХАНОВА

С. И. ИОРДАНИДИ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-5180-3474>

siordanidi@yandex.ru

Статья посвящена совместным работам В.В. Лопатина и И.С. Улуханова, в которых представлено полное описание русской словообразовательной системы. В основу описания, предпринятого учеными, положено понятие *словообразовательного типа* (Русская грамматика 80 — РГ-80) и *морфемы* (Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка 2016 — ССАСРЯ 2016). Работы этого уникального лингвистического дуэта оказали и оказывают значительное влияние на развитие теории русского словообразования и способствуют более глубокому пониманию процессов, происходящих в этой области лингвистики. Каждая их работа заслуживает самого внимательного изучения и объективной оценки значимости. РГ-80 была удостоена Государственной премии 1982 г., а ССАСРЯ, — безусловно, выдающееся явление в кругу других словообразовательных словарей русского языка, — занимает особое место как образец составления подобного рода работ и как дериватологический источник.

Ключевые слова: теория русского словообразования, словообразовательная система, словообразовательный тип, словообразовательные процессы, морфема, морфология.

THEORETICAL BASIS OF RUSSIAN WORD-FORMATION IN THE V. V. LOPATIN'S AND I. S. ULUKHANOV'S WORKS

S. I. IORDANIDI

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

The article is devoted to the V.V. Lopatin's and I.S. Ulukhanov's joint works, which present a complete description of the Russian word-formation system. The description is based on the concepts of the word-formation type ("Russian Grammar 80") and morphemes ("Dictionary of the Russian Language Word-Formation Affixes 2016"). The works of this unique linguistic duo have had and are having a significant impact on the development of the Russian word-formation theory and they contribute to a deeper understanding of the processes taking place in this linguistics area. Each of their works deserves the most careful study and an objective assessment of its significance. "Russian Grammar-80" was awarded the 82nd State Prize, and the "Dictionary 2016" is undoubtedly an outstanding phenomenon among other Russian language word-formation dictionaries, occupies a special place as an example for the compilation of this kind of work and as a derivatological source.

Keywords: theory of Russian word-formation, word-formation system, word-formation type, word-formation processes, morpheme, morphology.

Два выдающихся лингвиста — В.В. Лопатин и И.С. Улуханов, сокурсники по филологическому факультету МГУ (1953–1958 гг.), лауреаты Государственной премии СССР 1982 года, долгое время (с начала 60-х гг. до 2016 г.) работали как гармоничный творческий дуэт. Блестящая образованность ученых, их одаренность и работоспособность позволили им исследовать и описать сложнейшие проблемы русского словообразования. Их первая совместная публикация датируется 1961 годом: это рецензия на книгу Н.М. Шанского «Очерки по русскому словообразованию и лексикологии» 1959 г.; последняя совместная публикация 2016 г. — это фундаментальный «Словарь словообразовательных аффиксов русского языка» (ССАСРЯ 2016). Приведем лишь только некоторые важные результаты ряда совместных работ Лопатина — Улуханова: создание теоретических основ для изучения русского словообразования; разработка новых методов анализа словообразовательных процессов; анализ продуктивности различных словообразовательных моделей; исследование морфемного состава слов; структура суффиксальных словообразовательных формантов; сведения о морфонологических особенностях словоформ и морфем и мн. др.

Полное описание русской словообразовательной системы, осуществленное В.В. Лопатиным и И.С. Улухановым и опубликованное в академических грамматиках 1970 и 1980 гг., по справедливой оценке, данной этим работам И.Г. Милославским, «является выдающимся достижением отечественной русистики, особенно по полноте охвата материала и по скрупулезности выявления формальных и семантических различий внутри выделенных типов» (Милославский 2006: 112). Эти слова в полной мере соответствуют оценке этих работ русскими и славянскими дериватологами.

По нашим подсчетам, более 38 исследований написаны совместно нашими авторами (иногда с привлечением других коллег), остальные — до нескольких сотен — каждым из авторов по отдельности. Они регулярно публиковали свои индивидуальные исследования, посвященные вопросам, которые входили в сферу их научных интересов. Для И.С. Улуханова таковыми, в основном, оставались разнообразные проблемы русского и славянского исторического и современного словообразования (Улуханов 1977, 1996, 2004, 2005, 2012, 2015, 2017, 2019 и др.). В.В. Лопатин провёл исследования в области морфемики и морфонологии и разработал новые подходы к анализу словообразовательных процессов в русском языке (Лопатин 1977, 2007 и др.). Вместе с коллегами В.В. Лопатин создал справочник «Русский орфографический словарь» (выдержавший несколько изданий), неизбежный атрибут каждого пишущего и редактирующего. В.В. Лопатин был также незаменимым научным консультантом портала «Грамота.ру». К сожалению, в 2021 г. В.В. Лопатин ушел от нас: лингвистический дуэт распался. Однако И.С. Улуханов, по-прежнему оставаясь в русле своих научных интересов, много трудится, пополняя дериватологию своими новыми исследованиями. Его недавний труд «Новые фиксации глаголов в русской речи XX–XXI вв. Словарь-справочник», включающий более 6000 статей глаголов, не зафиксированных в толковых словарях русского языка, в скором времени будет опубликован (или

к моменту выхода в свет нашего сборника уже будет опубликован). Таким образом, следует констатировать, что В. В. Лопатин и И. С. Улукханов внесли огромный вклад в развитии науки о словообразовании.

Возвращаясь к теме нашей статьи, отметим, что самыми большими «бриллиантами» в коронах двух ученых (говоря «высоким штилем») являются важные по теоретическим разработкам, методам исследования и материалам две их крупнейшие разработки: разделы «Словообразование» в «Русской грамматике» 1980 (РГ-80) и «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» 2016 г. (ССАСРЯ 2016). Исследователи, учитывая работы своих предшественников, продемонстрировали острое лингвистическое чутье и создали новую концепцию описания русского словообразования.

1. Предварительные замечания

В обоснование заявленной проблематики полагаю необходимым остановиться на двух важных вопросах. Первый из них — это статус словообразования в системе языка, а второй — понятие словообразовательного типа и его роль в описании русского словообразования. В качестве точки отсчета в процессе исследования и для освещения решения этих проблем нашими авторами мы используем работы В. В. Виноградова.

Вопрос о том, является ли словообразование самостоятельным уровнем грамматической системы языка или же оно, будучи тесно связанным с лексикой и морфологией, не является таковым, занимая лишь промежуточное место между ними, в течение продолжительного времени не был решен окончательно. Огромная работа, проделанная дериватологами в процессе изучения языковых фактов и их интерпретации, позволила создать непротиворечивую словообразовательную теорию и выделить словообразование в самостоятельный уровень грамматической системы, обладающий своей структурой и функциями в кругу других лингвистических уровней. Можно было бы привести огромный список исследователей, которые внесли свою лепту в научный арсенал, послуживший прочной основой для такого решения. Принято считать, что период 50-х — 60-х гг. — это время, когда словообразование начинает менять свой статус как часть морфологии (и лексикологии), выкристаллизовываясь в новую область языковой системы. Уже В. В. Виноградов в 1952 г. писал: «Словообразование как научная дисциплина должно занять важное место в кругу других областей языкознания» (Виноградов 1975: 159). Большую лепту в изучение системы словообразования внесли ученые Казанской лингвистической школы. Так, Н. В. Крушевский в «Очерке науки о языке» пишет о том, что словообразование представляет собой *систему*, о чем свидетельствуют материальные и смысловые связи слов, содержащих общие морфемы, связи морфем внутри слова; он рассматривает и фонетические разновидности морфем в русском языке. Привожу цитату: «В языке всегда можно открыть известные типы слов и связь между отдельными типами, другими словами — можно открыть известные структурные семейства, системы типов» (Крушевский 1883: 108). И. Бодуэн-де-Куртенэ, настаивавший на системности языка, подчеркивал, что в языке функци-

онируют определенные разряды слов, родственных в том или ином отношении, которые представляют собой как системы форм, так и системы самостоятельных слов (Бодуэн-де-Куртенэ 1963: 209–235).

В лингвистической литературе часто упоминается имя А. А. Шахматова как ученого, наметившего путь решения обсуждаемой проблемы. Важно отметить, что А. А. Шахматов специально не занимался вопросами словообразования; она не входила в сферу его научных интересов¹. Тем не менее, он один из первых отнес словообразование к самостоятельному уровню системы языка. Наиболее четко идея о самостоятельном статусе словообразования была высказана им в черновике «Введения» к его незаконченным «Очеркам грамматики». Этот факт стал известен после публикации «Синтаксиса русского языка» под редакцией и с комментариями Е. С. Истриной (Шахматов 2001: 537). В «Синтаксисе», в небольшой заметке под названием «Деление грамматики», редактор поместила шахматовское «Введение», в котором есть такие строки: «... в основание изучения языка должно бы полагать ту науку, которая посвящена исследованию предложения, т. е. синтаксиса. С течением времени, благодаря расчленению предложения и выделению из него составляющих его частей, многие из этих частей в силу ассоциативных связей, их соединявших и открывавших им путь для самостоятельного развития, вступили на этот путь и стали изменяться независимо от предложения в целом. В результате расчленения предложения из него выделялись словосочетания, далее части речи, затем грамматические формы, сочетания звуков и отдельные звуки, наконец, слова и словообразовательные суффиксы. Таким образом, учение о языке могло бы, начинаясь с синтаксиса предложения, переходить последовательно к синтаксису словосочетаний, синтаксису частей речи, учению о грамматических формах, учению о звуках, *учению о словообразовании* [курсив наш — С.И.] и учению о словарном составе. Первые три дисциплины объединяются термином — синтаксис, за этим следует морфология, далее фонетика, *учение о словообразовании* и лексикология. В предлагаемый очерк грамматики войдут только первые три части учения о языке...». Более четко и обстоятельно об этой проблеме трудно было бы сказать. Поэтому мы полагаем возможным не обращаться к другим работам ученого, в частности, к его «Курсу истории русского языка» 1911 г., в котором представлен исторический комплексный подход к исследованию словообразования. Шахматовские воззрения на место словообразования в системе языка подтверждают и слова В. В. Виноградова, который писал: «Словообразование никогда не включалось Шахматовым в морфологию» (Виноградов 1978: 428)²

¹ Вот что писал В. В. Виноградов о своем учителе: «В науке важнее всего — откровение новых путей, новых методов исследования. Новые пути пролагались А. А. Шахматовым во всех областях, в какие он входил. Он не оставил собранной, единой системы методологии лингвистических и шире — историко-культурных изучений. Он не рассуждал о методах, а создавал их в процессе работы. И эта сторона его трудов не умрет никогда: даже тогда, когда его смелые гипотезы будут заменены другими, истинные ученые будут искать в исследованиях А. А. Шахматова радостей созерцания в прошлом великой творческой работы гениального ума» (Виноградов 1975: 430).

² И. С. Улуханов еще в 1977 г. писал: «Словообразование сравнительно недавно (по-видимому, с середины 50-х годов) стало рассматриваться в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Разумеется, в РГ-80 раздел «Словообразование» предстает как самостоятельная часть грамматической системы языка.

Основой единицей классификации в разделе «Словообразование» в РГ-80 является понятие *словообразовательного типа* (далее СТ)³. Авторы подчеркивают, что СТ — это «классифицирующая единица», «схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, которая характеризуется общностью лексико-грамматического значения и способа образования» (РГ-80: § 198)⁴. Иначе говоря, слова одного СТ имеют похожие значения и образуются по одинаковым правилам, при этом носителем словообразовательного значения является формант⁵. В.В. Виноградов формы словообразования связывает с грамматическим распределением существительных по типам склонения. Такой подход к акту создания деривата можно назвать морфологическим. В.В. Виноградов выделяет типы склонения, которые составляют тот или иной деривационный класс. Например: система словообразования в кругу

Неудивительно поэтому, что несмотря на интенсивную теоретическую и описательную работу в этой области, многие проблемы словообразования остаются неразрешенными... Пока еще нет специальных монографических исследований, посвященных таким проблемам, как основные единицы словообразования, словообразовательная мотивация, способы словообразования, морфологические явления в словообразовании и др.» (Улуханов 2001: 3). Это второе, стереотипное издание книги, опубликованной впервые в 1977 г.

³ Раздел «Словообразование» предваряется разделом «Основные понятия морфемики» (РГ-80: § 172–§ 190), которого не было в «Грамматике русского языка» 1960 г. Морфемика формируется как особая область словообразования лишь в 70-х — 80-х гг.

⁴ По справедливому утверждению И.С. Улуханова, словообразовательный тип как классифицирующая единица может быть использован и при построении исторического словообразования русского языка (Улуханов 2012: 72–82). О словообразовательном типе как «структурном семействе» в системе языка писал еще Н.В. Крушевский в 1883 г.: «В языке всегда можно открыть известные типы слов и связь между отдельными типами, другими словами — можно открыть известные структурные семейства, системы типов» (Крушевский 1883:118).

⁵ И.С. Улуханов полагает, что «...значение аффикса может быть установлено и независимо от значения мотивирующей основы... С нашей точки зрения, аффиксы (как и другие значимые единицы языка) имеют значение вне контекста — в системе, хотя формулирование значений многих аффиксов вызывает трудности» (Улуханов 1977: 102). Некоторые лингвисты возражают против трактовки форманта как носителя словообразовательного значения слова. Так, Г.О. Винокур утверждает: «Никакой аффикс сам по себе не имеет значения в том смысле, в каком мы говорим о значении основ. Он обладает значением только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы в значение производной основы, вносит в значение первой ту или иную модификацию» (Винокур 2016: 679). Неоднозначная интерпретация СЗ представлена в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Новое значение, возникающее в деривате в результате соединения данной отсылочной части с данной формантной частью и в результате формирования этих частей в акте словообразования, называется словообразовательным значением, которое может быть определено либо по значению формантной части деривата... либо более широко — как результат воздействия данного форманта с его категориально-грамматич. и лексич. характеристиками на данную производящую основу (основы) и их категориально-грамматич. и лексич. значения» (ЛЭ 1990: 468). Можно привести также мнение Н.А. Янко-Триницкой по этой проблеме: «... правильное было бы говорить не о значении отдельного аффикса, а о значении, которое создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова, иначе говоря, о значении образца» (Янко-Триницкая 2001: 85).

мягкого мужского склонения; словообразовательная система твердого мужского склонения; типы словообразования в классе слов среднего рода; способы образования слов женского рода мягкого склонения с нулевым окончанием именительного падежа и т.д. Заключение раздела содержит ряд важных наблюдений о различиях рассматриваемых типов парадигм *в отношении* продуктивности / непродуктивности тех или иных суффиксов — с учетом семантики слов, составляющих ту или иную парадигму (Виноградов 1972: § 14 — 26)⁶. В.В. Лопатин и И.С. Улуханов придерживаются иного подхода — структурно-семантического, опирающегося прежде всего на изучение мотивационных моделей языковой системы. Основные понятия, которыми оперируют авторы, помимо СТ, следующие: словообразовательное значение, словообразовательная мотивация, словообразовательная цепочка, словообразовательное гнездо, словообразовательный формант, способы словообразования (суффиксация, префиксация, постфиксация, субстантивация прилагательных и причастий, сложение, смешанные способы образования и нек. другие) (РГ-80: § 191–206).

Одна из задач нашего исследования заключается в том, чтобы продемонстрировать все преимущества подхода, предпринятого авторами, в результативном описании словообразовательной системы русского языка, перед иными подходами. Авторы в сжатом виде так формулируют содержание своего труда: «В разделе «Словообразование» содержится описание всех словообразовательных типов современного русского литературного языка — продуктивных и непродуктивных; последние представлены полными списками слов, составленными на основе современных толковых и обратных словарей русского языка. Отдельные семантически изолированные образования, не входящие в словообразовательные типы, как правило, не находят отражения в описании». О словообразовательных типах русского языка даются следующие сведения: а) формант; б) грамматическая характеристика мотивированных слов (например, род существительного, тип склонения, вид глагола); в) общее значение типа и значения подтипов; г) формальные и семантические свойства мотивирующих слов (например, словоизменятельные классы мотивирующих глаголов, для некоторых типов — грамматический род и тип склонения мотивирующих существительных, принадлежность мотивирующих слов к определенной семантической группе); д) морфонологические явления — чере-

⁶ Мы ограничиваемся достаточно подробным описанием словообразования, как оно представлено В.В. Виноградовым в его книге «Русский язык (грамматическое учение о слове)» (Виноградов 1972). Эта работа была удостоена Сталинской премии за 1950 г. (первое издание книги датируется 1947 годом). Известно, что В.В. Виноградов внес большую лепту в создание словообразовательной теории. Ученый первым разработал подробную классификацию способов образования слов, выделив морфологический, фонетико-морфологический и морфолого-синтаксический способы; он противопоставил их неморфологическому (лексико-семантическому, лексико-синтаксическому со многими подвидами). Однако эта классификация не учитывает всего многообразия способов словообразования в русском языке, как, например, аббревиацию, универбацию, повторы и некоторые другие. Но это не умаляет огромного значения трудов В.В. Виноградова, в том числе и его трудов по словообразованию, которые оказали плодотворное влияние на последующее развитие русской грамматической науки.

дования, усечение, наращение, совмещение морфов, ударение; е) продуктивность типа и отдельных подтипов; ж) стилистическая характеристика и сфера функционирования слов данного типа (подтипов); з) дополнительные сведения, обусловленные спецификой отдельных частей речи или способов словообразования (например, отличие синтаксической сочетаемости мотивированных глаголов от сочетаемости мотивирующих). Уже этот фрагмент, процитированный полностью, демонстрирует новаторство и всю глубину созданного авторами способа описания русского словообразования. Словообразовательные типы, конечно же, отличаются друг от друга степенью регулярности и продуктивности. Словообразовательная регулярность — это повторяемость формальных и семантических отношений словообразовательно соотносительных слов, а продуктивность типа — это его способность служить образцом для производства слов. Разработанный учеными способ описания материала не оставляет неисследованным ни одну из сторон или свойств дериватов ни в формальном, ни в семантическом, ни в сочетаемости, ни в морфонологическом отношении.

Из-за лимита места далее мы попытаемся продемонстрировать инновационный способ представления системы словообразования, разработанный авторами, только на материале словоформ имен существительных.

Следует обратиться также к понятию словообразовательного значения словообразовательных типов (далее СЗ). Категория СЗ подробно исследована и описана в РГ-80. Согласно выводам В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, то общее значение, которое отличает все мотивированные слова данного типа от их мотивирующих, является *словообразовательным значением* слов этого типа (так, глаголы *прыгнуть, свистнуть, толкнуть* принадлежат к одному и тому же словообразовательному типу, так как они: а) мотивируются глаголами (*прыгать, свистеть, толкать*); б) имеют общий формант — суф. *-ну₂*- (со словообразовательным значением однократности). Как показывают авторы, словообразовательное значение «выводится из тех тождественных или сводимых к более общему значению компонентов лексического значения мотивированных слов, которые не входят в значение мотивирующего слова». Выделяются общие СЗ и частные — более узкие в сравнении с общим СЗ. Словообразовательная регулярность — это повторяемость формальных и семантических отношений словообразовательно соотносительных слов, а продуктивность типа — это его способность служить образцом для производства слов. Мотивированные слова каждой части речи, как подчеркивают авторы, располагают специфической системой словообразовательных значений и рассматриваются авторами в специальных обобщающих главах в конце описания СТ разных частей речи: значение существительных (РГ-80: § 592–608); значение прилагательных (§ 781–790); значение глаголов (§ 964–975); значение наречий (§ 1030–1031).

В. В. Виноградов не выделяет общую категорию СЗ. Он предпочитает рассматривать СЗ в разделах о типах словообразования, сложившихся в разных склонениях (если говорить только об именах существительных) и показывает такие категории суффиксов, как суффиксы лица, предметности, отвлеченности, действия и т. п. (Виноградов 1972: 82–124).

2. Словообразование имен существительных

2.1. Русская грамматика 80

2.1.1. Суффиксальные существительные

В. В. Лопатин и И. С. Улуханов построили разноуровневую четкую иерархическую систему описания процессов словообразования: выделены типы и подтипы, общие и частные словообразовательные значения, подробно представлены различия морфонологического характера между производными и производящими (мотивированными и мотивирующими). И, что следует отметить прежде всего, в РГ-80 безусловно используется «критерий Винокура» («критерий словообразовательной мотивации»): «...значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» (Винокур 2016: 673). По этой архиважной проблеме опубликованы работы И. С. Улуханова, требующие специального изучения, а именно (Улуханов 2005).

Авторы используют еще одну, более крупную, чем словообразовательный тип, единицу классификации, определив ее как *способ словообразования*. В этом случае объединяется ряд типов, характеризующихся одним и тем же формантом (префиксом, суффиксом, постфиксом), в отвлечении от конкретных материальных воплощений этого форманта в разных типах. Выделяется несколько способов образования слов: имеющих одну мотивирующую основу (I) и более чем одну мотивирующую основу (II).

I способ образования слов включает в себя следующие процессы:

Суффиксация. В состав форманта входит словообразовательный суффикс, а также (в изменяемых словах) система словоизменительных аффиксов мотивированного слова; например: *учитель* (суф. *-тель* + система флексий сущ. муж. р. I скл.); *толкнуть* (суф. *-ну₂* + система словоизменительных аффиксов глаголов I спр.). При нулевой суффиксации (*выход, синь, задира, проезжий*) в состав форманта входят нулевой словообразовательный суффикс и система флексий мотивированного слова.

Префиксация. В этом случае формантом является префикс: *пра-бабушка, при-город, пред-плата*.

Постфиксация. Формантом является постфикс: *купать-ся, бодать-ся, какой-то*.

II способ образования слов включает в себя следующие процессы:

Сложение (или чистое сложение): в этом случае опорный компонент равен целому слову, в то время как предшествующий компонент (или компоненты) являются чистой основой. Авторы констатируют, что при чистом сложении в состав словообразовательного форманта входят интерфикс, эксплицирующий связь частей сложного слова, закрепленный порядок частей слова, единое основное ударение, чаще всего на опорной части слова: *первоисточник, лесостепь, слепоглухонемой* и под.

Смешанный способ словообразования — *суффиксально-сложный*, когда сложение сочетается с суффиксацией (как материально выраженной, так и нулевой): *землепроходец, мимоездом, хлеборез, однорукий* и под.

Таким образом, В. В. Лопатин и И. С. Улуханов посчитали нужным собрать все способы словообразования воедино, а уже потом показывать на конкретном

материале применение того или иного способа образования слов (§ 202 — 206). В своем исследовании авторы демонстрируют поистине математическую логику, абсолютную сбалансированность в подаче теоретических постулатов и материала. Как уже было сказано выше, во главу угла исследователи ставят отношения мотивированное ← мотивирующее. Так, обратившись к содержанию той части работы, которую мы попытаемся проанализировать (§ 208–608), следует сконцентрироваться хотя бы на оглавлении. В разделе «Суффиксальные существительные» выделяются такие подразделы, как «Существительные, мотивированные глаголами», «Существительные, мотивированные прилагательными», «Существительные, мотивированные существительными», «Существительные, мотивированные числительными», «Существительные, мотивированные наречиями и предлогами». Выделяется также большой раздел «Существительные с нулевым суффиксом». Нулевые образования также мотивируются глаголами, прилагательными и существительными. При описании каждого из подразделов авторы непременно снабжают материал заключительной пометой о продуктивности/непродуктивности суффикса в различных сферах языка и подтверждают продуктивность новообразованиями из русской речи.

Для демонстрации проделанной исследователями работы можно обратиться к каждому из написанных ими разделов. Наш выбор пал на один из подтипов — «Существительные, мотивированные глаголами» (§ 210 — 283). Следуя логике авторов, начнем с подраздела «Существительные со значением «носитель процессуального признака», разумеется, в редуцированном виде, предоставив материал с примерами (§ 211 — 255). Посуффиксное представление материала раздела, принятое авторами, представляется наиболее целесообразным (дается нами по тексту, но с небольшими купюрами). Специфика сюжета, обсуждаемого в данной статье, заставляет нас точно следовать логике исследования авторов, поэтому текст основной части нашей работы представляет собой или точный пересказ соответствующих положений РГ-80, или же их цитацию.

Итак, в разделе, посвященному суффиксу *-тель/-итель*, даются следующие сведения. Существительные с суфф. *-тель/-итель* называют лицо или предмет, производящий действие, названное мотивирующим словом (§ 211). Мотивирующие — глаголы обоих видов, преимущественно I, II, V кл. с инф. основой на *-а* и X кл. на *-и*: *испытать* — *испытатель*, *преследовать* — *преследователь*, *указать* — *указатель*, *хранить* — *хранитель*; редко I кл. на *-е* (*владеть* — *владелец*) и X кл. на *-а* (*держать* — *держатель*), а также несколько глаголов других классов и подклассов: *жить* — *житель*, *преподавать* — *преподаватель*, *создать* — *создатель*, аналогично *издатель*, *предатель*, *податель*. Во всех перечисленных случаях конечная гласная инфинитивной основы сохраняется и выступает морф *-тель*. Морф *-итель* выступает после согласной в следующих образованиях: а) мотивированных глаголами X класса с инф. основой на *-е* (причем финаль *-е* отсекается) и VI кл. на согласную: *смотреть* — *смотритель*, *спасти* — *спаситель*; б) в *гнать* (*гоню*) — *гонитель* и *двигать* (*движу*) — *движитель* (спец.), где мотивирующая основа на согласную совпадает с основой настоящего времени глагола; в) в *сказы-*

вать — сказитель (при отсечении финали *-ива*), повелевать — повелитель и *воевать* — (устар.) *воитель* (при отсечении соответственно финалей *-ева* и *-|о|ва*, орфогр. *-ева*, инфинитивной основы). В *прихлебывать* — *прихлебатель*, *блестить* — *блеститель* и *владеть* — *властитель*. Мотивирующие глаголы — немотивированные, префиксальные совершенного вида (*очиститель*, *изготовитель*), суффиксальные и префиксально-суффиксальные с суф. *-и₁* (*темнитель*, *усилитель*), суффиксальные с морфемами *-ова-*, *-ива-*, *-ва-*, (*жертвователь*, *спасатель*, *открыватель*, *выпариватель*), с постфиксом *-ся* (*соглашаться* — *соглашатель*).

Существительные этого типа имеют следующие частные словообразовательные значения: 1) ‘лицо, производящее действие’ (названия по профессии или по временному занятию): *аниматель*, *преподаватель*, *слушатель*, *писатель*, *читатель*, *проситель*; 2) ‘предмет (машина, приспособление), производящее действие’: *рыхлитель*, *производитель*, *распылитель*; 3) ‘предмет (приспособление, вещество,местилище, учреждение и т. д.), предназначенный для осуществления действия’: *обтекатель*, *проявитель*, *накопитель*, *распределитель*, *вытрезвитель*. Некоторые слова совмещают в себе разные частные значения: *истребитель* ‘человек’ и ‘самолет’, *спасатель* ‘человек’ и ‘корабль’. В существительных с суффиксом *-тель* сильно собственно агентивное значение (производителя действия вообще), конкретизируемое только контекстуально, например, в контекстах типа: *двигателем технического прогресса является механизация производства*, *сон — выручатель нервной системы*; сюда же — такие слова, как *носитель*, *производитель*, *раздражитель*, *возбудитель*.

Существительные со значением предмета мотивируются только переходными глаголами; со значением лица как переходными, так и (реже) непереходными: *вредитель*, *служитель*, *мститель*, *мечтатель*, *вдыхатель*, *владелец*, *восходитель*, *старатель*, *распорядитель*, *соглашатель*. Тип продуктивен в различных сферах языка. Новообразования характерны для научно-технической терминологии: *глушитель*, *опрокидыватель*, *подогреватель*, *отражатель*, *разбрасыватель*.

У существительных на *-итель* ударение на предпоследнем слоге основы независимо от ударения мотивирующего глагола; в остальных (подавляющее большинство которых составляют слова на *-атель*) — на том же слоге основы, что и в инфинитиве: *мы́слить* — *мыслíteль*, *увлажníть* — *увлажнíteль*; *опры́скивать* — *опры́скиватель*, *излучáть* — *излучáтель*; исключения: *мно́жить* — *мно́житель*, *двй́гать* — *двй́жатель* (РГ-80: § 211).

Для полноты картины рассматриваемой категории существительных обратимся к суффиксу *-ун*.

Существительные с суф. *-ун* (орфографически также *-юн*) называют предмет (одушевленный или неодушевленный), производящий действие, названное мотивирующим словом, часто с оттенком ‘склонный к этому действию’: *бегун*, *прыгун*, *опекун*, *шалун*, *плюсун*, *лгун*; разг.: *ворчун*, *молчун*, *шаркун*, *врун*, *говорун*, *вертун*, *хохотун*, *хлопотун*, *хвастун*, *свистун*, *шептун*. Мотивирующие — беспрефиксальные глаголы несовершенного вида. Конечная гласная инфинитивной основы отсутствует; в *колдовать* — *колдун*, *ворковать* — *ворчун* (разг. и спец.), *пестовать*

— *пестун* отсутствует финаль *-ова-*. Перед суффиксом парные твердо-мягкие отвердевают (*хрипеть* — *хрипун*), а в отдельных образованиях чередуются [ч—к], [ш—с₂к], [ж—с₂г]; *кричать* — *крикун*, *пищать* — *пискун*, *визжать* — *визгун* (все — разг.), но *молчун*, *ворчун* с сохранением шипящей. Преобладают слова со значением лица. Некоторые образования обозначают животных (*грызун*, *полоскун*, *ревун*, *скакун*, *бодун*, *пескун*), орудия и части механизмов (*колун*, *бегун*, *шатун*, *ползун*), виды грунтов, пород (*пльвун*, *зыбун*). Тип продуктивен, главным образом, в разговорной речи (РГ-80: § 220).

Полагаем, что нелишним будет продемонстрировать и представленное авторами описание образований, например, с суффиксом *-ок*, достаточно распространенных. В словах на *-ок* обнаруживается фонема [о | беглая, но не в словах *едок*, *знаток*, *игрок*, *седок* и *ходок* (*коток* — *котка*, *скребок* — *скребка* и под.). Слова имеют общее значение ‘лицо или предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом’. Группируются по двум подтипам. 1. Подтип со значением ‘лицо, производящее действие, или предмет, предназначенный для его выполнения’. Внутри этого подтипа выделяются слова со значением: а) ‘лицо — производитель’ действия: *есть* (*едим* — *едок*, *сидеть* — *седок*, *игрок*, *ходок*, *ездок*, *стрелок*, *знаток*; б) ‘орудие или средство осуществления скрести — *скребок*, *манить* — *манок*, *каток*, *мастерок*, *боёк*, *сосок*, *присосок*, *помазок*, *прищепок*, *напил* — *напил*, *подпил* — *подпил*, *подтоп* — *подтоп*; в) ‘неодушевленный предмет — субъект действия’: *росток*, *поплавок*, *движок*; г) ‘место действия’: *кататься* — *каток*, *сажать* — *садок* (например, для рыбы), *леток* (спец.). 2. Подтип со значением ‘то, что возникло (возникает) в результате действия’: *подарок*, *обрубок*, *обрезок*, *набросок*, *недовесок*, *отпечаток*, *слепок*, *спорок*, *сгусток*. Образования этого подтипа чаще являются названиями конкретных неодушевленных предметов; однако некоторые обозначают человека (*подросток*, *переросток*, *недоросток*, *недоносок*, *выродок*), животное (*слеток*, *подранок*, *откормок*, *выкормок*), место (*посёлок*, *выселок*), состояние (*устаток* прост.). У глаголов, мотивирующих этот класс существительных, с неодносложной беспрефиксальной частью инфинитивной основы, конечная гласная этой основы отсекается: *играть* — *игрок*, *обрубить* — *обрубок*. При этом парно-мягкие согласные отвердевают: *манить* — *манок*, *стрелять* — *стрелок*, *поселиться* — *поселок*, *слепить* — *слепок*, *расценить* — *расценок*. А в образованиях, мотивированных глаголами с односложным корнем на гласную, наблюдается наращение инфинитивной основы, как правило, за счет согласной [т]: *знать* — *знаток*, *бить* — *биток*, *пережить* — *пережиток*, *убить* — *убыток*, *придать* — *придаток*, *слить* — *слиток*.

Продуктивен только 2-й подтип (РГ-80: § 221).

Следует отметить полноту материала, подробный перечень значений и оттенков значений, свойственных каждому анализируемому классу слов, подробное описание мотивирующего глагола с морфологической и фонетико-фонологической точки зрения, особенно глагольной финали, претерпевающей изменения при присоединении к мотивируемой основе. Особенности ударения в паре мотивирующее — мотивированное, подробно представленных в РГ-80, мы касаемся бегло:

в рамки статьи невозможно изложить во всей полноте все результаты разностороннего, подчас ювелирного подхода авторов к исследуемому материалу.

2.1.2. Префиксальные и префиксально-суффиксальные существительные

В своих исследованиях В. В. Лопатин и И. С. Улуханов обращают внимание на тот факт, что «словообразовательные аффиксы могут выступать в одном и том же значении в качестве форманта или его части в словах, относящихся как к одной части речи, так и к разным частям речи. Как известно, префиксы и суффиксы в этом отношении существенно отличаются друг от друга: многие префиксы выступают в словах разных частей речи..., в то время как почти все суффиксы закреплены за определенной частью речи...» (ССАСРЯ 2016: 37). Именно с таких позиций осуществляется описание префиксальных аффиксов в РГ-80 (§ 468 — 527).

Итак, авторы предлагают описание следующих префиксов в составе имен существительных:

Слова с префиксом *анти-* имеют значение: ‘нечто противоположное или противодействующее тому, что названо мотивирующим существительным’: *антитезис, антициклон, антикритика, антимир, античастица, антивещество* (научные термины); *антиискусство, антигерой, антироман* (о литературе и искусстве); *антимилитаризм, антифашист, антиракета, антикосмос*. Тип продуктивен в сфере общественно-политической и научно-технической терминологии (РГ-80: § 468); слова с *архи-* называют высшую степень того, что названо мотивирующим существительным: *архиплут, архибестия, архимиллионер*. Тип проявляет продуктивность в сфере газетно-публицистической речи (РГ-80: § 469); сущ. с преф. *без-* (*бес-*) называют отсутствие того или иного, в противоположность тому, что названо мотивирующим существительным: *бездействие, беспорядок, беспристрастие; безучастие*; сущ. с преф. *вице-* имеют значение ‘второй по должности, чину, званию’, названному мотивирующим словом: *вице-адмирал, вице-президент, вице-консул, вице-канцлер, вице-губернатор*. Тип продуктивен в публицистической речи (РГ-80: § 471); сущ. с преф. *де-/дез-* называют действие обратное, противоположное тому, что названо мотивирующим словом: *демонтаж, демилитаризация, демобилизация, денационализация, деквалификация*. Тип продуктивен в газетно-публицистической речи и научно-технической терминологии (РГ-80: § 472). Аналогичным образом представлены остальные приставочные образования: с приставками *диз-, до-, за-, контр-, над-, не-, обер-, от-, па́ (па́ужин, па́ценок), пере-, под-, после-, пра-, пред-, при-, про-, против-, раз-, сверх-, со-, суб-, супер-, ультра-, экс-, экстра-*.

Что касается префиксально-суффиксальных существительных, то они в своей основной массе мотивируются существительными, хотя возможна мотивация глагольная и адъективная.

Существительные с префиксом *анти-* и суффиксом *-ин* называют средство, противодействующее тому, что названо мотивирующим словом: *антигриппин, антиспазмин, антикомарин*. Тип продуктивен в химической и фармацевтической терминологии. Аналогичное значение прослеживается у существительных с префиксом

анти- и суффиксом *-тель*: *обледенение* — *антиобледенитель*, *окисление* — *антиокислитель*, *воспламенение* — *антивоспламенитель*, *мел* — *антимелитель* ‘средство, применяемое при нанесении мела в процессе побелки стен и потолка’. Тип продуктивен в научно-технической терминологии (РГ-80: § 503). Существительные с префиксом *без-*(*бес-*) и суффиксом *-и[j]*-, вариант *-[j]*-, орфографические слова на *-ие*, *-ье*- называют отсутствующие явления и состояния, названные мотивирующим словом: *безвкусье*, *безверие*, *безлуние*, *безводье*, *безделье*, *безлюдье*, *безрыбье*. Тип продуктивен в художественной речи. Существительные с тем же префиксом и суффиксом *-к(а)* называют предмет, характеризующийся отсутствием того, что названо мотивирующим словом: *бескозырка*, *безрукавка*. Тип непродуктивный. Тот же префикс сочетается с суффиксами *-ок*, *-еник*, *-ниц(а)*, *-ушк(а)* и *-овщин(а)*: *бесценок*, *бессеребренник*, *беспреданница*, *безделушка*, *безотцовщина* (РГ-80: § 504).

Полагаем, что дальнейший материал может быть подан более схематично (и выборочно): приставка) + суффикс. Итак: *вз-(вс-)* + *-ье/+ок* (*взгорье*, *всхолмье/взгорок*, *взгорбок*); *за-+-[j]/-о[в,j]* (*заплечье*, *запастье*, *Зауралье*, *Забайкалье*); *за-+/-ник / -ок* (*загубник*, *зашкафник/загрювок*, *загорбок*); *на-+/-ник* (*намордник*, *нагрудник*, *наконечник*); *над-+-[j]/-([j])* (*надбровье*, *надкрылье*, *надплечье*); *недо-+ -ок* (*недоумок*, *недолеток*); *па-+/-ок* (*пасынок*, *патрубок*, *паводок*); *под-+/-ник* (*подколенник*, *подлокотник*, *подсвечник*); *про-+/-ок* (*простенок*, *проселок*, *проулок*); *противо-+ -и[j] / -итель* (*противоядие*, *противочувствие*, *противостаритель*); *раз-+ -[j]/-+/-ин(а)*, *+/-к(а)* (*разводье*, *распутье*, *расщелина*, *разрядка*); *со-+/-ник/-еник* (*собеседник*, *сокурсник*, *сотрудник*, *соотечественник*, *современник*, *соплеменник*) и мн. др. В качестве мотивирующих для префиксально-суффиксальных существительных используются, в основном, немотивированные существительные, а также слова с суф. *-ств(о)*, *-ни[j]/-ени[j]* и с нулевым суффиксом: *междущарствие*, *соотечественник* (*царство*, *отечество*), *антистаритель* (*старение*), *антинакипин* (*накись*) (РГ-80: § 502–526).

В дальнейшем изложении мы представим небольшой по объему раздел о существительных, мотивированных глаголами и прилагательными. Существительные с префиксом *не-* и суффиксом *-ка* мотивированы основами настоящего времени глаголов I класса с инфинитивом на *-ать*: *незнайка*, *непроливайка*, *нехватка*, *неувязка*. В отглагольных образованиях выделяются также следующие суффиксы: *-ни[j]/-ени[j]/-и[j]*- (*иметь* — *неимение*, *противиться* — *непротивление*, *верить*, *веровать* — *неверие*; *-иха* (*разобраться* — *неразбериха*; *уметь* — *неумеха*); *-ль* и *-льщина* (*видать* — *невидадь* и *невидадьщина*). Существительные с префиксом *по-* и суффиксом *-к(а)* немногочисленны (*ходить* — *походка*, *бежать* — *побежка*, *сидеть* (*в седле*) — *посадка*). В отдельных образованиях отмечаются также другие префиксы, сочетающиеся с разными суффиксами: *морозить* — *за-морозки*, *ковать* — *наковальня*, *класть* — *перекладина*, *стрелять* — *перестрелка*, *бороться* — *противоборство* и мн. др.

Существительные, мотивированные прилагательными, немногочисленны. Эти прилагательные входят в состав географических наименований типа «прилагательное +существительное» с префиксами *за-* и *при-* и суффиксом *-[j]*-:

Заполярье, Зааралье, Заонежье; Приполярье, Приазовье, Приаралье. Небольшой класс слов с префиксом *под-* и суффиксом *-ик* называет грибы по их отношению к породам деревьев, под которыми они растут: *подосиновик, подберезовик, поддубовик* (РГ-80: § 534).

За пределами статьи остаются существительные с нулевым суффиксом, существительные адъективного склонения, суффиксально-сложные существительные, аббревиация и сложение (РГ-80: § 535–591).|

Раздел, озаглавленный как «Словообразовательные значения существительных и средства их выражения», представляет собой подробное описание слов, расклассифицированных по предметно-характеризующим, модификационным, транспозиционным и соединительным значениям. Каждая из групп, по которой распределены существительные, описывается с исчерпывающей полнотой как в отношении семантики, так и материала. Существительные с предметно-характеризующими значениями называют предмет по характерному для него признаку: процессуальному при мотивации глаголами (*резать* — *резец*) и причастиям (*посланный* — *посланец*); непроцессуальному при мотивации прилагательными (*смелый* — *смельчак*) и в редких случаях мотивации наречиями (*сообща* — *сообщник*); предметному при мотивации существительными (*борода* — *бородач*), количественному при мотивации числительными (*сто* — *сотня*) (РГ-80: § 592 — 602).

Изменения в финальной части глагольных основ, которые происходят в акте словообразования, подробнейшим образом изложены (там же: § 1044 — 1055).

Вынужденное сверхкраткое представление всего богатства содержащегося в указанных параграфах фактов, материалов и интерпретаций, все же дает, как нам кажется, определенное представление о новаторстве и непреходящей ценности РГ-80.

2.1.3. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка

Иной подход к системе словообразования продемонстрирован в другом фундаментальном труде В. В. Лопатина и И. С. Улуханова — вышеназванном словаре, опубликованном в 2016 г. Считаю возможным утверждать, что Словарь по праву может быть назван новым словом в русской дериватологической лексикографии. Его новизна и оригинальность заключаются не только в описании огромного материала, собранного авторами в течение многих десятилетий, но и в солидной теоретической его части, полной новых идей и интерпретаций. За основную единицу описания в ССАСРЯ принята служебная морфема⁷ (словообразовательный морф). Авторы называют это описание словообразования «своеобразным». Но вряд ли можно придумать иной способ описания словообразования в словообразовательном словаре, иначе как не с помощью исследования каждого наличного аффикса.

⁷ Кажется бесполезным предложить то определение морфемы, которое содержится в «Проекте стандартизированной фонологической терминологии» в «Работах Пражского лингвистического кружка»: «морфологическая единица, которую невозможно разделить на более мелкие морфологические единицы» (Трубецкой 1987: 75).

Однако и здесь авторы не отказываются от своего принципа: при описании мотивированного учитывать и мотивирующее. В каждой статье, посвященной тому или иному аффиксу, В.В. Лопатин и И.С. Улуханов демонстрируют, какими частями речи мотивированы слова, содержащие тот или иной морф. Каждый из морфов описывается по всем параметрам, принятым в Словаре. Мотивированные слова группируются в словообразовательные типы. Определение СТ более развернуто, чем в РГ-80, но практически не отличается от вышеприведенного из РГ-80: «Словообразовательный тип — это общий отвлеченный образец, по которому построен ряд мотивированных слов. Слова одного типа характеризуются общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении». Предисловие словаря представляет собой лаконичное изложение следующих пунктов: 1. Структура словаря; 2. Сведения, содержащиеся в словаре; 3. Материалы словаря; 4. Структура словарной статьи; 5. Понятия и термины морфемики и словообразования, используемые в словаре. Предисловие является, по нашему мнению, ценным вкладом в современную теорию русского словообразования. Помимо хорошо структурированной, удобной формы подачи материала, здесь даны четкие дефиниции терминов и понятий русской синхронной дериватологии.

Материалом Словаря служит вся мотивированная лексика современного русского литературного языка в объеме современных толковых словарей; неологизмы и окказионализмы извлечены из словарей «Новые слова и значения» и «Новое в русской лексике», а также из собственной картотеки авторов, включая слова, нигде не зафиксированные, из газет, журналов, художественной литературы, устной речи. Сведения, содержащиеся в словаре о словообразовательных морфемах, нацелены на то, чтобы продемонстрировать форманты с разных точек зрения: какими морфами представлена та или иная морфема; в каких частях речи и каких грамматических разрядах она выступает; какими частями речи или грамматическими разрядами мотивируются слова, носители форманта; способы словообразования, в которых данная морфема выступает; общее значение морфемы, значения каждого словообразовательного типа и подтипа и вторичные словообразовательные значения; продуктивность каждого словообразовательного типа и подтипа и т.д. (ССРАСП 2016: 6–7). Как и в РГ-80, авторы следуют своей принципиальной позиции предоставлять полные сведения о всех словообразовательных аффиксах, выделяющихся в составе мотивированных слов современного русского языка и представляющих собой словообразовательный формант или же его часть. Каждому из трех типов аффиксов — префиксам, постфиксам и интерфиксам посвящен отдельный раздел, а суффиксы, во всем их многообразии, рассмотрены в четырех разделах: «Суффиксы имен существительных и прилагательных», «Суффиксы числительных», «Суффиксы глаголов», «Суффиксы наречий». Суффиксальные морфы приведены в алфавитной последовательности (в приложении к словарю).

В.В. Лопатин и И.С. Улуханов работали над Словарем с полной самоотдачей. Считаем, что приблизительное представление об этой самоотверженной работе

авторов может дать публикация хотя бы одной словарной статьи (но также по возможности в сокращенном виде) — об одном суффиксе.

Приведем расшифровку сокращений или, как их называют авторы, помет, употребляющихся в тексте словаря: Сп — способ словообразования; ЗТ — значение словообразовательного типа, ЗП — значение подтипа, ЗМ — значение морфемы. Прод. — продуктивно. Непрод. — непродуктивно. Остальные сокращения понятны без пояснений.

В качестве образца привожу следующую словарную статью:

УН'и орф. -ЮН

сущ., муж.р., I скл.

ЗМ: предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом.

1.сущ<глг

Сп: суф.

ЗТ: предмет, характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим глг.

ЗП: лицо — производитель действия, преимущ. склонное к этому действию.

Прыгать > прыг-ун 'тот, кто хорошо прыгает, спортсмен, занимающийся прыжками', плясать > пляс-ун (разг.) 'тот, кто пляшет, умеет плясать', лгать > лг-ун 'тот, кто лжёт, привык лгать'; копать > коп-ун 'тот, кто копается, делает всё медленно', бегать > бег-ун, шалить > шалун, колдовать > колд-ун, опекать > опек-ун, ворчать > ворч-ун, молч-ун, говор-ун, болт-ун, пев-ун, пол-зун, верт-ун, хлопот-ун, вр-ун, хваст-ун, хохот-ун, шепт-ун, шарк-ун, свист-ун, крик-ун, хрип-ун, верт-ун, пачк-ун, лопот-ун (все — разг.), брезг-ун, морг-ун, храп-ун, ор-ун, брех-ун, хап-ун, есть(едят) > ед-ун, форсить > форс-ун, горевать > гор-юн (все — прост.). смеяться > смех-ун (прост. устар.) 'шутник, насмешник', летать > лет-ун (разг. перен.) 'о тех, кто часто меняет место работы'; везти (безл.) > вез-ун (разг.) 'о тех, кому везет': Про некоторых людей говорят: «Везун!» — везде, где можно, судьба ему помогает (Я. Голованов).

Прод. в разг. речи.

Нов.: нести > нес-ун (разг.) 'о мелких расхитителях.'

Окказ.: дрефовать > дрейф-ун: Пошла уже вторая неделя моего пребывания среди дрейфовщиков, или, как они себя называют, 'дрейфунов'. Я уже побывал на двух станциях (Б. Полевой); спать > сп-ун 'о человеке, который любит спать' (из детской речи. К. Чуковский).

1.2. ЗП: животное — производитель действия.

Грызть > грыз-ун 'травоядное млекопитающее с длинными, способными хорошо грызть, передними зубами', скакать > скак-ун, ворковать > ворк-ун (спец.) 'голубь', пестовать > пест-ун (обл. и спец.) 'медвежонок', шататься > шатун (обл. и спец.) 'медведь, не залегший зимой в берлогу', полоскать > полоск-ун 'енот', реветь > рев-ун 'обезьяна; также всякое животное, способное реветь': Зимой, весной и летом лось мирный зверь, осенью встреча с сохатым ревуном небезопасна (Н. Фетинев); брызгать > брызг-ун 'рыбы'; шипеть > шип-ун, кликать > клик-ун

‘птицы’; дёргаться > дергун ‘комар’; плавать > плав-ун ‘водяная крыса, водяной жук’; прыгать > прыг-ун ‘обезьяна; рыба; водяное насекомое’; шелк-ун, скрип-ун ‘жуки’; сос-ун ‘о детенышах млекопитающих’; лет-ун, писк-ун, визг-ун, стрекот-ун, полз-ун, брык-ун, игр-ун, царап-ун, лиз-ун (все — разг.), бод-ун (обл.); толочься (толкуются) > толк-ун ‘мошка’. || **В применении к лицам.** Сосун, пискун, визгун, व्यон, брызгун, игрун, шелкун (все — разг.), скрипун, лизун, шатун (все — прост.), пестун (устар.).

Прод. преим. в разговорной речи.

Окказ.: тьякать > тьяк-ун ‘о гоночной собаке’: Рады борзые, довольны тьякуны (Некрасов).

1.3. ЗП: растение — субъект действия.

Резать > рез-ун (обл.) ‘режущая трава, осока’, виться > व्यон (прост. и обл.) ‘выющееся травянистое растение’.

Эпизод. прод.

Окказ.: ползать > полз-ун: Вокруг ... росла всевозможная мелочь: дикая редька, ползун-горошек, пырей (В. Астафьев).

1.4. ЗП: орудие, механизм или его часть — субъект действия. Колоть > кол-ун ‘тяжелый, с тупым лезвием топор для колки дров’, трясти > тряс-ун (устар. техн.) ‘устройство для транспортировки сыпучих тел по встряхивающимся желобам’, реветь > рев-ун (морск.) ‘сирена’, ползать > полз-ун (технич.) ‘скользящая, как бы ползающая, деталь механизма’, шат-ун, бег-ун (оба — технич.).

Прод. в технич. термин. и разговорной речи.

Нов.: сосать > сос-ун ‘механизм: ‘Сильная плавучая машина — сосун — через большой рукав гонит в баржу воду, густо перемешанную с песком’ (В. Панов).

1.5. ЗП: природное явление, а также вид грунта, земной поверхности, характеризующиеся действием, названным мотивирующим глг.

Плыть (плывут) > плив-ун ‘грунт, насыщенный водой, а потому обладающий большой подвижностью, как бы плавающий’, забиться ‘колебаться, колыхаться’ > зыб-ун ‘трясина. болото’, падать пад-ун (обл.) ‘водопад, порог’, вертеться > верт-ун (обл.) ‘водоворот’.

Прод. в разговорной профессиональной речи.

Нов.: тянуться > тяг-ун ‘в речи шоферов и спортсменов: затяжной подъем’; тормозить > тормоз-ун (в речи спортсменов). Так называют спортсмены мокрый и сырой снег (газ.).

1.6. ЗП: животное или неодушевленный предмет — объект действия.

Стричь (стригут) > стриг-ун ‘годовалый жеребёнок, которому обычно подстригают гриву’, болтать ‘взбалтывать’ > болт-ун ‘насиженное яйцо птицы без зародыша’. Эпизод. прод.

Окказ.: лизать > лиз-ун ‘леденец на палочке’ (устная речь)

2. *сиц* < *прл*

Сп.: суф.

2.1. ЗТ: предмет — носитель признака, названного мотивирующим прилагательным.

2.2.3П: лицо — носитель признака.

Резвый > резв-ун (разг.) ‘резвый ребенок’, толстый > толст-ун (прост. и обл.), вещий > вущ-ун (устар.).

Непрод. отказ.

2.3. 3П: животное — носитель признака.

Слепой > слеп-ун ‘змея’, лысый — лыс-ун ‘тюлень’, толстый > толст-ун ‘насекомое’. Непрод.

2.4.3П: природное явление — носитель признака.

Бурный ‘бурливый’ > бур-ун ‘пенящиеся волны над отмелью или рифом’. Единично.

3.сущ < сущ

Сп.: суф.

3Т: одушевленный предмет, характеризующийся тем, что названо мотивирующим существительным.

3.1.3П: лицо или животное, характеризующееся телесным признаком, названным мотивирующим сщ.

Горб > горбун ‘горбатый человек или животное’; грива > грив-ун (обл.), кила ‘грыжа’ > кил-ун (обл.).

3.2.3П: лицо, характеризующееся действием, названное мотивирующим сщ.

Драка > драч-ун (разг.) ‘тот, кто любит драться, часто дерется’; воркотня ‘ворчание, брюзжание’ > воркот-ун (разг.), копотня ‘медлительное исполнение чего-л.’ > копотун (прост.), кропотня ‘кропотливое, канительное дело’ > кропот-ун (прост.).

Непрод.

■ -ун¹ и орф. -юн, [ун].

После парно-твердых согласных: опе-ун, верт-ун, резв-ун, хрип-ун, нес-ун; после шипящих и [j]: ворч-ун, вещ-ун, [в’j-ун] (выюн); после парно-мягкой согласной в го[r’-ун] (горюн).

Усечение. От инфинитивных основ мотивирующих *глг* отсекаются: конечная гласная: вр(а-ть) — вр-ун, говор(и-ть) — говор-ун; ова (ева): колд(ова-ть) — колд-ун, ворк(ова-ть) — ворк-ун, пест(ова-ть) — пест-ун. От основы мотивирующего *прл* отсекается *н* (после согласной): бур(н-ый) — бур-ун. От основ мотивирующих *сщ* отсекается [н’] (после согласных, в словах на -отня): копот(н-я) — копот-ун, воркот(н-я) — воркот-ун.

Нарращение. К инфинитивной основе с односложным корнем на гласную присоединяется согласный в пе-ть — пев-ун. К основе глагола присоединяются те же согласные, что и в основе настоящего времени, в ес-ть (е-л, ед-ят) — ед-ун, плыть (плыв-ут) — плыв-ун. К усеченной инфинитивной основе на гласную присоединяется согл. [г] в тя(ну-ть-ся) — тяг-ун.

Чередование. Чередование согласных: ша[л’](и-ть) — ша[л]-ун, ре[в’](е-ть) — ре [в]-ун. Чередование согласных в драк-а — драч-ун, крич(а-ть) — крик-ун, пищ(а-ть) — писк-ун и визж(а-ть) — визг-ун; но ср. молч(а-ть) — молч-ун, ворч(а-ть) — ворч-ун, без черед.

Ударение. Тип III: хлопот(а-ть) — хлопот-у́н, у́; цара́п(а-ть) — царап-у́н, -у́ (с. 663–665).

УН²

сущ., муж. р., I скл.

ЗМ: интенсивно проявляемое действие, названное мотивирующим словом.

сущ < глг

Сп.: суф.

ЗТ: см. ЗМ.

Есть (едят) > ед-ун (прост. шутил.) ‘прожорливость’: На него едун напал (Словарь Ушакова); смеяться > смех-ун (прост.): ... чудовищный смехун напал на всех, когда Нина начала свой монолог (В. Носов); колотить (безл.) ‘трясти, знобить’ > колот-ун (обл. и прост.): Холод леденил все тело... Начался колотун (журн.).

Непрод. (с. 665).

3. Вместо заключения

В связи с рассмотрением фундаментальных исследований В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, подводя итоги, подчеркнем, что труды В. В. Виноградова, предшествовавшие разработкам этих ученых, не только не потеряли своей значимости до настоящего времени, но, напротив, являются стимулом для изучения различных, недостаточно изученных проблем русского языка. Что касается словообразования, то для своего времени его работы были поистине откровением: он показал, как нужно исследовать эту область лингвистики и какие результаты можно получить. В его дериватологических трудах, в особенности в монографии «Русский язык (грамматическое учение о слове)» 1947 года, разработана методика, которую можно считать удобным инструментарием для точного описания словообразования русского языка. Но, как известно, ничего не стоит на месте. Прошло чуть более 30 лет, и появились новые исследования — прежде всего работы В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, в которых эксплицированы новые идеи и продемонстрировано их использование в дериватологических разработках. Опираясь на работы своих предшественников, В. В. Лопатин и И. С. Улуханов создали теоретические основы для изучения русского словообразования, обратившись к понятию *словообразовательного типа* и паре *мотивирующее — мотивированное (производящее — производное)*. Такой подход обеспечил исключительно подробное, всеобъемлющее описание каждого слова. Авторы не только представили словообразовательную структуру каждого слова, но показали те морфонологические особенности основ мотивирующих слов (усечение и наращение, чередования, совмещение морфов), которые наблюдаются в образованиях с соответствующим морфом, а также характер ударения в этих образованиях. Теперь, располагая созданной ими методикой, можно двигаться в направлении исследования русского словообразования разных исторических эпох, не ограничиваясь изучением синхронного материала. Позволю себе также напомнить о высоких оценках обществом двух трудов: «Русской грамматики» 1947 г. В. В. Виноградова и «Русской грамматики» 1980 г. (соавторами

в которой выступили В. В. Лопатин и И. С. Улуханов) — оба труда были удостоены наград в виде Государственных премий 1950 г. и 1982 г. соответственно.

ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн-де-Куртенэ 1963: Бодуэн-де-Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. Т. 2. Москва, 1963, 209–235.

Виноградов 1972: Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва, 1972.

Виноградов 1975: Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. Москва, 1975.

Виноградов 1978: Виноградов В. В. Учение академика А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке // История русских лингвистических учений. Москва, 1978.

Винокур 2016: Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Г. О. Винокур Избранные работы по русскому языку. Москва, 2016, 669–705.

Крушевский 1883: Крушевский Н. В. Очерк о науке языка Н. Крушевского, доцента Императорского Казанского университета. Казань, 1883.

РГ-80: Русская грамматика. Т. I. Москва, 1980.

Лопатин 1977: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. Москва, 1977.

Лопатин 2007: Лопатин В. В. Многогранное русское слово. Избранные статьи по русскому языку. Москва, 2007.

ЛЭ 1990: Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1990.

Милославский 2006: Милославский И. Г. Учение о русском словообразовании в именчивой научной парадигме лингвистики // Славистика. Синхрония и диахрония. Сборник статей к 70-летию И. С. Улуханова. Москва, 2006, 112–120.

ССАСРЯ 2016: Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016.

Трубецкой 1987: Трубецкой Н. С. Избранные труды по фонологии. Москва, 1987, 75–80.

Улуханов 1977: Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Москва, 1977.

Улуханов 1996: Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. Москва, 1996.

Улуханов 2005: Улуханов И. С. Славянизмы в русском языке: глаголы с неполногласными приставками. Москва, 2005.

Улуханов 2005: Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. Москва, 2005.

Улуханов 2012: Улуханов И. С. Историческое словообразование. Историческая лексикология. Москва, 2012.

Улуханов 2015: Улуханов И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. I. Глаголы, мотивированные именами и междометиями. Т. I. Москва, 2015.

Улуханов 2017: Улуханов И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. II. Глаголы, мотивированные глаголами. Москва, 2017.

Улуханов 2019: Улуханов И. С. Словообразование. Морфонология. Лексикология. Избранные работы по современному русскому языку. Москва, 2019.

Шахматов 2001: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка/ Под ред. и с комментариями Е. С. Истриной. Ленинград, 1941.

Янко-Триницкая 2001: Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. Москва, 2001.

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Л. П. КРЫСИН

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-9798-7416>

leonid-krysin@mail.ru

В статье идет речь о «Толковом словаре русской разговорной речи», который составляется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук. После краткой характеристики лексического состава современной русской разговорной речи описываются принципы отбора словника для указанного словаря, структура словарной статьи и виды информации о слове, которые помещаются в десяти зонах типовой словарной статьи. В конце статьи даны образцы словарных статей.

Ключевые слова: разговорная речь, лексика разговорной речи, толковый словарь, словарная статья.

RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH IN LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION

L. P. KRYSIN

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

The paper is devoted to the “Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech”, which is compiled in Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences. A concise outline of the Modern Russian colloquial vocabulary is followed by the explication of selection principles of lexical units to be included into the Dictionary, the structure of the entry and types of information about a word distributed among 10 zones of a typical dictionary entry. In the end of the article examples of dictionary entries are given.

Keywords: Russian colloquial speech, lexicography, explanatory dictionary, dictionary entry.

В 1962 году выдающийся русский лингвист Михаил Викторович Панов высказал мысль о том, что устная форма литературного языка представляет собой самостоятельную подсистему, со своими закономерностями употребления и сочетания языковых средств (Панов 1962).

Это была смелая гипотеза, требовавшая подтверждения массовым материалом полевых наблюдений. С середины 60-х годов XX века началась научная разработка самой этой гипотезы, систематические наблюдения над русской разговорной речью (далее — РР), запись с помощью магнитофонной техники различных форм реализации этой речи и описание лингвистических свойств и особенностей РР. Эти исследования составили цикл работ, осуществленных коллективом сектора современного русского языка Института русского языка АН СССР под руководством Е. А. Земской (Земская 1968; Земская 1978; Земская, Китайгородская, Ширяев

1981; РРР-1973; РРР-1978; РРР-1983). Этот цикл был дополнен исследованиями, посвященными современному городскому просторечию, разновидностям городской речи, языковому существованию современного горожанина, наиболее характерным свойствам разговорной речи (Городское просторечие 1984; Разновидности 1988; Китайгородская, Розанова 1995, 2005; Китайгородская, Розанова 2011; Красильникова 1990; Крысин 1984).

В результате гипотеза М. В. Панова была убедительно подтверждена. Было сформулировано само понятие разговорной речи: это устная спонтанная речь, которую используют носители литературного языка в условиях непринужденного общения людей (преимущественно горожан), не находящихся друг с другом в официальных отношениях. Были выявлены типичные ситуации, в которых реализуется эта языковая подсистема: общение друзей, родственников, сослуживцев, застольные беседы, устные воспоминания, стереотипные городские ситуации общения — в магазине, на транспорте, в больничной палате, у железнодорожных касс и т. п. И, наконец, — и это особенно важно, — были выявлены основные свойства РР в области лексики, морфологии, синтаксиса, коммуникативной организации высказывания.

Вопрос о том, как отразить свойства разговорной речи в толковом словаре, тогда не поднимался. Первые словари такого рода появились в начале XXI века (Химик 2004; Курилова 2007). Автор первого словаря руководствовался очень широким представлением о том, что такое устно-разговорная речь: ставя задачу описать всё экспрессивное, чем характеризуется современный устный дискурс, он включил в словарь не только грубо-просторечную и жаргонную лексику, но и лексику обценную. Второй словарь, безусловно, представляет интерес, поскольку в нем впервые описываются слова разговорного русского языка — в том понимании этой языковой подсистемы, которое близко к концепции Московской социолингвистической школы¹. Однако он невелик по объему (3500 слов), и помещенные в нем слова описаны далеко не во всех своих «разговорных» значениях.

В 2010 году в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН была начата работа по составлению «Толкового словаря русской разговорной речи» (далее — ТСРР). В том же году был опубликован проспект словаря, а в 2014-ом — первый его выпуск. Всего издано пять выпусков, каждый в объеме от 700 до 800 страниц; число словарных статей — свыше 15 тысяч (ТСРР 1–5).

Опираясь на указанный выше цикл работ о русской разговорной речи, составители этого словаря сформулировали некоторые постулаты, касающиеся природы и нормативного статуса РР.

¹ Имеется в виду цикл указанных выше работ, выполненных по инициативе М. В. Панова и под руководством Е. А. Земской в 60–80-е годы прошлого века. Кроме «московских» работ по русской разговорной речи, имеется большое число исследований, выполненных другими учеными; в них, как правило, представлено иное понимание самого термина «разговорная речь»: см., например, работы О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой и ее научной школы, Кв. Кожевниковой, О. Кафковой и др., — обзор различных точек зрения на природу и функциональный статус разговорной речи см. в главе I коллективной монографии (РРР-1973).

Природа и статус современной русской разговорной речи

Типичные формы реализации РР — внутрисемейное и бытовое общение, «городские» коммуникативные ситуации — в магазине, на транспорте, на приеме у врача, в гостях у друзей и т. п., а также некоторые виды публичного общения людей: радио- и телеинтервью, телевизионные ток-шоу и др. От иных форм некодифицированной речи — территориальных диалектов, городского просторечия, жаргонов — разговорная речь отличается тем, что ею владеют носители литературного языка.

РР имеет свои традиции и характерные черты, отличающие ее от языка книжно-письменного. Однако в ней нет тех целенаправленных нормативных установок, которыми характеризуется книжно-письменный язык. Если и можно говорить о нормах РР, то следует иметь в виду, что они «неписанные»: они — результат традиции и стихийного развития этой подсистемы литературного языка, а не результат сознательной кодификации (которая фиксируется в нормативных словарях и грамматиках).

К этим главным особенностям РР, отличающим ее от языка кодифицированного, надо добавить более частные, но важные — для понимания природы этой подсистемы русского национального языка.

Исследователями уже отмечалось, что РР в высшей степени (больше, чем язык в целом, и, несомненно, больше, чем кодифицированный литературный язык) **антропоцентрична**: наибольшая специфичность РР и, в частности, ее лексики проявляется в обозначении жизни и деятельности человека — его ежедневного быта, его питания, здоровья, физического и психического состояния, его отношений с другими людьми, тех ситуаций, в которых он осуществляет свою повседневную деятельность. Наиболее развитые лексико-тематические группы РР: Семья; Работа; Еда и питье; Физические характеристики человека; Его душевное состояние; Речевая деятельность; Болезни и их лечение; Сферы обслуживания (Магазин, Коммунальные службы, Сбербанк...); Транспорт; Отношения между людьми (Сотрудничество, Конфликты, Любовь, Дружба...); Техника (Компьютер, Автомобиль, Бытовая техника...) и нек. др.

Это обстоятельство заставляет составителей «разговорных» толковых словарей обращаться в первую очередь к лексике соответствующих тематических групп — например, таких как:

— «семья и дети»: *малыш, малышня, грудничок, карапуз, садик* ‘детский сад’, *ходунки, какать, писать, пререкаться, распекать, сидеть (с ребенком)...*;

— «внешность, характер, ум, поведение человека»: *амбал, алкаш, баба* (о мужчине), *бабник, баламут, барин, бездельник, верзила, вертихвостка, ворчун, врун, гигант* (без дополнения, в оценочных контекстах типа: *Ну, ты гигант!*), *добряк*², *дохляк, доходяга, дуб, дубина, дылда, егоза, лодырь, недомерок, остолоп, подпева-*

² Положительная оценка человека в большинстве случаев выражается либо нейтральным, либо книжным существительным и очень редко — разговорным: ср. слова типа *красавец, красавица, силач, умница, умник* (в словарях толкуется как ‘умный человек, умница’, однако в современной РР *умник* употребляется скорее не нейтрально, а иронически — о том, кто умничает).

ла, подлиза, подлипала, подхалим, пройдоха, проныра, прохиндей, псих, сморчок, страхолюдина, страшила, стукач, тупица, ходок ('любитель женщин, ловелас'), шизик, ябеда; башиковитый, глазастый, головастый, губастый, зубастый, мордастый, мордастый, настырный, нахрапистый, носатый, рукастый, ушастый, щекастый, языкастый, языкатый...;

— слова, в одном из своих значений сравнивающие человека с животным: *баран, бирюк, боров, верблюд, ворона, гнида, горилла, гусь, дятел, жаба, жеребец, жираф, жук, заяц, змея, индюк, ишак, кабан, кобель, кобыла* (о рослой и сильной женщине), *курица, кот* (о распутном мужчине), *кошка, корова* (о неповоротливой женщине), *лиса, медведь, обезьяна, осёл, паук, петух, червяк, шавка, шакал*³;

— 'физически воздействовать на живой объект': *влепить, вмазать, всаживать, дубасить, заехать, залепить, засадить, колошматить, лупить, навалить, оглоушить, отделать, отколотить, садануть, толкнуть, хряснуть*...;

— 'интенсивно делать что-л.': *вкалывать, горбатиться, жарить, ишачить, наяривать, шпарить*...;

— 'еда и питье': *вкуснятина, гудеть* (о пьянстве), *жрать, жрачка* 'еда', *закладывать* 'иметь пристрастие к спиртному', *набухать* (Зачем ты сюда столько соли набухла?), *накромсать* (Целую гору хлеба накромсал), *перекусить, перехватить*...;

— 'прийти в какое-л. состояние или быть в нем': *балдеть, набычиться, надуться, обалдеть, остолбенеть, отключиться, очухаться, ошалеть, париться, развезти* (напр., от выпитого вина), *разнюниться, разреваться, рассопливиться, уgomониться*...;

— 'потерпеть неудачу (физически, интеллектуально или нравственно)': *влипнуть, вляпаться, опростоволоситься, зевнуть, проворонить, сверзиться, растянуться* 'упасть', *грохнуться, обмишулиться, провалиться* (на экзамене), *срезаться*...;

— 'вступать/вступить в конфликт': *облаять, поругаться, полаяться, разодрататься, разругаться, собачиться, схватиться, сцепиться*...;

— 'обмануть кого-л., причиняя ему вред': *обобрать, облапошить, обставить, обчистить, обжогорить, нагреть*...;

— 'речевая деятельность': *вякать, брякнуть, долдонить, бубнить, заткнуться, кипятиться, ляпнуть, наущничать, огорошить, перечить, пререкаться, талдычить, трещать, шипеть*..., в частности, 'воздействовать на кого-л. с помощью слов, высказываний': *распатронить, пропесочить, жучить, канючить, кланчить, наехать, расчихвостить, хамить*...

Особого внимания заслуживают **метонимические смещения** значений, когда слово в разных коммуникативных ситуациях может приобретать

³ Сравнение человека и его действий с «вещным» миром также не нейтрально стилистически; ср., например: *У него не руки, а грабли; Котелок не варит; костыли* — о ногах; *рубильник* — о большом носе; *Не разевай варежку; Чего ты шары-то выкатил* (о глазах)? Несомненно, это грубое просторечие, но, одновременно, это и элементы нашей повседневной речи, как ни хотелось бы нам видеть в этом лишь засорение языка.

метонимические и при этом «размытые» значения: *У вас на даче вода есть?* (= 1) водопровод; 2) водоем, в котором купаются); *Говорят, Греш на нефть уходит* (= на добычу? на поставки? на управление нефтедобывающими предприятиями?).

Метонимическими по своей природе являются также названия болезней по больному органу (*У нее сердце*), врачей — по объекту их специализации (*Ухогорлонос не принимает; Рентген сегодня только в два придет*), отделений больницы — по отрасли медицины (*Ее отвезли в хирургию; В терапии коек не хватает; А урология в вашей больнице есть?*), отделов магазина — по видам продуктов (*Сахар у вас в крупах или где? Нарезку по сто тридцать пробейте, пожалуйста, в колбасы! У вас раньше в хлебе сухарики продавали, сейчас нет? — Ты щас на каком отделе? — В инструментах*; отчетливее всего это метонимическое значение реализуется в локативе), событий — по месту, где они произошли (*На Лейк-Плесида у нее было две золотых* (= на Олимпиаде в Лейк-Плесида); *После Чернобыля* (= после атомного взрыва на АЭС в городе Чернобыле) *столько калёк осталось!*) или по объекту, относительно которого совершаются определенные действия (*Мы каждый год ездили на картошку* = на уборку урожая картофеля; *На квасе много не зарабатываешь* = на продаже кваса).

Такого рода метонимические переносы в высшей степени характерны именно для разговорной речи.

Столь обширные перечни слов, групп слов и их типов, характерных для современного повседневного речевого употребления, приведены здесь для того, чтобы показать: далеко не все из этих слов получают описание в современных толковых словарях (по преимуществу нормативных). А кроме того, — чтобы читателю стало понятно, каковы те смысловые и стилистические разряды лексики, которые составляют объект описания в толковых словарях разговорного языка.

Русская разговорная речь начала XXI века, по сравнению с периодом, представленным в работах Московской социалингвистической школы, претерпела некоторые изменения.

Они касаются состава словаря РР и соотношения различных стилистических ее слоев: появились новые номинации, слова, выражающие оценку человека и событий, некоторые слова ушли или уходят из активного употребления. Стилистические изменения вызваны массовым проникновением в РР элементов просторечия и жаргонов, смещением ряда экспрессивно-стилистических характеристик слов, передвижением — в пределах РР — некоторых групп лексики из одних функционально-стилистических слоев в другие.

Например, слова и обороты, традиционно присущие внутригрупповому или, во всяком случае, непубличному общению, имеющие в словарях пометы *прост.*, *жарг.*, *груб.*, *вульг.*, в современных условиях устной коммуникации могут использоваться не только в фамильярном общении хорошо знакомых друг с другом людей, но и, например, в публичной (но при этом также устной спонтанной) речи журналистов, политиков, представителей власти, депутатов Госдумы и других групп носителей литературного языка. Ср. слова, составляющие так называемый общий сленг, то есть такой слой лексики жаргонного происхождения, в котором

утрачены следы каких-либо конкретных социальных жаргонов и который хорошо знаком носителям литературного языка и используется ими в неофициальном общении⁴: *беспредел*, *крутой* (парень), *кинуть* ‘обманным путем выманить деньги’, *наехать* ‘напасть с угрозами, желая добиться чего-л.’, *обложить* ‘грубо обругать’, *отморозок* ‘человек, лишенный каких-л. моральных принципов’, *отмывать* (деньги), *прокол* ‘неудача, ошибка’ и т. п.

Изменилась, расширилась сфера применения РР: наряду с бытовыми, обиходными ситуациями — наиболее типичными для функционирования этой разновидности литературного языка — в круг активного ее использования вовлекаются и некоторые формы публичной коммуникации.

Можно говорить также об определенной *разношёрстности* лексики, которая составляет словарь современной РР, в социальном и территориальном отношении. Это, с одной стороны, вполне «интеллигентные» слова и обороты с давней устно-бытовой традицией — типа: *авось*, *баловник*, *всѣпать* ‘наказать’, *втереться* (в доверие), *докопаться* (до истины), *ерунда*, *завзятый*, *заядлый*, *зевака*, *зуботычина*, *изворачиваться*, *изовратиться*, *клянчить*, *кляузник*, *кухня* ‘закулисная сторона чего-л.’, *смешаться* ‘смутиться’, *сорвать* (заседание), *укатить* (за границу), *язвить* ‘отпускать колкие замечания в чей-л. адрес’ и под., а с другой, разнообразные по степени стилистической сниженности единицы — типа: *втихаря*, *козѣл* (как оскорбление — о мужчине), *откат*, *пялиться* (на кого-л.), *разборка*, *слинять* ‘незаметно уйти’, *собачиться*, *соскочить* (с иглы), *туфта*, *тягомотина*, *хайло*, *халява*, *чумовой*, *шакалить*, *штука* ‘тысяча рублей’ и под., хотя и имеющие нередко на себе «следы» определенной социальной среды, их породившей, но всё же весьма употребительные в непринужденной речи современных носителей литературного языка.

Несомненны *возрастные* различия в использовании лексики, относимой к разговорной: та часть молодежи — например, студенты, школьники-старшеклассники, — которая является носителем литературного варианта русского языка, в непринужденных ситуациях обильно использует жаргонную лексику, к которой представители старшего поколения относятся весьма сдержанно и в собственной речи используют мало. Кроме того, молодежь регулярно использует в своей речи лексику, связанную с интернетом и с разными видами интернет-общения: *инет* вместо *интернет*, *комп* вместо *компьютер*, *сайт*, *файл*, *загрузить информацию*, *слить данные* и т. п.

С другой стороны, в речи старшего поколения всё еще достаточно активны слова и обороты, которые характерны скорее для разговорной речи недавнего прошлого, чем для современной устно-разговорной практики (напр., *богатеи*, *вертопрах*, *зевака*, *зуботычина*, *колготиться*, *объегорить*, *оглушить*, *торкнуться*, *транжирить*, *трахнуть* ‘с силой ударить’ и др.).

Разговорная лексика — во всяком случае, некоторая ее часть — маркирована и в *территориальном* отношении. О различиях в бытовых номинациях, принятых

⁴ О понятии сленга применительно к русскому языку см. книгу Р. И. Розиной (Розина 2005).

у москвичей и у петербуржцев, писалось неоднократно (петербургские *вставочка* и *поребрик* сделались хрестоматийными примерами своеобразия бытовой речи жителей северной столицы). Схожие различия наблюдаются и в других городах и регионах России.

Таким образом, современная РР представляет собой несколько более сложную и разнородную подсистему литературного языка, чем это было свойственно ей полвека тому назад, — со значительными вкраплениями просторечной, сленговой, жаргонной, профессиональной лексики. По существу, это *повседневная* непринужденная речь современного горожанина, который в других коммуникативных ситуациях — ситуациях, требующих социального самоконтроля, использует средства кодифицированного литературного языка.

Разговорная лексика в «Толковом словаре русской разговорной речи» (ТСРР)

ТСРР не претендует на отражение в нем всех и даже большинства особенностей разговорной речи России во всем ее территориальном, социальном и возрастном многообразии. В этом словаре дается описание преимущественно разговорной лексики культурных центров России — Москвы и (в меньшей степени) Петербурга.

Словник этого словаря составлен с использованием различных лексикографических источников⁵. Он содержит около 15 тысяч слов, принадлежащих преимущественно разговорной разновидности современного русского литературного языка, а также городскому просторечию, сленгу, некоторым социальным и профессиональным жаргонам. Основанием для включения в словник разговорных, просторечных, сленговых и жаргонных слов послужили: а) наличие при слове или каком-либо из его значений словарной пометы «разг.», а также помет «прост.», «жарг.» и б) их достаточно широкая употребительность в устной речи носителей литературного языка и в языке средств массовой информации: ср., например, такие слова, как *беспредел*, *возникать* (~ протестовать, возмущаться), *выпендриваться*, *крутой* (*парень*), *левый* (*заработок*, *товар*), *откат*, *отстегнуть* (*полтыщи баксов*), *придурок*, *прослушка*, *пудрить* (*мозги*), *сливать* (*компромат*), *телега* (*накатать телегу в прокуратуру*), *ухайдакать*, *хапуга*, *химичить*, *шизик*, *шлёпнуть* ‘убить’ и т. п.

Нашли место в нашем словаре и такие слова, которые представляют собой результаты сокращения структуры и длины слова в процессе неформального, спонтанного общения: *тыща* вместо *тысяча*, *щас* вместо *сейчас*, *скоко* вместо *сколько*, *стоко* вместо *столько*, *инет* вместо *интернет*, *комп* вместо *компьютер* и под.

Структура словарной статьи в ТСРР

Типовая словарная статья ТСРР имеет вид последовательности **з о н**, в каждой из которых содержится один вид информации о слове, существенной для его понимания и правильного употребления в повседневных ситуациях общения, — о его

⁵ Подробнее об этом см. (Перспектив 2010: 173), а также в предисловии к (ТСРР 1).

морфологии, синтаксисе, стилистической характеристике, семантике (толкование), парадигматических связях, о прагматике. Зоны словарной статьи разделяются метками, указывающими на характер сведений, содержащихся в данной зоне:

DEF: толкование и иллюстративные примеры;

MORPH: морфологические сведения;

SYNT: сведения о синтаксических характеристиках слова;

STYL: стилистические пометы;

SYN: синонимы;

ANT: антонимы;

CONV: конверсивы;

ANALOG: аналоги;

PHRAS: фразеологизм(ы) с данным словом, включая его (их) толкование;

PRAGM: условия — контекстные, ситуативные, социальные и т. п. — употребления данной единицы в речи; в этой зоне возможны также сведения энциклопедического характера — об обозначаемой словом реалии.

Образцы словарных статей в TCRP

В приводимых ниже примерах словарных статей TCRP иллюстрируются по возможности разные типы лингвистической информации о разговорном слове — его морфологии, синтаксисе, стилистической принадлежности и стилистической окраске, о словах, синонимичных данному (зона SYN), словах с противоположным смыслом (зона ANT) или имеющих с данным словом общие смысловые компоненты (зона ANALOG), о фразеологизмах, образованных на основе данного слова⁶.

Толкование слов сопровождается примерами их употребления, взятыми из записей устной бытовой речи, диалогов в радио- и телепередачах (в частности, из интервью, ток-шоу и т. п.), спортивных репортажей, из разного рода интернет-ресурсов (форумов, блогов, чатов) и других видов и ситуаций неформального общения носителей русского языка. Исключительно важна роль Национального корпуса русского языка, откуда составители словаря черпают необходимые фрагменты текстов, иллюстрирующие семантические, морфологические, синтаксические, коммуникативные и другие свойства толкуемых в словаре слов.

⁶ Тексты словарных статей содержат некоторые сокращения, требующие расшифровки: *м.*, *ж.*, *с.* — мужской, женский, средний род существительных (соответственно), *ед.* — форма единственного числа, *одуш.* — одушевленное существительное (форма винительного падежа которого совпадает с формой родительного), *сов.* — форма совершенного вида глагола, *несов.* — форма несовершенного вида, *безл.* — безличный глагол или безличное употребление личного глагола, *ист.* — историзм (слово, обозначающее предмет или явление, характерные для прошлого), *прил.* — прилагательное, *междом.* — междометие, *нескл.* — несклоняемое, *сниж.* — сниженное (по стилистической окраске), *неодобр.* — неодобрительное, *пренебр.* — пренебрежительное, *молод.* — молодежный жаргон, *фам.* — фамильярное, *эвфем.* — эвфемизм. В записях устной речи используются два условных знака: / — обозначает паузу внутри высказывания, а // — паузу в его конце. Обращаю внимание читателя на то, что в нашем словаре не используется стилистическая помета *разг.* Это объясняется тем, что сам словарь называется «Толковый словарь русской РАЗГОВОРНОЙ речи», то есть подразумевается, что и слова, в нем помещаемые, — это единицы, разговорные по своей стилистической окраске.

Разговорная речь находит отражение и в печатных текстах — газетах, журналах, сценариях фильмов и т. п.; из этих источников авторы словаря также черпают примеры употребления того или иного разговорного слова. Все примеры имеют ссылки на источники, откуда они взяты.

Ниже в качестве образцов приводятся словарные статьи слов, принадлежащих разным частям речи и имеющих разные грамматические, стилистические и иные характеристики. Каждая из цитируемых словарных статей имеет, естественно, автора. Имя автора указывается в конце текста каждой словарной статьи.

АВОСЬ.

1. DEF: может быть (выражение ожидания чего-л. желаемого или возможного, часто без достаточных оснований, с надеждой на случай). (Диалог грибников:) — *Гроза видно собирается/ Вон какая туча// — По домам пора// — Да не торопитесь вы/ **авось** мимо пронесет//* (Запись устной речи, 2008); (Телефонный разговор:) — *А-а-а... Блин... Как же день рождения родителей? — Да... обойдутся **авось** без меня// Чай не юбилей//* (Из коллекции НКРЯ, 2006); *Что дальше... Я думать даже об этом не могу// Я плыву по течению/ **авось**/ куда-нибудь и вынесет//* (К/ф «Индии», 2007).

MORPH: частица.

SYN: может.

ANALOG: как-нибудь (в 1 знач.).

PHRAS: **на авось** — делать что-л., долго не думая, в надежде на удачу, на счастливый случай. *В воздухе ничего не может быть **на авось**, на счастье. Все должно быть проверено не только в механизме самолёта, но и в механизме лётчика* (Б. Лавренёв. Большая земля).

2. DEF: везение, случайная удача. *У тебя завтра экзамен? Все билеты выучил/ или опять надеешься на русский **авось**?* (Запись устной речи, 2007); *А мы продол-жаем рассчитывать на вековое нашенское «авось»* (АиФ, 2000); *Вы же не просто/ да/ там на **авось** пришли голосовать/ а почему-то//* (Фонд «Общественное мнение», Москва, 2004).

MORPH: м. и с.; нескл.; мн. нет.

STYL: устар.

Автор словарной статьи Е. И. Голанова.

АЙТИШНИК.

DEF: специалист в области информационных технологий. *Попробуй назови программиста программистом, обида на всю жизнь! Они теперь **айтишники**!; Учитель будет учить, врач лечить, **айтишник** — учиться и лечиться; Не могу понять логику наших **айтишников**. Вот как понимать «Работа всех сервисов будет возобновлена в 9 часов дня»?; Я и забыл, как сложно в Балтиморе найти нормальную работу **айтишнику** (Блоги, 2014); Он компьютерщик, немного программист. **Айтишник**, короче (А. Слаповский. Большая Книга Перемен); Я всегда считал/ что **айтишник**/ человек/ ну/ человек/ которого нормальный... нормальные люди не*

должны/ не могут понимать/ то есть нужен посредник// (Видео-архив «Эксперт-ТВ», 2010).

MORPH: м., одуш.

STYL: комп.

PRAGM: слово образовано от аббревиатуры ИТ (= Information Technology), которая по-английски читается как *айти*.

Автор словарной статьи Л. П. Крысин.

ВОВСЮ́.

DEF: в полную силу, с размахом. *Проходил мимо нашего дома/ плотники **вовсю** стараются//* (К/ф «Девчата», 1961); *Там ведь, на площади, еще **вовсю** солнце светило* (С. Юрский. Бумажник Хофманна); *Все/ ээ/ отказывались многие от развития атомной энергетики// **Щас** развивается она **вовсю**//* (Е. М. Примаков в программе М. В. Ковальчука «Истории из будущего», 2008); *Я уж в то время на тачку пересел и бомбил **вовсю**//* (К/ф «Двенадцать», 2007); *Привет Ксюх// Ну мы уже купаемся **вовсю**// Ты скоро? Ты заезжай где обычно/ как договаривались//* (Разговор женщин на пляже, 2008); *Мы с Олькой тока так сидели и ржали **вовсю**//* (Разговор друзей, 2006).

MORPH: нареч.

ANALOG: по полной; по полной программе (см. программа), на полную катушку (см. катушка), не по-детски, по-взрослому, по-чёрному (см. чёрный), на все сто (см. сто).

Автор словарной статьи Л. П. Крысин.

ВОДА́¹.

DEF: водоснабжение, обеспечивающее жилые дома и учреждения. *Был у них в новом доме// Очень здорово! Всё есть/ газ/ **вода**/ электрика какая-то супер-пупер/ не сразу сообразишь/ где включать//; Мы уж какой день сидим без воды// Чё-то у них там то ли обрушилось/ то ли взорвалось/ **воду** перекрыли/ теперь хоть и далеко/ к колонке ходим/ //; [На даче] — А вы за полив тоже платите? — А как же! Поливать-то вон скоко приходится// Вон видишь водонапорную [башню]? Оттуда два часа утром/ два вечером включают **воду**//* (Записи устной речи, 1994, 2001, 2004); *95-летний ветеран Великой Отечественной войны живет в доме **без воды**, газа и канализации, а местная администрация другое жилье ему не предоставляет* (Известия, 05.03.2020).

MORPH: ж.; мн. нет.

ANALOG: газ, свет¹, тепло, электрика.

PHRAS: **платить, плата за воду** — платить, плата за водоснабжение. *Шахтеры не получают нормальной заработной платы и вынуждены **платить за воду** и электричество по высокой цене* (Lenta.ru, 15.09.2020); *С 1 июля в числе других платежей увеличилась **плата за воду*** (Парламентская газета, 09.09.2020);

сидеть, остаться, оставить без воды — не иметь водоснабжения. *Люди несколько суток **сидят без воды**, тепла и света* (Vesti.ru, 23/11/1920); ***Без воды остались***

жилые дома, медицинские учреждения, детские сады и школы (Парламентская газета, 15.08.1921); Рабочие повредили водопровод и **оставили без воды** сотни домов и десятки соцучреждений (Известия, 03.09.2020).

Автор словарной статьи Л. П. Крысин.

ДВУШКА.

1. DEF: монета достоинством в две копейки. *Он поднялся в холл, посмотрел на себя в зеркало и занял очередь к телефону. Потом, сообразив, что может позвонить и по автомату, нащупал в кармане **двушку** и завернул за угол* (Е. Парнов. Третий глаз Шивы); *На Алла/ возьми **двушки** пока не забыла//* (Запись устной речи, 1972); *Слушай, меня жена задушит, / Не трать напрасно **двушек**, / Закончим разговор* (популярная в 70-е гг. песня, которую исполняли И. Корнелюк и Э. Пьеха).

MORPH: ж.

SYN: двухкопеечная.

STYL: ист.

ANALOG: гривенник, двугривенный, десятикопеечная, полтинник (в 1 знач.), пятак, пятиалтынный, пятнашка (в 1 знач.).

PRAGM: в советское время с помощью двухкопеечной монеты можно было звонить по городскому телефону-автомату, поэтому номинация *двушка* прочно ассоциировалась с данной актуальной ситуацией городского общения. Ср. типичную просьбу тех лет: *У вас **двушки** не найдется/ срочно позвонить надо//*

2. DEF: отдельная двухкомнатная квартира. (О квартире своих знакомых:) *У них двухкомнатная/ но очень удобная/ вообще их **двушка** лучше даже нашей трёшки//; А вообще я думаю, что если кто в однокомнатной пожил, тот и в **двушке** как-нибудь разместится* (Блоги, 2010); *Вашу четырехкомнатную/ вы спокойно на две **двушки** разменяете//* (Запись устной речи, 1991).

MORPH: ж.

ANALOG: однушка, трёшка (во 2 знач.)

PRAGM: в этом значении слово пришло в повседневную речь из профессионального жаргона риелторов.

Автор словарной статьи Н. Н. Розанова.

ЗАВАЛЯЩИЙ

DEF: настолько не имеющий ценности, что никому не нужен. *Принес букетик какой-то завалящий и всё//; Никакого ухажера/ даже самого завалящего нету//* (Записи устной речи, 2003, 2007); — *Дамочки наши инопланетян посмотреть хотят или хоть тарелочку завалящую* (А. Берсенева. Возраст третьей любви); — *А это уж... вообще паскудное дело — судить о человеке по машине, на которой он ездит! — Значит, какая-то завалящая... А все-таки есть? — И совсем не завалящая! А «БМВ»!* (А. Мишарин. Белый, белый день).

MORPH: прил.

STYL: пренебр.

SYN: вшивый (во 2 знач.), ерундовый, жалкий, задрипанный, занюханный, плохонький, чепуховый.

Автор словарной статьи С. М. Кузьмина.

ЗААРТАЧИТЬСЯ.

DEF: не соглашаясь, воспротивиться чему-л. *А почему я здесь? Да потому что я сзади шёл! Стали собирать свидетелей/ заартачился/ нагрубил милиционеру// (К/ф «А поутру они проснулись», 2003); Тут Золушка поняла, что ей никак на эту кухню нельзя. И заартачилась: — Нет, нет (Г. Полонский. Медовый месяц Золушки); Буду добрым, хорошим и не буду заартачиваться; А вообще-то главное — не заартачиваться (Блоги, 2005, 2013); Я написала письмо отцу/ чтобы он приехал и забрал нас всех// Ну/ правда/ отец вроде бы сперва не соглашался/ артачился/ а потом уже настояли// (Воспоминания женщины о молодости // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011).*

MORPH: сов.; несов. заартачиваться.

SYNT: без доп.

SYN: взъерепениться.

ANALOG: **взбеситься, взвиться, взорваться, вскипятиться, вспылить.**

Автор словарной статьи Л. П. Крысин.

ЛЁЗТЬ.

DEF: вмешиваться. *Не лезь в чужую жизнь, если тебя не просят (В. Токарева. Своя правда); Не исключено, что будь я в состоянии рассуждать здраво, я бы решил в это дело не лезть (В. Белоусова. Второй выстрел); Это тебя не касается. Не лезь не в свое дело (П. Дашкова. Продажные твари); Есть очень душевные люди среди народа моего, а есть, которые лезут не в свое дело, когда их не просят (М. Тёмкина. Комиксы на этнические темы); Свекровь всё время лезет в наши дела. Достала!; Я в его жизнь никогда не лезла. Вот пусть и в мою не лезет (Блоги. 2013).*

MORPH: несов.; сов. нет.

SYNT: во что.

STYL: неодобр.

SYN: ввязываться, влезать, навязываться.

PHRAS: **лезть (полезть) в бутылку (сниж., неодобр.)** — злиться (разозлиться), обижаться (обидеться) без достаточных оснований. *Андрею не нужно было лезть в бутылку, а извиниться (Блоги. 2013); Ну тот, дело известное, полез в бутылку — стал угрожать (Е. Пермитин. Ручьи весенние);*

лезть на глаза — стараться быть замеченным, быть на виду. *Обновляют фото бывшие, лезут на глаза продюсерам, звездами когда-то сльвишие; Да пусть она одевается, худеет, но ведь надоела уже до смерти. Зачем лезть на глаза постоянно? Ведь тошнит уже от такого количества Аллы Борисовны (Блоги, 2013);*

лезть на рожон — предпринимать заведомо рискованные действия, сулящие большие неприятности. *И нечего лезть на рожон, себя и других беспокоя. Мужчины гуляют от жен, — такое проклятье мужское* (М. Тавич. И нечего...); *Я сделал все — и все оставил, в моей игре почти нет правил, и мой герой не держит строй и лезет на рожон* (Блоги. 2007);

лезть с советами (неодобр.) — давать непрошенные советы. *Зачастую мы молчим, чтобы не обидеть других, которые лезут к нам с советами; Опять я лезу с советами. Как тот персонаж из фильма «Окно в Париж»; Мои золотки тоже, наверное, не всегда согласны с моими методами взращивания детей, но ко мне с советами не лезли никогда* (Блоги, 2012, 2013);

лезть из кожи (вон) — чрезмерно стараться. *Он, видимо, чувствовал, что имеет дело с людьми сведущими, и потому, как говорится, просто лез из кожи* (Блоги, 2013); *Наши ребята и девчонки из кожи вон лезут, и это им мешает* (Д. Васильев. Может, не надо лезть из кожи...);

не лезет ни в какие ворота (неодобр.) — совершенно неприемлемо, никуда не годится. *Доктор Цветков совершенно прав: делать операции такого рода без рентгена в наш век — это не лезет ни в какие ворота* (Ю. Герман. Дорогой мой человек); *...цены на сыпучие материалы выросли с 360 до 800 рублей за тонну, в то время как в среднем по стране они составляют 250–400 рублей. «Это ни в какие ворота не лезет», — возмутился Медведев* (Блоги, 2012);

хоть в петлю лезь — быть в крайнем отчаянии. — *Жить, честно признаюсь, стало просто невыносимо. Хоть в петлю лезь. Только ты ей об этом не говори...* (Б. Левин. Иностранное тело); *У меня вот драма на личном фронте/ хоть в петлю лезь//* (Разговор двух подруг // Из коллекции НКРЯ, 2006).

Авторы словарной статьи О. П. Ермакова, Н. Н. Розанова.

НА.

1. DEF: разрешение взять что-л. в ответ на просьбу, сопровождаемое жестом передачи предмета. — *Ты мой мобильник не видела? — На/ вот он/ ты его под книги засунула//*; (Разговор старшего и младшего братьев:) — *Я тебе сто раз говорил/ не бери мой шарф! — Да на/ на его/ подавись!;* (Дочь — матери:) — *Мам/ ты мне свои серьги на вечер не дашь? — На/ только осторожней/ у одной замок плохо держит//* (Записи устной речи, 2003, 2009).

MORPH: частица в знач. сказ.

SYNT: на — в начале высказывания-ответа.

STYL: фам.

SYN: на-ка, нате.

PHRAS: **вот те < тебе> на!** — восклицание по поводу чего-л. неожиданно-го, удивительного. — *Только, понимаешь, влюбился в девушку! И вот тебе на!* — родители возненавидели меня лютой ненавистью (А. Житков. Супермаркет); *Огромный заголовок [в газете] гласит: «Березовский должен сидеть в тюрьме». Вот тебе на! Неужели так сразу, без приговора суда, вступившего в законную силу? (А. Кучерена. Бал беззакония); Он тронул темя, а там шишка — вот те*

на! (А. Росляков. Кто спит, того убьем); — *Не улица Владимирская/ а переулок Владимирский// — Вот те на! Я ж там живу* (К/ф «Опасные гастроли», 1969);

на́ тебе — восклицание по поводу недовольства чем-л. неожиданным, удивления кому-чему-л. *Дочка так переживает, что дружили-дружили с шести лет — и на тебе, пошло расхождение, и самое плохое, что она остаётся почти одна* (Наши дети: Подростки // Форум, 2004); *Сколько крови он мне, мерзавец, попортил! — вдруг на тебе: согласился* (А. Волос. Недвижимость).

PRAGM: употр. обычно в общении хорошо знакомых друг с другом людей, предполагающем обращение «на ты».

2. DEF: предложение сделать что-л. — *На вот, купи бутылку водки — не бормотухи твоей любимой, а водки, обмоем с тобой обновы* (В. Астафьев. Затеси); — *На вот, надень, — сказала Хлоя. Грым увидел в ее руке кепку-бейсболку со словом «CINEWS»* (В. Пелевин. S.N.U.F.F.); — *Ешь / кому говорят! На/ вот// Вот/ ешь//* (К/ф «Дикое поле», 2008); — *На вот посмотри...* (протягивает курсовую)// — *Что это такое?* (Разговор двух студентов // Из материалов Ульяновского университета, 2006); — *На/ вот это поставь// Очень смешная музыка//* (Из коллекции НКРЯ, 2005).

MORPH: частица в знач. сказ.

SYNT: употр. в начале высказывания, в сочетании с глаголом в повел.; обычно в контексте частицы *вот*.

STYL: фам.

SYN: на-ка, нате.

Автор словарной статьи Л. П. Крысин.

НАГОРЁТЬ.

DEF: получить выговор за какой-л. поступок. *А тебе от отца за это не нагорит?* (Запись устной речи, 2007); [За эпиграммы] *мне однажды на общем собрании нагорело от Олега Николаевича, устроившего разнос и за игру, и за поведение артистов, занятых в трилогии* (М. Козаков. Актерская книга).

MORPH: сов.; несов. (нагорать) малоупотр.

SYNT: кому от кого за что; безл.

SYN: влететь (в 3 знач.), достаться.

CONV: взгреть, вздрючить, задать головомо́йку (см. головомо́йка), намылить шею (см. шея), пробрать, пропесочить, распатронить, распечь.

PRAGM: обычно обозначает действие, объектом которого является младший по возрасту или служебному положению.

Автор словарной статьи Л. П. Крысин.

ОТЕ́Ц.

1. DEF: обращение к незнакомому пожилому мужчине. *Отец/ садись/ я ичас выхожу//; Что ж ты/ отец/ так нагрузился-то? Давай помогу//; Отец/ закурить не найдется?; Отцы/ куда путь держите? Давайте подвезу//* (Записи устной речи, 2011, 2013); *Что ж ты/ отец/ людей в заблуждение вводишь?* (К/ф «Тридцать

три», 1965); *Тут его два стража порядка толкнули основательно в холеный бок да еще и наградили «отцом»: «А ты, отец, не базарь!»* (В. Аксенов. Таинственная страсть); — *Ты, отец, — сказал он, — я вижу, приезжий и в нашей жизни не разбигаешься* (В. Войнович. Москва 2042).

MORPH: м., одуш.

SYNT: только в роли обращения.

STYL: сниж., фам.

SYN: папаша.

ANALOG: мать¹ (в 1 знач.).

PRAGM: обращение *отец* обычно сочетается с употреблением местоимения *ты*.

2. DEF: обращение жены к мужу во внутрисемейном общении. *Отец!* зови ребят обедать//; *Ты/отец/ давай не балуй его [сына]//* (*Записки устной речи*, 2009); — *А никак дырка в кармане? — Какая дырка? — засмеялась Натаха. — Ты, отец, и не видишь, что у твоих сынов штаны новые?* (Е. Носов. Усвятские шлемоносцы).

MORPH: м., одуш.; обычно в форме ед.

SYNT: только в роли обращения.

STYL: сниж., фам.

ANALOG: мать¹ (во 2 знач.).

Автор словарной статьи Е. А. Никишина.

ОТПАД!

DEF: употребляется для выражения сильного восхищения. *Там играют совсем другие актеры. Фильм на все времена. Отпад!* (Обсуждение фильма «Все умрут, а я останусь» // Форум, 2010–2011); — *Ликер из мандариновых шкурок. Полный отпад.* — *Сам делал?* (М. Петросян. Дом, в котором...); — *Музон там везде/ отпад!* — *Да/ музыка/ что надо//* (Разговор о компьютерных играх и фильмах // Из материалов Ульяновского университета, 2006); *А помидорчики/ помидорчики попробуй/ отпа-ад!* (К/ф «Из жизни отдыхающих», 1980); — *Как я вам/ а? — Отпад! Вы... вы даже помолодели/ Людмила Прокофьевна//* (К/ф «Служебный роман», 1977); *Молодая, ноги длинные, красавица — ну просто отпад!* (Комсомольская правда, 30.12.2005).

MORPH: междом.

SYNT: употр. обычно в качестве самостоятельного высказывания; может сочетаться с усилительными словами *просто, полный (просто отпад!, полный отпад!)*.

STYL: молод.

SYN: блеск!, жуть!, кайф!, класс!, супер!, улёт!, шик, ...

ANT: отстой!

PHRAS: (быть) **в отпаде** — (быть) в изумлении, потрясении. *На первой репетиции с листа так прочел, что все в отпаде...* (М. Козаков. Актерская книга); *А я вся такая нарядная — он в отпаде!* (Комсомольская правда, 13.02.2004).

Автор словарной статьи Л. П. Крысин.

УГОРАЗДИТЬ.

DEF: совершить непроизвольно и независимо от собственных намерений действие, вызывающее сожаление, раскаяние. *Я проходил месячные офицерские сборы в военных лагерях под Рыбинском, и надо было угораздить попасть на эти сборы в конце осени* (С. Есин. Марбург); *Угораздило же меня всю жизнь проходить с чужим лицом, в чужом теле* (И. Грекова. В вагоне); — *Угораздило же меня родиться в этой таежной глуши* (С. Довлатов. Заповедник); *Ну что ж! Угораздило старичка. Любви все возрасты покорны* (С. Шикера. Египетское метро); *В этом месте стервятник отвлекся описанием волшебных холмов и долго описывал, что происходит с теми, кого угораздит под них попасть* (М. Петросян. Дом, в котором...).

MORPH: сов.; несов. нет; безл.

SYNT: кого инфин., сов.

STYL: сниж.

SYN: чёрт дёрнет (дёрнул) (см. чёрт).

Автор словарной статьи О. П. Ермакова.

ХРУЩЁВКА.

DEF: типовой панельный или кирпичный жилой дом, пятиэтажный, с малогабаритными квартирами. *Реконструкция хрущёвок началась в Омске// По расчётам строителей/ эксплуатация этих домов продлится на сорок-пятьдесят лет//* (Новости // Радио «Сибирь», Томск, 2006); *Теперь уже строят не однотипные/ вот как раньше хрущёвки строили/ что не разберёшь/ какой это дом/ «где эта улица/ где этот дом»//* (Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011); *Она одна поднимала дочь, полжизни прожила в коммуналке, а потом они с мамой получили однушку в хрущёвке около вокзала* (Р. Вереск. Большая Медведица); *Северное Измайлово — из тех районов, что застроены серыми «хрущёвками» и прочими типовыми строениями* (lenta.ru, 04.08.2015).

MORPH: ж.

SYN: хрущоба.

ANALOG: башня¹, высотка, девятиэтажка, многоэтажка, пятиэтажка, сталинка (в 1 знач.), трёхэтажка.

PRAGM: такие дома начали строить в СССР во второй половине 50-ых гг. XX в. в период правления Н. С. Хрущёва с целью расселения коммунальных квартир, бараков и общежитий.

Автор словарной статьи Л. П. Крысин.

В заключение надо подчеркнуть, что специфика разговорной лексической или фразеологической единицы по сравнению с единицами кодифицированных подсистем языка часто бывает связана с условиями устной коммуникации, поэтому указание на такие условия является одним из важных компонентов лексикографии.

ческой информации. Тем самым словарь, описывающий лексику повседневного городского общения, существенно отличается от толкового словаря лексики литературной: в «разговорном» словаре, с одной стороны, нет установки на кодифицированную норму (но стихийно сложившиеся нормы разговорной речи как некодифицированной сферы национального языка должны быть отражены в полной мере), а с другой, присутствует стремление зафиксировать все специфические свойства разговорного, просторечного или жаргонного слова, включая особенности его употребления в непринужденных ситуациях речевого общения.

ЛИТЕРАТУРА

Городское просторечие 1984: Городское просторечие: проблемы изучения / Отв. редакторы Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. Москва, 1984.

Земская 1968: Земская Е. А. Русская разговорная речь. Проспект. Москва, 1968.

Земская 1978: Земская Е. А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. Москва, 1978.

Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. Москва, 1981.

Китайгородская, Розанова 1999, 2005: Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. Москва, 1999; 2-е изд. Москва, 2005.

Китайгородская, Розанова 2011: Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина. Москва, 2011.

Красильникова 1990: Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. Москва, 1990.

Крысин 1984: Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1982. Москва, 1984.

Курилова 2007: Курилова А. Д. Толковый словарь разговорного русского языка. Москва, 2007.

Панов 1962: Панов М. В. Стилистика // Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.

Проспект 2010: Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект / Под ред. Л. П. Крысина. Москва, 2010.

Разновидности 1988: Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. Москва, 1988.

Розина 2005: Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и сленге: Глагол. Москва, 2005.

РРР-1973: Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. Москва, 1973.

РРР-1978: Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. Москва, 1978.

РРР-1983: Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е. А. Земская. Москва, 1983.

ТСРР 1–5: Толковый словарь русской разговорной речи. Коллектив авторов: М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, Е. Г. Жидкова, А. В. Занадворова, Е. В. Ка-

корина, М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин, С. М. Кузьмина, И. В. Нечаева, Е. А. Никишина, А. Р. Пестова, Н. Н. Розанова, Р. И. Розина, О. А. Шарыкина / Под ред. Л. П. Крысина. Вып. 1. А–И. Москва, 2014; вып. 2. К–О. Москва, 2017; вып. 3. П–Р. Москва, 2019; вып. 4. С–Т. Москва, 2021; вып. 5. У–Я. Москва, 2022.

Химик 2004: Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. Санкт-Петербург, 2004.

РУССКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (XIX–XXI ВВ.)

С. А. МЫЗНИКОВ

Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
myznikovs@rambler.ru

orcid.org/0000–0002–2972–0656

В статье представлен обзор трудов русской диалектной лексикографии, которые осуществлялись в Санкт-Петербурге, начиная с середины XIX века по настоящее время. Рассматриваются сводные диалектные словари, региональные словари полного типа. Представлена поэтапная картина создания основных лексикографических трудов. Одним из этапов явилось создание словаря-тезауруса А. А. Шахматова. Рассматриваются также региональные словари полного типа, а также региональный этимологический словарь. Анализируется специфика некоторых данных, помещенных в текст «Словаря русских народных говоров».

Ключевые слова: диалект, говор, лексикография, дифференциальный, сводный словарь.

RUSSIAN DIALECT LEXICOGRAPHY IN ST. PETERSBURG (19TH – 21ST CENTURIES)

S. A. MYZNIKOV

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

The article presents an overview of the works of Russian dialect lexicography, which were carried out in St. Petersburg, starting from the middle of the 19th century to the present. Summary dialect dictionaries and regional dictionaries of the complete type are considered. A step-by-step picture of the creation of the main lexicographic works is presented. One of the stages was the creation of the A. A. Shakhmatov's dictionary-thesaurus. Regional dictionaries of the complete type, as well as a regional etymological dictionary are also considered.

The article analyzes the specifics of some data included in the text of the Dictionary of Russian Folk Dialects.

Keywords: dialect, speech, lexicography, differential, summary dictionary.

Начало лексикографического описания русского языка происходило в Санкт-Петербурге в стенах Академии Российской и вылилось в создание «Словаря Академии Российской» (Т. 1–6. СПб., 1789–1794) и в его переиздание: «Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. (Т. 1–6. СПб., 1806–1822). Второе Отделение Академии наук (Отделение русского языка и

словесности), пришедшее в 1841 году на смену Академии Российской, начало работу над новым словарем, который был должен с наибольшей полнотой охватить лексику не только живого русского, но и древнерусского и церковнославянского языка. Частично это воплотилось в труде, вышедшем в свет в 1847 году — «Словаре церковнославянского и русского языка» (Слов. Акад. 1847), насчитывающем 114749 слов. Тогда же была поставлена проблема связи истории русского литературного языка с диалектологией.

Сводная диалектная лексикография

Начиная работу над диалектным словарем, Второе Отделение Академии наук рассматривало его лишь как дополнение к «Словарю церковно-славянского и русского языка» (руководство осуществлялось А. Х. Востоковым). Следует отметить, что русский язык рассматривался в то время как совокупность великорусского, малорусского и белорусского наречий. Эти материалы и предполагалось включить в словарь: в первом томе («отделении») — «слова, употребляемые в Северной и Средней России, и Сибири», во втором — «язык малорусский и белорусский», причем лексика таких губерний, как Калужская, Муромская, Тамбовская, Курская и Рязанская, включалась во второй отдел. Поскольку словарь должен был содержать лексику трех главных русских наречий, он был первоначально назван «Опыт словаря областных наречий» (Балахонова 1961: 102–103).

Начинается интенсивное собирание диалектных материалов. Естественно, что на начальном этапе не могло быть и речи о выделении какого-то отдельного региона для создания свода его местных слов. Сбор данных шел по всем территориям бытования русского языка, и эта работа вылилась в публикацию Сводного областного словаря. Итогом работы членов Второго Отделения явилось издание в 1852 году «Опыта областного великорусского словаря», в котором было собрано и объяснено 18011 слов (Опыт). Редактором словаря был академик А. Х. Востоков. В 1858 году Академия наук издала «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря», в котором собрано и объяснено 22895 слов (Доп. Опыт). «Опыт» и «Дополнение» были первыми серьезными трудами в области диалектной лексикологии и лексикографии. Они сыграли важнейшую роль в дальнейшем собирании диалектных материалов, открыли целый ряд научных проблем, связанных с изучением истории русского языка.

В начале XX века велась работа над трудом, который должен был дополнить первые сводные диалектные словари, Ф. И. Покровский и Е. Н. Яценко, в течение 1905–1921 годов готовили к изданию «Второе Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». Но по ряду причин этот труд не был опубликован. Рукопись словаря весьма объемна, она представляет собой четыре большие папки, в которых помещены 2152 листа. По буквам они представлены следующим образом: буква А — 54 листа, буква Б — 294 листа, буква В — 171 лист, буква Г — 96 листов, буква Д — 96 листов, буква Е — 14 листов, буква Ж — 30 листов, буква З — 126 листов, буква Й — 1 лист, буква К — 175 листов, буква Л — 69 листов, буквы М–Н — 116 листов, буква О — 150 листов, буква П — 412 листов, буква

Р — 63 листа, буква С — 230 листов, буквы Т — Ө — 55 листов. Издание «Второго Дополнения к «Опыту областного великорусского словаря» Ф.И. Покровского и Е.Н. Яценко сделало бы законченной триаду замечательных сводных диалектных словарей, описывающих русские говоры во всей их совокупности за период с середины XIX по 20-е годы XX века. В ИЛИ РАН велась подготовка рукописи к печати, но, в связи с выявленными значительными лакунами в рукописи, работа не была доведена до конца. Однако следует отметить, что эта рукопись представляет до сих пор значительный интерес, ввиду большого объема диалектных материалов.

Приведем пример некоторых данных, извлеченных из рукописи:

Нужда. Необходимость, недостаток. *Нужда — неволя чего не дѣлаетъ* Нижегород. г. (№ 54). *Въ комъ нужда, того мы уже знаемъ, какъ зовутъ.* Самар. Николаев. (№ 56). **Нужда нѣтъ.** Утвердительное выражение: пусть будетъ такъ. Владим. Юрьев. Покров. (№ 69). **Ну'жды нѣтъ:** нѣтъ печали, заботы о чемъ, и горя мало. *Гуля'ётъ: ну'жды нѣтъ, што дома-та ребяти'шка безъ хлѣба сидятъ.* Костр. Буйск. (№ 41).

Нужди'ца. Уменьш. отъ нужда. *А то тоже всѣ нужди'цу имѣютъ.* Моск. Клин. (№ 69).

Ну'ждушка. Уменьш. отъ нужда. *Бѣгаль бы, бѣгаль мальчикъ давно, безъ ну'ждушки, а то сидяка какой, все сидишь!* Калуж. Мещов. (№ 52).

«Словарь русского языка» под редакцией А. А. Шахматова

После кончины в 1893 году Я. К. Грота, который руководил работой над новым (после «Словаря церковнославянского и русского языка») «Словарем русского языка», встал вопрос о дальнейшем направлении академической лексикографии. В Словаре под редакцией Я. К. Грота в основе лежал нормативный характер репрезентации лексикона, хотя опубликованные выпуски содержали в себе немало отступлений от общего первоначального замысла. Однако А. А. Шахматов предложил новое направление в принципах работы над ним и обосновал свое видение социальной (сословной) и региональной дифференциации русского лексикона, полагая, что «в виду такого накопления словарного материала из областных говоров, надо было совершенно отказаться от деления русского языка на языки — общерусский, общеупотребительный в России, и областной, имеющий местный характер. Это было необходимо между прочим уже потому, что ряд слов, употребляемых в языке письменном, носят сами ясный отпечаток местного происхождения, почему они непонятны во многих областях России: таковы, например, слова *паук, земляника, бороновать, пахать, брюква, ботва, доить* и т. д., частью совсем неизвестные во многих губерниях, частью же употребляющиеся в них с другими значениями *доить* и т. д. Вот почему Отделение русского языка и словесности, оставаясь при том положении, что в основу Словаря должен быть положен современный наш живой язык, решило обнять этот язык во всей его совокупности, т. е. включить в настоящее издание весь словарный материал, представляемый живыми говорами» (Сл. Грота-Шахматова II (1): VI). Так возник и оформился замысел словаря-скровищницы языка русской нации на современном этапе его развития. Хотя идея

тезауруса не была шахматовским открытием, она реализовывалась В. И. Далем, однако на практике ни один словарь не осуществил ее в том объеме и с той последовательностью, с которой она реализовывалась в выпусках «Словаря русского языка» под редакцией А. А. Шахматова. В 1897 году вышел в свет выпуск Словаря по новой концепции (Е – Железный — IV выпуск II тома с начала издания). С этих пор выпуски издавались регулярно, вплоть до 1917 г., когда работы по Словарю были приостановлены (История 2001: 244).

В Словаре практиковался принцип функционально-семантического гнездования значений и употреблений, проявляющийся в объединении их вокруг одного понятия. Он был вызван к жизни не столько теоретическими посылами Словаря, сколько практикой описания обширнейшего языкового материала, который помещался в Словарь. Разворачивание слова в пространстве и во времени приводило к формированию блоков значений и их переосмыслений, что и подготавливало почву для функционально-семантического принципа организации значений и иллюстративного материала. Этот принцип применялся в Словаре главным образом для описания диалектных слов и слов, общих для литературного языка и говоров. Кроме того, для ряда статей приводились славянские соответствия. Пример словарной статьи.

Жбан, а, м. (Чешск, *žbán, čbán*; сербск. жбан; малор. и белор. **жбан** и **збан**, польск. **dzban**). Деревянный сосуд с крышкою для кваса, пива или меду. Волог. (1822), Судог. (1820), Новгород. (Эрдм.), Рыбин. (Радонежск.). Ростов. (Волоцк.), Углич. (Шляков), Корч., Кашин., Калыз. (Рубцов), Новотор. (Тв. Губ. Вед.), Казан. (Булич), Орл.-Вят. (Прогр.), Вят. (Васн.), Енис. (Кривошапк.), Курган. (АГО.), Том. (Тр. Эк. Общ. 1851), Ром.-Борисогл. (АГО). // Горшок, обвитый берестой. Псков. (Савицк.). // Горшок, горлач. Ды (до поры) ж. воду варить. Нанёс татки (отцу) ж. Смол. (Солнцевъ). // Род боченка, в коем крестьяне возят воду в поле. Тамб. (Губ. Вед. 1850), Курск, г. (Халанск.). // Деревянная, оловянная или медная кружка с ручкою и крышкою для квасу. Ярослав. (1820). // Медный кувшин. Жиздр. (АГО). // Медный сосуд в виде кувшина с крышкою. Дон. (1874) (Слов. Акад. 1897, 4: 247).

С течением времени стали понятны грандиозные планы А. А. Шахматова, но их реализация потребовала громадных усилий. Ориентация на живой язык нации во всех его социальных и функциональных разновидностях была перспективна, о чем свидетельствуют не только сами факты языка, получившие свое отражение в Словаре, но выработка устойчивой модели лексикографического описания, которая происходит путем перехода элементов единичного использования в постоянные элементы структуры словарной статьи.

«Словарь русских народных говоров»

В конце 1950-х годов все отчетливее проявляется необходимость создания такого труда, который обобщил бы в себе все накопленные за многие десятилетия собирательской деятельности материалы по диалектной лексике и фразеологии. Русскими диалектологами и любителями народного слова были собраны богатейшие материалы по диалектной лексике и фразеологии. Эти материалы были

частично опубликованы, но в основной своей части остались в рукописном виде. Разбросанные по многочисленным источникам, они, по существу, не были доступны для исследователей. Так возникла идея создания «Словаря русских народных говоров» — второго (после «Опыта областного великорусского словаря») сводного словаря русской диалектной лексики. С начала 60-х гг. XX века начинается подготовка и издание сводного «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), который включает в себя диалектные слова, зафиксированные на всей территории распространения русского языка. «Словарь русских народных говоров» может считаться лучшим памятником русской крестьянской культуры, хотя и не является полным сводом всего диалектного лексикона. В его состав включаются только диалектные слова и значения. В нем находят место также диалектная фразеология, разнообразная терминологическая лексика, архаизмы и даже элементы арго, если они входят в диалектную лексическую систему, имеют в своем распространении локальные ограничения и не известны в литературном языке.

Репрезентация данных в «Словаре русских народных говоров»

Лексические данные в СРНГ представляют богатейший материал для различного рода штудий, анализа семантики, диалектного членения, они дают широкое поле для этимологических исследований и т. п. Исходя из этого, остановимся на некоторых, крайне важных аспектах репрезентации лексики в сводном диалектном конструкте.

Этнографический компонент

Ф. П. Филин в Предисловии к СРНГ писал, что для «Словаря русских народных говоров» нельзя пренебрегать историко-этнографическими описаниями разных местностей, в которых содержатся очень ценные сведения о диалектных словах и особенно об их значениях и употреблении (нередко с пояснительными рисунками). «Библиография историко-этнографических исследований и описаний будет расширяться, хотя задача исчерпывающего их охвата нами не ставится» (СРНГ 1: 19).

Говоря о практической работе составления словарных статей «Словаря русских народных говоров» Ф. П. Сороколетов отмечал, что «важно наметить классы слов, толкование которых необходимо предполагает приведение энциклопедических сведений. Прежде всего, это слова, обозначающие предметы и явления, отсутствующие в общенародном пользовании, т. е. относящиеся к специфическим чертам духовной и материальной культуры, социальному укладу, быту и т. п. Вся ремесленно-профессиональная терминология, включаемая в словарь, слова и термины, обозначающие понятия, связанные с особенностями быта, с обычаями, обрядами, поверьями, играми, т. е. этнографизмы в широком смысле слова должны быть обязательно определены энциклопедически, т. е. путем раскрытия самих специфических реалий, идей и понятий. Такие объяснения необходимы для названий одежды, обуви, предметов утвари, сельскохозяйственных орудий, орудий рыбной ловли, названий частей двора и дома, особенно для тех, которые в настоящее время

уже вышли из употребления. Названия кушаний и напитков также в большинстве своем нуждаются в энциклопедических толкованиях» (Сороколетов 2011: 85–86).

В настоящее время традиционно выделяют этнографические диалектизмы — «слова, представляющие местные названия предметов, являющихся продуктом человеческой деятельности и известных на ограниченной территории» (Касаткин 2005: 62). Такого рода материалы могут дать ценный материал не только о лексико-семантическом, структурном развитии диалектных единиц языка, но и раскрыть различные стороны хозяйствования, языковые, социальные и культурные связи русского этноса с другими народами. Отличие собственно лексических диалектизмов от этнографических заключается в том, что последние обычно не имеют синонимов в литературном языке и при лексикографировании обычно получают энциклопедическое толкование.

При анализе материала, отражающего специфику народной жизни, быта, трудовой деятельности, можно выделить различные типы представления семантики слова в СРНГ.

1. В ряде случаев в СРНГ представлены описания реалий с минимальным вмешательством в текст источника. Ср., например, материалы такого источника, как Словарь Куликовского: **Камзо'льники** (Вытегор., Петрозав.) кличка для обывателей Вытегорского погоста, по преданию, выпросивших камзол у Петра Великого на память. Из камзола они нашили шапок и передавали их из рода в род, как живое напоминание о пребывании царя в их погосте (Куликовский: 33). Можно сопоставить с соответствующей статьей в СРНГ: **Камзо'льники**, *мн.* Прозвище жителей Вытегорского уезда, по преданию, выпросивших на память камзол у Петра Великого. «Из камзола они нашили шапок и передавали из рода в род, как живое напоминание о пребывании царя в их погосте» (СРНГ 13: 25)¹.

2. Имеются случаи конструирования толкования на основе сведений, полученных из источников. Причем нередко, происходит легкая деформация семантики. Ср. материалы словаря Куликовского: **Кант** (Петрозав.) железный крюк для перемещения бревен. Ср. данные СРНГ: **Кант**, *м.* Железный крюк, которым захватывают бревна при их перемещении. Петрозав. Олон. (СРНГ 13: 42).

3. Имеются случаи сокращения информационной основы толкования, представленной в источнике. Например, в Словаре Подвысоцкого: **Сайда** — «водящаяся в Северном океане у Мурманского берега рыба трескового рода (*Gadus saida*). Поморы называют ее: сайда-игрун, от того, что она редко уходит в глубь и держится более на поверхности воды. При промысле на сайду, у Поморов примета, что если на воде слышится запах водоросли, то будет обильный улов» (Подвысоцкий: 152). В СРНГ на тех же материалах: **Са'йда**, *ж.* Сайда-игрун. Рыба сайда. Поморы называют ее сайда-игрун оттого, что она редко уходит вглубь и держится более на поверхности воды. Помор. Арх., Подвысоцкий, 1885 (СРНГ 36: 45).

4. Иногда некоторые реалии сельскохозяйственного производства не совсем адекватно понималось собирателями и толкователями диалектной лексики. В этих

¹ В выписках из СРНГ воспроизводятся некоторые особенности оформления материала используемых в Словаре источников.

случаях возможны как корректировки, так и аутентичная передача данных источника с указанием на автора материалов.

Данные фольклора в СРНГ

Лексика фольклора включается в диалектные словари, что априори предполагает ее первичную географическую привязку. Лексикографическая разработка таких данных нередко связана с серьезными трудностями, среди которых такие, как: выделение заголовочной формы слова, осознание семантической сущности фольклорного слова для практической реализации ее в виде толкования и др. В процессе подготовки СРНГ предполагалось расширение группы фольклорных источников. Уже в начале работы над Словарем авторы и редакторы понимали, что попытки изолировать язык фольклорных произведений от живой диалектной речи теоретически несостоятельны, а в рамках большого сводного словаря практически неосуществимы, поскольку почти во всех существующих диалектных словарях в большом количестве имеются слова, взятые из языка фольклора, и, что самое важное, почерпнутые из языка фольклора словарные сведения очень часто никак не оговариваются авторами этих словарей. Использование в процессе составления, кроме картотеки СРНГ, также и Большой словарной картотеки², которая насыщена фольклорными материалами, очень часто без указаний на фольклорные источники, делает невозможным отделения лексики, записанной в результате наблюдений над разговорной диалектной речью, от лексики, взятой из фольклорных произведений (СРНГ 1: 19).

Вопросы специфики языка фольклора давно разрабатываются в контексте различных проблем. Причем взаимоотношения диалектной речи, языка фольклора и литературного языка анализировались с разных позиций, нередко приводящих к противоположным выводам, хотя понимание того, что язык фольклора и областной говор — не одно и то же, осознавалось уже давно, тем не менее, лексика фольклора, не функционирующая в русском языке вне его произведений, включается в диалектные словари (Сороколетов 1974: 193–204). В настоящее время лексические данные в произведениях фольклора могут быть описаны по разным параметрам. Ярусный анализ такого рода источников традиционно выводит на первый план лексику, что в свою очередь требует изучения различных ее сторон, в том числе и региональной специфики, семантического варьирования и т. п. Территориальной дифференциации языка русского фольклора была посвящена диссертационная работа С. П. Праведникова. Автор, в частности, предпринимает попытку разграничения понятий диалект / фольклор, полагая, что «бытовой диалект определяется через факт наличия, а фольклорный — через факт актуализации языковой единицы» (Праведников 2011: 70). Однако фиксация собственно диалектных лексических единиц и их бытование также часто отличаются в зависимости от сохранности говора, устойчивости и т. п. Лексика фольклора в ряде

² Картотека «Словаря современного русского литературного языка», в основе которой лежит картотека Словаря Грота-Шахматова, наполненная фольклорными и этнографическими материалами.

случаев имеет формальные показатели, выделяющие ее среди диалектной или общерусской лексики, об этом также пишет С. П. Праведников, справедливо полагая, что диминутивная лексика занимает особое место в структуре устно-поэтического текста, являясь своеобразным маркером фольклорности.

В Предисловии к СРНГ первоначально речь шла не о наличии в этих источниках лексики устного народного творчества вообще, а о наличии только диалектных слов, встречающихся в языке фольклорных произведений (как, впрочем, и во всех других источниках). Против использования фольклорных материалов как источника областных словарей выступали В. Г. Орлова и А. И. Сологуб. «Не оспаривая положения о том, что лексика фольклора представляет собой огромную научную ценность, мы полагаем, однако, что изучение этой лексики — задача особого характера», — писали они. «Произведения фольклора не принадлежат отдельным группам говоров, и потому значения слов, отраженные в них, могут совершенно отсутствовать в тех говорах, от носителей которых эти произведения записаны. Кроме того, употребление слов в фольклоре нередко обусловлено спецификой того или иного произведения и определяется выполнением особых функций» (Орлова, Сологуб 1957: 21).

В СРНГ включается лексика фольклора, не функционирующая в системе языка вне фольклорного текста, даже несмотря на то, что ее лексикографическая разработка нередко связана с серьезными трудностями, среди которых такие как: выделение заголовочной формы слова, осознание семантической сущности фольклорного слова для практической реализации ее в виде толкования и др. Именно фольклорный материал вызывал и вызывает критические замечания по поводу его лексикографической репрезентации, причем следует отметить, что слова с пометой *фольк.* довольно многочисленны в СРНГ — 4412 единиц (по выпускам: 1–0, 2–38, 3–19, 4–7, 5–71, 6–24, 7–65, 8–10, 9–16, 10–23, 11–63, 12–66, 13–44, 14–78, 15–156, 16–75, 17–97, 18–145, 19–66, 20–110, 21–126, 22–61, 23–55, 24–115, 25–22, 26–28, 27–1, 28–5, 29–0, 30–52, 31–91, 32–56, 33–149, 34–195, 35–138, 36–110, 37–157, 38–149, 39–182, 40–245, 41–127, 42–197, 43–94, 44–96, 45–128, 46–169, 47–198, 48–96, 49–83, 50–117, 51–183, 52–114).

По последним данным в Словаре более всего представлены материалы **песенных жанров**, в СРНГ помета *песня* имеет 6646 фиксации. Уже не раз подтверждалось, что песни обнаруживают тесную связь со всем укладом жизни их творцов, хранителей и исполнителей. Многочисленные примеры употребления диалектных слов в народных песнях являются ярким свидетельством этой связи. Песни в живом исполнении всегда передают особенности диалекта, в них отчетливо прослеживаются диалектные фонетические, морфологические и лексические черты (Евгеньева 1956).

Значительное место занимают в СРНГ лексические данные, почерпнутые из **сказок** — 1768 фиксаций, а также материалы, которые относятся к **былинам** — 1226 единиц³.

³ Некоторые аспекты анализа лексики былин были изложены уже автором, см.: Мызников 2002.

Весьма значительны также данные, имеющие в качестве источника **частушки** — 1340 фиксаций.

Сиде'лочки, *мн. Ласк. Посиделки. Все шуточки отшутила и все сиделочки отсидела.* Пенз., 1853. *Ох, вы девки, девочки, Где ваши сиделочки?* (частушка). Тамб. (СРНГ 37: 281).

Симпа'т, *м. Поклонник, ухажер. На Железном робить скучно. Ну и дома тишина: Сдали брата и симпата, Я осталась одна* (частушка). Нижнетагил. Сверял., 1953. Свердл. (СРНГ 37: 320).

Отмечается также в качестве фольклорных источников лексика, имеющая сферу бытования **заговор**, на страницах СРНГ зафиксировано 843 единицы. Язык заговора рассматривается как специфическая разновидность языка фольклора, причем единицы, относящие в тексте СРНГ к заговору, довольно часто не имеют семантической разработки.

Беззасту'пно, *нареч. [Знач.?]. К мене, рабу божью, в ловушку гони (зверей) беззапно и беззаступно и беззаотворотно* (из заговора на ловлю зверей). Шенк. Арх., 1897 (СРНГ 2: 191).

Помимо свадебных **причитаний**, которые занимают такое значительное место на страницах СРНГ, фиксируются также причитания похоронные, рекрутские и т. п. В 52-х томах зафиксировано 1034 единицы, в которых в качестве источника фигурирует причитание.

Весьма частотны в тексте СРНГ **загадки**, которые насчитывают около 997 отсылок. Имеются случаи, когда в тексте СРНГ заголовочное слово является основным в загадке, но его семантика не может быть прояснена, поскольку данная единица участвует в языковой игре, и значение является отгадкой.

Довольно часто паремии: пословицы и поговорки, имеющие в своем составе общенародную лексику, — не попадают на страницы СРНГ, однако все же отмечается 649 словарных статей с отсылкой в качестве источника *пословицы* и 400 единиц — *поговорки*. В редких случаях отмечается, как толкование, употребление слова в поговорках и пословицах без дефиниции: **Лепеши**, *мн.* В пословице: *Не спеши в лепеши* (тише едешь — дальше будешь). Лебед. Тамб., Архив РГО. Колом. Моск. (СРНГ 16: 363). **Не'кошь**, *м.* В пословице — о непривлекательном женихе. *Выйти замуж хоть ла некошь, да в Некуз.* Молог. Ярослав., 1908–1928 (СРНГ 21: 64). **Слу'шанье**, *ср.* В пословице: *Немому — говоря, глухому — слушанье, а хромо-му — ходьба.* Кадн. Волог., 1854 (СРНГ 38: 320).

Имеются случаи, когда фольклорные материалы не имеют точного определения. В тех случаях, когда речь идет об атрибутивных словосочетаниях, выводится толкование 'эпитет кого-, чего-л.' Подобного рода фиксаций на страницах СРНГ представлено не очень много — 225 единиц.

Семигря'нчатый, *ая, ое. Фольк. Эпитет шляпы. Надел Дюк шубу соболиную. Накладывал он шляпу семигрянчату.* Олон., Гильфердинг (СРНГ 37:153).

Кроме того, когда невозможно точное семантическое прочтение фольклорных материалов, в таких случаях на страницах СРНГ толкование отсутствует, причем

если в целом в Словаре толкований нет у более чем 4200 единиц, то при фольклорных данных — они отсутствуют всего лишь в 106 случаях.

Ро'хматься, *несов. Фольк.* [Знач.?]. *У меня палица-ка рохмалася, Сила как расходилася.* Пудож. КАССР, 1970 (СРНГ 35: 208).

Иногда при фольклорных данных отсутствует помета *фольк.*:

Роскурлан, *м.* [Знач.?]. *Ай же вы моя дружинишка хоробрая, А вас триста молодцов е без единого! Скидывайте-ко вы кожаники лосиные, Надевайте-ко вы кафтаны роскурлан — сукна.* Повен. Олон., Гильфердинг (СРНГ 35: 186).

Представляется крайне важным анализ взаимоотношений литературного языка, диалекта и языка устного народного творчества. В результате практической работы над СРНГ подтвердилась необходимость использования произведений фольклора как одного из источников областных словарей, что подтверждает аргументация Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова.

Ономастика в СРНГ

При отборе словника для «Словаря русских народных говоров» было декларировано, что «в основу Словаря кладутся непосредственные наблюдения живой народной речи, записанные как в прошлом, так и в наше время» (СРНГ 1: 5). Отмечается, что «собственные имена, как правило, в Словарь не включаются. Однако в конце словарных статей в качестве дополнительного иллюстративного материала (при наличии нужных сведений в нашей картотеке) могут приводиться собственные имена, образованные от имен нарицательных, толкуемых в Словаре... В виде исключения включаются в Словарь отдельные собственные имена, представляющие особый историко-лингвистический интерес. В Словаре помещаются нарицательные слова, образованные от собственных, а также прозвища, клички и т. п., имеющие и нарицательное значение» (СРНГ 1: 7).

Прозвища

В СРНГ по материалам 52-х выпусков зафиксировано 1694 прозвища. В данной работе мы остановимся на анализе некоторых из них. Дифференциация их в зависимости от типа номинации весьма многообразна, в основе могут лежать следующие факторы.

1. Внешний вид человека.

Белобры'ська. Прозвище белокурого человека. Березовка Дмитров. Орл., 1898 (СРНГ 2: 216).

2. Традиционная или рабочая одежда.

Ро'кан. Непромокаемый рыбацкий костюм. Кандалакш. (Меркурьев 1979: 135).

Ро'кан. Пальто из домотканой шерсти или другой материи. Терск. Мурман., 1932 (СРНГ 35: 169).

Ро'кан. Прозвище жителя Терского берега: *Так роканам нас и зовут. Рокана, рокана, у вас непарны рукава* (дразнилка). Мурман. (СРНГ 35: 169).

3. Особенности поведения.

Белоте'лец. Прозвище ярославцев: *Наши ярославцы-белотельцы, красавцы: пуд мыла извели, родимого пятна не свели.* Рыб. Яросл., 1901 (СРНГ 2: 225).

Боси'ха. Прозвище женщины, которая ходит босиком. Курск., 1900–1902 (СРНГ 3: 123).

4. Особенности речи.

Ера'хта-бара'хта. Прозвище картавого человека: «Так называли старуху за то, что она плохо выговаривала слова». Ветл. Костром., Марков, 1898 (СРНГ 8: 365).

Кы'чи. Прозвище жителей Усть-Сысольского уезда'. «От зырянского кытче — куда?». Волог., 1883–1889 (СРНГ 16: 208).

5. Социальный статус.

Бога'тко. Прозвище крестьянина: «У нас даются клички не по недостаткам, как часто у крестьян, а по состоянию хозяйства. Царь, князь, богатко». Урал, 1930 (СРНГ 3: 44).

6. Названия животных.

Бабу'к. Животное *Dipus jaculus*, отряд грызунов; земляной заяц, табарган, тушканчик. Южн., Южн.-Сиб.

Бабу'к. Крестьянское прозвище'. Мокш. Пенз., 1899 (СРНГ 2: 27).

Куя'н. Заяц. Том., Тобол., Оренб., Челябин., Курган., Свердл., Перм., Волго-Камье (СРНГ 16: 198).

Куя'н. Прозвище робкого, трусоватого человека'. Челябин., 1946–1956. Оренб. (СРНГ 16: 198).

7. Коллективные прозвища часто мотивированы по особенностям хозяйственной, трудовой деятельности.

Хому'тник. Прозвище жителя г. Твери (от бурлацкой лямки). XIX в. (СРНГ 51: 260).

Белому'ченик. *Шутл.* Прозвище рыбинских торговцев пшеницей, не имевших прибыли от торговли ею'. Яросл. (СРНГ 2: 222).

В СРНГ представлено значительно число кличек домашних животных, скота и т. п. — 265 единиц.

Бури'шка. Кличка поросенка. Пск., Осташк. Твер., 1855. Пск. (СРНГ 3: 288).

Зю'ра. Кличка свиньи. Пск. Пск., 1902–1904 (СРНГ 12: 44).

Буркас [удар.?). Кличка собаки. Холм. Пск., 1897 (СРНГ 3: 289).

Вороже'юшко. Кличка лошади черной масти. Онеж. Арх., 1931 (СРНГ 5: 110).

Весьма многочисленны также микротопонимы, которые, в ряде случаев, весьма близки к апеллятивам. Причем нередко по толкованиям не всегда понятен ономастический или апеллятивный характер единицы, представленной в СРНГ. Ср., например: **Глаже'вник.** ...2. Место в лесу, где растет много морошки. Тихв. Новг., 1852. Новг., Пск. (СРНГ 6: 183).

В ряде случаев довольно сложно однозначно трактовать ту или иную единицу, помещенную в СРНГ, поскольку в толковании представлена несомненная ее апеллятивная природа, при том что, исходя из логики бытования слова, вполне вероятно его функционирование как микротопонима.

Армань. Березовый лес у реки (употребляется как собственное имя). Селино Дубен. Тул., 1933 (СРНГ 1: 276).

Тиходо’л. Место в озере, защищенное от ветров. Пск., Осташк. Твер., 1855 (СРНГ 44: 144).

Плутомо’й. Место в реке, озере, где полощут белье. Весьегон. Калинин., 1936 (СРНГ 27: 167).

Имеются случаи помещения в словарь СРНГ иноязычных топонимических единиц терминологического характера.

Лудэм [удар.?]. «Высокая сухая терраса реки с редколесьем из ели и березы, можжевельника и с лишайниковым покровом». Коми АССР, Мурзаевы, 1959 (СРНГ 17: 180). При коми **луд** ‘лужайка’ (КЭСКОЯ: 163), форма, вероятно, возникла под влиянием формы местного падежа, ср. **коми присыкт. лудын: лудын йиыр-сьыны** ‘пастись’; ср. также **лудё лэдэны** ‘выпустить на пастбище’ (ССКЗД: 205).

Паэ [удар.?]. Каменистые гряды, образованные выходами коренной породы. Печора, 1959 (СРНГ 25: 309). Сопоставляется с **ненец. пэ**, при **сельк. пу** ‘камень’, **фин. рii** ‘кремень’, **юкаг. rie** ‘камень’, ‘скала, гора’, **хант. диал. пай** ‘бугор, остров’ (Мурзаев 1984: 426).

Хамыры. «Мысообразные выступы круто обрывающихся возвышенностей, падающих на восток к Сарпинской низменности». Ниж. Поволжье (СРНГ 49: 286).

Нередко топонимические данные приводятся в качестве дополнительного материала, например: **Кувши’н.** Остров (округлой или конической формы) с крутыми берегами. Беломор., Арх., Олон., Север. — Доп. «Остров Кувшин в Кольском заливе, у Мурманского побережья Баренцева моря; в северной части Белого моря». Мурзаевы, 1959 (СРНГ 15: 390).

Буго’р. — Доп. В топонимических названиях: Уранов бугор, Мамаев бугор. Саратов. (СРНГ 3: 237).

Буда’н. — Доп. 1. Название озера. Дон. 2. **Буданы.** Кличка жителей с. Будаева, находящегося в 10 верстах от Братска. Брат. Смол., 1854 (СРНГ 3: 240).

В СРНГ фиксируются этнические прозвища, извлечённые из русских диалектных лексикографических источников, входящих в перечень источников «Словаря русских народных говоров» (Мызников 2018: 115–120). Прозвищный этноним традиционно рассматривается как разновидность коллективного прозвища, неофициального наименования какой-л. этнической общности. Причем достаточно часто эта единица может содержать указание на некоторые характеризующие данную общность признаки. Когда речь идет о прозвищных этнонимах, несомненно их диалектная характеристика, нередко узколокальное бытование. В большинстве случаев эти единицы имеют явную негативную коннотацию, причем должен существовать нормативный этноним, который противопоставлен прозвищному, бытующий в живом устном общении.

По новым лексикографическим данным есть возможность прояснить мотивационную основу, зафиксированных ранее этнонимов. **Сагы’зка.** Татарка. *Ты что загорела как сагызка?* Р. Урал (СРНГ 36:17). **Са’гыз** ‘жвачка, приготовляемая из берёзовой коры, из смолы, а также из сока некоторых трав; различают два вида са-

гуза: травяной сагуз и земляной сагуз, которые готовятся из стебеля и корня определённой разновидности молочая' Оренб. (Моисеев 2010: 151). При тюркской основе этих материалов, ср. башк. **һағыз** 'сера жевательная' (БШКРС 1996: 721).

Гидронимия представлена в СРНГ единичными примерами, которые большей частью базируются на источниках XIX — начала XX века.

Ермочо'к. Название ручья. Черепов. Новг., 1910 (СРНГ 9: 30)

Бо'тальянца. — Доп. Название реки. Шенк. Арх., 1854 (СРНГ 3: 130).

Брусна. Название озера на месте старого русла реки Оки. Дубровичи Ряз. Ряз., 1902 (СРНГ 3: 206).

Таким образом, хотя в СРНГ не предполагалось помещать обширные ономастические данные, однако видно, что по результатам работы над Словарем такого рода материалы составляют в нем весьма обширный пласт, который насчитывает сотни единиц и требует всестороннего анализа.

Лексика арго в СРНГ⁴

Традиционно лексика арго или тайных и условных языков рассматривалась как замкнутая система, которая практически не взаимодействует со смежными народными говорами. В российской науке, занимающейся изучением арго, общепризнанным классиком является В. Д. Бондалетов, имеющий сотни трудов по данной проблеме. Основной задачей он считал составление русского арготического словаря, в работе над которым следовало ответить на ряд вопросов: все ли типы арготизмов включать в словарь, как отразить в сводном общерусском арготическом словаре географию распространения слова, хронологию его фиксаций и др. (Бондалетов 2001: 161). В своем диссертационном сочинении М. Н. Приемышева обобщила разрозненные толкования тайных языков, сведения по ряду социальных диалектов, выполняющих социально-символическую функцию, и предложила единую концепцию русского тайноречия в теоретическом и историко-лингвистическом аспектах; конституирующие свойства тайных языков как лингвистического объекта определены ею с учётом социально-психологических, социально-исторических факторов (Приемышева 2009). Таким образом, у составителей СРНГ к настоящему времени появились теоретические, методологические и лексикографические источники выявления единиц арго, что составляло проблему на начальных стадиях составления СРНГ.

Так, например, Ф. П. Филин во введении к СРНГ писал об арго следующее: «В диалектной лексике значительную прослойку составляют слова, заимствованные на разных этапах истории русского народа местным населением у иноязычных соседей, не получившие общерусского распространения или утратившие свой прежний общерусский характер. Носители говоров иногда усваивали слова из **арго**, из речи господствующих классов и из разных других источников. Однако, какого бы значения и происхождения ни было слово, оно, как правило, будет включаться в Словарь лишь в том случае, если его употребляют не повсеместно, если

⁴ Подробно об арго см. Мызников 2016.

оно не является словом современного литературного языка» (СРНГ 1: 6). Таким образом, упор делался на локальное функционирование слова, хотя вряд ли такого рода подход может применяться как универсальный. Причем нередко разграничение зафиксированной единицы как арго или как диалектной может вызвать затруднение. Так, например, в «Опыте областного великорусского словаря» лексика арго включена в общий словник: **Си́'ка**. Свинья. Галич. Костром (Опыт; СРНГ 37: 299). См. также (Приемышева 2009, 2: 620).

Еще один подобный пример: **А́'нка**. Галка. Нерехт. Костром. (Опыт; СРНГ 1: 260). Причем в дальнейшем это слово, имеющее только давние фиксации, начинает помещаться в другие поздние диалектные лексикографические труды, например, в Ярославском областном словаре (ЯОС), но с той же географической пометой и со ссылкой на СРНГ (ЯОС). К тому же начинается включение этого слова в парадигму этимологических исследований, О.Б. Ткаченко рассматривает **anka* как единицу мерянского происхождения (Ткаченко 2007: 90). Ср. фин. *ankka* 'утка', из швед. *anka* 'утка' (SKES1: 19; SSAP 1: 76).

В картотеке СРНГ представлены некоторые небольшие словарики арго, которые влиты в общий корпус. И перед составителями встает непростой вопрос, помещать ли заведомо недиалектную лексику в словник СРНГ, то есть, ввести ее в научный оборот или не делать этого. В большинстве случаев такого рода данные не лексикографируются. Однако, на страницах СРНГ встречаются единицы с пометами *офен.*, *офенский язык*: **Баш**. Монета в две копейки. Курск., 1848. «Офенский язык». Влад., 1857. Симб. (СРНГ 2: 163).

Комлю́'ха. Шапка. Твер., 1820. Ряз. // Шапка с ушами. Твер., Даль [с примеч. «у офеней»]. Петрозав. Олон. (СРНГ 14: 234).

Кроме того, имеются фиксации наименований торговцев-офеней, которые в большинстве случаев повторяют материалы Словаря В.И. Даля.

Тряпети́'льник. Торговец мелочным товаром, коробейник, разносчик, офеня. Новг. (Даль; СРНГ 45: 185).

Мас. Мелкий торговец, офеня. Дмитриев. Курск., 1851 — из языка офеней (СРНГ 17: 380).

Катурай. Офеня, или разъезжий торгаш в деревне. Пск., Твер. (Даль), при СРНГ — **Катурай**. Деревенский торговец — лавочник. Осташк.Твер., 1855 (СРНГ 13: 134).

В ряде случаев, единицы, помещаемые в СРНГ, фиксируются также и в источниках арго.

Маштара. Инструмент (лучок), используемый при катании валенок. Ветл. Костром., 1933 (СРНГ 18: 60) и **Маштар**. Лучок. Костром. шерстоб. (Приемышева 2009, 2: 563).

Тула'ть. Гореть. *Шилхоз* [колхоз] *тулает*. Ветл. Костром., 1933. *Отрубинские тулают*. Костром. (СРНГ 45: 231). **Тульяс**. Огонь. Нерехта (Приемышева 2009, 2: 652).

В ряде случаев некоторые данные имеют хождение как в диалектной среде, так и у носителей арго.

Тематически лексика арго, с соответствующими пометами представленная в СРНГ, весьма разнообразна, к примеру, это названия кушаний: **Лу'хта**. Каша. Влад., 1847. Твер. Калуж. Чернышев [с примеч. «в искусственном языке портных»]. Орл. 'Крупа'. Макаров, 1820 [с пометами «сельск.», «офенское»] (СРНГ 17: 208).

Представлены также названия диких и домашних животных.

Лы'кус. Волк. Влад. Влад. губ. вед., 1847 [с пометой «офенское»]. Мещов. Калуж., Чернышев [с примеч. «в искусственном языке портных»]. Калуж. (СРНГ 17: 221). **Лыка'с**. Волк. Борович. Новг. (Даль). **Лы'кась**. Волк. Борович. Новг. (Опыт). Новг. (СРНГ 17: 220).

В ряде случаев лексика арго, помещенная в СРНГ, становится предметом серьезных дискуссий о ее источниках. Ср., например: **Ле'йма**. Корова. Галич. Костром., 1820 [из арго]. — Доп. [Знач.?]. Юрьев. Влад. (СРНГ 16: 341).

«Словарь русских народных говоров» сыграл чрезвычайно важную роль в развитии отечественной диалектной лексикографии и лексикологии. Обобщив разбросанные по многочисленным источникам сведения по диалектной лексике, собранной русскими диалектологами более чем за 200-летний период (с начала XIX в. до наших дней), Словарь уже стал одним из крупнейших компендиумов диалектной лексики русского языка. Несмотря на то что СРНГ является словарем дифференциального типа, он хотя и не полностью, но все-таки выявил границы распространения диалектных слов, наглядно показав существование диалектных различий русских говоров на уровне лексики и словообразования. Кроме того, материалы Словаря реально доказали, что так называемая «общенародная лексика» по сути своей не является общенародной, так как часто используется лишь в некоторых областях России (Вендина 2004: 3).

Региональная диалектная лексикография

После выхода в свет «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, который включает в словнике всю совокупность лексических данных как общенародного так и регионального характера, обнаружилось, что, несмотря на его тезаурусный характер, многих диалектных слов в нем не оказалось. Был напечатан ряд дополнений к словарю В. И. Даля. Именно на фоне сбора дополнительных сведений, А. О. Подвысоцкий начал работу над своим словарем, который он не увидел напечатанным при жизни. Свой труд А. О. Подвысоцкий представил во Второе отделение Академии наук в 1881 году. Я. К. Грот во Вступительном слове к «Словарю архангельского областного наречия» писал, что «возвращая А. О. Подвысоцкому рукопись словаря, Отделение выразило готовность издать его, если он будет исправлен и пополнен согласно с замечаниями» (Подвысоцкий). Однако, автор скончался в 1883 году, не успев этого сделать. Об истории издания писал Я. К. Грот в ноябре 1884 года следующее: «По получении от вдовы его тщательно переписанного словаря в новой редакции, Отделение, не желая отлагать на неопределенное время издание столь полезного труда, определило немедленно приступить к печатанию его, хотя в некоторых подробностях он и представлял кое-какие несовершенства, которые, при всей маловажности их, не могли быть устранены без

объяснений с составителем словаря» (Там же). Словарь вышел в 1885 году через два года после смерти автора. Следует отметить, что улучшению качеств архангельского словаря способствовало прочтение его выдающимся специалистом в области лексикологии и лексикографии Я. К. Гротом, который с 1858 года был академиком Императорской академии наук.

А. О. Подвысоцкий не был «стреножен» лексикографическими условностями, он сам определял количество сопроводительного текста этнографического характера, структуру словарной статьи, гнездовой или алфавитный порядок подачи материала, этимологические заметки. Так, например, он отмечал слова финского, карельского, коми-зырянского, ненецкого и саамского происхождения. И хотя объем текста данного словаря не очень велик, автору удалось зафиксировать и оформить лексикографически своеобразие народного слова. На наш взгляд, этот словарь, несмотря на минимальные возможные неточности в его тексте, представляет собой цельный труд, основанный на достоверных материалах, с серьезной лексикографической обработкой. Этот труд стал первым региональным диалектным словарем, который определил направление развития диалектной лексикографии конца XIX — начала XX в.

Новый этап в развитии русской диалектной лексикографии наметился с конца 50-х годов XX в., когда была поставлена задача создания «частных областных словарей отдельных диалектных зон (территорий) русского языка» (Мельниченко 1957: 4). Выход в свет в 1961 г. «Краткого ярославского областного словаря» (КЯОС) заложил основы современной диалектной региональной лексикографии.

Современная диалектная лексикография как традиционный жанр переживает пору своего расцвета. Практически в каждом регионе европейской части России имеется законченный или находящийся в стадии разработки словарь местных говоров. В настоящее время почти все диалектные группировки, в той или иной мере, имеют репрезентацию своей лексической системы в каких-либо лексикографических трудах. В первую очередь широко представлены дифференциальные алфавитные словари как основной тип данных работ.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей

С 1960 г. научной базой лексикографической работы стал Межкафедральный словарный кабинет, созданный на филологическом факультете ЛГУ им. А. А. Жданова по инициативе профессора Б. А. Ларина. В рамках этого кабинета и кафедры русского языка велась интенсивная работа по сбору и систематизации лексических диалектных материалов в разных регионах. Возникла идея о необходимости создания «Словаря русских говоров Карельской АССР и смежных областей РСФСР» (первоначальное название СРГК), которая впервые была высказана и обоснована в 1963 г. (Мещерский 1963). С 1964 года в Карелию регулярно совершаются диалектологические экспедиции ЛГУ. С 1966 года всю работу по сбору материалов для «Словаря русских говоров Карелии» возглавляет А. С. Герд. К этому были привлечены сотрудники кафедр русского языка Петрозаводского университета, Карельского, Мурманского, Вологодского и Череповецкого пединститутов,

а также экспедиционные отряды из Ташкентского, Самаркандского, Кишиневского университетов. Н. А. Мещерский предполагал, что в процессе подготовки этого словаря будут также расписаны богатейшие фольклорные произведения, зафиксированные в XIX–XX вв. на территории бывшей Олонецкой губернии (Мещерский 1970). Однако А. С. Герд, понимая неподъемный объем работы в этом направлении, отказался от идеи включения лексики фольклора в СРГК. Вот что он писал в Предисловии к этому словарю: «В СРГК не используются фольклорные тексты. В целом вряд ли можно сомневаться в том, что для Карелии, на территории которой вели свои записи П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг, Е. В. Барсов, А. А. Шахматов, где записаны во множестве вариантов все основные классические образцы русского фольклора во всех его жанрах, словарь памятников фольклора должен быть создан отдельно, самостоятельно и независимо от других словарей (СРГК 1: 5). Кроме регионов современной Карелии, словарь включает материалы из Мурманской, Ленинградской, Архангельской, Вологодской, Новгородской областей. Это словарь дифференциального типа, что подчеркивается в предисловии. В. М. Мокиенко, весьма высоко оценивая словарь, в своей рецензии писал: «Кроме максимальной, диахронически нацеленной широты ареала, СРГК стремится и к весьма полному отражению семантики и вариантности описываемых слов, документирует большинство словарных статей удачно подобранными контекстами, включает немало ценных этнографических данных о духовной и материальной культуре русских, карел, вепсов Крайнего Севера и т. д. Словарь поэтому станет не только важным источником для изучения языка Русского Севера, но и для исследования целого комплекса проблем, связанных с проблемами этногенеза прибалтийско-финских народов и русских. Тонко и точно регистрируются составителями как малейшие отклонения от общелитературной сочетаемости, так и элементы идиолекта, что делает словарь и ценным источником для изучения системы русской разговорной речи и ее творческого потенциала. Языковой материал, описанный в СРГК, самоценен как зеркальное отражение жизни севернорусов в прошлом и настоящем» (Мокиенко 1997: 182). Составители словаря стремились точно передать элементы народного быта во всем многообразии. В. М. Мокиенко также высоко оценил лексикографическую обработку диалектного лексикона в словаре: «Пробным камнем качества словарей, как известно, являются дефиниции и филиация значений. И в этом отношении СРГК отвечает самым высоким требованиям. Детализированная семантическая дифференциация — одна из главных целей словаря. И эта цель составителями успешно достигается, что показывают многие словарные статьи... Важным элементом детализации и конкретизации семантики является последовательное стремление отразить лексику во всех ее валентностных отношениях. Отсюда — большое число устойчивых словосочетаний к лексемам активной валентности... Даже когда лексикографическими знаками такая сочетаемость не выделяется, в контексте она сохраняется... Контекстный материал словаря вообще имеет большую ценность, и исследователь может добыть из него нужную ему информацию» (Мокиенко 1997: 183).

В результате выхода в свет «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» в распоряжении исследователей появился лексикографический труд,

значительно превосходящий по объему все словари, построенные на диалектных материалах этого региона конца XX в. В этом словаре представлены весьма обширные данные по говорам Северо-Запада России, о чем свидетельствуют некоторые подсчеты лексических данных.

Мурманская область: Кандалакшский район — 2249 фиксаций, Североморский — 470, Терский — 7164; **Карелия:** Беломорский — 2945 фиксаций, Кемский — 3328, Кондопожский — 4006, Лоухский — 427; **Архангельская область:** Онежский — 8316 фиксаций; **Ленинградская область:** Бокситогорский район — 1711 фиксаций, Волосовский район — 233, Волховский район — 445, Киришский район — 3518, Лодейнопольский район — 5358, Лужский — 57; **Вологодская область:** Вытегорский район — 5984; **Архангельская область:** Каргопольский — 8097, Коношский — 23, Онежский — 8316 фиксаций.

Словарь является одним из важнейших источников для анализа и решения ряда проблем этногенеза севернорусского населения и прибалтийско-финских народов. Он опосредованно заключает в себе сведения по этнографии карел, вепсов, русских. В его составе представлены сотни слов, связанных с этнографической спецификой их бытования. Например, в РДЭС, где анализируется происхождение около двадцати тысяч слов, материалы СРГК и его картотеки (в качестве источника или ссылки) представлены 4753 раза. Ср., например: **Ко'рбой** 'кушанье из ржаной или овсяной муки, заваренной кипятком' Лодейноп. (СРГК 2: 421). **Ко'рбое** 'то же' Лодейноп. (СРГК 2: 421), при вепс. *korboi* 'загуста из овсяной муки' (СВЯ: 225; РДЭС: 339). «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» органически объединил экспедиционную и лексикографическую работу на территориях Русского Севера, стал хорошей лексикографической школой для многих диалектологов. Этот словарь — подлинная энциклопедия народной крестьянской жизни. И не только жизни традиционной, уже минувшей: «Отражая тенденции развития разговорной речи, он... тем самым обращен в будущее», — подчеркивает в предисловии к словарю А. С. Герд (СРГК 1: 5).

«Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь»

Еще одним важным трудом, репрезентирующим региональный лексикон, являются выпуски словаря «Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь». Этот труд рассматривается как последнее связующее звено в цепи русских региональных словарей Северо-Запада. К тому же эта часть России, будучи переходной зоной, сложной в лингвогеографическом и диалектном отношении, специальному сплошному и углубленному лексикографическому обследованию не подвергалась. Авторы рассматривают этот труд как материалы для словаря тверских говоров. Верховья Волги, район озер Селигер, Пено, Вселуг, Стерж — один из узловых районов в истории Руси. Здесь веками пролегали пути разных народов с востока на запад и с запада — на Волгу и на восток.

Авторы придерживаются дифференциальных принципов в отборе словника, причем предлагается учитывать словообразовательные инварианты и потенциальные окказионализмы. Кроме того, в словаре широко представлена лексическая

и синтаксическая сочетаемость, авторы также намеревались приводить почти все имеющиеся иллюстративные примеры, что позволяет с достаточной полнотой не только представить собственно дифференциальную диалектную лексику, но также показать словарь современной крестьянской разговорной речи в целом. Именно в цитатах, распределенных по лексемам и их значениям, содержится основной материал для исследования жизни слов в народной речи, истории их употребления и для размышлений над эволюцией менталитета русского человека. Словарь продолжает традицию взаимоналожения ареалов разных словарей, начатую в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей». Здесь приводятся материалы периферийных ареалов, сопредельных исследуемому — Торопецкого района (западнее озера Селигер), Демянского района (Новгородская область). Значительный эмпирический материал, накопленный к настоящему времени, требует детального анализа по разным параметрам: ареальным, тематическим, семантическим, словообразовательным, этимологическим и т. п.

В словаре фиксируется новая лексика, которую можно сопоставлять этимологически с уже имеющимися данными: **Варжания́'та**, мн., экспр. О детях. *Может, приедут варжанията, пузанята, ребятишки*. Ост. Городец. *Ну, на детей: «О, варжанията! Что делают?!»* Ост. Вятка (Селигер 1: 85). Ср.: **Ва'ржа** 'плохой, неказистый или очень молодой жеребенок'. Повен., Пудож. Олон. (СРНГ 4: 52). Материал показывает результаты контактов со смежными карельскими диалектами: кар. твер. *varža* 'жеребенок' (СКЯП: 327), ливв. *varzu* 'жеребенок' (СКЯМ: 418), ливв. *varša, varži* 'жеребенок, лосенок', люд., вепс. *varz* 'жеребенок', эст. *vars* 'жеребенок' (SKES: 1659).

Кроме того, поскольку словарь построен на материалах, собранных сравнительно недавно (хотя, конечно, обычно процесс сбора материалов и процесс составления словаря не совпадают по времени, а нередко и разнятся коллективами), можно рассмотреть, каким образом одна и та же диалектная реальность представляется в лексикографических работах. Следует отметить, что, как правило, при разработке словарной статьи учитывается традиция сохранения доверия к контекстам и / или к народным толкованиям. Так, например, по нашим данным, лексема **ро'йки** имеет преимущественно значение 'лодка из двух скрепленных выдолбленных бревен' Тихв., Бокситогор., Кириш. Ленингр., Окулов., Мошен., Любыт. Новг. Тогда как, например, в таком источнике, как «Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь» (Селигер) дано следующее определение: **Ро'йка...** 2. Вид лодки с одним гребцом. *На ройках только адин гребёт*. Осташков (Заболотье) (Селигер 6: 95), — при том, что в «Новгородском областном словаре» представлена вполне корректная дефиниция: «две длинные долбленные лодки в виде корыт, соединенные вместе, используемые для ловли рыбы на малых озерах» Окулов., Любыт., Новг., Пестов., Тихв., Хвойнин., Борович (НОС 9: 149).

Словарь говоров низовой Печоры

Этот словарь также осуществлялся в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина тогдашнего Ленинградского гос. университета (ЛГУ,

ныне — СПбГУ) под первоначальным названием «Словарь русских народных говоров низовий Печоры» (СРГНП). Материалы для него собирались, начиная с 1951 г., когда на Печору отправилась первая диалектологическая экспедиция ЛГУ под руководством Б. А. Ларина. Руководителем работ по сбору материала, составлению и редактированию словарных статей была Л. А. Ивашко (Ивашко 1970). Сбор материала производился путем сплошного обследования на территории Усть-Цилемского района Коми АССР (ныне — Республика Коми) в селе Усть-Цильма и прилегающих к нему деревнях, а также в населенных пунктах по реке Печоре и ее притокам Пижме, Цильме и Нерице, отдельные записи сделаны в деревнях, расположенных в устье реки Печоры на территории Ненецкого национального округа (Оксино, Пустозерск). Кроме экспедиционных материалов, картотека печорского словаря пополнялась за счет выборок из различных печатных и рукописных источников XIX–XX вв. По репрезентации словника словарь является дифференциальным в широком смысле слова. В состав его включается, прежде всего, собственно диалектная лексика. Словарь довольно полно показывает лексику, связанную с бытом и хозяйственной жизнью населения, местными промыслами и ремеслами. В него вошли наименования охотничьих и рыболовных снастей, названия частей сельскохозяйственных орудий, частей ткацкого станка, деталей построек, местные названия зверей, птиц, рыб и т. п., отсутствующие в словарях литературного языка. Некоторые отступления от строго дифференциального принципа отбора лексики вызваны стремлением полнее представить материальную и духовную культуру края, показать лексику, связанную с бытом и хозяйственной жизнью населения, местными промыслами и ремеслами, с народными обычаями, обрядами, поверьями. В состав словника включены также отдельные общие для литературного языка и говоров слова, если они являются компонентами отсутствующих в литературном языке фразеологических оборотов (СРГНП 1: 4).

Кроме того, в словаре широко представлена лексика, показывающая результаты коми-русских и — шире — финно-угорских языковых контактов. Ср., например: **Ни'ны** 'два тоненьких перильца, которые прикреплены над полозьями охотничьих чунок (ручных санок) и на которые надевается сетка для разных припасов и добычи' (СРГНП 1: 480), при коми *нин* 'боковая жердь у нарты' из ненецкого языка, ср. ненец. *nīn* 'боковая жердь нарт' (КЭСЯ: 191; РДЭС: 530).

Довольно подробно представлена семантическая структура толкуемых единиц. Каждое значение, оттенок значения, особое употребление слова сопровождаются, насколько это позволяют материалы картотеки словаря, иллюстративными текстами. Отрадно, что при каждом примере указывается место записи (сокращенное название деревни), при цитатах из различных рукописных и печатных источников — сокращенное наименование источника. В настоящее время словарь стал важным источником по изучению лексикона контактных регионов севернорусских говоров с коми языком (Урманчеева 2024).

Словарь пинежских говоров

Работой по сбору материалов, которая началась 1950-х годах руководила Г. Я. Сими́на. В течение ряда лет преподаватели и студенты ЛГУ вели активное изучение говоров в районах бассейна реки Пинеги (Архангельская область, Пиженский, Холмогорский районы). Была собрана богатейшая Пинежская картотека, которая насчитывает в своем составе около 200 тыс. единиц хранения, в которых иллюстрируются различные диалектные явления в области именного склонения и словообразования, а также системы глагольных форм в говорах Пинежья (Сими́на 1968). Таким образом, основным источником словаря является картотека, которая собиралась с 1958 по 1979 гг. Часть картотеки была передана на хранение в Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР (ныне — ИЛИ РАН), часть материалов осталась в Словарном кабинете им. Б. А. Ларина филологического факультета СПбГУ. Таким образом, в настоящее время лексический материал, собранный на территории пинежских говоров, представляет собой две картотеки, суммарно насчитывающие примерно 200 тыс. словоупотреблений (карточек): в ИЛИ РАН — примерно 120 тыс. карточек, в Межкафедральном словаре им. А. Б. Ларина — примерно 80 тыс. карточек. Была проведена работа по сопоставлению этих картотек. Выяснилось, что в них представлен различный материал, это определило первоочередную задачу их оцифровки и слияния в одну базу данных. Поскольку они представляют часть архивов различных государственных учреждений, то соединение их в единое целое в бумажном виде не представляется возможным.

О полевых диалектных данных. Несмотря на то, что материалы, собранные под руководством Г. Я. Симиной, представляют собой однородные в хронологическом отношении записи, было решено использовать в качестве дополнительных источников словаря полевые данные, записанные в 90-е гг. XX в. и в последующее время сотрудниками и аспирантами ИЛИ РАН.

О фольклорных материалах. Поскольку Г. Я. Сими́на фиксировала и анализировала не только диалектные апеллятивы, но и записывала фольклорные материалы, то было решено также включать эти единицы в общий словник словаря. Кроме того, записанные Г. Я. Симиной «Пинежские сказки», изданные в 1975 г., представляют собой весьма ценный материал.

Словарь базируется на фактах, которые до настоящего времени лишь частично вводились в научный оборот на страницах «Словаря русских народных говоров» (начиная с 1980 г.). Здесь представлена лексика, описывающая материальную и духовную культуру населения, проживающего на территории Пинежья. В лексический состав в большом количестве входит иноязычная лексика — результат этноязыкового взаимодействия русских с вепсами, коми, ненцами. К настоящему времени вышел в свет Проект словаря (Проект 2014) и первый том (СПГ).

В фундаментальном проекте «Архангельский областной словарь» (АОС), создаваемом на филологическом факультете МГУ, и в «Словаре говоров Русского Севера» (СГРС) представлены обширные материалы, однако следует отметить, что, несмотря на всеобъемлющую полноту данных АОС и СГРС, по пинежским

материалам в ряде случаев удастся уточнить обрядовое значение некоторых слов. Например, в АОС: **Алови́ца**, ж. Знач.? *Алови́ци кра́сны шолковы*. ПИН. (АОС 1: 69). В СГРС: **Алови́ца**. Алый шелковый платок. Арх: Пин. *Девки ране шол аловицы носили; аловица — это платок красной, шёлковой, блестящей (Пин, Остров). Аловицы — алы шёлковы платки, по-особому завязывали, за лямки их как-то зацепляли (Пин, Пимбера) (СГРС 1: 15).*

В пинежских говорах: **Алови́ца**, ж. Красный шелковый платок, повязываемый невесте в ходе свадебного обряда; признак замужней женщины. *Когда привезут (невесту) к жениху по сле венца, привяжут (на повойник) аловицу, кра́сной шолковой плато́к*. Филимоново (Проект: 32).

Региональный этимологический словарь

Важное место у А. С. Герда занимали исследования регионального лексикона на предмет выявления межъязыковых внутриславянских связей, а также их происхождения (РЭС). Еще в 1989 г. он выражал сожаление по этому поводу: «У нас пока нет таких словарей, но в перспективе они явятся главным источником для построения истории отдельных диалектов. Несмотря на определенную асистемность лексики, именно она представляет собой бесконечно богатый источник для проблемно ориентированных историко-диалектологических и этногенетических построений» (Герд 1989: 148). В этой же статье отмечается как крайне важное «привлечение в исследования этногенетической направленности географически и хронологически далеких ареалов, таких как чешский, словацкий, лужицкий, словенский, необходимо для определения общих первичных истоков диалекта. Анализ таких зон дает возможность выявить архаику в лексике, которая нередко лучше сохраняется на периферии, в маргинальных ареалах, и помогает отличить факты поздние, узколокальные, от древних, порой праславянских» (Там же: 148). А. С. Герд излагает важные для создания такого рода словаря идеи: «Для регионального этимологического словаря (РЭС) по-прежнему наиболее сложным остается вопрос о критериях отбора слов (ареал, хронология, отношение к производным). Конечно, как и в любом этимологическом словаре, даже в рамках заданных принципов отбор слов не может быть строго последовательным. Заранее заданная опора на ареал также не всегда надежна. Так, сейчас уже очевидно, что точно такой же тип, как и ЛТГ (Ладого-Тихвинская группа), представляют новгородские говоры вокруг озера Ильмень, по реке Вишере, около Любытино, на севере Псковской области, что, кстати, совершенно верно и с исторической точки зрения. Этимология диалектного слова — это этимология его словообразовательной формы и его значения. При этом главное внимание следует уделять значению слов, привлекаемых для анализа. Конечно, наиболее полная этимология слова, его семантическая история может быть раскрыта в монографии, статье» (Герд 2009: 144).

По мнению А. С. Герда крайне важно различать в представлении истории развития значений слова в монографии и в словаре. «Словарь — особый тип текста, который сам собой задает уже определенный формат изложения, в котором, по-

рой, не так легко в едином виде представить этимологию и формы, и значения. Большую проблему представляет и то, как, в какой степени учитывать, использовать и подавать в РЭС определения значений из разных словарей — полностью, сокращая или видоизменяя... Во многих этимологических словарях значения слов, форм из разных источников нередко обобщены и укрупнены. Во многих областных словарях реальное значение и употребление глаголов, прилагательных могут быть прояснены только через примеры. При усилении внимания к этимологии значения из областных словарей в ряде случаев необходимо приводить цитаты, а не только сами определения. В аспекте истории значения на фоне новых современных русских диалектных словарей, а также по сравнению с Опытом и Дополнением Словарь Даля дает уже меньше. Опыт, Дополнение к нему и до наших дней представляют нам детальные значения, тонкие рафинированные определения, толкования» (Герд 2009: 145). А. С. Герд предлагает свое видение этимологии диалектного слова — это определение его места среди однокоренных и семантически близких слов. «В целом в аспекте представления разных тонких семантических переходов, нюансов полный этимологический словарь севернорусского наречия еще ждет своих новых исследователей» (Там же: 145).

На основании этимологического анализа регионального севернорусского лексикона⁵ А. С. Герд делает вывод, что «в целом в севернорусских говорах слов, праславянских по происхождению, оказалось много больше, чем можно было предполагать. В опубликованных материалах, по возможности, полно представлены, с одной стороны, слова, уходящие своими корнями в праславянский, а с другой — местные, локальные образования» (Герд 2009: 146). Кроме того, здесь намечаются пути дальнейшего развития региональной этимологической лексикографии: «В будущем полном этимологическом словаре севернорусских говоров необходимо дальнейшее расширение круга диалектных словарей. Полный РЭС севернорусских говоров должен дать также этимологию не только всех субстратных слов, но и сводку всех мнений, заключенных в самых разных источниках» (Герд 2009: 147).

Ниже представлен фрагмент РЭС.

САМОКРУТКА. *Ряженный* Лод. СРГК: Луж. НОС: Бор., Люб., Ок., Хв.; волог. **самокрутка** *девушка, вышедшая замуж без согласия родителей*; смол. **самокрутка** *та, которая родила внебрачного ребенка*; орл. **самокрутка** *свадьба тайком от родителей*. СРНГ: **самокрутка** *девушка, женщина с прической разных видов*. Арх.; белор. **самокрутка** *самопрялка* (Б); укр. **самокрутка** *самокрутка только о папиресе* (СУМ) (РЭС 10: 148).

Работа А. С. Герда над РЭС получила продолжение уже на сибирском материале. Под редакцией Л. И. Шелеповой выходит в свет «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» (тт. 1–7. Барнаул, 2007–2013). В словарь вошли по преимуществу все лексемы «Словаря русских говоров Алтая». В нём объясняются: 1) исконные непроезводные слова (т. е. слова, имеющие индоевропейскую этимологию); 2) слова исконные производные (как с непрозрачной, так и с прозрачной

⁵ Труд А. С. Герда (РЭС) посвящен этимологическому прочтению русских говоров Тихвинского района Ленинградской и смежных территорий.

внутренней формой); 3) заимствованные слова (кроме вторичных заимствований). Включение слов с прозрачной внутренней формой обусловлено спецификой словаря и его задачами: установить не только (и не столько) «дальнюю» этимологию лексических единиц русских говоров Алтая, но и их историю и генетическую принадлежность материнским говорам.

Региональные словари полного типа

Диалектные словари, которые описывают лексикон говора без ограничений принято называть словарями полного типа. Начиная со второй половины 1950 годов в Ленинграде начинается работа над двумя проектами: «Псковский областной словарь с историческими данными» — в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова (ЛГУ) и «Словарь брянских говоров» в Ленинградском государственном педагогическом институте (ЛГПИ) им. А. И. Герцена.

Псковский областной словарь с историческими данными

Б. А. Ларин представлял «Псковский областной словарь» (ПОС) как словарь полного типа. Поэтому он содержит не только исключительно слова и выражения псковских говоров, а по возможности весь их активный словарный запас. В словарь должно быть включено все, что прочно вошло в речевой обиход коренного ядра крестьянского населения Псковщины (в границах XVIII–XIX вв., с Холмским и Торопецким районами).

Из пассивного лексического фонда псковского крестьянства предполагалось брать также уходящие из речевого обихода единицы. Однако из словника исключались слова литературной речи сельской интеллигенции и областные слова из речи пришлых людей, носителей иных говоров. Предполагалось проводить определенный отбор слов: из так называемого пассивного фонда исключается все то, что обособленно считается окказиональным, инодиалектным и иноязычным (Ларин 1962).

Следовало с возможной полнотой включать всю промысловую профессиональную терминологию и фразеологию рыбаков, охотников, пчеловодов, огородников, плотогонов, гончаров, смолокуров, шерстобитов, сукновалов, ткачих, вышивальщиц, кружевниц и т. д. Однако предполагалось исключать явно книжную профессиональную терминологию, усвоенную за последние десятилетия из брошюр и газет, от городских инструкторов и из специальных печатных руководств. Кроме того, по словам Б. А. Ларина, это давало возможность впервые в русской лексикографии поставить в непосредственную связь лексику современных псковских говоров с отражением живой народной речи в документах и памятниках письменности феодальной эпохи. Региональный словарь на широком историческом фоне этот словарь не просто региональный, отражающий современную народную речь на территории псковских говоров, а к тому же и исторический — принципиально новое дело в мировом языкознании (Ларин 1967: 3). Действительно, на страницах Словаря представлены региональные, местные особенности, которые могли в прошлом влиять и на становление национального русского языка, а также параллельное разновременное, но однотерриториальное фиксирование и обнаружение

непрерывности и развития лексико-фразеолого-семантической системы языка, что в ряде случаев позволяет выяснять процессы развития и формирования общерусских языковых явлений и фактов (Костючук 2012: 87).

Словарь брянских говоров

Инициатива его создания принадлежит Н.П. Гринковой. При ее участии готовилась первая экспедиция в Брянскую область летом 1960 г. Планы по началу работы над «Словарем брянских говоров» (СБГ) были обнародованы в 1956 г. на V диалектологическом совещании, где В.И. Чагишева выступила с предложением закрепить за ЛГПИ им. А.И. Герцена территорию Брянской области с целью ее экспедиционного обследования и последующей работы над региональным словарем. Первоначально этот труд задумывался как «Словарь Восточной Брянщины», поскольку говоры западных районов Брянской области имеют некоторые ярко выраженные белорусские особенности: дзеканье, твердый [Р], на месте русского литературного мягкого, твердое произношение [Ч], тогда как в восточных районах наблюдаются некоторые явления, общие для белорусского языка и южнелинкорусских говоров, причем факт неоднородности фонетико-морфологических особенностей заставляет думать о взаимоотношении брянских говоров с белорусским языком и южнорусскими говорами. Не меньшее значение по сравнению с грамматическими особенностями имеет и словарный состав Брянской области. Поэтому в 1957 г. на кафедре было принято решение собрать лексический материал в восточной части области и составить «Областной словарь брянских говоров». Деление на восточную и западную Брянщину целесообразно и по разным историческим судьбам востока и запада области (Чагишева 1962). От изложения планов до первого выпуска, который вышел в 1976 г., прошло двадцать лет, причем В.И. Чагишева осталась верна выбранной концепции: «Словарь брянских говоров» составляется как толковый словарь полного типа, отражающий по возможности весь словарный состав брянских говоров второй половины XX в. (СБГ 1: 4), хотя вопрос о типе регионального диалектного словаря дискутировался долго и трудно. В результате длительных обсуждений он решился в пользу полного, системного диалектного словаря. Отстаивая идею недифференциального словаря при описании брянских говоров, В.И. Чагишева отмечала, в частности, крайнюю неопределенность лингвистического ландшафта Брянской области, своеобразие русско-украинско-белорусского пограничья, затрудняющие возможность дифференциального описания (Чагишева 1968).

Осмысливая работу над «Словарем брянских говоров», В.А. Козырев и В.Д. Черняк отмечают, что тип полных словарей отличается богатством представленной лексики. В словарях такого типа составители стремятся показать весь комплекс системных отношений, в которые включается диалектное слово, даже если оно представлено в литературном языке, и в этом случае у него обязательно обнаруживаются те или иные отличия от слова в литературном языке. Соединение достижений системной лексикологии и лексикографии литературного языка с диалектной лексикологией и лексикографией на многие годы определило развитие

последней, особенно характерное для ленинградской/петербургской русистики (Козырев, Черняк 2021: 188).

Словарь содержит ценные языковые факты для изучения лексикализованных фонетических явлений и, в целом, различных фонетических процессов, происходивших в прошлом. Весь лексический материал, как правило, хорошо описан. Разработка диалектной семантики производится весьма квалифицированно: словарные статьи содержат перечень лексических значений, богато проиллюстрированных примерами живой брянской речи. Таким образом, информативная сторона СБГ отличается широтой и многообразием. Как отмечает Ф. П. Сороколетов, «положение брянских говоров на территории, где встречаются три славянских народа, определило их большую самобытность, наличие консервативных особенностей. Значение Словаря брянских говоров неоценимо для решения многих проблем истории русского языка и его говоров и вообще истории трех славянских народов» (История 2001: 557).

Приведем пример словарной статьи.

БОТВА, ы', ж. Стебель и листья корнеплодных растений и бахчевых культур. *Абрежым батву у морквы и ф погрип. Дубр. Снопоть. Ветки ат ретьки, ретькины ветки, эту батву никто ни идят, и скатана ни естть.* Тр. Радутино. *Бурак внизу, а сверху свякольник и батва говорятъ.* Бр. Страшевичи. || То же специально о свекле. *Батва свёклы, а то листья, только у свёклы батва.* Ком. Радогощь. *Батва — эта свякольник, у капусты листья, у картошкѣф титива.* Тр. Усох. *У картошки натина, а у свёклы свякольник или батва.* Дубр. Снопоть (СБГ 1: 74).

К сожалению, вышедшие пять выпусков словаря (более 8 тыс. слов в алфавитном отрезке А–Ж) не нашли дальнейшего продолжения, а диалектологическая школа Н. П. Гринковой, В. И. Чагишевой, о которой много и охотно рассказывали те, кто у них учился, не получила достойных восприемников.

Памятники русского диалектного слова

В архиве Института лингвистических исследований РАН имеется немало законченных рукописных диалектных словарей XIX в., которые по ряду причин не были опубликованы и существовали только в единственном экземпляре. Хотя материалы всех этих источников включались для разработки в состав «Словаря русских народных говоров», они имеют ценность и как самостоятельные лексикографические труды. Введение в научный оборот богатейших данных таких самодостаточных источников наполнит новыми качественными материалами уже существующий свод диалектных русских словарей. Совместно с Санкт-Петербургским издательством «Наука» было решено начать работу по изданию рукописей этих диалектных словарей в рамках серии «Памятники русского диалектного слова». К настоящему времени был реализован ряд проектов.

В 2006 году был издан «Словарь вологодского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении» (Дилакторский 1902; Дилакторский 2006). Этот труд был задуман П. А. Дилакторским как продолжение лексикографического описания севернорусских говоров наряду со «Словарем архангельского областно-

го наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. И. Подвысоцкого и «Словарем олонекского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского, но по ряду причин этот труд не был опубликован и существовал только в рукописном варианте в единственном экземпляре в архиве Словарного отдела ИЛИ РАН. Включение богатейших данных вологодских говоров в пределах Вологодской губернии, датируемых началом XX в. в научный обиход, как самодостаточного и полного источника, закончит (хотя и с опозданием на 100 лет) лексикографическое описание основной части севернорусских говоров. В словаре представлено 16475 слов, объединенных в 14320 словарных статей.

Еще одна коренная русская область — Новгородская земля, значительно отставала от других территорий в плане лексикографирования народной русской речи, и, как писал А. С. Герд в Предисловии к первому выпуску «Новгородского областного словаря» (буквы А–В), «публикация Новгородского областного словаря — особый этап в истории русской филологии; именно с этого словаря логически должна была бы начаться работа над всеми другими словарями Русского Севера и Северо-Запада; вряд ли можно сомневаться в том, что в говорах вокруг озера Ильмень, по Ловати, Шелони, Мсте и Волхову лежат истоки и начала народной речи всего Русского Севера и многих областей Урала и Сибири» (НОС: 3). Можно сказать, что выход в свет «Новгородского областного словаря» (1992–1995 гг.) в 12-ти выпусках (под редакцией Веры Павловны Строговой), был необходимым началом такого рода работы. Труд В. П. Строговой продолжили Лидия Яковлевна Петрова и Антонина Васильевна Клевцова, которые дополнили текст словаря новыми материалами и внесли необходимые коррективы. «Новгородский областной словарь» (НОС 2), изданный в серии «Памятники русского диалектного слова» в 2010 г., впервые представляет в одном издании все лексическое богатство народной русской речи, зафиксированной на территории Новгородской области и в районах, исторически относящихся к Новгородской губернии. В настоящем словаре представлено свыше 25 000 диалектных слов и около 2600 фразеологизмов. В книге имеется большой справочный аппарат: обратный индекс, указатель фразеологизмов, указатели топонимов и прозвищ.

Крайне важным для России является лексикографирование русских говоров в условиях языкового контакта. Очередным томом в серии «Памятники русского диалектного слова» стал «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия» (СРГМ), который представляет собой фундаментальную коллекцию лексики, собранной и записанной за несколько десятков лет преподавателями, аспирантами и студентами кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Было обследовано 362 населенных пункта на территории Республики Мордовия (бывшей Мордовской АССР). В словаре представлена диалектная лексика и фразеология всех русских говоров этого региона, отражены результаты влияния мордовских языков на лексическом уровне. Таким образом, решены основные задачи словаря — описание лексики и фразеологии русских говоров Мордовии в их современном состоянии. В словаре зафиксировано свыше 23200 слов. Включение богатейших данных этого словаря в широкий на-

учный обиход как самодостаточного источника пополнит новыми качественными материалами уже существующий свод диалектных русских словарей.

В настоящее время диалектные лексикографические источники активно используются как материал для различного рода штудий.

На наш взгляд, анализ сущностных параметров словаря⁶ (заголовочное слово, смысл, толкование), а не интерпретационных (омонимия, иерархия значений, вариантность и т. д.) возможен только в сопоставлении друг с другом при опоре на источники: полевые, историко-архивные. Однако совершенно очевидно, что диалектные словари, материалы которых были собраны в полевых условиях, а затем обработаны лексикографически одними и теми же специалистами, имеют гораздо меньше случаев искажения как сущностных, так и интерпретационных параметров словаря. Хотя, конечно, данные словарей, основанные на недавних полевых материалах, и словари, создаваемые на базе архивных источников, предлагают различные степени сложности их описания. Кроме того, только комплексный анализ гнезда с его вариантами: фонетическими, деривационными, этимологическими (восходящими к одному этимону, но имеющими различную форму) — может весьма условно показать основательность анализа и критического осмысления (если в этом будет необходимость) диалектных лексикографических источников. Однако следует подчеркнуть, что задача толковой лексикографии состоит в репрезентации и в ведении в научный оборот собранных словарных материалов, а не в их этимологическом прочтении. Причем следует отметить, что лексическая эмпирическая база таких данных — словарные картотеки — чаще всего гораздо шире их публикуемой части в словарях.

Таким образом, завершая обзор диалектных лексикографических трудов, создаваемых в Санкт-Петербурге, можно констатировать живую преемственность академических традиций, заключающихся прежде всего в фундаментальности, тщательной обработке данных.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

АОС: Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. Вып. 1–24. Москва, 1980–2023.

Балахонова 1961: Балахонова Л.И. История составления «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему // История русской диалектологии. Москва, 1961, 98–124.

Бондалетов 2001: Бондалетов В.Д. Задачи русской арготической лексикографии // Русский язык: исторические судьбы и современность: Сборник тезисов. МГУ, 13–16 марта 2001 г. Москва, 2001, 161–162.

БШКРС 1996: Башкирско-русский словарь. 32000 слов / Под ред. З.Г. Ураксина. Москва, 1996.

⁶ Следует отметить, что намеченная нами трактовка параметров словаря не может быть постоянной в силу того, что в ряде случаев, в зависимости от организации материала, возможен переход интерпретационных параметров в сущностные. Так, например, показ вариантов слова в СРГК сделан таким образом, что установка географической локализации слова не представляется возможной, что переводит этот параметр в разряд сущностных.

Вендина 2004: Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров (пробный выпуск): предварительные итоги // Вопросы языкознания. 2004. № 2, 3–19.

Герд 1989: Герд А. С. К истории образования говоров Поволховья и Южного Приладожья // Северно-русские говоры. Вып. 5 / Под ред. А. С. Герда. Ленинград, 1989, 146–172.

Герд 2009: Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров. Санкт-Петербург, 2009, 144–176.

Грот: Грот Я. К. Труды Я. К. Грота: В 5-ти томах. Санкт-Петербург, 1898–1903.

Даль: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. Москва; Санкт-Петербург, 1880–1882 (2-е изд.).

Дилакторский 1902: Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. Рукопись СРНГ.

Дилакторский 2006: Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Санкт-Петербург, 2006.

Доп. Опыт: Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». Санкт-Петербург, 1858.

Евгеньева 1956: Евгеньева А. П. Языковые особенности «Песни о рябине» в записи 1699 г. как материал для ее локализации // Ученые записки Ленинградского пед. института им. А. И. Герцена. 1956. Т. XV. Факультет литературы и языка. Вып. 4, 163–181.

Ивашко 1970: Проект словаря печорских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 1 / Отв. ред. Н. А. Мещерский. Ленинград, 76–94.

История 2001: История русской лексикографии / Под ред. Ф. П. Сороколетова. Санкт-Петербург, 2001.

Касаткин 2005: Русская диалектология: учебник / Под ред. Л. Л. Касаткина. Москва, 2005.

Козырев, Черняк 2021: Козырев В. А., Черняк В. Д. Диалектная лексикография: многомерность объекта и многообразие типов словарей // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2021. № 202, 183–192.

Костючук 2012: Костючук Л. Я. Очередной выпуск «Псковского областного словаря с историческими данными» — новые сведения о специфике псковских говоров // Вестник Псковского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. Псков, 2012, 86–90.

Куликовский: Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. Санкт-Петербург, 1898.

КЭСКИЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

КЯОС: Краткий ярославский областной словарь. Москва, 1961.

Ларин 1962: Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры I. Труды Первой псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962, 252–271.

Ларин 1967: Ларин Б. А. [Вступление] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Ленинград, 1967.

Мельниченко 1957: Мельниченко Г. Г. О принципах составления областных словарей // Ученые записки Ярославского гос. пед. института им. К. Д. Ушинского. Выпуск XXVI. Ярославль, 1957.

Меркурьев 1979: Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.

Мещерский 1963: Мещерский Н. А. К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР // Ученые записки Карельского пединститута. Т. XIII. Петрозаводск, 1963, 112–130.

Мещерский 1970: Мещерский Н. А. Работа Ленинградского университета по русской исторической и региональной лексикографии // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Материалы к межвузовской научной конференции. Краткое содержание докладов. Череповец, 1970, 3–7.

Моисеев 2010: Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург, 2010.

Мокиенко 1997: Мокиенко В. М. Рецензия на «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» // Вопросы языкознания. 1997. № 2, 181–185.

Мурзаев 1984: Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. Москва, 1984.

Мызников 2002: Мызников С. А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в былинах (по записям П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга) и в русских говорах Обонежья // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1999. Санкт-Петербург, 2002, 82–95.

Мызников 2016: Лексика арго на страницах «Словаря русских народных говоров» // Диалектная лексика-2016 (К 90-летию со дня рождения О. Д. Кузнецовой). Санкт-Петербург, 2016, 316–324.

Мызников 2018: Мызников С. А. О происхождении некоторых прозвищных этнонимов в русских говорах Северо-Запада России // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Сб. научных статей. / Ред. А. М. Мезенко. Витебск, 2018, 115–120.

НОС: Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.

НОС 2: Новгородский областной словарь. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург, 2010.

Опыт: Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. Санкт-Петербург, 1852.

Орлова, Сологуб 1957: Орлова В. Г., Сологуб А. И. Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка // Лексикографический сборник. Вып. 2. Москва, 1957.

Подвысоцкий: Подвысоцкий А. И. Словарь архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении. Санкт-Петербург, 1885.

ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–16. Ленинград; Санкт-Петербург, 1967–2005.

Праведников 2011: Праведников С. П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора. Дисс. на соиск. уч. ст. док. филолог. наук. Курск, 2011.

Приемышева 2009: Приемышева М. Н. Тайные и условные языки в России XIX века. Ч. 1–2. Ч. 2: Приложения. Санкт-Петербург, 2009.

Проект 2014: Левичкин А. Н., Мызников С. А. Словарь пинежских говоров. Проект. Пробные словарные статьи. Санкт-Петербург, 2014.

РДЭС: Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. Москва; Санкт-Петербург, 2019.

РЭС, 6–10: Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (публикуются в выпусках: «Севернорусские говоры». Вып. 6–10: Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры.

Межвузовский сборник. Вып. 6 / Отв. редактор А. С. Герд. Санкт-Петербург, 1995, 85–107; Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (Д, Е, Ж, З) // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 7 / Отв. ред. А. С. Герд. Санкт-Петербург, 1999, 117–140; Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (И, К, Л, М) // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 8 / Отв. ред. А. С. Герд. Санкт-Петербург, 2004, 173–235; Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (Н, О, П, Р) // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 9 / Отв. ред. А. С. Герд. Санкт-Петербург, 2008, 209–262; Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (С-Я) // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 10 / Отв. ред. А. С. Герд. Санкт-Петербург, 2009, 144–176.

СБГ: Словарь брянских говоров. Вып. 1–5 / Под ред. В. И. Чагишевой. Ленинград, 1976–1988.

СВЯ: Словарь вепсского языка / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Ленинград, 1972.

СГРС: Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева; М. Э. Рут. Т. 1–7. Екатеринбург, 2001–2018.

Селигер словарь: Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь / Под ред. проф. А. С. Герда. Вып. 1–8. Санкт-Петербург, 2003–2020.

Симина 1968: Симина Г. Я. Литературная лексика в системе диалекта // Вестник ЛГУ. 1968. № 20, 127–137.

СКЯМ: Словарь карельского языка [ливвиковский диалект] / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск. 1990.

СКЯП: Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

Сл. Грота-Шахматова II (I): Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Второго тома выпуск первый (с начала издания, четвертый). Е–Железный. Введение. Санкт-Петербург, 1897.

Слов. Акад. 1847: Словарь церковнославянского и русского языка. Санкт-Петербург, 1847.

Слов. Акад. 1891–1937: Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. и в отд. выпусках. Санкт-Петербург, 1891–1937.

Сороколетов 1974: Сороколетов Ф. П. Произведения фольклора и диалектная лексика // Диалектная лексика. 1973. Ленинград, 1974, 193–204.

Сороколетов 2011: Сороколетов Ф. П. Семантическая структура слова в диалектных словарях // Ф. П. Сороколетов. Избранные труды / Сост. О. Д. Кузнецова, Е. Ф. Сороколетова / Отв. ред. С. А. Мызников. Санкт-Петербург, 2011, 83–95.

СПГ: Словарь пинежских говоров. Вып. 1: (А – Бякнуться) / Отв. ред. А. Н. Левичкин. Санкт-Петербург, 2019.

СРГК: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. Санкт-Петербург, 1994–2005.

СРГМ: Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия (Мордовской АССР) / Ред. Р. В. Сименкова. Т. 1–9. Саранск, 1978–2006.

СРГНП: Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. Санкт-Петербург, 2003.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. Т. 1–52. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург, 1965–2021.

ССКЗД: Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Ткаченко 2007: Ткаченко О. Б. Исследования по мерянскому языку. Кострома, 2007.

Урманчеева 2024: Урманчеева И. С. Агионимы в идиомах и поговорках говоров низовой Печоры // Человек. Культура. Образование = Human. Culture. Education: научно-образовательный и методический рецензируемый журнал. 2024. № 2 (52), 165–184.

Чагишева 1962: Чагишева В. И. О Словаре Восточной Брянщины // Псковские говоры I. Труды Первой псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962, 272–273.

Чагишева 1968: Чагишева В. И. Брянская область в истории и лингвистике // Материалы и исследования по диалектологии (К изучению брянских говоров). Ленинград, 1968, 3–9.

ЯОС: Ярославский областной словарь / Ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

SKES: Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

SSAP: Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

ВКЛАД Г. А. ЗОЛОВОЙ В РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Н. К. ОНИПЕНКО

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-0623-5324>

onipenko_n@mail.ru

Обсуждается теоретическая значимость «Синтаксического словаря» Г. А. Золотовой как для лексикографии, так и для грамматики. Словарь убеждает в том, что семантика является неотъемлемой частью синтаксиса, что вербоцентризм и теория валентности не способны объяснить законы построения синтаксических конструкций русского языка, в котором предложные и предложно-падежные формы не ограничиваются ролью актантов и сирконстантов. «Синтаксический словарь» Г. А. Золотовой на современном этапе можно рассматривать и как лексикографический подход к «лингвистике конструкций». Обсуждается также последний лексикографический проект Г. А. Золотовой — функционально-семантический словарь русских глаголов, задачи и структуру которого она представляла в статьях последних лет своей научной деятельности.

Ключевые слова: грамматическая лексикография, синтаксический словарь, синтаксема, функциональный синтаксис, лингвистика конструкций, модель предложения.

G. A. ZOLOTOVA'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN GRAMMAR LEXICOGRAPHY

N. K. ONIPENKO

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

The article discusses the theoretical significance of G. A. Zolotova's "Syntactic Dictionary" for both lexicography and grammar. The dictionary convinces us that semantics is an integral part of syntax, that verbocentrism and the theory of valency are not able to explain the structural laws of Russian language syntactic constructions, in which prepositional and prepositional-case forms are not limited to the role of actants and circonstants. G. A. Zolotova's "Syntactic Dictionary" at the present stage can also be considered as a lexicographic approach to the "linguistics of constructions". The latest lexicographic project of G. A. Zolotova is discussed – a functional and semantic dictionary of Russian verbs, the tasks and structure of which she presented in articles of the last years of her scientific activity.

Key words: grammatical lexicography, syntactic dictionary, syntaxeme, functional syntax, construction linguistics, sentence model.

*К 100-летию со дня рождения
Галины Александровны Золотовой,
выдающегося русиста и щедрого учителя.*

Введение

В 1988 г. был опубликован уникальный грамматический словарь русского языка — «Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса» (Золотова 1988). Его автор — Галина Александровна Золотова — реализовала в этом Словаре функциональный подход к описанию единиц русской синтаксической системы. Словарь был востребован специалистами по падежной грамматике, исследователями, работающими в онтолингвистике, преподавателями русского языка как иностранного «в качестве нормативного семантико-грамматического справочника» (Там же: 2), однако до сих пор эта книга недооценена в теоретическом плане. Чтобы понять значимость теоретического вклада «Синтаксического словаря» Г.А. Золотовой в развитие, с одной стороны, грамматической лексикографии, с другой — в русскую грамматическую науку, необходимо рассмотреть «Синтаксический словарь» на фоне всей научной концепции Г.А. Золотовой, т. е. на всем протяжении ее формирования и развития: от функционального синтаксиса — к коммуникативной грамматике, от уровня синтаксем — к анализу текста.

Будучи преданной ученицей академика В.В. Виноградова, Г.А. Золотова считала наиболее плодотворным для синтаксической науки синтезизм лингвистического мышления, требующий признания «взаимодействия лексики и грамматики», признания «зависимости правил построения синтаксических конструкций от лексико-семантических характеристик их компонентов» (Золотова 1988: 4). В связи с этим становятся понятными такие высказывания Галины Александровны, как: «Синтаксиса без семантики не бывает», «Синтаксис начинается тогда, когда есть семантика». Синтаксис и семантика для Г.А. Золотовой — это не два параллельных уровня, соединяемых сознанием исследователя, а две обязательных составляющих языковой единицы.

В конце 60-х — начале 70-х годов синтаксис оказывается в центре многих лингвистических концепций. При этом структурная лингвистика, основанная на приоритете аналитического типа мышления и разделении семантики и синтаксиса, принимает в качестве основного подхода к синтаксическим конструкциям вербоцентрический, который сводит интерпретацию предложения к понятию валентности и приоритету глагола в структуре предложения. Однако в XXI в. вербоцентризм в синтаксисе уступает место лингвистике конструкций (Лингвистика 2010), которая уравнивает глагол и имена. И тут становится понятным, что в русистике лингвистика конструкций разрабатывалась уже с 60-х гг. XX в. (Шведова 1960; Золотова 1969, 1973, 1988; Шмелев 1976).

Цель настоящей статьи — показать место идей и наблюдений Г.А. Золотовой в современной русистике, обосновать важность «Синтаксического словаря» для русской лингвистической науки XXI в.

1. Между словом и предложением

Если связь между лексикой и морфологией обычно устанавливается через понятия части речи, словоформы и парадигмы, то переход от лексемы к синтаксической конструкции оказывается более трудным. Двигаясь от словоформы к предложению, мы получим структурную схему и формальный синтаксис, который решает только проблемы описательной грамматики. Двигаясь от лексемы, мы увидим теорию валентности в ее семантическом аспекте, увидим семантические связи внутри предложения, но не увидим системы синтаксических конструкций.

Г. А. Золотова, опираясь на русскую грамматическую систему, предложила рассматривать синтаксис на двух уровнях — докоммуникативном и коммуникативном. На первом уровне — система единиц-компонентов (синтаксем), организующим центром которой (системы) является система частей речи, и способы распространения синтаксем (образования словосочетаний). На втором уровне — система моделей предложения, полученных в результате соединения синтаксем. Аналогичное деление мы видим и в словообразовании: минимальная единица — морфема; на одном уровне мы имеем систему морфем, на другом — модели образования производных слов (словоформ — в морфологии) в рамках системы частей речи.

В конце 60-х гг. прошлого века Г. А. Золотова предложила понятие синтаксической формы слова (Золотова 1969), которая, в отличие от морфологической формы, образуется в результате соединения лексико-семантического (категориально-семантического) значения слова и грамматического значения морфологической формы (*в лесу* — место, *в мае* — время, *в страхе* — состояние). С точки зрения традиционной морфологии это квалифицируется как омонимия словоформ (например, В+Предл.п.), но с точки зрения Г. А. Золотовой — как разные синтаксемы. Омонимия на синтаксическом уровне связана с разными значениями одной лексемы (*тосковать по дому* — *бегать по дому* — *построить по дому в каждом селе*). Лексико-семантические варианты в рамках одной лексемы на уровне синтаксиса дадут омонимичные синтаксемы. Однако носитель языка прекрасно разграничивает эти омонимы, поскольку связывает значение синтаксемы с ее синтаксической функцией — местом в определенной синтаксической конструкции. Это значит, что функциональная предназначенность является неотъемлемой частью минимальной синтаксической единицы. Синтаксема — единица не двухмерная, а трехмерная, поскольку «характеризуется следующими различительными признаками: (1) категориально-семантическим значением, (2) соответствующей ему морфологической формой и (3) вытекающей из (1) и (2) способностью синтаксически реализоваться в определенных позициях» (Золотова 1983: 28).

Предложение, полученное в результате соединения трехмерных единиц, не делится на уровни (формальный, семантический и коммуникативный или поверхностный и глубинный), а понимается как единство структуры, семантики и функциональной предназначенности. В соответствии с этим постулируются сущностные характеристики синтаксиса как части грамматической системы: «синтаксис **конструктивен**, потому что он организуется конструкциями...; синтаксис

функционален, потому что единицы наделены определенными функциями в строе языка... ; синтаксис **семантичен**, потому что, функционируя, его единицы выражают определенное внеязыковое содержание... ; синтаксис **коммуникативен**, потому что он служит процессу коммуникации» (Золотова 1986: 500).

В «синтаксическом треугольнике» возможны разные варианты соотношений трех составляющих: определяющим может быть лексическая семантика (*в мае, в страхе, в командировке* — значение синтаксемы определяется значением лексемы), определяющим может быть значение формы при общности лексической семантики (*налить молоко* — *налить молока* — особое количественное значение выражается формой Род.п.; *интересоваться театром* — *интерес к театру* — различные формы маркируют разные присловные позиции — прилагательную и присубстантивную); определяющей может быть функция (*помочь сестре* — *Сестре грустно* — лексическая семантика одинаковая, морфологическая форма одна и та же, но разные функции, соответственно в первом примере синтаксема объектная, во втором — субъектная). Приоритет лексической семантики характеризует свободные синтаксемы, значимость морфологической формы важна для связанных синтаксем, а определяющая роль функции — для обусловленных. Деление синтаксем на свободные, обусловленные и связанные отражает три степени зависимости единицы от синтаксической конструкции: полная независимость семантики — свободные синтаксемы, зависимость семантики от функции в составе коммуникативной конструкции — обусловленные, встроенность в лексическую семантику другой синтаксемы на уровне номинативной синтаксической единицы (словосочетания) — связанные.

Это деление синтаксем обнаруживает изоморфизм между уровнем синтаксем и уровнем лексических значений (и лексико-семантических вариантов), на котором В. В. Виноградов предлагал различать свободные номинативные значения, конструктивно/синтаксически обусловленные и фразеологически связанные (Виноградов 1953).

Классификация синтаксем в соответствии с их функциональным потенциалом и их семантическим типом, представленная в Словаре Г. А. Золотовой, внесла весомый вклад в падежную грамматику, в решение проблемы классификации падежей. Г. А. Золотова не искала инвариантного значения каждого падежа, не выявляла дифференциальных семантических признаков в падежном значении, не исчисляла глубинных падежей при отсутствии поверхностных, не квалифицировала падеж в результате системы перифраз и трансформаций (или актантных дериваций), не связывала функции падежа с актуальным членением (подробнее о подходах к интерпретации русской падежной системы см.: Степанов 1980), но соединила семантику падежа с лексической семантикой имени и с синтаксической функцией словоформы. Не отвергая значимости стройной теории, Г. А. Золотова описывала реальные компоненты в реальных предложениях и искала тот уровень лингвистического обобщения, который позволил бы объяснить условия функционирования синтаксической системы русского языка.

В статье 1983 г., которая посвящена слову в синтаксисе и лексикографическим проблемам в синтаксической науке, Г. А. Золотова предложила учитывать

категориально-семантическое значение подкласса слов внутри части речи, который, по ее мнению, и является определяющим для формирования синтаксисом той или иной части речи. Отвергая морфологизированную теорию членов предложения и прямую связь между частями речи и членами предложения, Г. А. Золотова пишет: «Значения, приписываемые обычно самим позициям, являются результатом абстракции от множества словоформ определенного категориально-семантического подкласса, регулярно встречающихся в данной позиции данной конструкции» и далее: «возможности слова участвовать в тех или иных синтаксических моделях определяются не его индивидуально-лексическим значением, а значением более высокой степени абстракции — категориально-семантическим» (Золотова 1983: 28).

Соотношение категориально-семантического значения подкласса слов и частеречного значения было обозначено терминологически — *изосемический/ неизосемический* подкласс слов. Соответствие семантики подкласса и категориального значения части речи характеризует изосемический подкласс слов (акциональные глаголы, конкретно-предметные существительные), несоответствие — неизосемический (имена действия, глаголы изменения состояния) (Золотова 1982: 127). Тем самым в значении конкретного слова выделяются три уровня абстракции: лексический, категориально-семантический и категориально-грамматический. Если морфологические свойства слова задаются категориально-грамматическим значением, то синтаксические функции связаны с категориально-семантическим. Изосемический разряд слов внутри части речи образует центр, а неизосемические разряды — периферию. Соответственно различаются изосемические и неизосемические модели предложения: первые организованы соединением изосемических компонентов (*Брат работает, Брату тоскливо, Брат добрый/добр, Брат — летчик, Братьев четверо*); вторые включают неизосемические компоненты (*Брат за работой, Брат в тоске, Брат пошел в летчики, Брат — сама доброта, Население Тибета утроилось*).

Оценивая результаты своей работы над Словарем, Г. А. Золотова отметила (Золотова 1980), что Словарь вносит ясность в несколько дискуссионных проблем русского синтаксиса, в частности в проблему разграничения главных и второстепенных членов предложения. Если в традиционной грамматике основанием разграничения главных и второстепенных членов является морфологическая характеристика компонентов — именительный падеж для подлежащего и глагольные средства выражения предикативных категорий в сказуемом, то в «Синтаксическом словаре» главными, конститутивными компонентами признаются те обязательные синтаксемы, которые образуют модель предложения с определенным типовым значением, независимо от их морфологической формы (*Я был озлоблен, он угрюм; Ему и больно и смешно; Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы; У нее большое горе; Все в доме поднялось*). Отсюда делается несколько принципиальных выводов. Во-первых, в связи с основой предложения: (1) подлежащее в русском предложении бывает не только в именительном падеже, (2) формально-морфологическое согласование сказуемого с подлежащим не является обязательным для любой модели предложения; (3) предикативные катего-

рии могут быть выражены синтаксически, без глагольных форм, (4) падежные и предложно-падежные формы существительного способны быть сказуемыми в моделях с определенным типовым значением. Во-вторых, в связи с интерпретацией компонентов необязательных для модели предложения, не входящих в основу предложения: (1) нужно различать собственно распространители (присловные и неприсловные, сохраняющие монопредикативность модели) и осложнители (вводящие в предложение вторую предикативную единицу); (2) обязательный для коммуникативной достаточности компонент не может быть признан второстепенным членом предложения; (3) не все косвенные падежи маркируют зависимость именной формы, т. е. являются второстепенными членами.

«Синтаксический словарь» наглядно показывает синтаксическую активность субстантивных синтаксем в русской синтаксической системе. Даже в той сфере, где очевидно господство глагола — сфере временных значений, — именные синтаксеммы становятся значимыми. Речь идет не только о творительном предикативном (*Брат был/стал учителем*), но и об интерпретации предложно-падежных форм, например, в связи с фазисными значениями предикатов. Фазисное значение — это добавочное, модификационное (деривационное) значение, которое выражается обычно глагольными приставками либо фазисными глаголами (*Станок заработал — начал работать*). Материалы Словаря показывают, что так называемый «направленный падеж», например Вин. п., участвует в выражении фазисности: за + Вин. п. (*принялся за работу*), в + Вин. п. (*пришел в смятение, в отчаяние, в ужас; углубился в чтение*). Словарь показывает и симметрию между глагольной фазисностью и именной — глагольные и именные способы выражения трех временных фаз. Глагольные: *забегал — бегал — отбегал; начал, продолжал, кончил преподавать; стал/перестал пугаться*. Именные: *в забытье — в забытии — из забытья; произвести в генералы — разжаловать из генералов; в рядовые — в рядовых — из рядовых; в любимчики — в любимчиках — из любимчиков*. Противопоставление «ненаправленных» и «направленных» падежей связано прежде всего с пространственной семантикой: локативные (*в доме*) и директивные синтаксеммы (*в дом, к дому*), образованные конкретно-предметными существительными, обозначают положение в пространстве, в статике или динамике. При этом глаголы сохраняют свою лексическую самостоятельность (*жить, спать, работать, гостить в доме; идти, бежать, брести к дому*). Синтаксеммы с фазисно-временной семантикой, которая накладывается на значения действия, состояния, социального или должностного положения, в составе глагольно-именного предиката являются основной его семантической частью, а глаголы теряют свою полнознаменательность: *прийти в ужас*, но не **прибежать в ужас*; *глядим в Наполеоны, метит в начальники*; но не **пришел в начальники*. Глаголы получают конструктивно обусловленное значение: фазисное (*пойти, взяться, приняться*), фазисно-модальное (*собраться, набиваться*), каузативное (*Я князь-Григорию и вам /Фельдфебеля в Волтеры дам — Грибоедов*). Материалы Словаря позволяют уточнить характеристику конструкции *пойти в солдаты* и квалифицировать форму В+Вин.п. не как особый падеж (включительный или превратительный), а как синтаксему с фазисно-собирательным значением, яв-

ляющуюся результатом семантического взаимодействия категорий собирательной (недискретной) множественности, одушевленности и фазисности.

Таким образом, Словарь Г. А. Золотовой устанавливает паритет между именной системой и глаголом, обосновывает семантико-синтаксическую значимость имен и падежей в русской синтаксической системе.

2. К грамматике заглавий, вывесок и этикеток

Словарь Г. А. Зотовой внес заметный вклад в описание заголовков. В системе функций и позиций, которая применяется для характеристики каждой синтаксемы, есть функция I — функция изолированного употребления, в виде самостоятельной номинации — текста, предмета или учреждения. Словарь фиксирует употребление падежных и предложно-падежных форм в позиции заглавий и этикеток по материалу XIX–XX вв. (по начало 80-х гг.) и убеждает нас в том, что, во-первых, именительный падеж не является единственной формой, предназначенной для номинации, во-вторых, заголовков, оформленных косвенными падежами без предлогов и с предлогами, в русской литературе и русской языковой среде предостаточно, в-третьих, наличие заголовочной позиции для той или другой синтаксемы свидетельствует о ее семантической достаточности. В тексте Словаря функция I является тестом для разграничения синтаксем свободных, с одной стороны, и обусловленных и связанных, с другой.

Г. А. Золотова собирала по преимуществу заголовки художественных и публицистических текстов, но и этот материал (не слишком объемный — по меркам эпохи корпусной лингвистики) обладает прогностической силой. Так, в разделе директивных синтаксем с + Род.п. функция I разделена на разные семантические типы заглавий: исходная точка движения (*С улицы*), источник получения (*С зимнего огорода*), исходная точка наблюдения как источник информации (*С борта самолета*). При этом последний семантический тип делится на два варианта: с возможностью конкретной пространственной локализованности (*С крыши мира*) и без такой возможности, для выражения позиции, взглядов (*С позиций реализма; С высоты знаний*). Проекция этого деления на другие сферы применения заглавий позволяет предположить их возможность в определенных сферах, например, в сфере изобразительного искусства: см., названия картин, акварелей и рисунков: «С Меганом» (М. Волошин), «С колокольни Саввино-Сторожевского монастыря» (М. Якунчикова), «С крыши мира» (А. Полковниченко), «С берега моря» (Н. Дубовской), «С лодки» (С. Синева). Но заглавие «Со своей колокольни» потеряло семантику визуальности и применяется для озаглавливания книг, статей, текстов в Интернете, Интернет-сайтов.

Заголовочные конструкции мы найдем еще в одной позиции — функция III. 2 (позиция зависимого компонента субстантивного словосочетания), например, для синтаксем с + Твор.п.: «Дама с собачкой», «Дом с мезонином» (Чехов). Г. А. Золотова работала с тем объемом материала, который собрала сама, и включала в Словарь только те примеры, которые нашла и записала на карточку. Сегодня можно рассматривать Словарь и как честную фиксацию (почти за два века) упо-

реблений словоформ в разных синтаксических конструкциях и в заголовках, и как лингвистический проект, который указывает направление для будущих исследований. Так, если говорить о типах номинаций произведений искусства, например, картин, и, в частности, пейзажей, то Словарь указывает на необходимость обратить внимание на такие синтаксемы, как *с* + Род.п., *на* + Вин. п., *с* + Твор. п. Используя современные Интернет-ресурсы, мы можем расширить корпус «Синтаксического словаря» и увидеть, что три указанных синтаксемы возможны в приименной позиции: «Вид с Легенара 1926» (М. Волошин), «Вид с колокольни Свято-Юрьева монастыря» (О. Сорокина), «Вид с колокольни Новоторжского Борисоглебского монастыря» (А. Ковалевский), «Вид с балкона» (А. Бруно), «Вид на Неаполь с дороги в Позилиппо» (С. Щедрин), «Вид с Петровского острова на Тучков мост и на Васильевский остров в Санкт-Петербурге» (С. Щедрин), «Вид с церковью на окраине города» (Н. Рерих), «Вид с церковью Сан Себастьяно» (Д. Б. Пиранези), «Ледовый вид с мельницей» (А. Схелфхаут). При этом мы можем видеть, что есть традиция называния пейзажей и она сохраняется.

В Словаре зафиксированы и употребления *с видом на...* (*с видом на Волгу*), которые мы также находим в названиях живописных произведений: «Морской пейзаж с видом на Ялту» (И. Айвазовский), «Лунный прибой с видом на Ялту» (В. Куликов), «Море. С видом на маяк» (Н. Бочарова), «Плес с видом на Волгу» (Г. Верейский), «Натюрморт с видом на Исаакиевский собор» (В. Пакулин).

Материал Словаря показывает, что в качестве заглавий наиболее частотны локативные (*В овраге, В аптеке, В вагоне* — Чехов) и темпоральные синтаксемы (*В августе* — Бунин; *В августе сорок четвертого* — Богомолов). Но есть один предлог, для которого в Словаре указана только одна синтаксема. Это предлог *про* в соединении с Вин.п. (*про работу, про море, про любовь*). Г. А. Золотова выделяет только делиберативную синтаксему, которая является свободной, поэтому типичной для нее оказывается позиция заголовка: «Про это» (Маяковский), «Про луну» (Б. Слуцкий), «Про Федота-стрельца, удалого молодца» (Л. Филатов). Понятно, почему важна именно эта позиция (как и для делиберативных синтаксем *о* + Предл.п.): в названии текста слово, обозначающее жанр (*Сказ/рассказ/ сказание/ повесть о* + Предл.п. / *про* + Вин.п.), опущено, остается делибератив (*Про счастливых людей* — Г. Успенский).

Материал XXI века показывает значительное увеличение числа употреблений синтаксем *про* + Вин.п. в изолированной позиции, не только в заголовках текстов, но и в названиях фирм, учебных заведений, магазинов, кафе: *Про Тесто, ProТесто, Про кофе, Про свет, PROсвет, ПРО зрение, Про-Видение, ПроЗнание, ProБлеск, Про Глаза, Про Деток*. В этих названиях соединяются предлог *про* и приставка *про-*, поскольку нередко предложно-падежная форма оказывается результатом морфемного членения основы. При этом предлог прочитывается неоднозначно: делиберативно (*про зрение* = *о зрении*), финитивно (*про блеск* = 'для чистоты и блеска, чтобы было чисто и блестяще') и дестинативно (*Про тесто* = 'за тесто', т. е. можно прочесть не только делиберативно, но и дестинативно-интерпретативно; ср. «Бербок — это не про Германию», а также приставочные прилагательные типа

прогерманский, в которых приставка восходит к латинскому *pro*). В XXI в. предлог *про* образует и делиберативные синтаксемы (*про детей, про книгу, про жизнь, про красоту*), и дестинативно-коррелятивные (*Эти квартиры не про нас, не про нашу честь* = «не по ним/не по ним»), а также дестинативно (финитивно-)интерпретативное (*МОК — это не про спорт, а про деньги*).

3. Средства выражения модуса

Одной из наиболее обсуждаемых проблем русистики XXI в. является проблема описания дискурсивных (эгоцентрических) средств русского языка, т. е. тех, которые в описательных грамматиках относятся, во-первых — к сфере служебных слов, во-вторых — к сфере субъективной модальности.

В «Очерке функционального синтаксиса» Г. А. Золотова предложила различать три типа модальности и характеризовать модальные средства не только по признакам: грамматическая — лексическая, объективная — субъективная, но и по признаку *внутрисинтаксическая* — *внешнесинтаксическая*. (Золотова 1973). К разряду внешнесинтаксических модальных средств были отнесены не только вводно-модальные слова, но и субстантивные синтаксемы *для* + Род.п., *по* + Дат.п., *у* + Род.п., Дат.п. без предлога и др. В разделе об авторизации (способе осложнения предложения, в результате которого обнаруживается «автор», источник мнения, информации, субъект восприятия) эти падежные и предложно-падежные формы будут рассматриваться наряду с авторизующими глаголами (*считать, почитать, находить, видеть* кого/что каким): *Она считает всех нас глупцами* = *У нее/Для нее мы все глупцы* = *По ее мнению*,... В «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотова не выделяет в качестве особой синтаксической позиции вводную, но в разделах, посвященных, например, локативным, объектным или субъектным синтаксемам, указывает добавочное значение субъекта речи или восприятия (наблюдателя). Так, при характеристике синтаксем *перед* + Твор.п. в Словаре указано совмещение локативного значения со значением субъекта восприятия (наблюдателя). Если в книге 1973 г. авторизация восприятия и наблюдатель получили семантико-синтаксическую интерпретацию, то в «Синтаксическом словаре» это значение было лексикографировано. Это значит, что пример из «Пиковой дамы» — *Губы перестали шевелиться, глаза оживились: перед графиней стоял незнакомый мужчина* — будет интерпретироваться в связи с появлением в семантике предложения второго плана (модусного) и в связи с фигурой наблюдателя. При этом сама синтаксическая конструкция будет рассматриваться не как простое пространственное, а как предложение осложненное.

В начале XXI в. Е. В. Падучева скажет о том, что фигура наблюдателя стала самым интригующим объектом в лингвистической науке. Будут подробно и тонко интерпретированы разные синтаксические конструкции и разные категории, семантика которых включает наблюдателя. Будет уточнена терминология: появятся термины (*сенсорный модус, перцептивный модус, экперिएнцер, эвиденциальность, эмпатия*), но основное внимание все же будет уделено глагольным средствам. В Словаре же наблюдатель оказывается одним из типов авторизатора, который мо-

жет быть представлен неглагольными средствами: синтаксемой *у* + Род.п. (субъект речи: *У сильного всегда бессильный виноват* — Крылов), *для* + Род.п. (субъект мнения и оценки: *Для них земля — как сон, как твердь* — Бальмонт), *к* + Дат.п. (субъект эмоции и речи: *К счастью, нашел я в кармане подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественник, а не Ринальдо-Ринальдини* — Пушкин), Дат.п. беспредл. (субъект мнения: *Деньги ему — солома, дрова какие-то* — Сухово-Кобылин), *перед* + Твор.п. (субъект восприятия: *В вечернем сумраке всплывали / Пред ним виденья прошлых дней* — Блок).

4. Глагол в «Синтаксическом словаре» и незавершенный проект глагольного словаря

При обсуждении «Синтаксического словаря» на заседании Ученого Совета в Институте русского языка Т.М. Николаева, отметив теоретическую новизну и практическую значимость Словаря, обратила внимание на Приложение 1 (Глагольные сочетания). Этот раздел Словаря представляет семантические группы глаголов, для которых обязательной является сочетаемость с определенными синтаксемами. В этом списке 196 групп, которые были упомянуты при описании репертуара субстантивных синтаксем. Группы разделены между падежами и предлогами. Глаголам дается семантико-синтаксическая характеристика и указывается их связь с определенными синтаксемами. Одни и те же глаголы могут входить в разные группы. Так, глаголы рече-мыслительной деятельности попадают и в раздел *о* + Предл.п., и в раздел *про* + Вин.п., но те же глаголы в переносном значении «логического вывода» (*говорить, свидетельствовать*) в каузативных конструкциях типа *Синяки под глазами говорят о бессонной ночи/ его сильной усталости/ о заболевании печени* возможны только с делиберативной синтаксемой *о* + Предл.п.

90-е — начало 2000-х гг. ознаменовались бурным развитием объяснительной лексикографии, прежде всего глагольной; см. концепцию лексикографического «портретирования» (Ю. Д. Апресян) и «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (под ред. Ю. Д. Апресяна), проект «Лексикограф» (под рук. Е. В. Падучевой). Лексикографическое представление русских глаголов находилось в тесном взаимодействии с аспектологией (Падучева 2003).

Г. А. Золотова выступила с идеей «Функционального словаря русских глаголов» (Золотова 1994). В отличие от «Синтаксического словаря» (1988), глагольный словарь должен был поднять грамматическую информацию до уровня текста, соединить семантическую характеристику глагола, его морфологическую парадигматику, синтаксические возможности (типы конструкций и сочетаемость с именными синтаксемами), текстовые функции видо-временных форм (Золотова 2002) и систему коммуникативных регистров речи (Золотова и др. 2004).

Первые подготовленные словарные статьи показали, что для характеристики глагольных синтаксем значимы такие семантические параметры, как (1) полнознаменательность/неполнознаменательность, (2) акциональность/неакциональность, (3) статика/динамика, (4) наблюдаемость/ненаблюдаемость. Первый параметр коррелирует с деланием субстантивных синтаксем на свободные, обу-

словленные, связанные; второй, третий и четвертый признаки соотносятся с понятием текстовой функции видо-временной формы. В отличие от классификации английских глаголов по З. Вендлеру и аспектуальной классификации глаголов по Ю.С. Маслову, семантической типологии по А. Вежбицкой, таксономических категорий по Е.В. Падучевой (о соотношении этих теорий см. Падучева 2003; Падучева 2009), глагольный словарь по Г.А. Золотовой должен был показать семантическую обусловленность текстовых функций глагола (аористива, перфектива, имперфектива процессуального, имперфектива качественного — Золотова 2002). Признак наблюдаемости обуславливает возможность функционирования в репродуктивном регистре речи, наблюдаемость становится обязательным признаком акциональных глаголов; ненаблюдаемость в семантике глагола (например, интерпретационного) определяет глагол как предикат информативного регистра речи. К сожалению, Г.А. Золотова не смогла осуществить задуманный ею проект глагольного словаря, но те идеи, которые были высказаны ею, значимы как для современной грамматической науки, так и для лексикографии.

Заключение

Осмысливая вклад Г.А. Золотовой в русскую лексикографию XX — начала XXI в., мы видим, что именно Г.А. Золотова начала реализовать идеи интегрального подхода в лексикографии. Функциональный синтаксис обосновал обязательность семантики для описания синтаксических единиц русского языка. Семантика — эта та зона, где лексические значения вступают в соприкосновение с грамматическими значениями. Описание синтаксисом позволило выявить те семантические признаки, которые могут быть положены в семантическую классификацию имен. Именно «Синтаксический словарь» предъявил список синтаксисом по значениям — то, что в других концепциях названо семантическими ролями. «Синтаксический словарь» Г.А. Золотовой обосновал значимость именной системы в организации коммуникативных единиц русского языка. «Синтаксический словарь» наметил возможности функционального описания глагольной лексики. Понятие текстовой функции видо-временных форм позволяет и интерпретировать семантику глагола, и анализировать текст. Перечитывая книги и статьи Галины Александровны Золотовой, понимаешь, что ее подход соединяет лучшие традиции русистики прошлых веков с перспективными разработками XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов 1953:** Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5, 3–29.
- Золотова 1969:** Золотова Г.А. О синтаксической форме слова // Мысли о современном русском языке / Под ред. В.В. Виноградова. Москва, 1969, 58–66.
- Золотова 1973:** Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Москва, 1973.
- Золотова 1980:** Золотова Г.А. О «Синтаксическом словаре русского языка» // Вопросы языкознания. 1980. № 4, 71–83.

Золотова 1982: Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва, 1982.

Золотова 1983: Золотова Г. А. Слово в «Синтаксическом словаре» // Известия ОЛЯ АН СССР. 1983. Т. 42. № 1, 27–32

Золотова 1985: Золотова Г. А. К построению функционального синтаксиса русского языка // Проблемы функциональной грамматики. / Отв. ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1985, 87–93.

Золотова 1986: Золотова Г. А. О некоторых теоретических результатах работы над «Синтаксическим словарем русского языка» // Вопросы языкознания. 1986. № 1, 26–34

Золотова 1988: Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Москва, 1988.

Золотова 1994: Золотова Г. А. О новых возможностях лексикографии // Вопросы языкознания. 1994. № 4, 85–95.

Золотова 2002: Золотова Г. А. Категории вида и времени с точки зрения текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3, 8–29.

Золотова и др. 2004: Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва, 2004.

Лингвистика 2010: Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. Москва, 2010.

Падучева 2003: Падучева Е. В. Таксономическая категория как параметр лексического значения глагола // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6), 192–216.

Падучева 2009: Падучева Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру // Вопросы языкознания. 2009. № 6, 3–21.

Степанов 1980: Степанов Ю. С. К текстовой теории русских падежей // *Revue des Études Slaves*. 1987. Т. 59. № 3, 673–689.

Шведова 1960: Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Москва, 1960.

Шмелев 1976: Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. Москва, 1976.

LEKSIKOGRAFSKA OBRAVNAVA SODOBNE SLOVENŠČINE NA INŠTITUTU ZA SLOVENSKI JEZIK FRANA RAMOVŠA ZRC SAZU

Andrej PERDIH

Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU

(Ljubljana, Slovenija)

<https://orcid.org/0000-0002-2248-9666>

andrej.perdih@zrc-sazu.si

V prispevku je predstavljen razvoj leksikografije na *Inštitutu za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU* od 1945 do danes. Osredotočamo se zlasti na splošne razlagalne slovarje, ki opisujejo sodobni (knjižni) jezik, in na sodobne leksikografske rezultate v obliki spletnih slovarskih portalov in digitalnih podatkovnih baz. Pri tem izpostavljamo tako teoretične kot tehnološke spremembe, ki so bistveno vplivale na leksikografsko delo in cilje.

Ključne besede: leksikografija, knjižni jezik, slovenščina.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА СОВРЕМЕННОГО СЛОВЕНСКОГО ЯЗЫКА В ИНСТИТУТЕ СЛОВЕНСКОГО ЯЗЫКА ФРАНА РАМОВША

Андрей ПЕРДИХ

Институт словенского языка Франа Рамовша

(Любляна, Словения)

В статье представлено развитие лексикографии в Институте словенского языка имени Франа Рамовша Словенской академии наук с 1945 года по настоящее время. Мы фокусируемся на толковых словарях, описывающих современный (литературный) язык, и на результатах современных лексикографических работ в виде онлайн-порталов словарей и баз данных. При этом мы обращаем внимание как на теоретические, так и на технологические изменения, оказавшие значительное влияние на лексикографическую работу и цели.

Ключевые слова: лексикография, литературный язык, словенский язык.

LEXICOGRAPHICAL TREATMENT OF CONTEMPORARY SLOVENIAN AT THE FRAN RAMOVŠ INSTITUTE OF THE SLOVENIAN LANGUAGE ZRC SAZU

Andrej PERDIH

Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language ZRC SAZU

(Ljubljana, Slovenia)

The paper presents the development of lexicography at the *Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language ZRC SAZU* from 1945 to the present. We focus in particular on general explanatory dictionaries describing modern (standard) language and on modern lexicographic results in the form of online dictionary portals and digital databases. Special focus is given on both theoretical and technological changes that have had a significant impact on lexicographic methodology and goals.

Keywords: lexicography, standard language, Slovenian language.

1. Uvod

Osrednja ustanova, ki v Sloveniji sistematično ustvarja leksikografske opise za sodobni (knjižni) jezik, pravopis, narečja, terminologije različnih strok, zgodovino jezika in etimologijo, je *Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU*. V tem prispevku se osredotočamo zlasti na aktivnosti, povezane z leksikografskim opisom sodobnega jezika. Poleg inštituta na tem področju v Sloveniji deluje še *Center za jezikovne vire in tehnologije*, ki v okviru Univerze v Ljubljani razvija jezikove tehnologije, gradi korpus in ustvarja nove leksikografske podatkovne baze in slovarje.

V zadnjem času so aktivnosti inštituta usmerjene v izdelavo novega razlagalnega slovarja in priprave novega pravopisnega slovarja s pravili ob spremstvu specialnih slovarskih projektov, velik poudarek pa je tudi na izdelavi slovarskih portalov. Ti danes predstavljajo prevladujoč dostop uporabnikov do slovarskih podatkov, hkrati pa so prinesli spremembe v končno fazo leksikografskega delovnega procesa, tj. objave za končnega uporabnika. Široke možnosti digitalne objave na internetu so razširile nabor možnosti, kakšen je lahko končni rezultat leksikografskih aktivnosti.

Začetki sodobne slovenske enojezične leksikografije na inštitutu sovpadajo z njegovo ustanovitvijo leta 1945, že prej pa je bil na slovenski Akademiji znanosti in umetnosti zastavljen načrt izdelave slovarskih del. Slovarski opis sodobnega (knjižnega) jezika je bila ena glavnih nalog iz tega obdobja, ki jo je uresničila izdaja *Slovarja slovenskega knjižnega jezika* (1970–1991) (v nadaljevanju SSKJ). Ob tem so nastajala nova pravopisna pravila, ki so izšla v 90. letih, skupaj s pravopisnim slovarjem pa leta 2001. Značilnost pravopisnega slovarja in številnih drugih, ki so izhajali v tem času, je, da se gradivsko močno ali vsaj delno naslanjajo na SSKJ. K temu je pripomogla tudi digitalizacija SSKJ v 90. letih, s čimer je bilo omogočeno hitreje nastajanje novih slovarjev različnih tipov.

Z razvojem tehnologije, digitalizacijo leksikografskega procesa in razvojem slovarskih spletnih portalov se je bistveno spremenil medij, v katerem so slovarji na voljo uporabnikom. 90. leta so omogočila uporabo slovarjev na računalniku, od leta 2000 pa so bili na spletu (že takrat brezplačno) objavljeni glavni slovarji inštituta (najprej SSKJ, nekoliko pozneje še pravopisni in nekateri drugi slovarji), ob tem pa so nastajali za tisti čas pomembni besedilni korpusi (*Beseda*, *Nova beseda* ter strojno lematizirani korpus *O'beseda*).

Konceptualna sprememba glede načina objave slovarjev je nastala s slovarskim portalom *Fran* (od 2014), ki je zaradi načina prikaza podatkov in navigacije deloma spremenil pogled na slovarje, saj jih zaradi hkratnega prikaza več slovarjev na portalu nekateri laični uporabniki razumejo kot celoto, čeprav posamezni slovarji niso bili tako koncipirani. Nastajanje portala je pospešilo retrodigitalizacijo vseh slovarjev na inštitutu, ki niso nastali v okviru namenskih leksikografskih programov, odprle pa so se tudi možnosti za vključevanje multimedijskih vsebin in povezav na zunanje vsebine, kar v tiskani obliki ni bilo mogoče. Nadaljnji korak pri spremembah predstavlja pedagoški portal *Franček*, v katerem ne nastopajo več ločeni slovarji, ampak je zasnovan kot enovita celota. Mladim uporabnikom ponuja celovit pregled leksikografskih podatkov z vidika posameznih vsebinskih delov (pomen, sinonimija, frazeologija ...) ne glede na

to, iz katerih slovarjev prihajajo vsebine. Odločitve o tem, kateri podatki in iz katerih slovarjev so uporabljeni, sprejema uredniška (leksikografska) ekipa. Za ta namen je bila opravljena tesnejša integracija slovarjev. To predstavlja pomemben korak h gradnji enotne centralne podatkovne baze, ki je ena od prihodnjih nalog inštituta.

Od leta 2015, ko je bil objavljen koncept novega razlagalnega slovarja slovenskega knjižnega jezika *eSSKJ*, nastaja nov leksikografski opis sodobnega knjižnega jezika, zasnovan na besedilnem korpusu *Gigafida* in z več konceptualnimi spremembami v primerjavi s predhodnikom. Ob izdelavi *eSSKJ* obenem nastajajo še nekateri specialni slovarji, ki bodisi natančneje obravnavajo določen segment leksike (*Slovar pregovorov in sorodnih paremioloških izrazov* vsebuje tako paremiološke enote, ki so v *eSSKJ* vključene, a so tu obdelane podrobneje, kot tudi paremiološke enote, ki presegajo okvire *eSSKJ*) ali so z njim v disjunktivnem odnosu (*Sprotni slovar slovenskega jezika* se posveča zlasti novejšemu ali manj uveljavljenemu besedju, ki ni zajeto v drugih slovarjih). Ti slovarji temeljijo na elektronskih besedilnih korpusih in nastajajo v namenskih leksikografskih programih. Primarno so objavljeni v elektronski obliki na slovarskem portalu Fran in se redno posodablajo, na letni ravni pa so pripravljene tudi stabilne izdaje v formatu PDF z večjim arhivskim pomenom. Pomembni vsebinski premiki v primerjavi s starejšimi slovarji so zlasti razumevanje večbesednih leksikalnih enot kot samostojnih enot, povečan poudarek na besedilni okolici v obliki kolokacij in stavčnih zgledov, nekoliko so spremenjene besednovrstne opredelitve, postopoma se uveljavlja tudi način kvalificiranja glede na stopnjo formalnosti.

2. Slovar slovenskega knjižnega jezika (1970–1991; 2014)

Slovar slovenskega knjižnega jezika (SSKJ) je največji dosežek slovenskega slovaropisja 20. stoletja. Gre za informativno-normativni enojezični razlagalni slovar slovenskega knjižnega jezika, po velikosti srednjega obsega (prva izdaja obsega približno 107.000 iztočnic in podiztočnic). S časovnega vidika opisuje prva izdaja zlasti jezik 20. stoletja, pa tudi jezikovne posebnosti slovenskih klasikov druge polovice 19. stoletja. V drugi izdaji je dodano novejšo aktualno besedje in nekateri novi pomeni k že uslovarjenim besedam. Slovar vsebuje bistvene prvine knjižnega jezika: leposlovni, znanstveni, publicistični, pogovorni jezik, terminologijo različnih strok, žargonizme in narečno besedje. Najbolj izčrpno je predstavljen jezik izvirnega in prevodnega leposlovja. Slovar je doslej najpopolnejši tudi glede slovnične informativnosti. Vse geselske besede v slovarju so pomensko pojasnjene. SSKJ uresničuje številne slovaropisne novosti, med katerimi je tudi prikaz razslojenosti jezika oz. njegove socialne in funkcionalne zvrstnosti, ki se opira na dosežke praške lingvistične šole. Uresničen je z večvrstnimi kvalifikatorji (Vidovič-Muha 1993; Merše 2013: 224).

Za izdelavo prve izdaje slovarja je bilo organizirano zbiranje besedil in izpisovanja v listkovno kartoteko. Tako je od 1945 do izida slovarja v 1991 nastala kartoteka, ki vsebuje šest milijonov izpisov iz pribl. 6500 tiskanih enot. Izpisana so bila leposlovna dela od druge polovice 19. stoletja naprej, publicistična, znanstvena, strokovna dela in učbeniki. Zbranih je bilo pribl. 300.000 iztočnic, od katerih jih je bila v slovar sprejeta približno ena tretjina (Merše 2013: 224).

Slovar je bil zasnovan kot praktični slovar (v nasprotju z velikim akademijemskim) s sinhronim opisom in naslanjanjem na praški funkcionalizem. V veliki meri se je zgledoval po češkem slovarju *Slovník spisovného jazyka českého*. Za slovenski jezikovni prostor je bila poleg te usmeritve¹ pomembna konceptualna odločitev o vrednotenju jezikovnih enot (besed, pomenov) glede na njihovo mesto v jeziku ter razmerje med nevtralnimi in označenimi jezikovnimi sredstvi. Takšno vrednotenje je pomenilo pomembno nasprotje tedaj v javnosti močno uveljavljenemu črno-belemu vrednotenju (Suhadolnik 1968), ki je bil neredko podkrepjen z jezikovnopurističnim pogledom na jezik.

Dokončna zasnova slovarja je bila po temeljiti razpravi v jezikoslovnih krogih sprejeta na začetku šestdesetih let. Poskusni snopič je izšel leta 1964. Domače in tuje kritike, ki so mu sledile, so vplivale na izoblikovanje slovaropisnih načel, ki so se izpopolnjevala zlasti ob delu za prvo knjigo. Pri izdelavi slovarja je sodelovalo tudi pribl. 150 terminoloških delavcev in svetovalcev, saj je v slovarju zastopanih približno sto strok (Hajnshek-Holz 1993: 21; Hajnshek-Holz 1998).

Digitalizacija slovarja je pripomogla k njegovi večji praktični uporabnosti in je predstavljala podlage za tiskane ponatise ter elektronske izdaje (Hajnshek-Holz 1993; Hajnshek-Holz 1998). Zaradi trdnih konceptualnih načel in sistematične izvedbe je SSKJ predstavljal pomemben vir tako za jezikoslovne raziskave kot tudi za izhodišče za različne specialne slovarje, ki se v celoti ali v veliki meri naslanjajo nanj:

- *Odzadnji slovar po Slovarju slovenskega knjižnega jezika* (1996),
- *Besedišče slovenskega jezika* (2 zvezka, 1987) in *Besedišče slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki* (1998) (izdano tudi v kompletu *Slovar slovenskega knjižnega jezika z Odzadnjim slovarjem slovenskega jezika in Besediščem slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki kot elektronska izdaja na CD-ROM-u*, 1998, 2000),
- *Slovar slovenskih homonimov. Na podlagi gesel Slovarja slovenskega knjižnega jezika* (1997),
- *Slovenski pravopis 2001*,
- *Slovar slovenskih frazemov* (2011),
- *Slovar slovenskih členkov* (2014)
- *Vezljivostni slovar slovenskih glagolov* (2008, 2011),
- *Sinonimni slovar slovenskega jezika* (2016),
- *Besednodružinski slovar slovenskega jezika* (poskusni zvezek za iztočnice na B, 2004).

Ker je zaključku izdaje SSKJ sledila priprava slovarskega dela *Slovenskega pravopisa 2001*, se je kmalu pokazala potreba po opisu nove leksike in pomenov. Leta 2012 je *Slovar novejšega besedja slovenskega jezika* prinesel besede in pomene, ki niso zabeležene v SSKJ. Najrelevantnejši del teh neologizmov in neosemantemov je bil vključen v **drugo izdajo SSKJ** leta 2014, v katerem je bila obenem deloma posodobljena njegova obstoječa vsebina (Perdih, Snoj 2015). Glavne spremembe med prvo in drugo izdajo, poleg številnih vsebinskih dopolnitev in posodobitev, predstavljajo:

¹ Prejšnji veliki slovarski projekt, *Slovensko-nemški slovar* (1894–1895) Maksa Pleteršnika, je namreč zgodovinski slovar, saj opisuje daljše časovno obdobje slovenskega jezika. Poleg tega je izdelan kot dvojezični slovar.

- uvedba besednih vrst *členek* (v prvi izdaji so bili členki opredeljeni kot prislovi) in *povedkovnik*,
- preimenovanje oziroma ukinitve nekaterih kvalifikatorjev in kvalifikatorskih pojasnil ter uvedba novih,
- posodobitev dvojničnih razmerij, razlag in zgledov,
- dodajanje več feminativov in umik sklicevalnega razlagalnega tipa *ženska oblika od*,
- razlike pri zapisu izgovora: zapisan je izgovor celotne iztočnice (prej delni zapis),
- druge spremembe.

Druga izdaja SSKJ danes predstavlja osrednji slovar na inštitutskih slovarskih portalih inštituta (portala *Fran* in *Franček*).

Med monografskimi opisi, ki se naslanjajo na teorijo in prakso pri nastajanju prve izdaje SSKJ ter analizo opravljenega dela z leksikološkega vidika, velja izpostaviti monografijo *Slovensko leksikalno pomenoslovje* A. Vidovič Muhe (2021) in monografijo J. Snoj *Tipologija slovarske večpomenskosti slovenskih samostalnikov* (Snoj 2004).

3. Digitalni leksikografski dosežki

Prve spremembe leksikografskega procesa in načinov uporabe slovarjev, pogojene z novimi tehnologijami, so nastale že v 80. in zlasti v 90. letih (uporaba programske opreme za obdelavo podatkov za odzadni slovar; več slovarjev dostopnih na disketi in CD-ROM-u), prvi internetni portal Bos pa je posamezne slovarje ponujal že leta 2000. Pomembne spremembe so se začele odvijati od leta 2014 dalje z digitalno zasnovanim slovarjem *eSSKJ* in z nadgradnjo od objave posameznih slovarjev k internetnim portalom *Fran* in *Franček*, ki sta prinesla drugačen koncept objave slovarjev z vidika prikaza podatkov in funkcionalnosti nad nivojem posameznega slovarja. Vsak od teh portalov je prinesel določene premike v razumevanju namena in ciljev leksikografske produkcije. Izkazalo se je namreč, da je rezultate leksikografskega dela mogoče izboljšati tako, da leksikografi (oziroma vsaj uredniki) aktivno sodelujejo pri tehnični zasnovi slovarskih podatkovnih baz, pri načrtovanju funkcionalnosti portalov (iskanje, navigacija, različne funkcionalnosti) in pri vizualnem oblikovanju — ne toliko z vidika estetike, ampak predvsem z vidika uporabniške izkušnje (ang. *user experience*) (Ježovnik 2024). Pri tem je koristno osnovno poznavanje in razumevanje informatike in dizajna, pri obeh portalih pa tudi sodelovanje s strokovnjaki teh področij.

Slovarski portal *Fran* (<https://fran.si/>) (Ahačič, Ledinek, Perdih 2015a; Ahačič, Ledinek, Perdih 2015b; Perdih 2020) je bil zasnovan in javnosti predstavljen leta 2014. Z njim je bilo preseženo stanje, ko vsak slovar deluje le kot samostojna enota. Na portalu so namreč prikazani rezultati iskanja iz vseh slovarjev hkrati. S takšnim prikazom se je močno izboljšala informativnost in uporabna vrednost slovarjev, prav tako so nekateri manjši slovarji, ki so širši javnosti manj znani, dobili svoje mesto med najbolj uporabljanimi razlagalnimi in pravopisnimi slovarji. Po drugi strani se prav zaradi skupnega prikaza v večji meri kažejo neujemanja med slovarji, kar je najbolj očitno pri slovarjih z normativno vlogo, kot so razlagalni in pravopisni. Druga bistvena sprememba se je zgodila v ozadju — spletnega portala ni mogoče narediti brez slovarskih podatkovnih

baz v digitalni obliki. Čeprav so nekateri slovarji že od 90. let dalje nastajali v namenskih programih za leksikografsko delo ali že bili ustrezno retrodigitalizirani, so drugi še vedno nastajali kot besedila v splošnih programih za urejanje besedil. Za potrebe portala *Fran* so bili slovarji pretvorjeni v podatkovni format XML. Obenem se je pokazala tudi do danes še nerealizirana potreba po vzpostavitvi enotnega podatkovnega modela za zapis leksikografskih podatkov.²

Na portalu je uporabnikom dana tudi možnost sporočanja več vrst informacij. Zelo koristna funkcionalnost je predlaganje novih besed. Tako uporabniki sporočijo urednikom, da besede, ki jo poznajo, ne najdejo v nobenem slovarju na portalu. Ker gre večinoma za novejšje besedje (neologizme), so zelo koristne za identifikacijo leksikalnih novosti v jeziku. Besede, ki ustrezajo kriterijem, so lahko v naslednjih mesecih vključene v *Sprotni slovar slovenskega jezika* (glej spodaj). Sodelovanje uporabnikov omogočamo tudi z možnostjo predlaganja slovenskih ustreznice za novo prevzeto besedje (npr. *sebek* za *selfie*), s čimer se spodbuja kreativnost jezikovnih uporabnikov, nima pa to neposrednega vpliva na leksikografsko delo. Občasno uporabniki javljajo tudi napake v slovarjih ali pri tehničnih nastavitvah portala.

Pedagoški slovarski portal **Franček** (www.francek.si) (Ahačič idr. 2021; Perdih 2021; Ježovnik, Kenda-Jež, Škofic 2020; Perdih 2022; Perdih idr. 2024) je leksikografski portal, pri katerem so tesneje integrirani podatki iz različnih slovarskih virov. Uporabniku je namreč na voljo osem vsebinskih modulov (pomenski, sinonimni, morfološki itd.), vsak od njih pa vsebino črpa iz enega ali več slovarjev. Kadar je vsebina na voljo v več izhodiščnih slovarjih, je uredništvo portala vnaprej sprejelo odločitev, kateri slovar ima prednost pred drugimi, npr. novejši slovar ima prednost pred starejšim; šolski slovar ima za najmlajše uporabnike prednost pred slovarjem za odrasle. Na ta način so uporabniku prikazani zanj najustreznejši podatki. zaradi pedagoške usmeritve ima ta portal tudi večji poudarek na grafično privlačnem oblikovanju, enostavni navigaciji in uporabi multimedijskih vsebin (slik in zvočnih posnetkov). Z vidika ureditve slovarske podatkovne baze je bil za razvoj leksikografije storjen pomemben premik — medsebojno povezovanje slovarjev na nivoju slovarskih gesel, vključno z ročnim povezovanjem homografov in homonimov med različnimi slovarji. S tem je bil opravljen prvi korak, ki bi v prihodnje lahko vodil k vzpostavitvi centralne leksikografske baze podatkov. Dostop do podatkov na portalu je na voljo tudi prek programskega vmesnika API. Ta funkcionalnost je na voljo po dogovoru (zaprt sistem), dostopna je večina vsebine razen tistih, ki so omejene z avtorskimi pravicami.

Portal **Franja** (<https://franja.si/>) je nastal leta 2024 in vsebuje dvojezične slovarje, ki so v preteklih desetletjih nastajali večinoma na drugih ustanovah. Avtorske pravice za veliko večino slovarjev so bile v preteklih letih odkupljene, zato so slovarji na voljo v odprtem dostopu. Na voljo so slovarji v kombinacijah slovenščine z angleščino, nemščino, hrvaščino/srbščino, ruščino, ukrajinščino, latinščino, staro grščino itd.

² Pregled gradnje centralnih leksikografskih podatkovnih baz pri različnih evropskih leksikografskih hišah in kratek pregled mednarodno uveljavljenih formatov sta predstavljena v Klosa-Kückelhaus, Tiberius (2024).

4. Aktualni slovarski projekti

Živahna leksikografska produkcija na področju sodobnega (knjižnega) jezika je na inštitutu organizirana v tri sklope. Osrednje mesto pripada pripravi razlagalnih slovarjev, kot sta slovar knjižnega jezika in slovar neologizmov, nastajajo pa tudi paremiološki in šolski slovar ter slovar medmetov. V pripravi je tudi pravopisni slovar, ki je v celoti povezan z nastajajočimi prenovljenimi pravopisnimi pravili, pri tem pa ima pomembno vlogo tudi jezikovna svetovalnica, ki predstavlja stik z uporabniki in njihovimi jezikovnimi težavami. Tretji sklop predstavljajo terminološki slovarji, ki popisujejo in urejajo terminologijo za različna strokovna področja. Dokončani slovarji, za katere avtorske pravice niso omejene, so na voljo kot podatkovne baze v repozitoriju Clarin.SI (<https://www.clarin.si/>).

eSSKJ: Slovar slovenskega knjižnega jezika opisuje sodobni knjižni jezik. Predvideni končni obseg je 100.000 slovarskih sestavkov, s čimer se uvršča med srednje velike slovarje. V sestavkih je prikazan celosten in sistematičen opis slovničnih, pomen-skih, pragmatičnih in drugih lastnosti leksikalnih enot. V opis so vključeni podatki o zapisu, izgovoru in naglasu, pomenu, o skladenjskih strukturah in kolokacijah, frazeologiji, terminologiji, pa tudi etimološki in drugi podatki. Gradivo za slovar so korpusni viri, predvsem korpus Gigafida s približno eno milijardo besed. Pri obravnavi naglasnih značilnosti in izgovora, deloma tudi oblikoslovja, se kot vir uporabljajo rezultati namenskih anketiranj. Pri obdelavi terminološkega gradiva sodelujejo področnimi strokovnjaki, pri sestavljanju etimoloških osvetlitev pa, kjer so na voljo, obstoječi etimološki opisi (Gliha Komac idr. 2015). Za razliko od drugih dosedanjih slovarjev so namesto socialnozvrstnih kvalifikatorjev (npr. *pogovorno*, *narečno*), ki povedo, iz katere zvrsti je leksikalna enota prišla v knjižni jezik uporabljeni t. i. družbenostni kvalifikatorji (*manj formalno*, *neformalno*), ki uporabniku povedo, na kakšen način in v katerih okoliščinah se leksikalna enota uporablja v knjižni rabi oz. kakšen odnos oz. sporazumevalno strategijo uporabnik pri tem zavzema (Gliha Komac, Divjak Race 2022). Pri obravnavi skladenjske okolice in pri pomenski analizi se uporablja orodje WordSketch za izdelavo besednih skic v okviru korpusnega orodja SketchEngine. Tabele z oblikami besed so prikazane v treh načinih: brez onaglasitve, jakostno onaglašene in tonemsko onaglašene. Iztočnicam se postopoma dodaja zvočni posnetek izgovora.

Sprotni slovar slovenskega jezika je začel nastajati leta 2014 in prinaša zlasti v rabi aktualno, novejšo besedje (in nove pomene), ki še ni opisano v drugih splošnih razlagalnih slovarjih, zlasti glede na SSKJ2. Ker slovar opisuje besedje, ki zaradi kratkega obstoja v jeziku še ni nujno povsem ustaljeno, je informativne narave — ne pripisuje si normativne veljavnosti z vidika izgovora in naglasa, pisnih dvojnic, morfologije, slogovnih vrednosti itd. V prvih letih je nastajal s pomočjo seznama lem iz korpusa *Gigafida* v primerjavi z obstoječimi slovarji, v zadnjih letih je za spremljanje novejšega besedja primernejši korpus *Trendi* (Kosem 2022), ki se redno posodablja. Del geslovnika prispevajo tudi uporabniki portala Fran prek funkcije »Predlagaj novo besedo«, kadar posamezna beseda še ni obravnavana v nobenem slovarju na portalu. Nekatere besede, ki jih predlagajo uporabniki, izpolnjujejo kriterije za uvrstitev v *Sprotni slovar slovenskega jezika* in so zato lahko že istega leta uvrščene v slovar (Krvina 2024).

ePravopis je nastajajoči pravopisni slovar, ki nastaja vzporedno s problemskimi sklopi, opisanimi v pravilih. Realizacija pravopisnih pravil *Pravopis 8.0* se v slovarju kaže na mikro- in makrostrukturni ravni. Prva ponazarja posebnosti pri rabi teh enot v besedilu (npr. skladenjska uresničitev, zapis z malo/veliko začetnico, (ne)podomačena oblika, zapisovalne posebnosti, stičnost). Druga se kaže z geslovníkom, ki vključuje npr. najdene enakopisnice, enakoglasnice in tvorjenke (npr. ženski pari imen, vrstni pridevniki, svojilni pridevniki). Slovar ni le ponazoritev pravil, ampak vsebuje tudi druge mikrostrukturne gradnike slovarske informacije, ki niso nujno pravopisni v ožjem smislu, a osmišljajo pravopisni slovar kot samostojen jezikovni priročnik (Černivec 2024).

Slovar pregovorov in sorodnih paremioloških izrazov je prvi specializirani paremiološki slovar za slovenščino. Obravnava pregovore in paremije v sodobni slovenščini. Nabor pregovorov in paremij za slovarsko obravnavo izhaja iz jezikovnih korpusov, anketiranja in dodatnih virov. Nastaja od leta 2020 in trenutno vsebuje več kot 500 paremioloških enot. Vsaka enota je uvrščena v paremiološki žanr (pregovor, rek, velerizem, antipregovor, replika itd.), pomensko opisana in ponazorjena z zgledom. Enotam so pripisane tudi njihove variante v sodobnem jeziku (Meterc 2024).

Glavni namen **Šolskega slovarja slovenskega jezika** je pedagoški: seznaniti učence z osnovno strukturo razlagalnega slovarja in jih privaditi uporabe slovarjev. Kljub temu da je namenjen otrokom do 10. leta starosti, se zasleduje sistematična obravnava jezikovnih enot, kar se med drugim odraža s sistematično urejenih razlagah. Slovar temelji na korpusu šolskih besedil, ki ga sestavljajo besedila učbenikov, leposlovja za otroke in šolskih spisov, ki so jih napisali učenci. Slovar je objavljen kot sestavni del portala *Franček* (Petric Žižić 2022).

V pripravi je tudi **slovar medmetov**, ki podrobneje opisuje medmete in medmetne zveze. Vsebinsko se naslanja na obravnavo medmetov v eSSKJ, vendar jo po kompleksnosti pomenskega in funkcijskega opisa močno presega.

Terminološki slovarji predstavljajo pomemben sklop dejavnosti inštituta. Konceptualno sledijo dunajski šoli (Žagar Karer 2011), pokrivajo pa različna področja od botanike in farmacije do čebelarstva. Trenutno je objavljenih 17 slovarjev: *Botanični terminološki slovar*, *Čebelarski terminološki slovar*, *Davčni terminološki slovar*, *Farmacevtski terminološki slovar*, *Gemološki terminološki slovar*, *Geografski terminološki slovar*, *Geološki terminološki slovar*, *Gledališki terminološki slovar*, *Kamnarski terminološki slovar*, *Planinski terminološki slovar*, *Pravni terminološki slovar*, *Slovenski smučarski slovar*, *Terminološki slovar avtomatike*, *Terminološki slovar betonskih konstrukcij*, *Terminološki slovar uporabne umetnosti — pohištvo, ure, orožje*, *Tolkalni terminološki slovar* in *Urbanistični terminološki slovar*. Slovarji so vključeni v portal *Fran*, na voljo pa so tudi na specializiranem portalu *Terminologišče*, kjer je aktivna tudi terminološka svetovalnica.

5. Sklep

Razvoj enojezične leksikografije na inštitutu za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU od leta 1945 do danes kaže na njeno vitalnost tako v analogni kot v digitalni dobi. Spremembe pri jezikoslovnoteoretičnih opredelitvah, v zadnjih desetletjih pa tudi

razvoj tehnoloških možnosti za izdelavo slovarskih priročnikov in njihov prikaz končnemu uporabniku, kažejo na spreminjajoče se razmere, v katerem leksikografija deluje. Še vedno pa ostaja cilj izdelovati jezikovne opise, ki so namenjeni ali za širšo laično javnost, za ožjo skupino strokovnjakov, ali pa (v zadnjem času) tudi za potrebe računalniške obdelave.

Od izdelave SSKJ, ki je v slovenski prostor prinesel nove koncepte razumevanja in odnosa do jezika, je nastala vrsta pomembnih leksikografskih del. Pester nabor različnih specialnih slovarjev, ki opisujejo sodobni (knjižni) jezik (frazološki, sinonimni, neološki, vezljivostni, pravopisni, različni terminološki ...), in velika skupina terminoloških slovarjev kažejo na neprestano potrebo po novih jezikovnih opisih.

Poleg izdelave novih slovarjev obstaja prostor za nove konceptualne pristope tako v zasnovi kot v prikazu slovarja, ter pri samem procesu dela. Spremembe pri metodologiji in ciljih leksikografije so tudi posledica vnosa znanj in metodologij iz informacijske tehnologije, grafike in uporabniških raziskav v leksikografijo. Na inštitutu je bilo veliko truda vloženega v pripravo in izboljševanje digitalnih slovarjev in slovarskih portalov, ki odgovarjajo na potrebe uporabnikov današnjega časa. Portali so postali samoumeven način dostopanja do slovarskih podatkov.

Razvoj umetne inteligence v zadnjih letih odpira nova vprašanja. Kako vključiti umetnointeligentna orodja v leksikografski proces in pri čem so lahko koristna? Kako bo razvoj umetne inteligence spreminjal navade uporabnikov in s tem zahteval prilagoditev dostopa do slovarskih podatkov? Ali se bo zmanjšala potreba po določenih tipih slovarjev in ali bo obenem nastala potreba po drugačnih slovarskih priročnikih, ki jih danes še ni?

Leksikografija stoji pred novimi izzivi, obenem pa v samem bistvu ostaja nespremenjeno — izdelati kvalitetne, zanesljive, na podatkih utemeljene jezikovne opise in predpise. Upravičeno lahko pričakujemo, da bo leksikografija kljub tehnološkim spremembam ostala pomemben del dejavnosti inštituta tudi v prihodnje.

LITERATURA

Ahačič idr. 2021: Ahačič K., Ježovnik J., Ledinek N., Perdih A., Petric Š., Race D. Priprava jezikovnih podatkov za pedagoški portal o slovenščini Franček // *Philological Studies*. 2021. № 19/1, 203–224.

Ahačič, Ledinek, Perdih 2015a: Ahačič K., Ledinek N., Perdih A. Fran: the next generation Slovenian dictionary portal // Gajdošová K., Žáková A. *Natural language processing, corpus linguistics, lexicography: proceedings. Eighth International Conference*. Slovakia, 21–22 October 2015. Bratislava, 2015, 9–16.

Ahačič, Ledinek, Perdih 2015b: Ahačič K., Ledinek N., Perdih A. Portal Fran — nastanek in trenutno stanje // Smolej M. *Slovnica in slovar — aktualni jezikovni opis* (1. del). Obdobja 34. Ljubljana, 2015, 57–66.

BSJ: Bokal L., Hajnšek-Holz M., Humar M., Jakopin F., Praznik Z. *Besedišče slovenskega jezika*. Ljubljana, 1987.

BSJOP: Šircelj-Žnidaršič I., Hajnšek-Holz M., Kostanjevec P., Žele A., Humar M., Nartnik V., Keber J., Košmrlj-Levačič B., Jakopin P. *Besedišče slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki*. Ljubljana, 1998.

BSSJ: Stramljič Breznik I. Besednodružinski slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek za iztočnice na B. Maribor, 2004.

Černivec 2024: Černivec M. Iz pravil v slovar: uresničevanje pravopisnih pravil v pravopisnem slovarju // Štumberger S. Predpis in norma v jeziku. Simpozij Obdobja 43. Ljubljana, 2024, 39–47.

eSSKJ: eSSKJ: Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 2016–. [<https://fran.si/>]

Fran. Slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. [<https://fran.si/>]

Franček. [<https://www.franček.si/>]

Franja. [<https://franja.si/>]

Gigafida 2.0. [<https://viri.cjvt.si/gigafida/>]

Gliha Komac idr. 2015: Gliha Komac N., Jakop N., Ježovnik J., Klemenčič S., Krvina D., Ledinek N., Michelizza M., Meterc M., Mirtič T., Perdih A., Petric Š., Snój M., Žele A. Novi slovar slovenskega knjižnega jezika — predstavitev temeljnih konceptualnih izhodišč // Marušič F., Mišmaš P., Žaucer R. Škrabčevi dnevi 9. Zbornik prispevkov s simpozija 2015. Nova Gorica, 2016, 16–33.

Gliha Komac, Divjak Race 2022: Gliha Komac N., Divjak Race D. Tipologija slovarskih oznak za tretjo izdajo Slovarja slovenskega knjižnega jezika (eSSKJ) // Slavistična revija. 2022. № 70/4, 611–625.

Hajnshek-Holz 1993: Hajnshek-Holz M. Leksikografski problemi prenosa knjižne oblike Slovarja slovenskega knjižnega jezika v računalniško // Štrukelj I. Jezik tako in drugače. Ljubljana, 1993, 420–432.

Hajnshek-Holz 1998: Hajnshek-Holz M. Delo za Slovar slovenskega knjižnega jezika // Jezikoslovni zapiski. 1998. № 4, 9–18.

Jezikovna svetovalnica. [<https://svetovalnica.zrc-sazu.si/>]

Ježovnik 2024: Ježovnik J. User-focused language resources in Slovenian. Moving towards universal solutions // Ahačič K., Kirchmeier-Andersen S. By the people, for the people. Online dictionaries, language portals, and the role of language users. Budapest, 2024, 75–94.

Ježovnik, Kenda-Jež, Škofic 2020: Ježovnik J., Kenda-Jež K., Škofic J. Reduce, Reuse, Recycle: Adaptation of Scientific Dialect Data for Use in a Language Portal for School children // Gavrilidou Z., Mitsiaki M., Fliatouras A. Proceedings of XIX EURALEX Congress: Lexicography for Inclusion. Vol. I, 31–37.

Klosa-Kückelhaus, Tiberius 2024: Klosa-Kückelhaus A., Tiberius C. The Lexicographic Process Revisited // International Journal of Lexicography. 2024. ecae016.

Kosem 2022: Kosem I. Trendi — a monitor corpus of Slovene // Klosa-Kückelhaus A., Engelberg S., Möhrs C., Storjohann P. Dictionaries and Society. Proceedings of XX EURALEX International Congress. Mannheim, 2022, 230–239.

Krvina 2024: Krvina D. Sprotni slovar slovenskega jezika 2014–2023 // Jesenšek M. Pleteršnikova dediščina. Ob stoletnici smrti Maksa Pleteršnika. Maribor, 2024, 136–151.

Merše 2013: Merše M. Slovenska leksikografija in leksikologija v zgodovinski perspektivi // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв.ред. М. И. Чернышева. Москва, 2013, 217–251.

Meterc 2024: Meterc M. Analiza frazeološke variantnosti za slovarski prikaz v eSSKJ-ju in SPP-ju // Jesenšek M. Pleteršnikova dediščina. Ob stoletnici smrti Maksa Pleteršnika. Maribor, 2024, 120–135.

Nova beseda. [http://bos.zrc-sazu.si/s_beseda3.html]

OSSSKJ: Hajnšek-Holz M., Jakopin P. Odzadnji slovar po Slovarju slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1996.

Perdih 2020: Perdih A. Portal Fran: od začetkov do danes // Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2020. № 46/2, 997–1018.

Perdih 2021: Perdih A. Učenje o slovarjih v šoli: Portal *Franček* kot most med splošno in pedagoško leksikografijo // Ristić S., Lazić Konjik I., Ivanović N. Leksikografija i leksikologija u svetlu aktuelnih problema: zbornik naučnih radova. Beograd, 2021, 1119–1132.

Perdih 2022: Perdih A. Pedagoški leksikografski portal Franček // Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии / Отв.ред. М.И. Чернышева. Москва, 2022, 340–354.

Perdih idr. 2024: Perdih A., Ahačič K., Jakop N., Ledinek N., Petric Š. Semantic information on the Franček educational language portal for Slovenian // Štrkalj Despot K., Ostroški Anić A., Brač I. Lexicography and Semantics: proceedings of the XXI EURALEX International Congress. Zagreb, 2024, 144–157.

Perdih, Snoj 2015: Perdih A., Snoj M. SSKJ² // Slavia Centralis. 2015. № 8/1, 5–15.

Petric Žižić 2022: Petric Žižić Š. School Dictionary of the Slovenian Language on the Franček Web Portal // Slavistica Vilnensis. 2022. № 67/2, 126–140.

Pravopis 8.0. [<https://pravopis8.fran.si/>]

Snoj 2004: Snoj J. Tipologija slovarske večpomenskosti slovenskih samostalnikov. Ljubljana 2004.

SP2001: Slovenski pravopis 2001. Ljubljana, 2001.

SpSSJ–: Krvina D. Sprotni slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 2014–. [<https://fran.si/>]

SSČ: Žele A. Slovar slovenskih členkov. Ljubljana, 2014.

SSF: Keber J. Slovar slovenskih frazemov. Ljubljana, 2011 [2015]. [<https://fran.si/>]

SSH: Bálint Čeh J. Slovar slovenskih homonimov. Na podlagi gesel Slovarja slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1997.

SSKJ: Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991.

SSKJ2: Slovar slovenskega knjižnega jezika, druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Ljubljana, 2014. [<https://fran.si/>]

SSSJ: Snoj J., Ahlin M., Lazar B., Praznik, Z. Sinonimni slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 2016 [2018]. [<https://fran.si/>]

Suhadolnik 1968: Suhadolnik S. Koncept novega slovarja slovenskega knjižnega jezika // Jezik in slovstvo. 1968. № 13/7, 219–224.

Terminologišče. [<https://isjfr.zrc-sazu.si/sl/terminologisce/>]

Trendi. [<https://sled.ijs.si/korpus-trendi/>]

Vidovič-Muha 1993: Vidovič-Muha A. Slovnicična obvestilnost slovarja slovenskega knjižnega jezika // Orožen M., Hočevnar M. Zbornik Slavističnega društva Slovenije 3. Ljubljana, 1993, 35–49.

Vidovič Muha 2021: Vidovič Muha A. Slovensko leksikalno pomenoslovje. Ljubljana, 2021.

VSSJ: Žele A. Vezljivostni slovar slovenskih glagolov. Ljubljana, 2008.

Žagar Karer 2011: Žagar Karer M. Terminologija med slovarjem in besedilom. Analiza elektrotehniške terminologije. Ljubljana, 2011.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТОЛКОВОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ

М. Н. ПРИЁМЫШЕВА

Институт лингвистических исследований РАН

(Санкт-Петербург, Россия)

<https://orcid.org/0000-0001-9423-3486>

mn.priemysheva@yandex.ru

В статье кратко характеризуются основные этапы истории методологии словарной работы по созданию Большого академического словаря русского языка (БАСа) в стенах Института лингвистических исследований РАН с 1931 по настоящее время. Истоками традиции обозначены 1891–1929 гг. — годы работы Отделения языка и словесности над «Словарем русского языка» под ред. Я.К. Грота–А.А. Шахматова (1891–1920) и 1922–1929 гг. — годы работы Постоянной словарной комиссии над продолжением издания этого словаря. Также кратко характеризуется современный этап работы над Словарем и намечаются перспективы теоретической и практической работы над его переизданием.

Ключевые слова: история отечественной лексикографии, толковые словари, Большой академический словарь русского языка, методы и приемы словарной работы.

THE ST. PETERSBURG TRADITION OF ACADEMIC EXPLANATORY LEXICOGRAPHY: STAGES OF METHODOLOGY FORMATION

M. N. PRIEMYSHEVA

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(St. Petersburg, Russia)

The article briefly outlines the main stages of the formation of lexicographic methodology related to the preparation of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* in the RAS Institute for Linguistic Studies from 1931 up to the present moment. The period of 1891–1929 is marked as the inception of the St. Petersburg lexicographic tradition. In the course of this period the *Dictionary of the Russian Language* edited by academicians J.K. Grot and later A.A. Shakhmatov was prepared — first by the Academic Department of Language and Literature (1891–1920) and then by the Permanent Lexicographic Commission (1922–1929). The author finalizes the presentation by a brief description of the current stage of the Dictionary evolution and envisages its theoretical and practical prospects.

Keywords: history of the Russian lexicography, explanatory dictionaries, Great Academic Dictionary of the Russian Language, methods and techniques of lexicographic work.

Введение

В настоящее время Институт лингвистических исследований РАН является одним из ведущих лексикографических центров России¹. Профессиональная словарная работа в стенах Института осуществляется с 1931 года, с того периода, когда в состав Института языка и мышления (ИЯМ) на правах отдельного подразделения вошла Постоянная Словарная комиссия Академии наук СССР, которая в тот период вела работу по созданию очередного многотомного академического «Словаря русского языка», «седьмого»² после «Словаря Академии Российской». Таким образом сами истоки словарной деятельности в Институте связаны с продолжением традиции русской толковой академической лексикографии, на развитие которой в течение XIX века оказали влияние А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, Я. К. Грот и А. А. Шахматов.

Началу системной и профессиональной словарной работы в Институте с 1931 года предшествовал период деятельности академической Словарной Комиссии как самостоятельного структурного подразделения Отделения русского языка и словесности АН СССР в 1922–1929 гг., когда под руководством председателя Комиссии — академика В. М. Истрина и его заместителя Л. В. Щербы осуществлялась работа над продолжением шахматовской редакции «Словаря русского языка» и начиналась принципиальная перестройка организации словарной работы.

В дальнейшей истории словарной деятельности в Институте можно выделить несколько этапов, так или иначе связанных с созданием большого академического словаря:

1931–1937 гг. — период работы над «Словарем русского языка» под ред. Н. С. Державина, продолжающим на некоторых новых основаниях «шахматовскую» концепцию академического словаря (словарь был не окончен, но стал своего рода «предысторией» и лабораторией подготовки будущего БАСа — «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти тт.);

¹ С 1950 по 1991 гг. Институт являлся Ленинградским отделением Института языкознания (ЛЮ ИЯ АН СССР), при этом Словарный сектор Института с 1958 г. был отдельным подразделением Института русского языка. См. подробнее (Дружинин 2024).

² В Предисловии ко 2-му выпуску этого издания его главный редактор Н. С. Державин отмечает: «Новое издание Словаря русского языка Академии Наук СССР начато в конце 1929 года. До этого Академией были выпущены следующие словари: 1) Словарь Академии Российской, в 6 частях, от А до Я. СПб., 1789–1794. 2) То же, в 6 частях, от А до Я. СПб., 1806–1822. 3) Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II Отделением Академии Наук, в 4 томах, от А до Я. СПб., 1847. 4) 2-ое издание предшествующего словаря. СПб., 1867–1868. 5) Словарь русского языка, составленный II Отделением Академии наук (под редакцией акад. Я. К. Грота), т. I, вып. 1, 2 и 3 (от А до Дя). СПб., 1891–1895. Это предприятие осталось по существу незаконченным, так как продолжение его построено было уже на иных принципах и должно приниматься как новое издание. 6) Последнее указанное издание, начатое по плану акад. А. А. Шахматова и в значительной части им же разработанное, тоже осталось незаконченным. <...>. Это издание, шестое по счету, выходило в 1897–1916, 1922, 1926–1929 гг. Таким образом, новое издание Словаря русского языка, начатое с конца 1929 г., является в серии словарных академических изданий седьмым, представляя собой совершенно новое предприятие: это — толковый словарь современного русского языка, взятый в историческом развитии» (Словарь 1932: 1).

1937–1965 гг. — период масштабной работы по созданию «Словаря современного русского литературного языка», период активного становления практики фундаментальной толковой лексикографии и период начала разработки теоретических и методологических вопросов по созданию толковых словарей;

с 1960-х гг. — период создания новых фундаментальных направлений словарной работы в Институте, период подготовки значительного числа аспектных словарей, в той или иной степени детально описывающих наименее разработанные лексические зоны в БАСе (фразеологизмы, этнонимы, прилагательные от географических названий, устаревшие слова и т. п.), а также период активной теоретической работы по разработке концепции Нового академического словаря.

В настоящее время в Институте продолжается работа по тем направлениям, которые возникли после окончания работы над БАСом в 1960-е гг.: ведется работа по созданию многотомного «Большого академического словаря русского языка» в 35-тт. (издано 28 тт.) (толковая фундаментальная лексикография современного русского языка), многотомного «Словаря русских народных говоров» (издано 52 тома) (диалектная фундаментальная лексикография), полного исторического «Словаря русского языка XVIII века» (издано 23 тома), дифференциального исторического «Словаря русского языка XIX века» (историческая лексикография нового времени), по созданию серии Словарей новых слов русского языка (академическая неография), а также по ряду других проектов.

Каждое из этих направлений имеет свои истоки, традиции, свою богатую и иногда сложную историю развития, за более чем 60 лет существования каждое направление сложилось в самостоятельную лексикографическую и научную школу. Однако все эти традиции теснейшим образом исторически связаны с самым первым направлением словарной деятельности Института — толковой фундаментальной лексикографией современного русского языка, которое было связано с созданием «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти тт. с 1937 по 1965 годы (Научные школы 2024).

Несмотря на наличие в наше время большого количества толковых словарей русского языка, БАС по-прежнему занимает среди них особое место. Как отмечал в свое время П. Н. Денисов, «академический словарь как кедр ливанский собирает под свою благодатную сень весь прочий лексикографический подлесок... Большой академический словарь всегда становится альфой и омегой всей массовой, популярной и академической лексикографии» (Денисов 1990: 37). В фундаментальной монографии «История русской лексикографии» БАС назван «вершиной русской лексикографии» (История 1998: 379). В. А. Козырев и В. Д. Черняк также отмечают, что «17-томный академический словарь (Большой академический словарь — БАС) — высшее достижение отечественной лексикографии» (Козырев, Черняк 2015: 84).

В настоящее время Словарь представлен тремя изданиями: «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, изданный в 1948–1965 гг. и включающий 120 000 слов (далее: БАС), незавершенное переиздание этого словаря (вышло 6 томов), предпринятое в 1991–1994 гг. (далее: БАС-2), и «Большой

академический словарь русского языка» (далее: БАС-3), который издается с 2004 г. и в настоящий момент приближается к завершению.

Особые задачи словаря — описание современного русского литературного языка в его исторической перспективе, а также опора на традиции предшествующих академических словарей XVIII–XIX вв. — определили в свое время метаязык, объем и содержание словаря. Однако очень важно, что в процессе работы именно над этим словарем, а также над концепцией его переизданий велась большая лексикографическая работа, которая складывалась в методологическую, практическую и теоретическую традицию собственно русской толковой лексикографии. Осмысление этих проблем тем более важно, что в Институте начата работа по разработке концепции следующего большого академического словаря в цифровом формате.

Настоящий очерк посвящен краткому освещению истории толковой фундаментальной лексикографии, которая складывалась на протяжении XX века вокруг большого академического словаря, работа над которым велась в Институте, в аспекте становления ее основных методов и подходов.

Истоки традиции 1891–1920

Как отмечалось выше, Комиссия по созданию «Словаря русского языка» была создана в 1922 году при Отделении русского языка и словесности Академии наук для продолжения работы над очередным академическим «Словарем русского языка», первые выпуски которого были подготовлены под редакцией Я. К. Грота (1891–1893), а последующие — начиная с 1896 г. — под редакцией А. А. Шахматова (1906–1920).

Вся история русской толковой академической лексикографии является своего рода сменяющейся чередой многотомных словарей, ориентированных на подачу литературной нормы, и словарей, пытающихся охватить «историческую перспективу» в развитии русского языка (Виноградов 1941; Щерба 1940). Так, на смену нормативно-стилистической концепции «Словаря Академии Российской» и «Словаря Академии Российской по азбучному порядку расположенного» пришла концепция словаря-тезауруса — следующего академического словаря, инициатором которой стал А. С. Шишков и которая была реализована в «Словаре русского и церковно-славянского языка» 1847 года. Словарь стал «сокровищницей русского языка на протяжении многих веков, от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей словесности» (Словарь 1847: IX). Следующий академический «Словарь русского языка» под ред. Я. К. Грота (А–Д) стал эталонным нормативно-стилистическим словарем русского литературного языка, тогда как начиная с его 4 выпуска (с буквы Е) под редакцией А. А. Шахматова словарь типологически кардинально изменился: он снова стал тезаурусом, только в этот раз объединяющим лексику не только письменных памятников и литературы и современного языка, но и лексику территориальных диалектов.

Методология словарной работы над этими академическими словарями так же, как ее этапы, принципы, подходы в подготовке этих изданий не выходили за пределы индивидуальной практической работы нескольких лексикографов, не получали широкого освещения в научных источниках. И в самом строгом смысле, до начала XX века создание словарей еще рассматривалось как форма литературной деятельности (Я.К. Грот). Об организации словарной работ можно догадываться только по некоторым публикациям³, а также по единичным архивным источникам⁴. Более того, наиболее традиционным было мнение редакторов, что такая работа должна выполняться небольшим количеством человек. Так, А. С. Шишков в очередном своем докладе о новом <следующем после САР-2> академическом словаре, прочитанном в Академии Российской 18 сентября 1820 г., отмечал, что словарь может составляться «старанием определенных на то трех или четырех Членов, которые бы по предначертанному плану беспрестанно тем занимались». Они должны были «собрать, приготовить, определить, утвердить слова, обогатить примерами, и потом прочитывать их в собрании, для некоторых токмо замечаний... Без сего Словарь не составит, и даже полнота и достоинство его к ним должны относиться; ибо никакой труд иначе не совершается, как уединенным и беспрепятственным размышлением» (Известия 1821: 19).

Я.К. Грот также считал, что «коллективный труд над словарем может быть допущен только разве в приготовительных к нему работах, именно в чтении различных писателей или памятников, с выборкою из них слов и примеров. Окончательная же редакция словаря должна быть предоставлена одному лицу, разумеется, при помощи нескольких, отданных в его распоряжение помощников» (Грот 1876: 172)

Состав авторов словаря шахматовской редакции также подтверждает традиционность такого подхода в академической словарной работе: несмотря на значительные перечни фамилий в предисловии к выпускам, авторами материалов до 1906 года были только некоторые члены Отделения. Всю работу по отдельному выпуску вел фактически один человек. По выпуску Е-3 таким автором-редактором был Шахматов. Но изобилие цитатного материала и изменение концепции словаря привело к тому, что работа стала продвигаться еще медленнее. Необходимость ее ускорить привела к привлечению новых ответственных редакторов, поэтому «еще в 1902 г. в качестве соредактора был приглашен С.К. Булич (буква И). В 1905 г. — Д.К. Зеленин (буква К), в 1912 г. — С.П. Обнорский (буква Л) и П.Л. Маштаков

³ Ср.: Фонвизин Д.И. Начертание для составления Толкового словаря славяно-русского языка // Д.И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 240–247, Шишков А.С. Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Т. 5. С. 1–35.

⁴ О характере работы по переизданию очередного академического словаря можно судить, например, по сохранившимся правкам и комментариям А.С. Шишкова на страницах первого издания Словаря академии Российской (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 8. Оп. 4 Ед. хр. 1–6) или по комментариям и пометкам Я.К. Грота на страницах первого тома «Словаря церковнославянского и русского языка», хранящихся в Архиве Большой словарной картотеки ИЛИ РАН.

(буква М), в 1913 г. — В. И. Чернышев (получивший материал с «Не»), в 1914 г. — Д. В. Бубрих (буква О)» (История 1998: 244). И таким образом впервые в отечественной толковой лексикографии появилась целая группа ответственных редакторов («соредкторов»), которые вели параллельную работу на разные буквы алфавита.

В наследство Словарной Комиссии от этого периода работы над подготовкой издания «Словаря русского языка» (1891–1920 гг.) досталось несколько традиций.

Главным наследием «Словаря русского языка» под ред. Я. К. Грота (1891–1893 гг.), помимо образцовых в плане лексики, семантики, фразеологии выпусков нормативно-стилистического словаря с самой детально-разработанной системой стилистических и функциональных помет за всю историю отечественной лексикографии⁵ стала Большая словарная картотека (БСК): в ноябре 1886 года Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук «приступило, с одной стороны, к приготовлению материалов для Словаря, в котором значение и употребление слов будет подтверждаться примерами, заимствованными из сочинений лучших наших писателей, начиная с Ломоносова, в их хронологической последовательности, а с другой, к новому изданию прежнего словаря» (Отчеты ОРЯС 1903: 607). Картотека формировалась на основании выборки из произведений классической и авторитетной литературы и составила основу будущей многомиллионной Большой словарной картотеки. Начиная именно с гротовского издания создание картотеки на основании целенаправленной выборки из определенного круга источников становится неотъемлемой частью подготовки любого словарного проекта. Основу картотеки составили также картотеки отдельных писателей: сама работа по подготовке словников языка классиков русской литературы может рассматриваться как первый методический шаг в развитии русской академической авторской лексикографии (Шестакова 2011: 134–140).

Однако коренная перестройка принципов этого образцового, классического словаря русского языка после смерти Я. К. Грота имела очень значительные последствия для всей техники дальнейшей словарной работы в Академии наук.

В традиционной истории академической лексикографии выпуски шахматовского словаря ввиду его незавершенности рассматриваются скорее как незначительный эпизод, который мало известен не только филологам, но и специалистам-словарникам. Однако для становления методов и принципов словарной работы в Академии наук этот словарь невольно стал ее основой и отправной точкой в направлении их развития. Концепция лексикографического описания национального русского языка на всей его территории и на протяжении всей его письменной истории имела свои последствия, нашедшие отражение в конкретных приемах словарной работы.

Во-первых, вместе с появлением шахматовской концепции изменились масштабы и принципы работы с картотекой: с начала 1896 года картотека начинает пополняться цитатами не только из произведений русских писателей, как это

⁵ В этом Словаре представлено самое большое, по сравнению с другими толковыми словарями, число помет для дифференциации сфер употребления специальной лексики — 124 единицы. Для сравнения, в Словаре 1847 г. — 56 ед., в Словаре Ушакова — 70 ед., в БАС-1 — 82 ед., в БАС-3 используется единая помета Спец. (Эзерия 2013).

было при Гроде, но и записями живой диалектной речи, полученными в экспедициях Академии наук, выписками из исторических памятников, цитатами из учебных и научно-популярных изданий, терминологических словарей, из газет и журналов⁶. В истории русской толковой лексикографии выпуски «Словаря русского языка» под ред. А. А. Шахматова (Е–З) стали первыми, которые содержали Указатели использованной литературы в таком объеме (около 700 источников): тем самым методология толковой лексикографии в зоне работы с источниками приблизилась к методологии исторической лексикографии, а цитатный материал картотеки словаря становился важнейшей частью его концепции и методологической базы.

Во-вторых, абсолютизация источников, подтверждающих факт употребления слова, традиционно свойственная исторической лексикографии, имела важные следствия в плане содержания и оформления словаря, сильно повлияла на его макро- и микроструктуру: даже по опубликованным фрагментам словник данного словаря является самым большим среди толковых словарей русского языка, а слова в словаре имеют самое большое количество значений и оттенков, беспрецедентную по детальности выделения сочетаемость и — самое главное — беспрецедентное количество иллюстративного (цитатного) материала, который, безусловно, превалирует по своему назначению над традиционно значимыми для толковых нормативных словарей дефинициями. По справедливому замечанию Л. В. Щербы, «примеры <в Словаре Шахматова> должны были стать основой Словаря, вместо того чтобы играть лишь иллюстративную роль» (Щерба 1929: 905).

Такое количество цитатного материала, сложные семантические структуры слов (помимо традиционных цифр, для деления на подзначения и пр. использовались заглавные буквы: А. Б. В, строчные: а) б) в) и т. д.), соединение в рамках одной словарной статьи терминологических, общеупотребительных, областных значений слов при неразработанности на тот момент теоретической семантики приводило, как правило, к очень произвольному объединению материала.

После революции работа над словарем была приостановлена, а после смерти Шахматова в 1920 г. фактически прекращена. При этом до 1922 года было издано 11 выпусков словаря, охватывающих буквы Е–З (1907, под ред. А. А. Шахматова), К (К–Крикун, 1906–1916 гг., под ред. Д. К. Зеленина), Л (Л–Лёгкий, 1915, под ред. С. П. Обнорского), и подготовлено еще около 10 выпусков, работа над изданием которых продолжилась в период существования Комиссии с 1922 по 1929 гг.

Несмотря на то что «Словарь русского языка» под ред. Я. К. Грота–А. А. Шахматова не был завершен, почти 30 лет работы над ним, формы и ее содержание оказали большое влияние на некоторые методологические традиции соб-

⁶ Ввиду значительного объема разнородного цитатного материала картотека со временем перестала являться источником одного словаря. Впоследствии до конца XX века БСК ИЛИ РАН, до появления Национального корпуса русского языка, была единственной масштабной эмпирической базой цитатного материала для ведения лексикологической и лексикографической работы в России. С начала XXI века картотека не пополняется. В настоящий момент она насчитывает около 9 млн. карточек-цитат, иллюстрирующих значения более чем 450 тысяч слов.

ственно академической толковой лексикографии. Во-первых, наследием данного периода следует считать такой принцип словарной работы, как первичность и обязательность фундаментальной подготовки эмпирической базы словаря, его картотеки. Без подготовки фундаментальных по объему картотек в дальнейшем в академической лексикографии Москвы и Ленинграда не создавался ни один словарь. Во-вторых, специфика концепции шахматовского словаря имела важные следствия в содержании работы с большим количеством цитатного материала картотеки: его обилие (и неразработанность на тот момент методик по анализу семантики слова) приводило к сложному построению словарной статьи, к увеличению словника, к обильному иллюстрированию каждого слова и значения. Этот прием работы с цитатным материалом, ранее отсутствовавший в академических словарях, стал основной спецификой содержания всех последующих изданий Большого академического словаря. Однако именно этот характер словарной работы, вызванный в большей степени принципом реализации научной концепции, чем справочными задачами обычного словаря, имел и важное методологическое значение: внимание к слову, к его истории, анализ многочисленных филиаций его семантики, обзор всех форм его употребления и т. п. и т. д., приоритет реального употребления над обобщением, теоретическими построениями и структуризацией словарной статьи привели к формированию основного подхода к слову в дальнейшей толковой лексикографии — функционально-историческому. Даже при отсутствии постулирования исторического принципа в словарях, принцип историзма до сих пор пронизывает все зоны словарной статьи Большого академического словаря (Стукова 2024). Эти принципы и методы сформировались постепенно в процессе реализации шахматовской концепции словаря, но ввиду того что период работы над словарем был длительным, а научный авторитет имени Шахматова был очень высок, эти принципы стали со временем использоваться как традиционные.

Традиции «гротовского» издания были на долгие годы вытеснены традициями издания «шахматовского», однако главным наследием первого стал авторитет, канон, эталон принципов словарной работы. Как отмечал впоследствии В. В. Виноградов: «Академический словарь под редакцией академика Я. К. Грота представляет собою выдающееся явление в истории русской лексикографии. Точностью определений, ясностью и четкостью семантических характеристик (т. е. описаний связи, последовательности и различий в значениях и оттенках), разграничением значений и фразеологических употреблений словарь Грота значительно превосходит академический словарь 1847 г.» (Виноградов 1941: 383). И именно этот словарь, по словам В. В. Виноградова, был использован как образец при подготовке «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

Однако дальнейшее развитие отечественной академической толковой лексикографии пошло путем «шахматовской» традиции и постепенного, трудного преодоления ее противоречий.

1922–1929

После перерыва, вызванного последствиями войны, революции, а также смертью А. А. Шахматова, работа над словарем была продолжена в новых исторических и организационных условиях. Некоторая реструктуризация в Академии наук, введение штата научных сотрудников, создание многочисленных самостоятельных Комиссий по различным направлениям деятельности обусловило и создание в 1922 году специальной Комиссии по изданию «Словаря русского языка». Важно подчеркнуть, что практически все составители шахматовского словаря стали ее членами. В состав Комиссии вошло 8 человек: Е. С. Истрина, П. Л. Маштаков, С. П. Обнорский, Ф. И. Покровский, В. И. Чернышев, Н. К. Ядрышев, председателем Комиссии был В. М. Истрин, заместителем председателя — Л. В. Щерба. К 1929 году в ее состав вошел И. А. Фалёв.

Из Отчетов Комиссии за данный период следует, что «работа Комиссии заключалась, главным образом, в подготовке к печати старого, находящегося в наборе еще с 1917 г., материала „Словаря <русского языка>...” и в пополнении словарной картотеки новыми материалами (Отчет 1926: 303).

За период с 1922 по 1929 гг. было издано 10 выпусков «Словаря русского языка», как подготовленных еще до революции, так и серьезно и существенно доработанных комиссией: по букве И (Н. К. Ядрышев, с 1927 г. — Л. В. Щерба); по букве К (Д. К. Зеленин); по букве Л (С. П. Обнорский); по букве М (П. Л. Маштаков); по букве Н: На (Л. В. Щерба), Не (В. И. Чернышев); по букве О: О (Е. С. Истрина), Ор (Ф. И. Покровский).

Содержательно работа над выпусками велась на тех же основаниях и по тем же принципам, что и до 1920 года. Однако самым ценным для истории словарного дела результатом деятельности Комиссии оказалась аналитическая работа по осмыслению и формулированию некоторых методических и теоретических принципов и подходов к словарной работе.

15 февраля 1927 г. на заседании ОРЯС В. М. Истрин выступил с программным докладом «Работа над Словарем русского языка в Академии Наук», из которого следует, что Комиссия перешла к разработке теоретических подходов в дальнейшей словарной работе и к стратегическому планированию ее дальнейшего развития (Истрин 1927). Часть этого доклада, как отмечается в Примечании к нему, подготовлена при содействии Л. В. Щербы (Щерба 1966). Показательно также, что сам Л. В. Щерба в 1927 г. «был командирован во Францию и Германию для ознакомления с постановкой словарных работ» (Щерба 1927).

Как отмечал В. М. Истрин, «созданием единой комиссии понемногу уничтожилась та разрозненность, которая совершенно естественно существовала раньше между отдельными редакторами, предоставленными в своей работе самим себе, и вследствие которой работа каждого редактора получала характер несколько односторонний, в зависимости от его наклонностей» (Истрин 1927: 1664).

С созданием Комиссии изменились и некоторые технические принципы работы над словарем. В ее составе были созданы три подкомиссии, которые углуб-

ленно занимались вопросами грамматики, терминологии и техники оформления словарной статьи соответственно.

Важным осознанием при организации работы стало понимание, что работа по созданию фундаментальных академических словарей должна быть коллективной и что только Академия наук имеет ресурсы для организации такой работы: «разработка русского языка, областного и литературного, не под силу ни отдельным лицам, ни даже каким-либо учреждениям, в роде исследовательских институтов, ученых обществ, специальных комиссий и т. п. И это потому, что она должна, с одной стороны, совершенно не зависеть от личности, а с другой — она должна быть тесно связана с длительной научной традицией. Подобные условия имеются лишь в Академии Наук, и в частности в Отделении русского языка и словесности, которое, как видели, уже около полутора десятков лет занимается исследованием словарного состава русского языка, издавая теперь уже пятое издание своего Словаря. На Отделении в лице Словарной Комиссии и лежит обязанность организовать систематическую и постоянную регистрацию в составе словаря всего русского языка, областного и литературного» (Истрин 1927: 1673).

В докладе были высказаны еще несколько важных для теории словарной работы тезисов. Во-первых, лексикографическая работа должна быть тесно связана с развитием научной мысли в целом и должна являться «фундаментом для всяких филологических работ вообще» (Истрин 1927: 1667). Во-вторых, при разработке любых словарных проектов необходимо учитывать как мировой опыт развития лексикографии, так и ее национальную специфику.

Также в этом докладе была намечена краткая стратегическая «программа» всей академической лексикографии. По концепции Истрина-Щербы, научно необходимыми задачами для глубокого изучения русского литературного и русского национального языка становится реализация целого ряда словарных проектов: словаря русских диалектов, а также тематических и ремесленных словарей, «диалектной словарной карты»; словарей живого русского языка, а именно словаря классического русского литературного языка XVIII–XIX вв. и словаря литературного языка данной эпохи (два раза в столетие), словарей «новых слов», идеографического словаря и словарей к произведениям отдельных русских писателей.

Одной из важных проблем, поднятых Л.В. Щербой и в докладе, и в ряде его других выступлений, была проблема квалификации лексикографов. Как отмечал Л.В. Щерба, «у нас распространилось убеждение, что лексикография не требует особой выучки и что ею может заниматься всякий хорошо знающий данный язык. Теперь все более и более выясняется, что это далеко не так: кроме общего филологического образования нужно иметь еще и специальность в области семасиологии, стилистики и лексикографии, нужно знать несколько иностранных языков и наконец, что очень важно, нужно иметь особый словарный талант» (Щерба 1929: 904–905).

Деятельность Комиссии ввиду различных организационных перестроек в системе Академии наук (создание системы Институтов, перераспределение Комиссий),

а также по ряду других причин⁷ была приостановлена с 1930 г. Но период ее работы, особенно в последние годы, имел важные результаты: произошли изменения в организации технических принципов работы, составление словаря становилось профессионально организованным; впервые в истории русской лексикографии были поставлены вопросы необходимости разработки теоретических принципов при создании словаря, подготовки профессиональных лексикографов, разработки словарных концепций с целью системного научного описания русского языка; впервые было сформулировано, что назначение академических словарей — описание русского литературного языка, его истории, описание различных форм национального языка.

Таким образом, 1927–1929 годы следует считать периодом постановки первых теоретических вопросов практической толковой лексикографии.

Формирование традиции 1931–1937

Комиссия к 1929 г. завершила издание выпусков, подготовленных до революции, и возобновила работу над словарем с буквы А в новой орфографии и с включением значительного числа новых материалов. В 1931 году Словарная комиссия вошла в структуру Института языка и мышления (ее работа фактически была начата 1 января 1932 г.) практически в полном составе и стала первым в истории института Словарным отделом (или также — Сектором «Словаря русского языка») Института языка и мышления, где и продолжилась ее лексикографическая работа. Руководителем Отдела в 1932 г. был назначен академик Николай Севастьянович Державин.

Основной задачей нового подразделения — Словарного отдела — была работа над продолжением академического «Словаря русского языка», см. подробнее о словаре (Приемышева, Стукова 2018, 2020), о деятельности Отдела в эти годы (Стукова 2022).

За период с 1929 по 1937 гг. вышло 24 выпуска Словаря на буквы А–О (каждая из них не закончена), общим объемом примерно 250 а.л. В 1937 г. работа над Словарем по решению Президиума Академии наук СССР была прекращена (по обвинению сотрудников и выборщиков в троцкизме⁸), однако за несколько

⁷ Одной из основных причин остановки работы Комиссии стала причина организационная и политическая. После публикации в 1928–1929 гг. нескольких выпусков в старой орфографии, подготовленных еще до революции, на Академию наук обрушилась волна критики, в том числе и идеологического характера, представленная в массовой периодике, см. напр., Уважаемые померанцы // Ленинградская правда. 3 июля 1928 г., Смелее назад // Известия ЦИК. 19.05.1929; Сделано на ять // Красная газета. 24.01.1930 и некот. др., которая способствовала остановке работы Комиссии («Словарная комиссия Академии наук СССР». ГосАрхив РФ. Ф. 33316. Оп. 23. Ед. 606. 70 л.).

⁸ Закрывтию Словаря сопутствовал большой политический и общественный резонанс, см., например: Беляев С.Ф. «Академический» словарь // Вестник АН СССР. 1937. № 4–5, 37–42; Беляев С.Ф. Троцкистские упражнения в «Академическом словаре» // Правда. 11 мая 1937 г.; Остроумов А. О недостатках «Толкового словаря» // Большевицкая печать. 1937. № 4, 69–70; Лавров Л. О политической нечестности академика Державина и антисоветском характере академического словаря // Ленинградская правда. 06.09.1937. и др.

лет работы над этим словарем в первые годы существования Словарного отдела начали происходить важные изменения в организации и базовых принципах словарной работы.

Начинает осознаваться теоретическое и политическое значение фундаментальной лексикографии. Ранее традиционно словник, системы помет, метаязык толковых академических словарей освещались только в предисловиях к ним. Изменение же концепции шахматовской редакции и переход на новое издание получил существенное научное обоснование в ряде научных статей нового редактора словаря Н. С. Державина (Державин 1932) и ученого секретаря Словарного отдела С. П. Обнорского (Державин, Обнорский 1932), а сам словарь стал считаться «делом общегосударственной важности и в то же время невероятной сложности» (Словарь 1932: 2). Ср. также: «Издание полного словаря того или иного национального языка, суммирующего в себе весь лексический запас его на известном определенном этапе хозяйственно-культурного развития его носителя — народа, представляет собою дело первостепенной культурной и политической значимости» (Державин 1932: 1).

Словарная работа приобретает институциональный характер. Впервые в истории отечественной лексикографии авторы составили и опубликовали «Инструкции» для редакторов (Инструкция 1936а) и для выборщиков (Инструкция 1936б): впервые в истории лексикографии научному сообществу была представлена в деталях методическая база подготовительной словарной работы, позволяющая оценить сложность, тщательность, научную ответственность предварительного труда, предшествующего собственно выходу Словаря.

В контексте развития лингвистической мысли, в контексте новых социальных тенденций стал впервые подвергаться более детальному осмыслению объект описания в толковом словаре. Хотя словарь и планировался как полный словарь русского языка (под влиянием предшествующей шахматовской концепции), но принципиально новой становится обращенность на *современный* русский язык, что было подчеркнуто в обновленном названии словаря: «Говоря об издании „Словаря *современного* русского языка” в увязке его широкого научного, политпросветительного и практического значения с историей языка, мы тем самым говорим о словаре, который должен дать в себе, по возможности, весь запас лексики русского языка, все его словесное богатство во всем разнообразии его социального бытования на всей занимаемой им территории за *определенный период* хозяйственной жизни и развития его носителя — народа, условно в данном случае определяемый рамками XVIII–XX вв., когда именно складывалось основное ядро так называемого *современного русского языка*» (Державин 1932: 6).

Ориентация на *современный* авторам язык привела к необходимости пополнения картотеки новым материалом: за 1932–1937 гг. картотека пополнилась более чем на 2 млн. карточек-цитат, преимущественно из современных газет и журналов (Рогожникова 2003). «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина стал первым академическим словарем, где газеты и журналы стали широко использоваться преимущественно для иллюстрирования новых слов и значений, см. подробнее

(Стукова 2019). Этот прием словарной работы был использован для актуализации материалов словаря наиболее неогенным — газетным языковым материалом.

В этот же период стал формироваться и осознанно-системный подход к описанию семантики слова. Словарь, продолжая «шахматовскую» традицию не только по факту фиксации максимально возможного количества обнаруженных слов, но и по детальности семантического описания лексики, постепенно переходит на новый, более качественный уровень. Помимо И. А. Фалева, В. И. Чернышева, С. П. Обнорского, Е. С. Истриной, которые работали в прежнем издании словаря, в начале 1930-х гг. к составительской работе подключились С. И. Ожегов (Т. 5, Д-Даятельный) и Л. В. Щерба (Т. 9. И-Идеализироваться). В. В. Виноградов в свое время отмечал, что если составленная Я. К. Гротом часть академического словаря «является до сих пор непревзойденным образцом», то выпуск «Словаря русского языка», обработанный Щербой, превышает ее по качеству (Виноградов 1941: 383). О высочайшем уровне семантической разработки лексики в томе 9 (вып. 1), подготовленном Л. В. Щербой, писала также Е. С. Истрина (Истрина 1951: 82). В составе издания есть беспрецедентный по объему семантической разработки выпуск, подготовленный В. И. Чернышевым: «Отрицание “не” в русском языке // Дополнение к 1 вып. VIII (XIII) тома. Л., 1927 (1932). Объем статьи-выпуска составляет более 20 а. л.

Несмотря на то что в целом словарь унаследовал большое количество проблем предшествующих двух этапов и при его составлении оставалось много нерешенных вопросов, в 1934–1936 гг., не без влияния начавшего публиковаться «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, приобретаемый опыт большого коллектива стал постепенно давать некоторые результаты.

Согласно Отчету за 1936 г. Словарь должен был вернуться к традиционному принципу организации всей словарной работы: перейти на новое, потомное строго алфавитное издание (начиная с 1902 г., как отмечалось выше, работа над словарем шла параллельно на несколько букв алфавита, и как следствие, незаконченными остались все буквы; так, например, В. И. Чернышев, приглашенный еще А. А. Шахматовым к работе над словарем, с 1906 г. до 1937 г. работал над буквой Н, при этом некоторые выпуски были переизданы с дополнениями, а некоторые так и не увидели свет).

Согласно отчетам за 1932–1936 гг. работа над словарем технически постепенно становилась производственно организованной. Если в 1932 г. состав Словарного отдела включал 8 штатных сотрудников, то в отчете за 1936 г. приводятся следующие данные: «Несмотря на то что... составление и подготовка к печати <Словаря> не может рассматриваться как важнейшая задача Инст.<итута> Языка и мышления им. Марра, Словарь этот, по своему удельному весу в производственной жизни Института, занимает центральное место. Около половины всего бюджета Института и его штатного состава падают на долю Словаря соврем.<енного> русского языка. Соответственно большая доля внимания уделяется Словарю со стороны дирекции Института и его общественности. <...> Состав работников Отдела: ответств. редактор всего издания (акад. Н. С. Державин), секретарь (чл.-корресп.

С. П. Обнорский), политредактура (3 лиц), 16 редакторов (в том числе 4 лиц договорников), 16 помощников редакторов (в том числе 6 лиц договорников), 8 научно-техн. сотрудников (в том числе 2 лиц договорников, не считая отдельных работников со сдельной оплатой), специалист по типогр.-изд. части, библиотекарь. Работа по выборкам осуществляется сдельно (контингентом до 50 человек)» (Отчет 1936: лл. 70–71).

Этот период следует характеризовать как этап налаживания масштабной профессиональной словарной работы, ее институционализации. И хотя в этот период еще не получили дальнейшего развития теоретические тезисы В. М. Истрина и Л. В. Щербы, но в начале работы, в 1932 году, Н. С. Державиным были приняты попытки воссоздания концептуальной истории академической лексикографии и теоретизации некоторых аспектов концепции словаря. В концепцию Шахматова были внесены очень частные и непринципальные изменения: только критерий «современного» языка привел к пополнению словаря газетными новыми материалами. Поскольку новые выпуски 1930-х гг. делались на материалах неоконченного шахматовского словаря и, в основном, теми же авторами, новый материал в них включался формально, добавляясь к старому, преимущественно областному, что делало облик словаря еще более аморфным и, с точки зрения пользователей, неактуальным. Прекращение работы над словарем по распоряжению Президиума АН СССР 5 августа 1937 г. было вызвано, помимо политических причин, еще одним обстоятельством: в таком виде словарь не выполнял никакой из своих главных функций — ни научной, ни справочной.

Словарь современного русского литературного языка в 17 томах 1937–1965

По решению Президиума АН СССР от 5 августа 1937 г., согласно которому была остановлена работа над «Словарем русского языка» под ред. Н. С. Державина, следующий академический словарь — будущий семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» (БАС) — должен был стать одновременно и толково-историческим, и нормативным. В отличие от предшествовавших словарей, типологическая природа которых определялась естественным ходом развития литературного процесса и лексикографии (Воронцов, Приемышева 2024), а подготовительные этапы работы занимали десятилетия, концепция будущего БАСа была установлена политически императивно, без теоретических обоснований, и времени на разработку нового метаязыка для решения новых задач у коллектива не было: согласно Постановлению Президиума, «Словарь должен быть .. закончен выпуском в течение 1938–1942 гг.» (Постановление 1937: 80). Потому авторам закономерно пришлось использовать наработки предшествующего издания, а сложные теоретические вопросы начинать решать по ходу самой работы, см. подробнее (Приемышева, Стукова 2020).

Состав авторов словаря изменился в эти годы незначительно: после увольнения всех сотрудников Словаря в августе 1937 г., часть из них, избежавшая политического преследования, была вновь принята на работу в декабре 1937 г. Редакторский и ав-

торский коллектив первых томов (Е. С. Истрина, И. А. Фалев, В. И. Чернышев и др.), фрагментарно словник, фрагментарно иллюстративный материал первых букв, теоретические принципы, детализация семантической разработки, обилие иллюстративного материала, обусловившие объемность словарных статей и, одновременно, фундаментальность словарного описания, стали тем наследием, которую новый БАС вынуждено и некритично позаимствовал от своего предшественника. Более того, даже первый в истории отечественной лексикографии нового времени *проект* словаря (Проект 1938) структурно и содержательно опирался на Инструкции 1936 г.

Однако реализация предписанной Президиумом концепции толково-исторического и нормативного словаря вызвала определенные сложности. Если первый принцип был воспринят лексикографами, участвовавшими в разработке шахматовского словаря, более или менее органично, то принцип нормативности стал для концепции данного словаря научным и методологическим испытанием, см. (Воронцов, Приемышева, Пурицкая 2023).

Проблема нормативности в толковой лексикографии в период, когда понятия нормы и нормативного словаря еще не были в науке осмыслены, нашла отражение в крупной научной дискуссии 1939 г. по обсуждению Проекта Словаря, в которой приняли участие Л. В. Щерба, Д. Н. Ушаков, В. И. Чернышев, С. П. Обнорский, В. М. Жирмунский и мн. др. (Стенограмма 2023). О причине, приведшей к возникновению трудностей, высказался И. А. Фалев: «Словарь современного русского литературного языка, который сейчас намечен Академией, собственно намечен самой Академией, а не нами. Мы, как словарные работники, просто старались посылить понять те указания, которые были даны Президиумом в 1937 г. Было указано, что словарь должен быть нормативным, что словарь должен иметь характер справочника, что словарь должен быть интересен для читателя, что словарь должен быть историческим, и размеры словаря также были указаны. В эти общие указания, которые сами по себе, как мы поняли потом, являются противоречивыми, мы старались внести содержание» (там же: 131). При этом главной проблемой при обсуждении стало понимание «нормы» для толкового словаря. Как отмечал В. И. Чернышев, «Нормативный словарь русского языка — предприятие почти новое для Академии наук и для русской лексикологии вообще... Задача эта <подготовить нормативный словарь> особенно трудна, между прочим, потому, что она не имеет под собой ни разработанной теоретической основы, ни достойных подражания образцов» (там же: 97, разрядка источника). Дискуссия в целом шла вокруг проблемы нормы и нормативности в словаре, что свидетельствует о том, что даже при начавшейся работе многие ее теоретические основания не были до конца осознаны самими авторами, см. подробнее (Приемышева, Стукова 2024).

Важным и ценным на этом этапе работы оказалось то, что несовместимость принципов историзма и нормативности в метаязыке и содержании словаря впервые остро поставила перед лексикографами проблему необходимости детальной разработки теоретической концепции словаря и метаязыка ее реализации. Эпоху шахматовского словаря в этом отношении можно назвать инерционной: раз вы-

сказанная А. А. Шахматовым в 1895 г. концепция словаря — справочника, словаря — коллекции любых слов, не сформировала у лексикографов навыка отбора слов по тому или иному критерию. С 1937 г. ситуация меняется: именно отбор слов становится главной и — закономерно — сложной задачей для словаря. И если отбор лексики, подпадающей под критерий *литературного языка*, являлся традиционной задачей для всей предшествующей традиции, то проблема «нормативности» словаря, описывающего лексику за 200 лет развития русского языка, оказалась проблемой неразрешенной.

В истории этого, самого важного для истории всей отечественной лексикографии, периода было несколько разных этапов.

С 1937 по 1941 года работа над словарем вынужденно велась по старым основаниям. Важными вехами на этом этапе следует считать то, что теоретическое противоречие, заложенное в базовой концепции, вызвало необходимость анализа и обсуждения теоретических вопросов словарной типологии и принципов словарной работы. Ее важнейшим научным следствием, помимо упомянутой дискуссии 1939 г., можно считать первую в истории отечественной лексикографии теоретическую работу — статью Л. В. Щербы «Опыт общей теории лексикографии» (Щерба 1940), в которой делаются принципиальные обобщения относительно типологии словарей и определяются место и специфика нормативного (академического) словаря. Эта статья, ставшая классикой отечественной и мировой теории лексикографии, является не просто частным исследовательским мнением ученого: рассматриваемая в контексте дискуссий вокруг словаря и его концепции с учетом содержания выступлений Щербы, его докладных записок в качестве зам. председателя Словарного комиссии, редактора и автора «державинского» словаря, эта статья является их теоретическим развитием и обобщением, его размышлением над всем контекстом словарной ситуации 1930-х годов.

После окончания войны работа над Словарем, по сути, началась заново: как отмечено в Предисловии к первому тому, опубликованному в 1948 году, первый том, подготовленный до войны, был практически заново переделан (БАС 1948: IV). И именно после 1945 г. начинается по-настоящему новый этап в истории словаря: состав сотрудников Словарного отдела был увеличен в несколько раз, появилось большое количество молодых лексикографов, и в период с 1945 по 1960-е гг. происходило становление лексикографической школы уже в процессе очень интенсивной и регулярной словарной практики.

Важнейшим этапом в развитии академической лексикографии, общим для академической лексикографии Ленинграда и Москвы — для Института русского языка и Словарного отдела Института языка и мышления, вошедших в структуру созданного в 1950-е гг. Института языкознания, — стал период 1950–1960-х гг. В эти годы стали появляться многочисленные критические статьи по материалам публикуемых выпусков БАСа, а проблемы и противоречия словаря стали рассматриваться как теоретические проблемы отечественной лексикографии в целом. В известной типологии толковых словарей русского языка С. И. Ожегова Словарь был отнесен к «большому» типу, который был детально обоснован, в результате

чего даже противоречия концепции словаря получили статус его специфических особенностей (Ожегов 1952: 91, 94).

С 1957 г. по 1963 гг. при Институте языкознания, позднее — при Отделении литературы и языка АН СССР стал издаваться периодический «Лексикографический сборник», в первых выпусках которого были подняты важнейшие теоретические проблемы практической лексикографии преимущественно на примере материалов БАСа.

В своих программных статьях «О некоторых вопросах теории русской лексикографии» (1956) и «Семнадцатитомный словарь русского литературного языка и его значение для советского языкознания» (1966) В. В. Виноградов, анализируя материалы БАСа, говорит о необходимости дальнейшей разработки теоретических вопросов лексикографии и теории русского литературного языка: «Семнадцатитомный академический Словарь современного русского литературного языка не оформился в особый самостоятельный тип словаря, но он обогатил многими ценными материалами и способами его истолкования как практику и теорию русской лексикографии, так и вообще науку о русском литературном языке, о культуре русской речи. Семнадцатитомный Словарь современного русского литературного языка выдвинул перед нами новые задачи — создание исторических и нормативно-стилистических словарей. Он выделил много частных проблем, относящихся к этой сфере (например, о связи и соотношении этимологии, лексикологии и семасиологии, о положении лексики в ряду других сторон и сочленений структуры языка, об устойчивых и подвижных элементах в лексическом составе языка, о структурных качествах нормы и путях ее изменений и т. п.). Этот Словарь подготовил некоторую базу для широкого изучения истории лексико-фразеологических связей и сочетаний слов, законов лексико-синтаксической сочетаемости слов в новую эпоху развития русского литературного языка» (Виноградов 1966: 25).

Необходимость разрешения теоретических противоречий БАСа, а также тот факт, что ввиду своей многотомности он не предназначался для широкого читателя, привели к тому, что параллельно с работой над БАС с начала 1950-х гг. разрабатывался нормативный толковый словарь современного языка — «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (1957–1961) (МАС), концептуально свободный от противоречий и учитывающий нормативно-стилистическую традицию академических словарей (что отражено и в названии, и в объеме словаря), а также опыт и достижения «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1934–1940). Согласно упомянутой выше типологии С. И. Ожегова, МАС мог быть отнесен к толковым словарям «среднего» типа — «с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка» (Ожегов 1952: 91–92).

Значимым с точки зрения развития методологии и методики словарной работы в этот период было издание Инструкций по составлению МАСа (Инструкция 1953) и БАСа (Инструкция 1958), которые и на сегодняшний день не столько представляют собой описание метаязыка конкретного словаря, сколько являются ценнейшими справочниками по практике толковой лексикографии.

Таким образом, в 1950–1960-е гг. в академической лексикографической традиции произошел колоссальный сдвиг: с этого момента все виды и направления лексикографической деятельности стали рассматриваться в обязательном взаимодействии теории и практики. Ранее, в XIX веке, выход любого академического толкового словаря рассматривался в критической и научной литературе как данность, и критике подвергались отдельные слова, значения, формулировки. Сложность задач БАСа обуславливала появление такого количества противоречий, что этот словарь впервые дал огромный материал для научного анализа, а проблемы, возникающие при его создании, стали стимулом для развития собственно теории лексикографии в России. Методологически именно в этот период произошло окончательное сложение традиций словарной работы в Академии наук, которые в равной мере наследуют коллективы и большого, и малого академических словарей.

Системная разработка теоретических и практических вопросов толковой лексикографии 1960–1990-е

1960-е гг. — период завершения издания МАСа и последних лет работы над БАСом — стали наиболее результативными в плане решения теоретических и практических проблем всей академической толковой лексикографии. В эти годы от постоянной словарной работы постепенно освобождался штат хорошо подготовленных лексикографов, и стало осознанной необходимостью наметить стратегические пути развития академической лексикографии не только русского литературного языка, но и русского национального языка. Закономерно или случайно это развитие пошло по тем лексикографическим направлениям, которые В. М. Истрин и Л. В. Щерба наметили как стратегически необходимые и возможные для реализации только силами Академии наук.

Так, с 1960-х годов, с началом работы Сектора по составлению «Словаря русских народных говоров» (СРНГ) — самого полного свода русской диалектной лексики, в Институте появляется такое направление, как *диалектная лексикография*, которая исторически продолжает деятельность Академии наук по собиранию, изучению и лексикографическому описанию лексики русских говоров, начавшуюся еще в середине XIX века с создания «Опыта областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» (1858). В настоящее время ввиду масштабности описываемого объекта, ввиду многотомности издаваемого словаря, ввиду колоссальности и сложности стоящих перед авторами задач это направление также, безусловно, относится к фундаментальным направлениям академической лексикографии.

Методологическим следствием лексикографической работы над БАС стала необходимость системного дополнения большого толкового словаря новой лексикой, в связи с чем в 1965 году в Институте создается такое важнейшее направление словарной работы, как *неография*. С 1973 года в Институте начинают регулярно издаваться словари новых слов. В настоящее время *академическая неография*

представляет собой самостоятельное фундаментальное направление отечественной лексикографии (Научные школы 2024: 64–76).

Необходимость анализа становления лексико-семантической системы русского литературного языка с точки зрения литературной нормы привела к возникновению такого направления, как *историческая лексикография нового времени*: с 1960-х годов в Институте ведется работа над историческим полным «Словарем русского языка XVIII века», а с начала 2000-х годов — над дифференциальным историческим «Словарем русского языка XIX века». Наряду со «Словарем древнерусского языка (XI–XIV вв.)» и «Словарем русского языка XI–XVII вв.», издаваемыми в Институте русского языка им. В.В. Виноградова (Москва), «Словарь русского языка XVIII века» и «Словарь русского языка XIX века» составляют академическую серию исторических словарей русского языка, которые в совокупности должны представить лексический состав русского языка в основные исторические периоды его развития. В рамках направления исторической лексикографии в Институте ведется работа по составлению «Словаря языка М.В. Ломоносова».

В этот период системно продолжалась работа по постановке, анализу и решению важнейших теоретических проблем практической лексикографии. В 1960-е гг. прошло несколько крупных совещаний и научных дискуссий, имевших очень большое значение для развития теории всей отечественной лексикографии: по вопросам представления омонимов в словарях⁹, по проблемам создания фразеологического словаря русского языка¹⁰, по подведению итогов работы над БАСом и перспективам работы над словарями русского языка¹¹ и некот. др.

С середины 1960-х годов, после завершения работы над «Словарем современного русского литературного языка», сотрудники отдела обратились к лексикографическому описанию отдельных, наиболее сложных и наименее разработанных в словаре лексических групп. Так появилась целая серия аспектных словарей, существенно дополнивших материалы БАС и позволивших более детально представить отдельные фрагменты лексико-семантической системы русского языка. В 1964 году под редакцией А.М. Бабкина вышел «Словарь названий жителей РСФСР». В 1975 году под ред. А.М. Бабкина и Е.А. Левашова был издан «Словарь названий жителей СССР». В 1966 году был опубликован двухтомный «Словарь иноязычных выражений и слов» (авторы А.М. Бабкин, В.В. Шендецов). В 1967 году увидел свет «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова, в котором представлено свыше 4000 наиболее употребительных фразеологических сочетаний (словарь выдержал четыре издания). В 1970–1971 годах был издан двухтомный

⁹ Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР // Лексикографический сборник. Вып. 4. М., 1960. С. 35–92.

¹⁰ Проблемы фразеологии и задачи составления фразеологического словаря русского языка. Тезисы. Л., 1961. 24 с.

¹¹ Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над «Словарем современного русского литературного языка» (1948–1965) и перспективам работы над словарями современного русского литературного языка. 18–22 апреля 1966 г. Л., 1966. 32 с.

«Словарь синонимов русского языка» (отв. ред. А.П. Евгеньева), а затем — и его сокращенный однотомный вариант (переиздан в 2003 году). Лексикографическое описание синонимических и образных средств русского языка было продолжено в таких словарях К.С. Горбачевича, как «Словарь эпитетов русского литературного языка» (1979) и «Русский синонимический словарь» (1996). В 1983 г. Р.П. Рогожниковой был подготовлен «Словарь сочетаний, эквивалентных слову» (в последующих переизданиях — «Словарь эквивалентов слова». Москва, 1991; «Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову». Москва, 2003). В 1991 году под ее редакцией был опубликован «Сводный словарь современной русской лексики» в двух томах, представляющий собой свод русской лексики из всех авторитетных словарей и энциклопедий XX века.

Обязательной стала традиция научно-методологического сопровождения практической словарной работы теоретическим анализом тех или иных вопросов составления словарей. Ввиду того что Отдел относился до 1991 года к структуре Института русского языка им. В.В. Виноградова, многочисленные сборники по различным проблемам практики и теории лексикографии были подготовлены в Москве. Но ряд из них в 1970–1990-е годы был подготовлен в Ленинграде: периодическое издание «Современная русская лексикография» (1975–1983), тематические сборники «Проблематика определений терминов в словарях разных типов» / Под ред. С.Г. Бархударова и др. (1976), «Современность и словари» / Ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов (1978), «Вопросы практической лексикографии» / Отв. ред. Р.П. Рогожникова (1979); «Теория и практика современной лексикографии» / Отв. ред. Р.П. Рогожникова (1984), «Национальные лексико-фразеологические фонды» (1995), «Очередные задачи русской академической лексикографии» / Отв. ред. Г.Н. Складневская. (1995); «Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания» / Отв. ред. Г.Н. Складневская (1997) и некот. др., включающие статьи по актуальным проблемам теории и практики толковой лексикографии, многие из которых стали классикой отечественной науки.

При этом предшествующая традиция создания толковых словарей в этот период стала развиваться по экстенсивному пути.

Ввиду постепенного устаревания материалов БАСа и МАСа, ввиду необходимости актуализации словника, стилистической оценки некоторых языковых фактов, цитатного материала и т.п. началась работа по переизданию этих словарей. Для этой цели с 1966 года в Институте началось создание так называемой Новой словарной картотеки, которая бы включала лексику источников 1960–1970-х гг. с целью отражения в словаре русского литературного языка собственно второй половины XX века (Рогожникова 2003: 86).

Несмотря на сформулированные в критической литературе предложения концептуальной переработки БАСа, по решению Ф.П. Филина началась работа по подготовке переиздания Словаря (Филин и др. 1976). Ответственным редактором был назначен К.С. Горбачевич. Вышедшие тома БАС-2 и выходящие с 2004 года тома БАС-3, безусловно, представляют собой существенную доработку и переработку первого издания (см. Предисловия словарей), однако типологически они

остались неизменными и в своей основе сохраняют все концептуальные противоречия первого издания.

В этот же период начинает разрабатываться концепция Нового академического словаря (Филин 1963; Сорокин 1967; Бабкин 1971; Сороколетов 1988, 1995). Идеологически концепция нового словаря близка к тезису Истрина–Щербы о необходимости создания словаря живого русского языка, словаря актуальной лексики литературного русского языка. В 1990-е гг. концепция Словаря была существенно доработана (Скляревская 1994, 1995), обсуждалась и осмыслялась лексикографами (Актуальные 1990; Очередные задачи 1995). Периодически публиковались различные мнения и точки зрения по этому поводу. В 1990-е гг. развитие концепции продолжил коллектив Института под руководством Г. Н. Скляревской. Реализацией данной концепции стал словарь живого русского языка (Современный... 2016) и чуть позднее — «Словарь русского языка XXI века» (Проект 2019). В концепции и методологии работы данного словаря (четкое отражение синхронии, строго разработанные грамматическая концепция, подача омонимии, принципы иллюстрирования, последовательное применение принципа системности на всех уровнях работы со словом, с группами слов и мн. др.) были учтены основные противоречия и ошибки прошлых академических словарей. И на сегодняшний день этот словарь в толковой лексикографии имеет преимущество в виде системно разработанной теоретической базы. Несмотря на то что проект с 2000-х гг. разрабатывался вне стен Института, концептуально его следует рассматривать в контексте развития именно академической толковой лексикографии как очередной этап эволюции Нового академического словаря.

Важнейшим методологическим следствием данного периода становится обязательность теоретического сопровождения практических вопросов составления толкового словаря.

Современный этап. Перспективы развития

Ввиду того что Большой академический словарь является основой типологии толковых словарей русского языка и, имея в силу масштаба особое национально-культурное значение, занимает особое место в истории отечественной толковой лексикографии, именно он задает основной вектор ее развития. Однако, пройдя интенсивный путь развития к середине XX века, академическая толковая лексикография типологически не является лексикографией развивающейся. Это убедительно подчеркивал еще в 1990-е гг. Ю. Н. Караулов: «после издания “Словаря современного русского литературного языка” в 17 томах, явившегося крупнейшим явлением мировой лексикографии и отмеченного Ленинской премией, были заложены новые широкомасштабные лексикографические проекты, “Словарь русских народных говоров”, два словаря древнерусского языка, “Словарь русского языка XVIII века” <...>, “Этимологический словарь славянских языков” и др. Однако в дальнейшем отечественная лексикография стала резко отставать от лексикографии лидирующих капиталистических стран» (Караулов, Андрищенко 1988: 5). Одной из причин этой тенденции ученый назвал «ослабление централи-

зующей роли Академии наук в области лексикографической <...> деятельности» (там же).

Сегодня над завершающими томами БАС-3 работает во многом новый коллектив лексикографов, который, тем не менее, осознает себя преемником академической традиции толковой лексикографии русского языка. По этой причине, продолжая текущую практическую словарную работу, коллектив словаря начинает разработку концепции следующего академического словаря большого типа. Новый словарь, опираясь на более чем двухсотлетнюю традицию, безусловно, должен будет соответствовать, с одной стороны, новым запросам и потребностям российского общества и государства, равно как и новому этапу развития русского языка, а с другой стороны — актуальному уровню современной лингвистической теории, современных информационных и лексикографических технологий: проект будет реализовываться уже в цифровом формате.

Приступая к такой подготовительной работе, нельзя не учитывать следующие моменты. Базовые принципы и установки большого академического словаря до настоящего времени в целом оставались неизменными с конца 1930-х гг.: издание первого БАС инерционно сохраняло часть принципов своего предшественника — «шахматовского» словаря-тезауруса 1896–1920 гг., а издание БАС-3, в свою очередь, невольно сохраняет традиции БАС-1 и БАС-2. И как было показано выше, несмотря на то что методология словарной работы при создании БАСа создавалась исторически и сформировалась в школу (традицию) фундаментальной толковой лексикографии, представляющую собой сложившуюся профессиональную систему словарной работы, теоретическая сторона этой работы по-прежнему остается слабо реализованной. БАС-3 вышел на основаниях, концептуально аналогичных предыдущим: главные теоретические противоречия, на которые обращалось внимание в дискуссиях 1939, 1966 годов, а также в многочисленных критических статьях о словаре, не устранены.

Начальным этапом работы для коллектива становится системное изучение традиции создания словаря, осмысление всей критической литературы о словаре (БАС в зеркале.. 2023), осмысление базовых принципов нормативности и историзма, положенных в его основу (Воронцов 2023; Воронцов, Приемышева, Пурицкая 2023; Приемышева, Стукова 2024; Стукова 2024), поиск генезиса традиций, достоинств и противоречий издания (Воронцов 2022; Приемышева, Стукова 2018, 2020), разработка нового справочного и методологического лексикографического инструментария. В частности, коллектив приступил к подготовке нового корпуса текстов-источников будущего словаря, создается цифровой Индекс русской лексики, отражающий историю лексикографической фиксации русской лексики в словарях XVIII–XXI вв., ведется разработка онлайн-ресурса *lexicographia.ru*, где все значимые лексикографические издания, ассоциируемые с российской академической традицией, будут представлены в едином пространстве научной и методологической рефлексии по вопросам лексикографии. В теоретическом плане к настоящему времени уже намечены новые подходы к типологизации будущих

толковых словарей и созданы научные предпосылки для выработки программы развития нормативной толковой лексикографии цифровой эпохи (Воронцов 2023).

Осмысление концепции следующего академического словаря ведется не в оппозиции к принципам и установкам предыдущих изданий, а с точки зрения поиска концептуальных и метаязыковых компромиссов, которые, тем не менее, не будут приводить к противоречиям при реализации базовых принципов словаря. В этом отношении есть основание полагать, что цифровой формат следующего Большого академического словаря ввиду возможности нелинейного представления словарной информации позволит последовательно избавиться от концептуальных противоречий первых изданий.

Таким образом, в настоящее время в коллективе «Большого академического словаря русского языка» при новых технологических возможностях ведется аналитическая работа по осмыслению каждого из аспектов предшествующей традиции с точки зрения ее представленности в новом цифровом формате, а также по тем базовым организационным направлениям словарной работы, которые сформулировали В. М. Истрин и Л. В. Щерба в 1927 году (Истрин 1927), а именно:

- целенаправленно изучается опыт мировой толковой лексикографии, а также — история и истоки отечественной традиции;
- формируется эмпирическая и технологическая база для будущей словарной работы;
- ведется системная работа по подготовке профессиональных лексикографов.

При этом, с учетом очевидных запросов общества и науки, не исключается возможность параллельной реализации тех лексикографических проектов XX в., которые так и не были реализованы: синхронного нормативно-стилистического словаря стандартного русского языка и словаря-тезауруса русской лексики XVIII–XXI вв. как справочного инструмента для лексикографической работы. Как отмечал в свое время В. М. Истрин, эти задачи под силу только академической лексикографии.

Заключение

Практика второй половины XX века показывает, что разработка теоретических вопросов толковой лексикографии актуализируется в те периоды, когда начинается подготовка следующего издания того или иного словаря. Необходимость обращения к осмыслению корней и истоков традиции создания Большого академического словаря, работа на котором ведется в Институте с 1931 года, осмыслению этапов формирования методологии словарной работы в настоящее время определяется двояко.

Во-первых, из всех словарных традиций современности традиция создания БАСа оказалась наименее описанной, наименее осознанной: словарь в силу своего масштаба и научного авторитета, в силу устоявшегося места в истории отечественной лексикографии с конца 1970-х гг. оказался вне зоны пристального внимания лингвистов. Его материалы, проблемы его составления обращали на себя большое внимание исследователей преимущественно в период работы над ним, а также не-

которое время спустя. В дальнейшем к некоторым вопросам типологии, метаязыка БАС, к его материалам обращались преимущественно его авторы и редакторы (Л. И. Балахонова, А. С. Герд, Л. Е. Кругликова, Е. В. Пурицкая, Н. В. Соловьев и некот. др.). Однако история работы над словарем — это важнейшая часть становления методологии словарной работы в России, и поэтому она должна подлежать изучению и осмыслению.

Во-вторых, концепция данного словаря в конце 1930-х гг. была установлена императивно и формировалась в эпоху, когда теория лексикографии только начинала разрабатываться, методы и приемы подготовки словаря невольно сохранялись со времен шахматовского издания, а условия, в которых начиналась работа по составлению каждого последующего переиздания, не позволяли учитывать результаты дискуссий и обсуждений прошлого, в результате чего БАС-2 и БАС-3 типологически сохранили все противоречия первого БАС. Поэтому обращение к анализу каждого из параметров словарной работы, к истокам каждого из базовых принципов обусловлено необходимостью заново переосмыслить традицию, провести аналитическую работу над ошибками, обобщить пройденный путь, сделать выводы — для того, чтобы следующий большой академический словарь стал бы новым достижением отечественной лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальные...1990: Актуальные проблемы разработки Нового академического словаря. Тезисы. 20–22 ноября 1990 / Ред. Г. Н. Складаревская, А. С. Герд, А. В. Зеленин. Ленинград, 1990.

Бабкин 1971: Бабкин А. М. Новый академический словарь русского языка. Проспект / отв. ред. Ф. П. Филин. Ленинград: Наука, 1971.

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 1–17 / Гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

БАС-2: Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 1–6 / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Москва: Русский язык, 1991–1994.

БАС-3: Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).

БАС в зеркале... 2023: Большой академический словарь русского языка в зеркале научно-методологической литературы и критики: Справочные материалы (1938–1970) / Отв. ред. Р. И. Воронцов. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2023.

Виноградов 1941: Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Язык газеты / Под ред. Н. И. Кондакова. Москва; Ленинград: Гос. изд-во легкой промышленности, 1941, 353–395.

Виноградов 1966: Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6, 3–26.

Виноградов 1977: Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // В. В. Виноградов Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва: Наука, 1977, 243–264.

Воронцов 2022: Воронцов Р. И. Еще раз о нормативности и историзме академического толкового словаря большого типа // История, теория и практика академической лексикографии: юбилейный сборник научных статей / Ред. коллегия Р. И. Воронцов, О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Е. В. Пурицкая / Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2022, 95–120.

Воронцов 2023: Воронцов Р. И. Нормативность в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии: к проблеме типологии словарей // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5, 87–108.

Воронцов, Приемышева, Пурицкая 2023: Воронцов Р. И., Приемышева М. Н., Пурицкая Е. В. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28, 5–27.

Воронцов, Приемышева 2024: Воронцов Р. И., Приемышева М. Н. Русская академическая толковая лексикография в контексте европейской словарной традиции: формирование лексикографических принципов нормативности и историзма // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5, 5–24.

Грот 1876: Грот Я. К. Филологические разыскания. Т. 1. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. Санкт-Петербург, 1876.

Денисов 1990: Денисов П. Н. Традиция и/или новаторство? (О концепции академического словаря конца XX века) // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка: тезисы. Ленинград, 1990.

Державин 1932: Державин Н. С. История языка и работы Академии Наук СССР над изданием «Словаря современного русского языка» // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 4, 1–12.

Державин, Обнорский 1932: Державин Н. С., Обнорский С. П. История и техника создания словаря русского языка Академии Наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 7, 13–26.

Дружинин 2024: Дружинин П. А. История Института русского языка им. В. В. Виноградова. Москва, 2024.

Известия 1821: Известия Российской академии. Кн. 9. Санкт-Петербург, 1821.

Инструкция 1936а: Словарь русского языка. Инструкция для редакторов / Составлена С. П. Обнорским. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1936.

Инструкция 1936б: Словарь русского языка. Инструкция для выборщиков / Составлена Е. С. Истриной, И. А. Фалевым. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1936.

Инструкция 1953: Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах) / Под ред. С. Г. Бархударова, А. П. Евгеньевой и др. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1953.

Инструкция 1958: Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах) / Ред. С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, А. М. Бабкин. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958.

История 1998: История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1998.

Истрин 1927: Истрин В. М. Работа над «Словарем русского языка» // Известия АН СССР. Серия VI. 1927. Т. 21. Вып. 8, 1661–1673 [извлечения из протоколов заседаний Академии Наук СССР].

Истрина 1951: Истрина Е. С. Л. В. Щерба как лексикограф и лексиколог // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880–1944). Сб. статей. Ленинград, 1951, 82–87.

Караулов, Андриященко 1988: Караулов Ю.Н., Андриященко В.М. Автоматизация лингвистических работ и создание Машинного фонда русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1988. Т. 47. № 1, 3–11.

Козырев, Черняк 2015: Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2015.

Научные школы 2024: Научные школы Института лингвистических исследований РАН. Коллективная монография, посвященная 300-летию Российской академии наук / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Санкт-Петербург, 2024.

Ожегов 1952: Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2, 85–103.

Отчет 1926: Постоянная словарная комиссия // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 г. Ленинград, 1927, 303–306.

Отчет 1936: Научный отчет о деятельности Института языка и мышления им. Н.Я. Марра за 1936 год // СПбФ АРАН. Фонд 77. Оп. 1 (1936). Ед. хр. 5. Материалы к отчету о выполнении плана научно-исследовательской работы за 1936 год.

Отчеты ОРЯС 1903: Отчеты Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук за 1866–1891 гг. Санкт-Петербург, 1903.

Очередные... 1995: Очередные задачи русской академической лексикографии / Отв. ред. Г.Н. Складарская. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1995.

Постановление 1937: Постановление Президиума АН СССР // Вестник АН ССР. 1937. № 7–8. Хроника, 80.

Приемышева, Стукова 2018: Приемышева М.Н., Стукова Е.Г. У истоков «Словаря современного русского литературного языка»: из истории толковой академической лексикографии конца 30-х гг. XX века // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сб. научных статей / ИЛИ РАН; отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приемышева, Е.В. Пурицкая. Санкт-Петербург, 2018, 18–28.

Приемышева, Стукова 2020: Приемышева М.Н., Стукова Е.Г. Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н.С. Державина (1929–1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии // Вопросы лексикографии. 2020. № 17, 195–212.

Приемышева, Стукова 2024: Приемышева М.Н., Стукова Е.Г. К содержанию понятия «нормативный словарь» в отечественной толковой лексикографии: нормативно-стилистическая vs. ортологическая традиции // Вопросы лексикографии. 2024. № 32, 5–23.

Проект 1938: Проект Словаря современного русского литературного языка / Отв. ред. И.И. Мещанинов. Москва; Ленинград, 1938.

Проект 2019: Проект «Словаря русского языка XXI века» / Под ред. Г.Н. Складарской // Журнал прикладной лингвистики и лексикографии. 2019. № 1, 136–249.

Рогожникова 2003: Рогожникова Р.П. Сокровищница русского слова (История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН). Санкт-Петербург, 2003.

Складарская 1994: Складарская Г.Н. Новый академический словарь. Проспект / Отв. ред. К.С. Горбачевич. Санкт-Петербург, 1994.

Складарская 1995: Складарская Г.Н. Новый академический словарь: объект, типологические признаки, место в системе русской лексикографии // Очередные проблемы русской академической лексикографии / Под ред. Г.Н. Складарской. Санкт-Петербург, 1995, 15–23.

Словарь 1847: Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. Наук. Т. I–IV. Санкт-Петербург, 1847.

Словарь 1932: Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку Академии наук СССР. Новое переработанное и дополненное издание. Т. 1. Вып. 1. Ленинград, 1932,

Современный... 2016: Современный толковый словарь живого русского языка: на пути к завершению / Отв. ред. Г.Н. Складневская. Санкт-Петербург, 2016.

Сорокин 1967: Сорокин Ю.С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. № 5, 22–32.

Сороколетов 1988: Сороколетов Ф.П. О словаре современного русского литературного языка // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / Под ред. Ю.Н. Караулова. Москва, 1988, 20–31.

Сороколетов 1995: Сороколетов Ф.П. Словарь современного русского языка и его эмпирическая база // Национальные лексико-фразеологические фонды / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. Санкт-Петербург, 1995, 173–176.

Стенограмма 2023: Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР по обсуждению проекта и 1 тома Словаря современного русского литературного языка. 26 мая 1939 г. // Большой академический словарь русского языка в зеркале научно-методологической литературы и критики: Справочные материалы (1938–1970) / Отв. ред. Р.И. Воронцов. Санкт-Петербург, 2023, 85–156.

Стукова 2019: Стукова Е.Г. Газетная и журнальная публицистика как один из источников академического Словаря русского языка» 1929–1937 гг. // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2019. Сб. статей / Отв. ред. О.Н. Крылова. Санкт-Петербург, 2019, 212–222.

Стукова 2022: Стукова Е.Г. Первые годы работы Словарного сектора Института языка и мышления (1931–1937 гг.) // История, теория и практика академической лексикографии: юбилейный сборник научных статей / Ред. коллегия Р.И. Воронцов, О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Е.В. Пурицкая / Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, 2022, 26–34.

Стукова 2024: Стукова Е.Г. Принцип историзма в русской толковой лексикографии: от «шахматовской» редакции «Словаря русского языка» к семнадцатитомному Большому академическому словарю // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2024. № 211, 255–267.

Тезисы 1966: Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над «Словарем современного русского литературного языка» (1948–1965) и перспективам работы над словарями современного русского литературного языка. 18–22 апреля 1966 г. Ленинград, 1966.

Филин 1963: Филин Ф.П. О новом толковом словаре русского языка // Изв. АН СССР. Отделение лит. и яз. Т. 22. Вып. 3. Москва, 1963, 3–19.

Филин и др. 1976: Филин Ф.П., Сороколетов Ф.П., Горбачевич К.С. О новом издании «Словаря современного русского литературного языка» (в семнадцати томах) // Вопросы языкознания. 1976. № 3, 3–19.

Шестакова 2011: Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. Москва, 2011.

Щерба 1927: <Отчет о командировке чл.-корр. АН Л.В. Щербы> // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г. Ч. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Ленинград, 1927, 52–54.

Щерба 1929: Докладная записка о положении дела в Словарной Комиссии Академии Наук товарища председателя комиссии Л. В. Щербы 1929 г. // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сб. статей к 150-летию со дня рождения ученого. Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. Санкт-Петербург, 2015, 904–910.

Щерба 1940: Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3, 89–117.

Щерба 1966: Щерба Л. В. [О словарях живого литературного языка] // Современная русская лексикология. Москва, 1966, 74–76.

Эзериня 2013: Терминология в «Словаре русского языка» под редакцией Я. К. Грота // От буквы к словарю. Сб. научных статей к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота / Отв. ред. В. Н. Калиновская, О. А. Старовойтова. Санкт-Петербург, 2013, 75–84.

МАКРОСТРУКТУРА РЕЧНИКА ВРЕДНОСТИ СРПСКОГ ЈЕЗИКА*

Стана РИСТИЋ

Институт за српски језик САНУ

(Београд, Србија)

<https://orcid.org/0000-0003-1646-3192>

ristic.stana@gmail.com

Ивана ЛАЗИЋ-КОЊИК

Институт за српски језик САНУ

(Београд, Србија)

<https://orcid.org/0000-0003-0840-0140>

ivana.konjik@isj.sanu.ac.rs

У главном делу рада представљена је макроструктура одредница за планирани речник вредности српског језика. Предложена макроструктура идеографски је организована у шест основних макроодредница, од којих свака садржи одређен број пододредница хијерархијски устројених, што је назначено њиховим нумерацијским односом и редоследом. У закључном делу рада представљени су позитивни општелингвистички, концептолошки и концептографски резултати који би били остварени израдом планираног аксиолошког речника српског језика.

Кључне речи: речник вредности, макроструктура, концептологија, концептографија, српски језик*.

МАКРОСТРУКТУРА СЛОВАРЯ ЦЕННОСТЕЙ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА

Стана РИСТИЧ

Институт сербского языка САНИ

(Белград, Сербия)

Ивана ЛАЗИЧ КОНИК

Институт сербского языка САНИ

(Белград, Сербия)

В основной части работы представлена макроструктура словарных статей для планируемого словаря ценностей сербского языка. Предлагаемая макроструктура организована идеографически и состоит из шести основных макростатей, каждая из которых включает несколько подстатей, иерархически структурированных, что отмечено их нумерацией и порядком. В заключительной части работы представлены положительные общелингвистические, концептологические и концептографические результаты, которые могут быть достигнуты созданием планируемого аксиологического словаря сербского языка.

Ключевые слова: словарь ценностей, макроструктура, концептология, концептография, сербский язык.

* Овај рад је финансирало Министарство за науку, технолошки развој и иновације Републике Србије према уговору број 451-03-66/2024-03/ 200174 који је склопљен са Институту за српски језик САНУ у Београду.

MACROSTRUCTURE OF THE AXIOLOGICAL DICTIONARY OF THE SERBIAN LANGUAGE

Stana RISTIĆ

Institute for the Serbian Language of SASA
(Belgrade, Serbia)

Ivana LAZIĆ KONJIK

Institute for the Serbian Language of SASA
(Belgrade, Serbia)

In the main section of the paper, the macrostructure of entries for the planned dictionary of values in the Serbian language is presented. The proposed macrostructure is ideographically organized into six main macro-entries, each containing a number of sub-entries that are hierarchically structured, as indicated by their numerical order and relations. In the conclusion, the paper outlines the positive general linguistic, conceptual, and conceptographic outcomes that would be achieved by creating the planned axiological dictionary of the Serbian language.

Keywords: axiological dictionary, macrostructure, conceptology, conceptography, Serbian language.

0.1 У првом делу рада представимо макроструктуру одредница за планирану израду речника вредности српског језика¹. То су заједничке вредности носилаца српског језика које имају значајну улогу у друштвеном, политичком и свакодневном животу националне заједнице и које формирају национални канон, језгро кључних вредности са релативно ограниченим бројем. На основу досадашњег вишегодишњег истраживања вредносних концепата српског језика и културе (Ристић, Лазич-Коник 2020, 2021, 2022а, 2022б, 2022в, 2024) саставили смо листу од 56 концепата вредности, чију смо стабилност утврдили на основу упоређивања наше критеријално сачињене листе од 48 вредносних концепата² са валидним асоцијативним листама: ранг листом од 30 асоцијата вредности, издвојених из *Обратног асоцијативног речника српског језика*, 2011 (ОАРСЈ), са ранг листом од 30 асоцијата-концепата заједничких за четири словенска језика (руски, белоруски, украјински и бугарски) из *Словенског асоцијативног речника*³ и са асоцијативном ранг листом Уфимцеве (Уфимцева 2009: 100–102; Ристић, Лазич-Коник 2024, у штампи).

0.2 На основу комбиноване квантитативне анализе асоцијативне ранг листе из ОАРСЈ од 30 асоцијата повезаних са највећим бројем стимулуса (од укупно 600

¹ Појам вредност или културни концепт односи се на аксиолошки концепт са културно специфичним конотацијама (Gryshkova 2014, према Bartmiński 2018: 21). О сличностима и разликама међу појмовима и терминима *културни концепти*, *вредности*, *кључне речи*, *културе*, *лингвокултуре*, *културни симболи*, *константе*, *кључне идеје* и сл., в. Bartmiński 2018: 17.

² Стабилност ове листе утврдили смо на основу упоређивања више наших сачињених прелиминарних листа: произвољне, синонимске, дубинске и две анкетне листе — листе лаика и листе стручњака (в. Ристић, Лазич-Коник 2021, 2022а, 2022б, 2022в).

³ У питању је *Славянский ассоциативный словарь русский, белорусский, болгарский, украинский* аутора Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов, Москва, 2004.

задатих за *Асоцијативни речник српског језика, 2005* (АРСЈ)), изведене на основу броја стимулуса и укупне фреквенције са којима се сваки од асоцијата, номинат концепта, умрежава у парове, добијена је нова ранг листа од 26 асоцијата, номината концепата⁴, која презентује актуелно српско језичко сазнање (исп. Уфимцева 2009), узорковано на асоцијативном материјалу одређеног временског периода, на асоцијативним тестовима урађеним 2002/2003. године за потребе израде АРСЈ и на узрасно ограниченој групи испитаника младе популације, студената и средњошколаца (в. табелу 1).

Табела 1. Стабилни и варијабилни концепти СЈСС на основу ОАРСЈ

Ранг	Номинати концепата
СТАБИЛНИ КОНЦЕПТИ	
1.	ЧОВЕК (човек, људи, ја)
2.	НОВАЦ (новац, паре)
3.	ЛЕПОТА (лепота, лепо)
4.	ЖИВОТ
5.	ЉУБАВ
6.	СРЕЋА
7.	СТРАХ
8.	ЛАЖ
9.	КУЋА
10.	РАТ
11.	СМРТ
12.	ТУГА
13.	ЛОШ
14.	УСПЕХ
15.	РАД
16.	ДОБРО
ВАРИЈАБИЛНИ КОНЦЕПТИ	
17.	ДОСАДА
18.	НИШТА
19.	ГЛУПОСТ
20.	ШКОЛА
21.	СВЕТ
22.	УВЕК
23.	БОЛ
24.	БЕЛО
25.	СВЕ
26.	СЕКС

⁴ Листа из ОАРСЈ умањена је за 4 асоцијата, јер се концепт ЧОВЕК у асоцијативној листи јавља са три номината: *човек, људи и ја*, концепт НОВАЦ са два номината *новац и паре* и концепт ЛЕПОТА са два номината *лепота и лепо*.

0.3 У сачињеној листи од 26 концепата актуелног српског језичког сазнања 16 асоцијата концепата потврдило је своју стабилност на основу већег броја стимулуса и високе укупне фреквенције номината, док осталих 10 асоцијата представљају нестабилне концепте не само на основу квантитативних показатеља него и на основу ограничености употребе, на коју је указано у раду (Ристић, Лазич Коњик 2024). Стабилност ових 16 концепата потврђена је и упоређивањем са осталим наведеним листама. Тако је, упоређивањем са нашом ранг листом од 48 стабилних концепата, утврђено следеће: да је 8 назива концепата заједничко за обе листе: ЉУБАВ, СРЕЋА, КУЋА, ЛЕПОТА, ЛОШЕ/ЗЛО, УСПЕХ, РАД, ДОБРОТА/ДОБРО, од којих пет концепата: ЉУБАВ, РАД, УСПЕХ, ДОБРОТА/ДОБРО, ЛОШЕ потврђују своју стабилност понављањем у руској асоцијативној ранг листи Уфимцеве; да се наша листа од 48 концепата допуњава са 8 нових концепата из асоцијативне ранг листе, а то су: ЧОВЕК, НОВАЦ, ЖИВОТ, СТРАХ, ЛАЖ, РАГ, СМРТ, ТУГА, од којих три концепта потврђују своју стабилност понављањем и руској асоцијативној листи Уфимцеве: НОВАЦ, ЖИВОТ, СМРТ.

0.4 У крајњем резултату добијено је 56 стабилних, инваријантних концепата вредности српске језичке слике света (CJCC), међу којима многи од њих имају универзалну вредност⁵, у којој концепт ЧОВЕК заузима прво место у ранг листи асоцијата, са његова три номината *човек*, *људи* и *ја*, који спадају у најфреквентније лексеме актуелног језичког сазнања српских говорника, истичући у први план антропоцентрични карактер вредности у CJCC и представљајући српску језичку личност у сва три њена нивоа: вербално-семантичком, граматичком и мотивационо-прагматичком. Из наведених разлога, а и на основу анализе асоцијативно вербалне мреже три наведена номината, закључили смо да концепт ЧОВЕК представља базичну, стабилну вредност језгра српске аксиосфере, па је наша коначна листа од 56 вредности и антивредности, односно регистар одредница за планирану израду аксиолошког речника српског језика, представљена у табели 2 и на слици 1 у виду језгра, ближе и даље периферије.

Табела 2. Листа вредности за аксиолошки речник српског језика

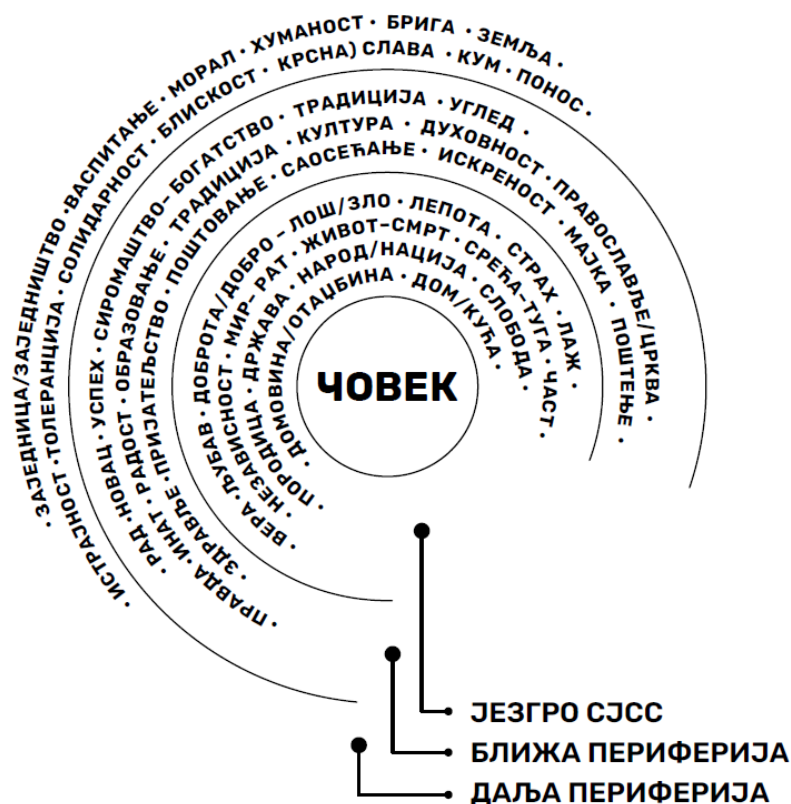
Ранг	Номинати концепата-вредности
ЈЕЗГРО CJCC	
1	ЧОВЕК
2	ДОМОВИНА/ОТАЏБИНА
3	ДОМ/КУЋА
4	ПОРОДИЦА

⁵ Упореди и ранг листу Ј. Бартмињског и М. Гершак првих 22 вредности у пољском језику, сачињеној по фреквенцији појављивања више од три пута у анализираним радовима: 1. породица (породична срећа) (17), 2. посао (15), 3. љубав (15), 4. вера (религиозност, вера у Бога) (12), 5. пријатељство (круг пријатеља) (12), 6. слобода (12), 7. правда (10), 8. истина (10), 9. толеранција (9), 10. искреност (9), 11. патриотизам (8), 12. домовина (8), 13. достојанство (8), 14. демократија (7), 15. здравље (7), 16. одговорност / солидарна одговорност (7), 17. добро (6), 18. част (6), 19. новац (6), 20. снага (6), 21. солидарност (5), 22. човек (4). (Bartminski, Grzeszczak 2014: 34).

5	ДРЖАВА
6	НАРОД/НАЦИЈА
7	СЛОБОДА
8	НЕЗАВИСНОСТ
9, 10	МИР– РАТ
11, 12	ЖИВОТ– СМРТ
13, 14	СРЕЋА– ТУГА
15	ЧАСТ
16	ВЕРА
17	ЉУБАВ
18, 19	ДОБРОТА/ДОБРО — ЛОШЕ/ЗЛО
20	ЛЕПОТА
21	СТРАХ
22	ЛАЖ
БЛИЖА ПЕРИФЕРИЈА	
23	ЗДРАВЉЕ
24	ПРИЈАТЕЉСТВО
25	ПОШТОВАЊЕ
26	САОСЕЋАЊЕ
27	ИСКРЕНОСТ
28	МАЈКА
29	ПОШТЕЊЕ
30	ПРАВДА
31	ИНАТ
32	РАДОСТ
33	ОБРАЗОВАЊЕ
34	ТРАДИЦИЈА
35	КУЛТУРА
36	ДУХОВНОСТ
37	ПРАВОСЛАВЉЕ/ЦРКВА
38	РАД
39	НОВАЦ
40	УСПЕХ
41, 42	СИРОМАШТВО– БОГАТСТВО
43	УГЛЕД
ДАЉА ПЕРИФЕРИЈА	
44	ИСТРАЈНОСТ
45	ТОЛЕРАНЦИЈА
46	СОЛИДАРНОСТ
47	БЛИСКОСТ
48	(КРСНА) СЛАВА
49	КУМ
50	ПОНОС

51	ЗАЈЕДНИЦА/ЗАЈЕДНИШТВО
52	ВАСПИТАЊЕ
53	МОРАЛ
54	ХУМАНОСТ
55	БРИГА
56	ЗЕМЉА

Слика 1. Графички приказ одредница за аксиолошки речник српског језика

0.5 Полазни асоцијативни материјал из ОАРСЈ утицао је да структуру актуелне српске аксиосфере, графички представимо на два начина: у табели 2 у виду структуре асоцијативног поља са центром и периферијом, како би се показало њено асоцијативно пространство, док је на слици 1 представљена сферична организација вредности по зонама. Сферичном организацијом концептуалне аксиосфере истичемо њену флуидност без оштрих граница, како међу вредносним концептима, тако и међу њиховим издвојеним зонама. Међутим, важно је истаћи релативност зоналног распореда вредности од центра према периферији у оба графичка приказа јер је заснован на квантитативним параметрима добијеним у једнократном

пресеку стања актуелне српске аксиолошке слике света. Ипак, у вези са структуром концепта, па и заједничке аксиосфере, истичемо важност установљених позиција вредности: позиције језгра, као базичног садржаја како концепта, тако и саме аксиосфере, док позиција вредности у зонама периферије одређује границе интерпретационог поља како самих концепта, тако и њихове аксиосфере. У нашем случају структурна организација актуелне српске аксиосфере у оба графичка приказа показује да концепт ЧОВЕК представља базичну вредност не само аксиолошког језгра него и смисаону доминанту која обједињује наведене концепте вредности у заједничку аксиосферу (исп. Богоявленская 2013).

1.0 У даљем излагању представимо организацију речника вредности на макроплану у виду предлога редоследа и начина повезивања речничких одредница, предочених у ранг листи (табела 2), и начина њиховог повезивања. Ово је само једна од шест процедура предвиђених у конципираној методологији израде српског аксиолошких речника. Наша концепција заснива се на досадашњим позитивним резултатима словенске концептологије и концептографије: Лублинске етнолингвистике, међународног семинара ЕУРОЈОС⁶ и руских семантичких и лингвокултуролошких школа⁷, а садржи следеће поступке: 1) избор речи — концепата које ће се обрадити у таквом лексикону (поступак завршен у нашем досадшњем истраживању и укратко представљен у уводу рада); 2) формирање репрезентативног корпуса (избор системских, анкетних и текстуалних извора; типови извора преузети из Лублинске когнитивне етнолингвистике), поступак који ће се реализовати у фази припреме речничке обраде концепата); 3) типологија концепата (тематска, идеографска и комбинована), поступак који ћемо спровести у одређивању редоследа одредница и начина њиховог повезивања у оквиру овог нашег рада; 4) организација садржаја лексикона а) на макро плану, одређивање редоследа концепата и начина њиховог повезивања, задатак који је главна тема овог нашег рада; б) на микро плану, одређивање структуре речничког чланка: фомирање леме, левог дела речничког чланка, са одабраним граматичким информацијама, са најближим парадигматским јединицама и типичним синтагматским спојевима, колокацијама и колекцијама, одабраним етимолошким подацима и везама; избор и редослед информација у десном делу речничког чланка,

⁶ Активности и истраживања међународног семинара ЕУРОЈОС и његовог лексикографског програма израде *Аксиолошког лексикона Словена и њихових суседа* (*Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*) заснивали су се на постулатима Лублинске когнитивне етнолингвистичке школе, а главни резултати су публиковани у лублинском часопису *Етнолингвистика* (од 2004. године, бр. 16, када је часопис постао орган Етнолингвистичке комисије (Bartmiński, Bielińska-Gardziel 2017: 298).

⁷ Савремена руска идеографска лексикографија и концептографија иза себе има богату полувековну традицију теоријских приступа, од 70-их и 80-их година 20. века до данас и велики број речника овог типа, тако да се област развоја концептологије у руској лингвистици данас може пратити на основу већег броја семантичких школа развијених у више лингвистичких центара, а међу најзначајнијим, осим Московске семантичке школе, наводе се Воронешка, Кемеровска, Краснодарска, Волгоградска и Уралска семантичка школа, којима је, и поред међусобних разлика, заједничко то што све оне под концептом подразумевају основну јединицу знања (исп. Попова, Стернин 2005: 10). Међу најзначајнија имена аутора руске когнитивне лингвистике убрајају се Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, З. Д. Попова, Ю. Е. Прохоров, В. И. Красик, А. П. Бабушкин, Л. Г. Бабенко (исп. Павловская 2011).

одређивање и анализа семантике номината и формулисање когнитивних компонената, денотативних и конотативних, које одражавају сазнајну структуру концепта и његову језичку слику⁸; 5) успостављање одговарајућих лексикографских поступака за представљање концептуалног садржаја (синтетички, аналитички или комбиновани аналитичко-синтетички, зависно од типа концепта); 6) начин извођења когнитивне дефиниције, такође у смислу њене условљености типом концепта.

1.1 Поступци наведени под тачкама 4б, 5 и 6 већ су примењени у нашој досадашњој обради одређених вредносних концепата: дом/кућа, породица, домовина/отаџбина, народ, нација, Срби(н), држава, али је планирана њихова дорада или корекција у току обраде концепата (Ристић, Коњик Лазич 2020).

1.2 Макроструктура и начин повезивања одредница:

1. човек

1.1 рађање — умирање, живот — смрт

1.2 особине

1.2.1. физичке особине: глава, лице, тело, руке

1.2.2. духовне особине: дух, душа, срце, вера, нада

1.2.3. карактерне особине: инат, истрајност, толеранција, искреност, поштење

1.2.4. емоције, расположења: љубав, радост — жалост, срећа — туга, страх, љутња, брига, понос

1.2.5. стање: здравље — болест

1.3. људска активност

1.3.1. рад — нерад/лењост, успех — неуспех

1.3.1.1. материјалне вредности стечене радом: новац, кућа, богатство — сиромаштво

1.3.2. делатност

1.3.2.1. ментална: стицање знања: сећање — заборављање

1.3.2.2. когнитивна, сазнајна: истина — лаж

1.3.2.3. говорна: језик, говор, реч

1.3.2.4. уметничка: музика, литература, позориште, филм

⁸ На основу увида у литературу запазили смо да постоји велика сличност у методолошком и термиолошком приступу руске концептологије и културологије са лублинском — пољском, како у избору оперативног апарата тако и у дефинисању основних оперативних појмова као што су језичка, лингвокултуролошка слика света, концепт, стереотип, тако и у лексикографским поступцима. Из разлога наведене сличности у случају израде нашег планираног лексикона биће примењени следећи поступци: 1) избор кључне речи; 2) анализа семантике кључне речи на речничком материјалу (профилисање семног садржаја са илустративним речничким материјалом и потврдама из разних текстова); 3) анализа етимологије кључне речи и одређивање друштвено-историјских услова у којима се реализују нове семе које одражавају развој концепта; 4) анализа лексичке спојивости кључне речи; 5) анализа парадигматских односа кључне речи; 6) реконструкција лексичко-фразеолошког поља кључне речи; 7) реконструкција деривационог поља кључне речи; 8) реконструкција лексичко-граматичког поља кључне речи; 9) анализа анкетног материјала; 10) анализа паремија и афоризама који објективизирају концепт; 11) анализа изабраних текстова и издвајање смислова који субјективизују, профилишу концепт (исп. Павловская 2011).

2. људска заједница

2.1. ужа заједница по крви, сродству или сродности:

2.1.1. породица

2.1.1.1. чланови породице као вредности: мајка, брат, син, ћерка, отац, дете/деца

2.1.2. тазбинско сродство: таст, ташта, свекар, свекрва, девер, заова, ујак

2.1.3. обичајно, ритуално сродство: кум, побратим, посестрима

2.1.4. по сродности, интересовању, блискости: пријатељ — непријатељ, пријатељство/другарство

2.2. шира, друштвена, национална заједница: народ, нација, Срби

2.2.2. друштвене, националне институције: дом, породица, брак, домовина/отацбина, земља / родна грудa, родни крај, завичај, држава, војска, црква

2.2.3. социјална стања: слобода — ропство, независност, мир — рат

2.2.4. међусобни односи у заједници: пријатељство — непријатељство, поштовање, саосећање, толеранција, солидарност, блискост, хуманост

3. култура: култура, образовање, васпитање

4. религија: православље, крштење, венчање, причешће

5. традиција: крсна слава; обичаји: сахрана, свадба, бабине

6. вредновање, оцена

6.1. општа оцена: добро — лоше/зло

6.2. етичка оцена: општедруштвене вредности: морал, част — срамота, храброст — кукавичлук, правда — неправда, родољубље

6.3. естетска оцена: лепо — ружно

6.4. симболичне вредности: крст, застава, грб.

1.3 Предложена макроструктура речника вредности на основу списка од 56 стабилних вредносних концепата идеографски је организована у шест основних великих макроодредница, од којих свака садржи одређен број пододредница јединствене или сложене структуре хијерархијски уређене, што је у предлогу назначено њиховим нумерацијским редоследом. Првих пет макроодредница, вредносних концепата: ЧОВЕК, ЉУДСКА ЗАЈЕДНИЦА — ужа и шира, КУЛТУРА, РЕЛИГИЈА и ТРАДИЦИЈА представљају појмове засноване на денотативном садржају базичних концепата који обухватају читаво концептуално пространство српске језичке слике света. Они су међусобно сферично распоређени око језгра, заснованог на концепту ЧОВЕК са његовим најрелевантнијим биолошко-физиолошким, социјалним и духовним карактеристикама: рађањем и умирањем, физичким, духовним, менталним и емотивним особинама, са људском делатношћу и радом: физичким, умним, уметничким и др., са животом у ужој или широј друштвеној заједници, са вредностима заједнице и друштвених институција, са социјалним односима, културом, религијом и традицијом. Својим садржајем и организацијом представљају актуелну српску аксиосферу, истичући антропоцентрични карактер српске језичке слике света.

1.4 Шеста макроодредница, као макроконцепт ОЦЕНА, заснована је на конотацији и она се у виду субјективних позитивних или негативних вредносних компонената опште, етичке, естетске или симболичне вредности наслојава на денотативне садржаје концепата унутар аксиосфере, и то како оних издвојених у виду макроодредница, тако и бројних вредносних концепата — пододредница или малих концепата⁹, који су у оквиру макроодредница обично хијерархијски организовани, а који се у оквиру заједничке аксиосфере, на основу истих или сличних когнитивних компонената, међусобно умрежавају у сложене промпулзивне, лабаве конфигурације, повезане преклапањем или пресецањем делова садржаја њихових концептуалних поља¹⁰. Под утицајем вредносних компонената ове пододреднице у речнику вредности рализују се или као вредности или као антивредности СЈСС. На основу списка од 56 одредица стабилних вредносних концепата, представљених у табели 2, као и на основу предложене макроструктуре речника, очигледно је да у савременој СЈСС знатно преовлађују вредности над малобројнијим антивредностима. Поларизације вредности одређених концепата на позитивне/пожељне и негативне/непожељне заснована је на опозицији две крајње тачке на скали опште оцене: позитиван — негативан. Ову поларизацију у концептуализацији неких појмова на језичком плану показују парови антонима, па се при реконструкцији опозитних „парних“ концепата на основу речничког материјала, поред лексема са позитивном вредношћу и њених парадигматских низова (синонима, хипонима, афиксалних и семантичких деривата), анализира и њен антоним, лексема са супротним, негативним значењем, као и њени парадигматски низови. Тако, нпр., у реконструисању концепта ЧАСТ, уз лексеми *част*, као назива позитивног дела његове концептосфере, у анализу се узима и њен антоним, лексема *срамота*, као назив њеног негативног пола од-

⁹ Појмове базични или макроконцепт и мали, небазични концепт преузели смо од Н. Ј. Шведова која у идеографској класификацији концепата издваја «основные» («базовые», «большие», «великие») и «малые» («неосновные», «небазовые»). Мали концепти јављају се најчешће у улози конкретизатора великих концепата као њихови параметарски деривати, означавајући појмове обично различитог хијерархијског нивоа (нпр. у оквиру макроконцепта ЗАЈЕДНИЦА на основу параметара сродства јављају се мали концепти: ПОРОДИЦА, МАЈКА, БРАТ и др.; ТАСТ, ТАШТА, КУМ, ПОБРАТИМ ПРИЛАТЕЉ — НЕПРИЛАТЕЉ), или истог нивоа (нпр. у оквиру макроконцепта КУЛТУРА конкретизатори: КУЛТУРА, ОБРАЗОВАЊЕ, ВАСПИТАЊЕ). Ређи су примери меронимске устројености односа између великих и малих концепата (нпр. у оквиру макроконцепта ЧОВЕК реализују се вредности мероними типа: ГЛАВА, ОЧИ, ЛИЦЕ, ТЕЛО; ДУХ, ДУША и др.; или у оквиру макроконцепта ПОРОДИЦА мероними: МАЈКА, БРАТ, СИН, ЋЕРКА, ОТАЦ). У лексикографском смислу мали концепти представљају одређен број лексема, њихових номината, које својим лексичким значењима допуњавају смисао лексема, номината општег појма, елементима релевантним за његову концептуализацију. Они као допунски елементи „представленными в определенной совокупности, позволяют вывести расширенное определение“ концепта не само „как понятийной данности“, него као „такой данности, способной принимать в себя множество дополнительных характеристик“ (Шведова 2006: 508).

¹⁰ У детаљнијем истраживању умрежавања одређеног броја вредносних концепата у руској култури указано је на значај још једног принципа који утиче на њихово умрежавање, а то је принцип корелације вредности у њиховој структури, заснован на њиховој динамичкој поларизацији на скали позитивног — негативног тоналитета (в. Пазио-Влазловска 2021).

носно као антивредност срамота. Дакле, у реконструкцији опозитних лексикализованих концепата појам „вредност“ употребљава се у ужем смислу за номинат концепта са позитивном вредношћу у односу на номинат његове антивредности, негативне вредности. Концептуализација оба номината показује њихову обједињеност истом концептосфером са два аксиолошка пола: позитивним и негативним. Међутим, у ширем значењу појам „вредност“ употребљава се у смислу оцене ентитета изванјезичке реалности, која се реализује у виду аксиолошких компоненти концептуалне структуре¹¹.

2.0 У закључном делу рада представљамо позитивне општелингвистичке, концептолошке и концептографске резултате који би били остварени израдом планираног аксиолошког речника српског језика. Предочена макроорганизација нашег аксиолошког речника обухвата све три основне функције језика: когнитивну, комуникативну и интерпретативну јер је заснована на синтези структурног, садржајног, тематског и операционог приступа у лексикографској обради концепата, као и у лублинској концептографији. На тај начин показује се статички и динамички аспект концептуалног аксиолошког система, у нашем случају аксиолошког система српског језика. Наш синтетички приступ у планираној изради аксиолошког речника одражава се и у начину организовања и повезивања његових одредница на макро- и микро- плану. На макроплану издвојене макро-одреднице у оперативном смислу представљају мисаоне конструкте, јединице знања, који репрезентују колективно искуство у спознаји и идеографској категоризацији света, док на микроплану концепти наведени у оквиру макроодредница представљају допунски тематски садржај сваког издвојеног мисаоног конструкта или макроконцепта. Истовремено, са операционог становишта концепти као одреднице у речнику представљају и одређени смисао који се формира у процесу говорно-мисаоне делатности помоћу когнитивних и језичких механизма: когнитивних као што су профилисање, перспективизација, упоређивање, импликација, концептуална метафора, метонимија и др., и језичких, као што су номинација, творба, спојивост, фразеологија, синтаксичке структуре, текстови и др. Заједно посматрано, концепти у нашем аксиолошком речнику, осим основних заједничких вредности српског језика и културе, представљали би и гносеолошке конструкте осмишљавања знања о свету у виду потпуне или делимичне реконструкције концептуалних тематских садржаја, док би реконструкција садржаја макроконцепата или операционих концепата истовремено представљала

¹¹ У досадашњој литератури истиче се проблем нејединствене дефиниције аксиолошких концепата и њихове различите типологије (позитивне и негативне вредности, релативне и апсолутне, субјективне и објективне, на онтолошке, антрополошке, друштвене, идеолошке итд.), што изазива забуну међу истраживачима. Бавећи се феноменом вредносних концепата Дорота Пазио-Влазловска у својој монографији (2021) даје широку дефиницију овог појма, по којој вредност представља све оно што је значајно за човека, истичући субјективизам и антропоцентризам као његово опште обележје. Субјективни став говорника и његов поглед на свет, према овој ауторки осликавају се како у систему вредности неке културе тако и у систему оцена које се актуализују уз помоћ лексичких средстава датог језика експлицитно или имплицитно.

онтолошке јединице обједињеног знања, контекстуално и ситуативно условљеног смисла (исп. Болдырев 2016).

2.1 Представљена макроструктура речника вредности српског језика, која у основи има лингвистички, а не енциклопедијски карактер, одражава актуелну језичку слику српских вредности и специфичности српске културе. Неки појмови (концепти), који ће бити описани у планираном лексиону, представљају и кључне аксиоконцепте, како са субјективног становишта појединаца, тако и са аспекта националне заједнице, јер имају важну улогу у савременој српској култури. То су концепти типа СЛОБОДА, ПРАВДА, ЧАСТ, ЉУБАВ, СРЕЋА, ЗДРАВЉЕ, ПОРОДИЦА и др., који чине главна чворишта мреже актуелне српске аксиосфере и који, заједно са бројним малим аксиоконцептима у функцији њихових дескриптора, дају специфична обележја српске лингвокултуре (исп. Степанов 1997 (2004), Шведова (ред.) 2011, Bartmiński, Grzeszczak 2014).

2.2 Са ширег лингвосемиотичког становишта наш речник вредности би показао да се аксиолошки садржај заснива на прагматичким карактеристикама знака и његовим многобројним односима с интерпретатором, субјектом који опажа — са човеком. Осмишљени на такав начин знаци могу добити и улогу симбола, носилаца акумулираног колективног искуства. Симболика знака представља виши степен семиотичког представљања реалности и системски се допуњава другим семиотичким модусима — директним, амблематичким и алегоричким осмишљавањем информација. Наведене семиотичке карактеристике знака, па и његов аксиолошки потенцијал, превазилазе базични макросемиотички модел знака са његовим троуглом: семантиком, прагматиком и синтаксом. Повезујући се са културом, макросемиотички модел знака укључује значајне ванјезичке елементе: мотивацију, човека (који актуелизије и осмишљава знак) и свет (референцију) (Карасик 2012).

ЛИТЕРАТУРА

АРСЈ: Предраг Пипер, Рајна Драгићевић, Марија Стефановић. Асоцијативни речник српског језика (I део; од стимулуса ка реакцији). Београд: Београдска књига, Службени лист СЦГ, Филолошки факултет у Београду, 2005.

Богоявленская 2013: Богоявленская Ю. В. Проблема типологии концептов в современной лингвистике. // Лингвокультурология. Вып. 7. Екатеринбург, 2013, 6–16.

Болдырев 2016: Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке / М. В. Дудорова, Т. М. Галкина (ур.). Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016, 16–25.

Карасик 2012: Карасик В. И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. Вып. 1 (39). Екатеринбург, 2012, 43–50. <<http://www.philology.ru/linguistics1/karasik-12.htm>> Приступљено 7. 10. 2024.

ОАРСЈ: Драгићевић Рајна, Пипер Предраг, Стефановић Марија. Обратни асоцијативни речник српског језика. Београд: Службени гласник, 2011.

Павловская 2011: Павловская Н. Ю. Теоретико-методологические основы создания словаря концептов // Карповские научные чтения. / А. И. Головня (гл. ур.). Сб.

науч. ст. Вып. 5/2. Минск: Белорусский Дом печати, 2011, 29–32. <<https://elib.bsu.by/handle/123456789/52137>> Приступљено 7. 10. 2024.

Пазіо-Влазловская 2021: Пазіо-Влазловская Дорота. Церковь в кругу ценностей: семья, традиция, патриотизм (по материалам интернет-портала «Российской газеты»). Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2021.

Попова, Стернин 2005: Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. Т. 1. Волгоград, 2005, 7–10.

Ристић, Лазић-Коњик 2020: Ристић Стана, Лазић-Коњик Ивана. Когнитивни правац у српској етнолингвистици — почеци развоја и актуелни проблеми. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2020.

Ристић, Лазић-Коњик 2021: Ристић Стана, Лазић-Коњик Ивана. Аксиолошки речник српског језика — предлог израде // Јужнословенски филолог. 2021. № LXXVII/2, 105–126.

Ристић, Лазић-Коњик 2022а: Ристић Стана, Лазић-Коњик Ивана. Листа вредности за аксиолошки лексикон српског језика // Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии / М.И. Чернышева (отв.ред.). Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2022, 355–368.

Ристић, Лазић-Коњик 2022б: Ристић Стана, Лазић-Коњик Ивана. Сербская этнолингвистика — когнитивное направление в контексте славянской этнолингвистики // *Etnolingwistyka — bilans dyscypliny. Metody i postulaty badawcze* / Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska, Adam Głaz (red.). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2022, 237–253.

Ристић, Лазић-Коњик 2022в: Ристић Стана, Лазић-Коњик Ивана. Анализа анкетне листе вредносних концепата према старосној доби испитаника // Материјали међународној научној конференцији Етнолингвистика. Ономастика. Етимологија. Екатеринбург, 7–11 септембра 2022 г. / Ред. колегција: Е.Л. Березович (отв. ред.), О.Д. Сурикова (отв. ред.), Е.О. Борисова (отв. секр.), С.О. Горјев, Н.В. Кабиница, К.В. Осипова, М.Э. Рут. Екатеринбург: изд-во Уралског универзитета, 2022, 211–218.

Ристић, Лазић-Коњик 2024: Ристић Стана, Лазић-Коњик Ивана. Систем вредности српске језичке слике света — на материјалу обратног асоцијативног речника. Предато за зборник радова са конференције *6th international lexicological and lexicographical scientific conference Lexicography and values in language*, одржане 23–24. новембра 2023. у Загребу (рад у штампи).

Степанов 1997 (2004): Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва, 1997, 2004.

Уфимцева 2009: Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4, 98–111.

Шведова 2006: Шведова Н.Ю. К определению концепта предмета языкознания // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. Сб. статей. Москва: РУДН, 2006, 506–510.

Шведова (ред.) 2011: Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем его мире / Н.Ю. Шведова (отв.ред.). Москва: РАН, Инс. рус. языка В.В. Виноградова, 2011.

Bartmiński 2018: Bartmiński J. Language in the context of culture. The metaphor of “Europe as home” in this day and age / Adam Głaz (prev.). Katowice: „Śląsk” Wydawnictwo Naukowe, Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, 2018.

Bartmiński, Bielińska-Gardziel 2017: Bartmiński Jerzy, Bielińska-Gardziel Iwona. Fifteen years of the EUROJOS project // *Ethnolinguistic*. 2017. № 28, 297–304.

Bartminski, Grzeszczak 2014: Bartminski Jerzy, Grzeszczak Monika. Jak rekonstruować kanon wartości narodowych i europejskich? // Etnolingwistyka. 2014. № 26, 21–44.

Gryshkova 2014: Gryshkova Nina. Leksem, pojęcie, stereotyp, koncept, znaczenie, idea — propozycja regulacji terminologicznych // Wartości w językowiokulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. Problemy eksplikowania i profilowania pojęć. Vol. 3 / Iwona Bielińska-Gardziel, Stanisława Niebrzegowska Bartmińska, and Joanna Szadura (eds.). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2014, 21–50.

**«СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ХХІ ВЕКА»
ПОД РЕД. Г. Н. СКЛЯРЕВСКОЙ: ОТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ К НОВОМУ ТИПУ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ**

И. О. ТКАЧЕВА

Институт лингвистических исследований Российской академии наук

(Санкт-Петербург, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-0375-4006>

irina-tkach@yandex.ru

В статье рассматривается «Словарь русского языка ХХІ века» под ред. Г. Н. Скляревской, в котором впервые нашли воплощение две важнейшие теоретические идеи — идея создания многотомного словаря нового типа с новым объектом описания и идея кардинального изменения методики при работе над словарем. Подчеркивается, что новая методика позволяет решить ряд лексикографических проблем и в полной мере отразить лексические системные связи в словаре в рамках традиционного языка толкований. Делается вывод о необходимости разработки электронного лексикографического ресурса, без которого невозможна полноценная реализация словаря, составляемого по системному принципу и отличающегося четкой структурой и связанностью его компонентов.

Ключевые слова: русский язык, толковый словарь, лексическая система, лексикографические инновации, лексикографическая традиция, электронная лексикография.

**THE DICTIONARY OF THE 21TH CENTURY RUSSIAN LANGUAGE
ED. BY G. N. SKLYAREVSKAYA: FROM ACADEMIC TRADITION
TO A NEW LEXICOGRAPHIC PARADIGM**

I. O. TKACHEVA

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Saint-Petersburg, Russia)

The paper presents the Dictionary of the 21th Century Russian Language (ed. G. N. Sklyarevskaya) which accomodates two important theoretical ideas — the idea to create multi-volume dictionary of a new type with a new subject for description and the idea to apply a novel methodology for compiling a dictionary. The new methodology makes it possible to solve a number of lexicographical problems and fully represent systemic relations of vocabulary in the dictionary using the traditional metalanguage. The author concludes that a dictionary which is compiled according to a systemic principle and characterized as clearly structured and systematically organized cannot be fully implemented without creating an electronic lexicographical resource.

Keywords: Russian language, explanatory dictionary, lexical system, lexicographical innovations, lexicographical tradition, electronic lexicography.

Введение

Вопрос о создании толкового словаря нового типа был поставлен в теории отечественной лексикографии еще в 60-е годы XX века и в последующие десятилетия активно обсуждался ведущими российскими лексикографами. Предполагалось, что новый словарь должен существенно отличаться от семнадцатитомного «Словаря

современного русского литературного языка» (БАС-1) и составляться по новым принципам. Изначально такой словарь задумывался как нормативно-стилистический, т. е. призванный отражать лексическую систему русского языка в ее современном состоянии без исторической перспективы (Филин 1963; Бабкин 1965; Виноградов 1966; Сорокин 1967; Сороколетов 1978). Немного позднее идея создания нормативно-стилистического словаря получила дальнейшее развитие, чему способствовало появление научных работ, в которых ставился вопрос о необходимости перехода от лингвоцентрического к антропоцентрическому лексикографированию (Караулов 1987, 1988; Морковкин 1988), о возможной лексикографической репрезентации «наивной» картины мира (Апресян 1995). Такая смена ориентиров привела к уточнению объекта описания в словаре нового типа: теперь предполагалось описать лексическую систему не просто как организованную совокупность взаимосвязанных языковых фактов, а как репрезентацию языкового сознания людей, т. е. показать реально функционирующий живой русский язык в его активном употреблении, единый для его современных носителей (Скляревская 1994, 1995; Герд 1995).

В период активных дискуссий были опубликованы два проспекта Нового академического словаря (Бабкин 1971; Скляревская 1994). В первом из них были вынесены на обсуждение вопросы, связанные с возможным глубинным преобразованием типа академического словаря (который не должен быть простым повторением БАС-1 с внесенными дополнениями и исправлениями), а во втором уже была представлена хорошо сформулированная целостная концепция такого словаря.

Однако в 90-е годы XX века, когда эта концепция обсуждалась, язык был чрезвычайно нестабилен, и в таких условиях невозможно было сразу приступить к реализации фундаментального лексикографического проекта. По этой причине было принято решение сначала описать динамические языковые процессы в отдельном аспектном словаре, и только потом переходить к работе над словарем общего типа. Так появился первый словарь языковых изменений (ТСРЯ XX), а немного позднее — его обновленное издание (ТССРЯ XX), а также «Словарь православной церковной культуры» (СПЦК), который был создан на основе ТСРЯ XX. Материалы этих изданий впоследствии планировалось использовать при работе над фундаментальным словарем.

Такими результатами завершился XX век. А в XXI веке концепция словаря нового типа нашла свое воплощение в другом проекте, речь о котором пойдет ниже.

1. Словарь русского языка XXI века: от идеи к конкретным результатам

Работа над «Словарем русского языка XXI века» (далее СлРЯ XXI) была начата в 2001 году по инициативе Г. Н. Скляревской. В его концепции нашли отражение основные идеи, выдвинутые при обсуждении Нового академического словаря в 60–90-е годы XX века:

— словарь описывает лексику русского языка в синхронном срезе без исторической перспективы;

— словарь отражает лексическую систему, соответствующую языковому сознанию ее носителей;

— объектом описания является живой, реально функционирующий современный русский язык.

Концептуальная новизна словаря в сравнении с прежними лексикографическими изданиями, в том числе с БАС-1, подтверждается также рядом других характеристик, среди которых можно выделить несколько основных:

— чрезвычайно обширный словник, охватывающий в том числе такие пласты лексики, которые традиционно оставались за пределами академических толковых словарей (БАС, МАС и др.);

— показ нормативности с помощью системы функционально-стилистических помет, а не путем включения / не включения слова в словарь;

— расширение источников материала и привлечение новых лексических баз;

— отказ от традиционного повторения лексикографического описания многих слов и значений, ранее зафиксированных в словарях;

— ориентированность на максимально полное отражение системных связей;

— распределение отрезков между составителями не по алфавиту, а по содержательному принципу и заполнение корпуса словаря не последовательно от А до Я, а параллельно на все буквы алфавита (подробнее об этом см. в следующем разделе).

Работа над СлРЯ XXI велась более 20 лет. В течение этого периода несколько раз менялось название словаря. В первых двух названиях — «Современный толковый словарь живого русского языка» и «Нормативный толковый словарь живого русского языка» — на первый план выдвигались лишь отдельные характеристики словаря (объект описания и нормативность), которые не отражали в полной мере его содержания. Именно по этой причине от предложенных изначально названий пришлось отказаться.

За более чем двадцатилетний период работы были написаны и опубликованы Проспект и Проект словаря, излагающие его концепцию (Складневская 2004; Складневская и др. 2019; Проект 2019), а также два сборника статей, посвященные теоретическим и практическим вопросам составления словаря (Нормативный толковый словарь 2007; Современный толковый словарь 2016). Концептуальные характеристики СлРЯ XXI, а также аспектные проблемы описания лексики с предложением возможных решений представлены членами авторского коллектива и в других научных изданиях; список публикаций см. (Проект 2019: 6–8; Складневская и др. 2019: 137–138).

На данный момент разработано в общей сложности около 90 000 вокабул, что составляет примерно половину от планируемого объема, т.е. заполнена значительная часть массива словаря на все буквы от А до Я с некоторыми лакунами. Полностью подготовлены буквы А, Б и В.

Востребованность СлРЯ XXI подтверждается широтой его применения:

1) на основе СлРЯ XXI был создан обширный ряд аспектных словарей современного русского языка: «Толковый словарь русского языка начала XXI века: ак-

туальная лексика» (ТСРЯ XXI), «Комплексный нормативный словарь современного русского языка» (КНС), «Толковый словарь ключевых слов русского языка» (ТСКС), девятнадцать словарей серии «Давайте говорить правильно!», три словаря серии «Слова, которые следует знать», а также несколько терминологических словарей, не входящих в указанные серии; при этом из СлРЯ XXI заимствовалась не только собственно лингвистическая информация о словах, но и структура словарной статьи, а также структура словаря в целом. Полный список словарей, подготовленных на основе материалов СлРЯ XXI, приводится в конце статьи;

2) СлРЯ XXI может служить полноценной эмпирической базой для многоаспектного исследования современного русского языка в его современном состоянии. Эта идея уже апробирована с получением положительного результата: в 2020–2022 годах исполнен проект, целью которого было исследование современного русского языка в его основных лексических категориях и функциональных разновидностях на основе материалов СлРЯ XXI (грант Российского фонда фундаментальных исследований № 20–012–00122 от 27.02.2020).

Таким образом, научная ценность СлРЯ XXI определяется не только его концептуальной новизной, но и тем, что он представляет полноценную базу для лингвистических исследований и лексикографической практики, то есть одновременно описывает язык и используется для описания языковых явлений.

Достигнутые результаты стали возможны во многом благодаря кардинальному изменению методики работы над словарем и применению одного важного принципа, речь о котором пойдет в следующем разделе.

2. Идеи Н. Ю. Шведовой и многотомный толковый словарь

В основу методики составления СлРЯ XXI легли идеи Н. Ю. Шведовой, которая предложила отказаться от практики алфавитного распределения отрезков между составителями словарей и перейти к работе с лексическими группировками, поскольку только таким образом возможно избежать непоследовательности и противоречий при разработке однотипных слов (Шведова 1981: 171).

С самого начала работа над СлРЯ XXI велась именно по такому принципу, причем порядок слов в словаре сохранялся традиционно алфавитным: каждый автор-составитель описывал тематическую группу или словообразовательное гнездо, затем полученный отрезок редактировался, на следующем этапе каждая словарная статья помещалась на свое алфавитное место в электронном файле, и таким образом весь корпус словаря постепенно заполнялся готовыми словарными статьями параллельно на все буквы от А до Я; подробнее об этом см. (Скляревская 2016а: 17–24).

В 2001 году, когда начиналась работа над СлРЯ XXI, неалфавитный принцип разработки словарных статей, предложенный Н. Ю. Шведовой, еще не был реализован ни в одном из опубликованных толковых словарей с алфавитным расположением вокабул. В 2007 году ситуация изменилась: вышел в свет «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» (ТСРЯ), который составлялся «не от слова к слову», а по лексико-семантическим группам, причем

одновременно с систематизированным «Русским семантическим словарем» (РСС) и на его основе (Белоусова 2013: 496). Очевидно, что работа над ТСРЯ началась задолго до 2007 года, поэтому некорректным было бы утверждение о том, что принцип Н. Ю. Шведовой применялся в СлРЯ XXI впервые в отечественной лексикографии (о работе над ТСРЯ упоминается еще в Предисловии к РСС, первый том которого был опубликован в 1998 году (Предисловие 1998: XVII)).

Вместе с тем не вызывает сомнений тот факт, что в СлРЯ XXI содержательный принцип распределения отрезков впервые применяется на уровне многотомного толкового словаря с алфавитным расположением слов. Подобная методика работы над многотомным словарем (в сравнении со словарем однитомным) сопряжена с дополнительными сложностями. Во-первых, чем более обширен и разнообразен по составу словник, тем сложнее его классифицировать и реализовать идею распределения словарных отрезков по группам. Во-вторых, значительно усложняет реализацию поставленной задачи чрезвычайно глубокая и разветвленная структура словарных статей в СлРЯ XXI. В-третьих, не существует достаточной по объему и степени разработанности идеографической базы, которую можно было бы взять за основу при составлении СлРЯ XXI. Тем не менее перечисленные сложности не стали препятствием для продуктивной работы над СлРЯ XXI по неалфавитному принципу.

Необходимо также обозначить несколько существенных отличий в применении подхода Н. Ю. Шведовой при работе над СлРЯ XXI в сравнении с ТСРЯ:

1) перед составителями СлРЯ XXI не ставилась задача построения целостной классификации словника из-за его чрезмерно большого объема, исключительной сложности и трудоемкости его классифицирования, а также по причине его постоянного пополнения и корректирования в процессе работы;

2) при работе над СлРЯ XXI разбиение лексики на группы осуществлялось не по одному, а по разным основаниям. Так, автор-составитель мог описывать в пределах одного отрезка лексико-семантическую или тематическую группу, словообразовательное гнездо, синонимические ряды или антонимические пары, гипонимы и гиперонимы. В некоторых случаях отрезки формировались спонтанно с переходом по цепочке от одного слова к другому с целью соотнесения толкований разных слов между собой; пример подобного отрезка от *скачки* до *мотать* см. в (Ткачева 2016). Отдельно разрабатывались также группы лексики, относящиеся к разным функционально-стилистическим пластам, например, жаргонная, официальная, терминологическая лексика (последняя разбивалась дополнительно по областям). Закономерно возникающая при этом проблема возможных пересечений между отрезками разных авторов решалась в рабочем порядке. Подробнее о разбиении лексики на группы см. (Складневская 2016б: 752–754).

Кардинальное изменение методики словарной работы представляется чрезвычайно важным шагом в развитии концепции словаря нового типа. Об этом еще несколько десятилетий назад писал А. М. Бабкин: выдвигая различные соображения и предложения по составлению Нового академического словаря, он называл переход к новой методике лексикографической работы одним из нескольких важней-

ших условий, без соблюдения которых невозможно говорить о создании действительно нового словаря, нового по сути, а не только по названию (Бабкин 1971: 16).

Итак, в концепции СлРЯ XXI впервые в истории отечественной лексикографии были объединены две важнейшие теоретические идеи: идея создания многотомного толкового словаря нового типа (с новым объектом описания) и идея кардинального изменения методики лексикографической работы, изначально высказанная Н. Ю. Шведовой применительно к одностомному словарю и получившая свое новое воплощение в словаре многотомном. Такая интеграция идей вносит существенный вклад в развитие теории и практики толковой лексикографии. Об особенностях реализации принципа Н. Ю. Шведовой в СлРЯ XXI речь пойдет в следующем разделе.

3. Реализация принципа Н. Ю. Шведовой в СлРЯ XXI

Системный принцип, применяемый при составлении СлРЯ XXI, предполагает более строгие требования к построению словарных статей в сравнении с принятыми в традиционной академической лексикографии. Эти требования распространяются на структуру и содержание словарной статьи: на порядок расположения зон, на последовательность подачи и форму элементов внутри зон, на формулировки толкований. Требования к формулировкам толкований заслуживают особого внимания, поскольку задача описания значений слов представляется наиболее сложной при составлении словарных статей.

Работая над словарем не по алфавитному, а по содержательному принципу, описывая значительное число разнообразных лексических единиц и анализируя многочисленные словарные статьи из других словарей, авторы-составители сталкивались с определенными недостатками толкований в академических словарях общего типа. К таким недостаткам можно отнести:

— неунифицированность толкований слов, принадлежащих к одной лексикосемантической группе; см. в БАС-1: **Вечер...** 1. Часть суток, наступающая с окончанием дня и предшествующая наступлению ночи. **Утро...** 1. Время суток после ночи перед началом дня;

— полная или почти полная идентичность толкований при разных словах, т. е. необоснованное дублирование информации в толкованиях см. в МАС-2: **Вертеться...** 1. Совершать круговые движения, вращаться, кружиться; **Крутиться...** 1. Совершать круговое движение, вращаться, вертеться;

— содержательная неразличимость по-разному сформулированных толкований, т. е. отсутствие четко выраженной информации о том, есть ли семантическое различие между словами или нет; см. в БАС-1: **Качать...** 1... Приводить в колебательное движение, наклоняя из стороны в сторону или вверх и вниз; **Колебать...** 1. Приводить что-либо в однообразно повторяющееся движение сверху вниз или из стороны в сторону; заставлять колебаться (в 1-м знач.);

— логические круги в определениях; см. в МАС-2: **Острый...** 1. Имеющий хорошо колющий конец или хорошо режущий край...; **Колоть**¹... 1. Касаясь чем-л. острым, причинять боль...; **Резать...** 1... Действуя чем-л. острым, разделять на части.

В СлРЯ XXI избежать такой непоследовательности позволяет соблюдение определенных правил при построении толкований:

— применение типовых толкований для описания слов, относящихся к одной лексико-семантической группе, например: **Вечер...** Часть суток от окончания дня до наступления ночи; **Утро...** Часть суток от окончания ночи до наступления дня;

— запрет на одинаковые описательные толкования при разных словах и строгое соотнесение синонимов, например: **Крутиться...** 1. Совершать круговые движения; **Вертеться...** Разг. 1. Крутиться (1 зн.);

— разграничение толкований близкозначных слов с четким отражением дифференциального признака, например: **Качать...** Приводить в ритмичное повторяющееся движение из стороны в сторону или вверх и вниз; **Колебать...** Слегка, плавно качать (о ветре, волнах);

— построение толкований без потенциально возможных логических кругов, например: **Колоть¹...** 1. Касаясь чем-л. острым, причинять боль; **Резать...** Действовать чем-л. острым, разделяя на части; **Острый...** 1. Имеющий очень тонкий край, позволяющий легко разделять что-л. на части (о ноже, лезвии и т. п.); имеющий очень тонкий конец, легко вводимый, вонзаемый во что-л. (об игле, пике и т. п.).

Эти правила представляются универсальными для всего словаря в целом и применяются в отношении лексики любых тематических группировок, лексико-грамматических классов, лексических категорий, функциональных разновидностей языка. Примеры унификации толкований слов, относящихся к различным лексическим объединениям, представлены в научных статьях авторов-составителей СлРЯ XXI: см., например, о разработке лексики основного словарного фонда (Антошинцева 2007; Белик 2007; Складневская 2016а: 22–24), лексики различных сфер жизни и деятельности человека (Ткачева 2007; Фивейская 2007; Дурнева, Крылова 2016), жаргонной и терминологической лексики (Севастьянова 2007; Ваулина 2016), синонимов, антонимов, омонимов (Ваулина 2007; Федотова 2020; Грачкова 2021), незначительной лексики (Фивейская, Чепурных 2016; Ткачева 2020). Перечень таких групп чрезвычайно широк, и, естественно, далеко не все из них нашли отражение в публикациях, посвященных работе над СлРЯ XXI.

Среди всего многообразия лексических объединений, выделенных по разным основаниям, особого внимания заслуживает группа служебных слов, которая справедливо считается одной из самых сложных с точки зрения лексикографирования.

4. Служебные слова в СлРЯ XXI

Способы описания служебных слов, принятые в традиционной академической лексикографии, неоднократно подвергались критике. Ученые еще с середины XX века обращали внимание на чрезмерно обобщенный характер толкований, на отражение в толкованиях служебных слов только грамматической информации без учета семантической, на отсутствие указания индивидуальных особенностей разных служебных слов, относящихся к одному разряду (Евгеньева 1957; Рогожникова 1974а, 1974б; Щур 1988; Стародумова 2002 и др.).

Недостаточная разработанность принципов толкования служебной лексики в словарях объясняется несколькими причинами: во-первых, объективной трудностью выявления и вербального выражения семантики служебных слов, а во-вторых, тем, что служебные части речи как объект лингвистического описания традиционно относят к сфере грамматики, а не к сфере лексикологии.

И действительно, в академической лексикографии проблемам разработки служебной лексики уделяется очень мало внимания. Так, в тексте Инструкций к БАС-1 и МАС-1 приемам толкования служебной лексики посвящено всего несколько строк: в Инструкции к МАС-1 об этом не дано никакой информации за исключением того, что определения должны отражать грамматическую природу слова и что слова, относящиеся к одной части речи (в том числе незнаменательные), должны определяться однотипно (Инструкция 1953: 34), а в Инструкции к БАС-1 приводится всего несколько примеров типовых формальных толкований, раскрывающих «грамматические отношения слов языка»: «Употребляется для...», «Обозначает...», «Усиливает, подчеркивает, выделяет...», «Противопоставляет...» (Инструкция 1958: 29). Очевидно, что такие чрезмерно краткие и обобщенные рекомендации не способствуют полноценному отражению семантики служебных слов в словаре.

В конце XX — начале XXI века отмечается рост интереса к лексикографическому описанию служебной лексики: выходит в свет несколько словарей, в которых производится попытка усовершенствовать способы толкования служебных слов (Рогожникова 1991; Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Морковкин 1997; Шимчук, Щур 1999; Стародумова 2001; Морковкин 2003; Бурцева 2005). Среди них наибольшую ценность для общей толковой лексикографии представляют словари Р. П. Рогожниковой (Рогожникова 1991) и В. В. Морковкина (Морковкин 1997, 2003), поскольку принципы построения толкований и структура словарной статьи в них близки к традиционным. Чрезвычайно важной для лексикографической практики представляется также идея Р. П. Рогожниковой выносить в отдельную вокабулу так называемые эквиваленты слов (*в связи с, тем не менее, вот и, если бы* и т. п.), которые традиционно описывались как устойчивые сочетания внутри других словарных статей. Эта идея была реализована и в словарях В. В. Морковкина.

Несмотря на активное обсуждение обозначенной проблемы в научной литературе, а также предложение возможных решений и их практическую реализацию в аспектных словарях, в общей толковой лексикографии задача содержательного и непротиворечивого описания служебных слов до сих пор остается нерешенной, а принципы толкования служебной лексики не меняются даже в современных толковых словарях, опубликованных уже в XXI веке¹. Так, по-прежнему широко используются:

— синонимические толкования с образованием логических кругов, в сущности не содержащие информации о значении;

¹ Исключением среди толковых словарей общего типа является однотомный «Большой универсальный словарь русского языка» под ред. проф. В. В. Морковкина (Москва, 2016), в который были включены словарные статьи из «Словаря структурных слов» (Морковкин 1997, 2003).

— толкования, указывающие не на значение конкретного служебного слова, а на разряд по значению, к которому оно относится;

— толкования, не содержащие указания на дифференциальные семантические признаки у близкозначных слов.

В качестве иллюстрации приведем несколько фрагментов словарных статей из БАС-3: **Согласно...** 5. *Предлог с дат. пад.* Соответственно, сообразно с чем-л., следуя чему-л.; **Соответственно...** 3. *Предлог с дат. пад.* Согласно, сообразно чему-л., в соответствии с чем-л.; **Но, союз.** 1. *Противит.* Употр. при противопоставлении, разграничении и т. п.; **Зато, союз...** 1. Употр. при противопоставлении, сопоставлении; но в то же время, однако; **Значить...** 3. ... *Значит.* Разг. Следовательно, стало быть, выходит. ... *В функц. союза;* **Следовательно...** 2. Присоединит. союз. а) Присоединяет члены предложения со значением следствия, обозначая: поэтому, вследствие этого. ... б) Присоединяет целые предложения со значением вывода, логического заключения, обозначая: исходя из этого, основываясь на этом.

Системный принцип составления словаря, применяемый в СлРЯ XXI, сам по себе способствует совершенствованию приемов толкования служебных слов. Даже если бы проблема лексикографического описания служебной лексики не поднималась в научной литературе, в СлРЯ XXI толкования служебных слов были бы кардинально изменены, поскольку в соответствии с системным принципом они должны отвечать требованию последовательности и непротиворечивости и показывать, в какой связи служебные слова находятся друг с другом и как соотносятся их значения.

Для решения этой задачи в СлРЯ XXI применяются:

— развернутые описательные толкования, в полной мере раскрывающие семантику служебных слов;

— особые типовые комментарии в конце толкований, отражающие тончайшие смысловые и прагматические оттенки у близкозначных служебных слов — «с усилением», «с оттенком смягчительности», «с подчеркиванием противопоставления» и т. п.; подробнее см. (Ткачева 2020);

— синонимические толкования, показывающие полное совпадение семантических и прагматических особенностей у разных служебных слов.

Приведем несколько примеров таких толкований из СлРЯ XXI:

В СООТВЕТСТВИИ С, предлог с тв.

1. Употр. при обозначении чего-л., что является определяющим фактором действия; соответственно (1 зн.). *Двигатели разработаны в соответствии с европейскими экологическими стандартами.* ...

2. При обозначении чего-л., что является объективной причиной какого-л. процесса; соответственно (2 зн.). ... *Вегетация растений происходит в соответствии с сезонными колебаниями температуры.*

СООТВЕТСТВЕННО, предлог с дат.

1. = В соответствии с (1 зн.). *Места в парламенте распределяются соответственно доле полученных голосов.* ...

2. = В соответствии с (2 зн.). *Направление течения в устье реки изменяется соответственно чередованию приливов и отливов.*

СОГЛАСНО, *предлог с дат.*

Употр. при обозначении документа, акта, распоряжения и т. п., в соответствии с которыми что-л. утверждается, решается. *Батальон, согласно уставу, принял бой. ...*

НО¹, *союз.*

3. Для присоединения части или члена предложения, содержание которых в полной мере компенсирует отрицательные стороны ситуации, описанной в начале высказывания. *Жизнь была трудная, но интересная. ...*

ЗАТО, *союз.*

Употр. для присоединения части или члена предложения, содержание которых в полной мере компенсирует отрицательные стороны ситуации, описанной в начале высказывания (с подчеркиванием преобладания положительных сторон над отрицательными); но зато. *Дело рискованное, зато прибыльное.*

ЗНАЧИТ², *союз.*

Употр. для присоединения придаточной части сложноподчиненного предложения, содержащего вывод из главной части. *В окнах горит свет, значит хозяин еще не спит. ...*

СЛЕДОВАТЕЛЬНО³, *союз.*

Употр. для присоединения придаточной части сложноподчиненного предложения, содержащего вывод из главной части (обычно с оттенком официальности). *Изыскать дополнительные средства в бюджете будет нелегко, следовательно потребуется в корне пересмотреть систему осуществления закупок. ...*

Итак, опыт работы над СлРЯ XXI показывает, что, несмотря на исключительную сложность поставленной задачи, совершенствование способов толкования служебных слов в общем толковом словаре представляется осуществимым.

5. СлРЯ XXI как словарь нового типа и академическая традиция

При описании концепции нового словаря обычно принято акцентировать внимание на таких особенностях, которые отличают его от предыдущих лексикографических изданий. В этом разделе мы бы хотели сместить акценты и поговорить не о новизне СлРЯ XXI, а о тех его чертах, которые можно отнести к традиционным в академической лексикографии.

В СлРЯ XXI нашла воплощение новаторская идея содержательного (неалфавитного) принципа составления словаря, а результатом работы в соответствии с этим принципом явилось изменение и усовершенствование многих дефиниций, о чем мы уже говорили в ранее. Однако необходимо понимать, что такое изменение и усовершенствование производилось с опорой на уже сложившиеся в традиционной лексикографии приемы толкования слов, которые в своей основе были заимствованы в СлРЯ XXI из академических толковых словарей. Перечислим, какие особенности традиционного языка толкований сохраняются в СлРЯ XXI.

1) В качестве языка описания по-прежнему используется тот же самый язык, который и описывается, т. е. толкования строятся без введения специально создан-

ного искусственного метаязыка в отличие, например, от словарей Московской семантической школы (Апресян 1997; Апресян 2014–2024).

2) Сохраняется общий синтаксический принцип построения толкований (толкование значения одним предложением, соответствие формы толкования частеречной принадлежности слова).

3) Сохраняются основные типы толкований, принятые в традиционной лексикографии: описательные, деривационные, синонимические и отсылочные.

4) Сохраняются способы отражения различных аспектов системности: указание на синонимические связи с помощью синонимических толкований или комментариев в конце описательного толкования, указание на словообразовательные связи с помощью деривационных толкований, указание на принадлежность слова к определенной лексико-семантической группе с помощью типовых толкований.

5) Используются некоторые типовые формулировки, встречающиеся в академических толковых словарях в большей или меньшей степени регулярно. Так, в СлРЯ XXI практически без изменений был заимствован целый ряд типовых деривационных толкований, которые, как оказалось, достаточно хорошо разработаны и применяются в академических словарных изданиях наиболее последовательно (обширный перечень таких типовых толкований приводится в Инструкции к МАС-1 (Инструкция 1953: 35–39, 50–57): «Свойство...», «Действие по...», «Состояние по...» (для отвлеченных существительных); «Женск. к...» (для феминитивов); «Самка...» (для наименования самок животных); «Детеныш...», «Птенец...» (для наименований детенышей животных); «Однокр. к...», «Многokr. к...» (для глаголов однократного и многократного действия); «Начать ...» (для глаголов начинательного действия); «Относящийся к...», «Принадлежащий...», «Состоящий из...», «Сделанный из...», «Приготовленный из...», «...», «Добываемый из...» (для относительных прилагательных с разными значениями) и др. Помимо этого в СлРЯ XXI были заимствованы некоторые типовые толкования непроизводных слов, сложившиеся и принятые в академических толковых словарях, однако применяемые несистематично (например, «Предмет мебели...», «Раздел медицины, изучающий...» или «Народ, составляющий основное население...» и т. п.). Такие толкования выбирались из нескольких представленных в словарях вариантов для решения проблемы унификации.

6) В СлРЯ XXI сохраняются основные зоны, поля и элементы в структуре словарной статьи: зона заголовка и зона значения, поля вокабулы, грамматической характеристики, помет, толкования, иллюстративных примеров, устойчивых сочетаний и т. п.; сохраняется стандартная нумерация значений (без выделения подпунктов). Таким образом, место толкования в словарной статье тоже остается традиционным.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что СлРЯ XXI, несмотря на свою бесспорную новизну в сравнении с другими толковыми словарями общего типа, сохраняет преемственность академической традиции, что проявляется в первую очередь в использовании традиционной структуры словарной статьи и традиционного языка толкований. Такой язык, понятный широкому кругу читателей, де-

лает словарь антропоцентричным, т. е. ориентированным на человека, что отвечает принципам нового типа лексикографирования.

6. Проблемы издания СлРЯ XXI и перспективы дальнейшей работы

Составление толкового словаря не по алфавитному, а по содержательному принципу имеет множество преимуществ; вместе с тем такой порядок работы над словарем не лишен и определенных недостатков. Во-первых, системный принцип описания лексики в СлРЯ XXI предполагает более строгие требования к построению словарных статей (об этом мы уже говорили выше), а на приведение их в соответствие с этими требованиями необходимы дополнительные усилия лексикографа и дополнительное время, что существенно замедляет процесс составления словаря. Во-вторых, чрезвычайно трудной оказывается задача публикации такого словаря.

Как известно, проекты многотомных толковых словарей далеко не всегда удавалось реализовать от начала и до конца, т. е. от первого до последнего тома. Единственным в истории отечественной лексикографии изданным полностью толковым словарем большого типа по-прежнему остается 17-томный БАС-1; к незавершенным, но продолжающимся изданиям, имеющим все шансы на полную публикацию, можно отнести третье издание Большого академического словаря (БАС-3). Другие многотомные словари — Словарь Шахматова (СлШахм), Словарь Державина (СлДерж), второе издание Большого академического словаря (БАС-2) так и остались незавершенными, поскольку подобные словарные проекты, будучи наиболее длительными и трудоемкими по исполнению, с высокой вероятностью могут быть прерваны на любом этапе работы. Применение системного подхода, т. е. составление многотомного словаря не последовательно, а параллельно на все буквы алфавита, в еще большей степени препятствует полной реализации такого проекта.

Работа над СлРЯ XXI по содержательному принципу велась с 2001 года. В 2018 году, когда массив словаря был заполнен готовыми словарными статьями примерно наполовину от общего планируемого объема, был поднят вопрос о подготовке первого тома СлРЯ XXI к публикации, поскольку возникла острая необходимость обнародовать результаты очень длительной и продуктивной лексикографической работы. Готовый к тому времени в значительной части текст словаря содержал лакуны в алфавите, которые необходимо было заполнить, а для этого пришлось временно отступить от системного принципа составления статей и перейти к алфавитному. Таким образом были полностью сформированы буквы А, Б и В и подготовлен первый том словаря (А – бета-частица), который в 2019 году был напечатан в одном пробном (пилотном) экземпляре. К сожалению, печати тиража за этим не последовало.

Опыт подготовки к изданию первых томов СлРЯ XXI с неудавшейся попыткой их публикации позволил оценить дальнейшие перспективы работы и сделать вывод о нецелесообразности издания такого словаря в традиционном бумажном формате по нескольким причинам:

1) от начала работы над словарем до начала публикации проходит чрезмерно большой период времени, существенно превышающий время, необходимое на написание и подготовку к изданию первого тома словаря, составляемого по алфавиту; при этом подготовка и печать последующих томов растягивается на необозримый срок;

2) даже в случае выхода из печати одного или нескольких первых томов значительный массив полностью готовых словарных статей на остальные буквы в середине и в конце алфавита не может быть обнародован в течение длительного времени;

3) для заполнения лакун в томе приходится временно переключаться на работу по алфавиту. И хотя от системного принципа при этом авторы-составители полностью не отступают, такой переход оказывается в целом нерациональным.

Оптимальным решением этой проблемы представляется полный отказ от бумажного издания и переход к изданию электронному, предполагающему постепенную загрузку материалов в компьютерную систему, специально разработанную для такого словаря и ориентированную на его структурные особенности. Электронная публикация словаря в такой системе будет иметь ряд преимуществ в сравнении с традиционной печатью бумажного издания:

1) электронный лексикографический ресурс делает возможной загрузку словарных статей не последовательно по томам, а параллельно на все буквы алфавита от А до Я (при сохранении алфавитного расположения статей), что в полной мере соответствует содержательному (неалфавитному) принципу составления словаря. Например, еще не завершив работу над буквой А, возможно публиковать в электронном виде статьи на другие буквы, в том числе находящиеся в середине и в конце алфавита;

2) исчезнет необходимость переходить к алфавитному принципу составления словаря для подготовки конкретного тома;

3) электронный ресурс дает лексикографу больше возможностей для показа системных лексических связей, поскольку позволяет соотносить между собой словарные статьи с помощью гиперссылок;

4) если в подобной электронной системе будет возможен поиск по различным параметрам, это значительно облегчит работу лексикографа, а также сделает более удобным и быстрым отбор материала из СлРЯ XXI, необходимый для проведения лингвистических исследований;

5) электронный ресурс позволяет вносить дополнения и исправления в уже загруженные в систему словарные статьи;

6) увеличивается скорость публикации словарных статей, т. к. не требуется время на редактуру, верстку, корректуру и печать.

Подчеркнем, что создание электронного ресурса для размещения СлРЯ XXI необходимо в первую очередь потому, что только в такой форме и возможна полноценная и своевременная реализация многотомного словаря, составляемого по системному принципу и отличающегося четкой структурой и связанностью его компонентов. Такой ресурс, безусловно, был бы необходим даже при наличии пе-

чатной версии словаря, поскольку на современном этапе развития лексикографии практика составления словарей предполагает параллельную разработку бумажной и электронной версий, что делает словарь более доступным, а пользование им — более удобным для широкого круга читателей, однако востребованность такого ресурса объясняется не только ориентацией на удобство пользователя.

Идея обязательной электронной репрезентации многотомного словаря, составляемого по системному принципу и отражающего с максимальной полнотой системные связи между единицами языка, представляется универсальной, т. е. может быть применена и к другим толковым словарям большого типа, в перспективе — к будущему изданию Большого академического словаря русского языка. Вопрос о создании электронной версии БАС-3 уже был поставлен сотрудниками Института лингвистических исследований РАН (Ваулина 2024); следующим этапом (возможно, в далеком будущем) закономерно видится изменение методики работы над Большим академическим словарем с отказом от последовательного составления словаря по алфавиту и полной переориентацией на электронную версию.

Итак, многолетняя работа над словарем нового типа, в котором лексическая система должна описываться последовательно и непротиворечиво, приводит нас в итоге к выводу о необходимости создания электронного ресурса, без которого невозможно такой словарь в полной мере реализовать.

СлРЯ XXI, описанию которого посвящена статья, безусловно, вносит серьезный вклад в развитие общей толковой лексикографии. Он является воплощением важнейших теоретических идей, высказанных еще в XX веке. При бесспорной концептуальной новизне СлРЯ XXI сохраняет преемственность лексикографической традиции. Колоссальный опыт, полученный в ходе его создания, выработанные принципы, а также теоретические выводы, к которым пришли авторы-составители в результате более чем двадцатилетней работы, — все это может служить серьезным подспорьем при составлении других толковых словарей общего типа, а текст СлРЯ XXI может использоваться не только для лексикографической практики, но и для проведения лингвистических исследований. СлРЯ XXI представляет большую ценность для науки и, безусловно, должен быть опубликован. Таким образом, следующим шагом в работе над СлРЯ XXI видится создание электронного лексикографического ресурса, который позволит сделать его материалы общедоступными.

СЛОВАРИ²

Словари серии «Давайте говорить правильно!»

Богданова Н.В., Вербицкая Л.А., Скляревская Г.Н. Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения. Краткий словарь справочник. Санкт-Петербург, 2002.

² Материал располагается в хронологическом порядке.

Складневская Г. Н., Ваулина Е. Ю. Давайте говорить правильно! Трудности грамматического управления в современном русском языке. Краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2003.

Складневская Г. Н., Ткачева И. О. Давайте говорить правильно! Политический язык современной России. Краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2003.

Складневская Г. Н., Ваулина Е. Ю. Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке. Краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2004.

Ваулина Е. Ю. Давайте говорить правильно! Юридическая терминология современной России. Краткий словарь справочник. Санкт-Петербург, 2005.

Складневская Г. Н., Ваулина Е. Ю. Давайте говорить правильно! Новые и наиболее распространенные финансовые термины в современном русском языке. Краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2005.

Складневская Г. Н., Ваулина Е. Ю. Давайте говорить правильно! Новые и наиболее распространенные экономические термины в современном русском языке. Краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2005.

Складневская Г. Н. Давайте говорить правильно! Лексика православной церковной культуры. Краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2005.

Ваулина Е. Ю. Давайте говорить правильно! Словарь компьютерных терминов. Краткий словарь справочник. Санкт-Петербург, 2006.

Антошинева М. А., Чепурных Н. О. Давайте говорить правильно! Слова, обозначающие родство в современном русском языке. Краткий словарь справочник. Санкт-Петербург, 2007.

Ваулина Е. Ю., Севастьянова Н. Д. Давайте говорить правильно! Стилистический словарь синонимов современного русского языка. Краткий словарь справочник. Санкт-Петербург, 2007.

Ваулина Е. Ю., Штельмахин Е. В. Давайте говорить правильно! Метафора в современной публицистике. Краткий словарь справочник. Санкт-Петербург, 2007.

Ткачева И. О., Дурнева А. А. Давайте говорить правильно! Спортивная лексика в современном русском языке. Краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2007.

Фивейская Е. А., Вербицкая О. Н. Давайте говорить правильно! Слова в иноязычном написании в современном русском языке. Краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2007.

Антошинева М. А., Дурнева А. А. Давайте говорить правильно! Термины современного градостроительства. Краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2008.

Ваулина Е. Ю., Белик В. В. Давайте говорить правильно! Специальная лексика точных наук. Краткий словарь справочник. Санкт-Петербург, 2008.

Ваулина Е. Ю., Штельмахин Е. В. Давайте говорить правильно! Лексика современной экологии. Краткий словарь справочник. Санкт-Петербург, 2008.

Лазарева О. А., Шушков А. А. Давайте говорить правильно! Паронимы современного русского языка. Краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2008.

Севастьянова Н. Д., Чепурных Н. О. Давайте говорить правильно! Актуальная медицинская лексика. Краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2008.

Словари серии «Слова, которые следует знать»

Ваулина Е. Ю., Вербицкая О. Н. Новейшая физическая терминология: нанотехнологии. Краткий словарь. Санкт-Петербург, 2014.

Ткачева И. О., Дурнева А. А. Современная спортивная лексика. Краткий словарь. Санкт-Петербург, 2014.

Фивейская Е. А., Севастьянова Н. Д. Современная официальная лексика. Краткий словарь. Санкт-Петербург, 2014.

Терминологические словари, не входящие в серии

Ваулина Е. Ю. Мой компьютер: толковый словарь. Москва, 2003.

Ваулина Е. Ю. Информатика: толковый словарь. Москва, 2005.

Ваулина Е. Ю. Математика, физика, химия, биология: толковый словарь. Москва, 2006.

Ваулина Е. Ю. Футбол: краткий словарь. Санкт-Петербург, 2018.

Ваулина Е. Ю., Чердаков Д. Н. Футбол: толковый словарь с английскими и французскими эквивалентами. Санкт-Петербург, 2021.

ЛИТЕРАТУРА

Антошинцева 2007: Антошинцева М. А. Проблемы лексикографического представления замкнутой лексико-семантической группы (на материале лексики родства) // Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности. Сборник статей / Под ред. Г. Н. Складчиковой. Санкт-Петербург, 2007, 210–225.

Апресян 1995: Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва, 1995, 348–388.

Апресян 1997: Апресян Ю. Д. (ред.) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Москва, 1997.

Апресян 2014–2024: Апресян Ю. Д. (ред.) Активный словарь русского языка / Отв. ред. академик РАН Ю. Д. Апресян. Т. 1–4. 2014–2024 (продолжающееся издание).

Бабкин 1965: Бабкин А. М. Лексикографическая традиция и пути ее обновления // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1965. Т. XXIV. Вып. 5, 396–404.

Бабкин 1971: Бабкин А. М. Новый академический словарь русского языка. Проспект / Отв. ред. Ф. П. Филин. Ленинград, 1971.

Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. Москва, 1993.

БАС-1: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин. Москва; Ленинград, 1948–1965.

БАС-2: Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 1–6 / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Москва, 1991–1994.

БАС-3: Большой академический словарь русского языка. Т. 1–28 / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Москва; Санкт-Петербург, 2004–2024 (продолжающееся издание).

Белик 2007: Белик В. В. Представление в «Нормативном толковом словаре живого русского языка» прилагательных с семантикой времени и пространства, в их связи с категорией размерности // Нормативный толковый словарь живого русского языка: теорети-

ческие проблемы и практические трудности. Сборник статей / Под ред. Г. Н. Складневской. Санкт-Петербург, 2007, 176–189.

Беловцова 2013: Беловцова А. С. О новых жанрах словарей русского языка под редакцией академика РАН Н. Ю. Шведовой // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М. И. Чернышева. Москва, 2013, 481–497.

Бурцева 2005: Бурцева В. В. (сост.) Словарь наречий и служебных слов русского языка / Сост. В. В. Бурцева. Москва, 2005.

Ваулина 2007: Ваулина Е. Ю. Принципы описания омонимии в «Нормативном толковом словаре живого русского языка» // Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности. Сборник статей / Под ред. Г. Н. Складневской. Санкт-Петербург, 2007, 42–63.

Ваулина 2016: Ваулина Е. Ю. Представление терминологической лексики в «Современном толковом словаре живого русского языка» // Русский язык за рубежом. 2016. № 4 (257), 44–48.

Ваулина 2024: Ваулина Е. Ю. Будущее «Большого академического словаря русского языка»: возвращение к традициям толковой лексикографии и новые возможности // Лексикография цифровой эпохи. Сборник материалов II Международного симпозиума (Москва, Томск, 20–22 ноября 2024 года). Томск, 2024, 65–68.

Виноградов 1966: Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6, 3–26.

Герд 1995: Герд А. С. К концепции Нового академического словаря. Отбор слов в словарь // Очередные задачи русской академической лексикографии. Санкт-Петербург, 1995, 24–30.

Грачкова 2021: Грачкова М. А. Обоснование синонимии терминов в современном русском языке (по материалам «Словаря русского языка XXI века») // Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи. Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе. Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи». Нижний Новгород, 2021, 108–114.

Дурнева, Крылова 2016: Дурнева А. А., Крылова И. А. Проблемы унификации словарных статей в «Современном толковом словаре живого русского языка» (на материале лексики медицинской сферы) // «Современный толковый словарь живого русского языка»: на пути к завершению. Сборник научных статей / Отв. ред. проф. Г. Н. Складневская. Санкт-Петербург, 2016, 139–167.

Евгеньева 1957: Евгеньева А. П. О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием большого Словаря современного русского литературного языка АН СССР // Лексикографический сборник. Вып. 2. Москва, 1957, 167–177.

Инструкция 1953: Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах) / Под ред. С. Г. Бархударова, А. П. Евгеньевой. Ленинград, 1953.

Инструкция 1958: Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах). Москва; Ленинград, 1958.

Караулов 1987: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва, 1987.

Караулов 1988: Караулов Ю. Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикологии // Советская лексикография. Сборник статей. Москва, 1988, 5–18.

КНС: Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Часть 2: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка): В 2 кн. / Под общ. ред. Г.Н. Складерской, Е.Ю. Ваулиной. Санкт-Петербург, 2012.

МАС-1: Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Москва, 1957–1961.

МАС-2: Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1981–1984.

Морковкин 1988: Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. Москва, 1988, 131–136.

Морковкин 1997: Морковкин В.В. (ред.) Словарь структурных слов русского языка / Под ред. проф. В.В. Морковкина. Москва, 1997.

Морковкин 2003: Морковкин В.В. (ред.) Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Под ред. д. филол. н., проф. В.В. Морковкина. Москва, 2003.

Нормативный толковый словарь 2007: Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности. Сборник статей / Под ред. Г.Н. Складерской. Санкт-Петербург, 2007.

Предисловие 1998: Предисловие // Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1 / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Москва, 1998, VII–XXIII.

Проект 2019: Словарь русского языка XXI века. Проект / Под ред. Г.Н. Складерской. Санкт-Петербург, 2019.

Рогожникова 1974а: Рогожникова Р.П. О лексикографическом описании союзов русского языка (по материалам современных словарей) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. Москва, 1974, 94–100.

Рогожникова 1974б: Рогожникова Р.П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 1974.

Рогожникова 1991: Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. Москва, 1991.

РСС: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1–4 / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Москва, 1998–2007.

Севастьянова 2007: Севастьянова Н.Д. Жаргонная лексика в «Нормативном толковом словаре живого русского языка» // Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности. Сборник статей / Под ред. Г.Н. Складерской. Санкт-Петербург, 2007, 134–151.

Складерская 1994: Складерская Г.Н. Новый академический словарь. Проспект. Санкт-Петербург, 1994.

Складерская 1995: Складерская Г.Н. Новый академический словарь: объект, типологические признаки, место в системе русской лексикографии // Очередные задачи русской академической лексикографии. Санкт-Петербург, 1995, 15–23.

Складерская 2004: Складерская Г.Н. Современный толковый словарь живого русского языка. Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. Санкт-Петербург, 2004.

Складерская 2016а: Складерская Г.Н. Заметки о словарных дефинициях (на материале «Современного толкового словаря живого русского языка») // «Современный толковый

словарь живого русского языка»: на пути к завершению. Сборник научных статей / Отв. ред. проф. Г. Н. Складерская. Санкт-Петербург, 2016, 6–41.

Складерская 2016б: Складерская Г. Н. Принципы и методы словарных унификаций в «Современном толковом словаре живого русского языка» // Язык: поиски, факты, гипотезы. Юбилейный сборник статей памяти Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон, Москва, 2016, 745–756.

Складерская и др. 2019: Складерская Г. Н., Ткачева И. О., Сергеев М. Л., Ваулина Е. Ю., Фивейская Е. А. Проект «Словаря русского языка XXI века». Образцы словарных статей // Journal of Applied Linguistics and Lexicography, 2019. 1 (1), 136–311.

СлДерж: Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку Академии наук СССР / Ред. акад. Н. С. Державин. Т. 1–14 (отдельные выпуски). Ленинград, 1932–1937.

СлШахм: Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук (Академии наук СССР) / Ред. акад. А. А. Шахматов, В. М. Истрин, Е. Ф. Карский. Т. 2–9 (отдельные выпуски). Санкт-Петербург; Петроград; Ленинград, 1897–1930.

Современный толковый словарь 2016: «Современный толковый словарь живого русского языка»: на пути к завершению. Сборник научных статей / Отв. ред. проф. Г. Н. Складерская. Санкт-Петербург, 2016.

Сорокин 1967: Сорокин Ю. С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. № 5, 22–32.

Сороколетов 1978: Сороколетов Ф. П. Традиции русской советской лексикографии // Вопросы языкознания. 1978. № 3, 26–42.

СПЦК: Складерская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. Санкт-Петербург, 2000; изд. 2-е, испр. Москва, 2008.

Стародумова 2001: Стародумова Е. А. (ред.) Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. Е. А. Стародумова. Владивосток, 2001.

Стародумова 2002: Стародумова Е. А. Частицы русского языка. Разноаспектное описание. Владивосток, 2002.

Ткачева 2007: Ткачева И. О. Типовые словарные дефиниции в «Нормативном толковом словаре живого русского языка» (на материале политической лексики) // Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности. Сборник статей / Под ред. Г. Н. Складерской. Санкт-Петербург, 2007, 152–175.

Ткачева 2016: Ткачева И. О. «Современный толковый словарь живого русского языка»: особенности лексикографического системного подхода (к вопросу о непрерывности словаря) // «Современный толковый словарь живого русского языка»: на пути к завершению. Сборник научных статей / Отв. ред. проф. Г. Н. Складерская. Санкт-Петербург, 2016, 84–119.

Ткачева 2020: Ткачева И. О. Системное описание союзов в толковом словаре: основные проблемы и пути их решения // Вопросы лексикографии. 2020. № 18, 150–166.

ТСКС: Толковый словарь ключевых слов русского языка / Под общ. рук. Г. Н. Складерской / Санкт-Петербург, 2014.

ТСРЯ: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. Москва, 2007.

ТСРЯ XX: Толковый словарь русского языка конца XX века (языковые изменения) / Под ред. Г. Н. Складерской. Санкт-Петербург, 1998.

ТСРЯ XXI: Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складерской. Москва, 2006.

ТССРЯ XX: Толковый словарь современного русского языка (языковые изменения конца XX столетия) / Под ред. Г. Н. Складневской. Москва, 2001.

Федотова 2020: Федотова А. К. Антонимия в терминологии (по материалам «Словаря русского языка XXI века» под ред. Г. Н. Складневской) // *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 2020. 2 (1), 76–84.

Фивейская 2007: Фивейская Е. А. Словообразовательные отношения в толковом словаре: проблема разработки типовых дефиниций (на материале лексики семантического поля «Музыка») // *Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности. Сборник статей* / Под ред. Г. Н. Складневской. Санкт-Петербург, 2007, 226–238.

Фивейская, Чепурных 2016: Фивейская Е. А., Чепурных Н. О. Проблемы лексикографического представления междометий как языкового класса // «Современный толковый словарь живого русского языка»: на пути к завершению. Сборник научных статей / Отв. ред. проф. Г. Н. Складневская. Санкт-Петербург, 2016, 120–138.

Филин 1963: Филин Ф. П. О новом толковом словаре русского языка // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*. 1963. Т. XXII. Вып. 3, 177–189.

Шведова 1981: Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // *Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения IX–X*. Москва, 1981, 166–179.

Шимчук, Щур 1999: Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. Frankfurt am Main [и др.], 1999.

Щур 1988: Щур М. Г. Частицы в толковых словарях русского языка // *Словарные категории. Сборник статей* / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. Москва, 1988, 83–87.

Сведения об авторах

Апресян Валентина Юрьевна

Valentina **Apresyan**

PhD Associate Professor

Dartmouth College

Hanover, USA

Valentina.apresjan@gmail.com

Баркович Александр Аркадьевич

Барковіч Аляксандр Аркадзевіч

доктар філалагічных навук

загадчык кафедры тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Мінск, Рэспубліка Беларусь

BarkovichA@bsu.by

barkovichaa@gmail.com

Варбот Жанна Жанновна

доктор филологических наук

главный научный сотрудник

заведующая Отделом этимологии и ономастики

Институт русского языка им. В. В. Виноградова

Москва, Россия

zhannavarbot@yandex.ru

Драгичевич Райна

Рајна **Драгићевић**

доктор филолошких наука,

професор Катедре за српски језик са јужнословенским језицима Филолошкиг

факултета Универзитета у Београду

Београд, Србија

rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Иванович Ненад

Ненад **Ивановић**

доктор филолошких наука

виши научни сарадник

Институт за српски језик Српске академија наука и уместности

Београд, Србија

nenad.ivanovic@isj.sanu.ac.rs

Иорданиди Софья Ивановна
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
siordanidi@yandex.ru

Козловская Людмила Аркадьевна
Казлоўская Людміла Аркадзьеўна
кандыдат філалагічных навук
дацэнт кафедры тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
Мінск, Рэспубліка Беларусь
tpzkozl@gmail.com

Крысин Леонид Петрович
доктор филологических наук
профессор
заведующий Отделом современного русского языка
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия
leonid-krysin@mail.ru

Лазич-Коник Ивана
Ивана **Лазич-Коњик**
доктор филолошких наука
научни саветник
Институт за српски језик Српске академија наука и уместности
Београд, Србија
ivana.konjik@isj.sanu.ac.rs

Мызников Сергей Алексеевич
член-корреспондент РАН
доктор филологических наук
главный научный сотрудник Центра Ареальной лингвистики
Института славяноведения РАН
Москва, Россия
заведующий Отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
myznikovs@rambler.ru

Онипенко Надежда Константиновна
кандидат филологических наук

доцент
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия
onipenko_n@mail.ru

Пердих Андрей
Andrej **Perdih**
doktor znanosti s področja jezikoslovja
znanstveni sodelavec
Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU
Ljubljana, Slovenija
andrej.perdih@zrc-sazu.si

Приёмышева Марина Николаевна
доктор филологических наук
заведующая Отделом лексикографии современного русского языка
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
mn.priemysheva@yandex.ru

Ристич Стана
Стана **Ристић**
доктор филолошких наука
научни саветник
Институт за српски језик Српске академије наука и уместности
Београд, Србија
ristic.stana@gmail.com

Ткачева Ирина Олеговна
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
irina-tkach@yandex.ru

Чернышева Маргарита Ивановна
доктор филологических наук
профессор
главный научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия
chernysheva@bk.ru

Научное издание

**Научные направления и школы
в современной славянской лексикографии**
Коллективная монография

Макет: *Д. М. Усова*

Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Печ. л. 19,18
Тираж 150 экз. Заказ №